

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

Hw RRMM I

KSF 458

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

E 493

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

VOSKHOD.

888

114

1889

JAN - FEB

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

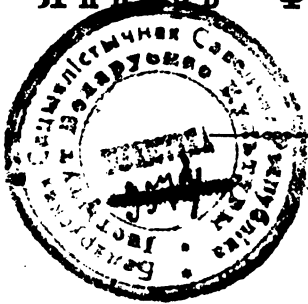

Издаваемый А. Е. Ландау.

№ 264. 2/10

Январь — Февраль.

*№ 264.
№ 250.
12.78.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литография А. Е. Ландау. Площадь Божьего Театра, 4.

1889

Δ

KSF 458 ($\frac{1889}{1-2}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 2

MSA

1889
- 1899

LIBRARY

MSA

ЕВРЕИ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

ШАУЛЬ ЮДИЧЪ ВАЛЬ ИЗЪ ВРЕСТА-ЛИТОВСКАГО, ПРЕЕМНИКЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ.

(Историческая легенда).

Pictura est laicorum scriptura.

(Средневѣковое изрѣченіе).

Die Sage geht... immer neben der Geschichte her, und wird es stets. Sie giebt, je länger, je mehr die typische Form für die Stimmungen und das Empfinden wie die Dinge auf die Volksseele reflektirt haben. Darin liegt ihre Bedeutsamkeit für das Leben wie für die Charakteristik der Völker.

(Dr. W. Schwartz. Prähistorisch-antropologische Studien. Berl., 1884, „Sage und Geschichte“).

Счастіе также не прочно, какъ царствованіе Шауля Валя.

(Еврейская поговорка).

I.

Шауль Юдичъ Валь въ легендѣ.

Значеніе сказаній и легендъ для науки.—Легендарный матеріалъ въ еврейскомъ прошломъ.—Отсутствіе сборниковъ еврейскихъ легендъ, въ особенности историческихъ.—Легенда о еврей, королѣ польскомъ въ исторической литературѣ: *I. Лелевель*. Его сообщеніе о Шаулѣ Валѣ и взглядъ его на эту легенду.—*Штернберга*. Его легенда о королѣ Абрамѣ Пороховникѣ.—*Краусгарб*. Попытка объяснить избраніе Шауля въ королѣ шуткою шляхты.—*Гольдбаум*. Неудачная реабилитация исторической личности Шауля и его царствованія.—*В. А. Мацѣевскій*. Отрицаніе какъ самаго бытія Шауля, такъ и его царствованія.—Легенда о Шаулѣ Валѣ, открытая въ оксфордскихъ рукописяхъ и напечатанная съ вариантами Г. Эдельманомъ.—Преданіе объ избраніи Шауля Валя въ королѣ по оксфордской рукописи, записанное со словъ праправнука Шауля.—Его-же сообщенія о характерѣ Шауля Валя и сватовствѣ короля Сигизмунда III на

дочери Шауля.—Сказаніе о происхожденіи Шауля Валя отъ падуанскаго раввина Самуэля Юды и объ отношеніяхъ Шауля къ Радзивилу, а равно варіантъ сказанія о выборѣ Шауля въ король, сообщаемыя г. Рубинштейномъ изъ Гродно.—Второй варіантъ избранія, сообщенный однимъ изъ потомковъ Шауля, г. Каценеленбогеномъ.—Его же сообщеніе о законахъ, изданныхъ Шаулемъ, и его характеръ.—Показанія г. А. З. М., одного изъ членовъ брестской еврейской общины, о печатахъ Шауля.—Версія сказанія о Шаулѣ раввина Гирша Семитичскаго.—Скептическія замѣчанія о легендѣ раввина Жолковского-Ханма.—Доводы въ защиту существованія Шауля, почерпнутыя изъ показаній современниковъ: Леона-да-Модены, М. Гальперина, Н. Гановера; старопечатныхъ книгъ: Энъ Якова, Пшеницомъ, респонсъ Гешибъ, Шаръ-Нефталимъ; свидѣтельство мраморной доски изъ старой брестской синагоги, разрушенной въ 1831 году.

Со времянъ Якова Гримма, легенда становится достояніемъ науки: важные результаты, добытые путемъ сравнительнаго изученія мифовъ, сказаній, легендъ, сказокъ, народныхъ повѣрій, суевѣрій и т. п., вызвали въ научной средѣ живѣйшій интересъ къ этой малоизслѣдованной отрасли человѣческаго творчества. Тысячи собирателей этихъ древнѣйшихъ произведеній человѣческаго генія обошли и объѣздили всѣ уголки европейскаго континента. Не удовлетворяясь Европой, ученые обратились къ собиранію сказокъ, легендъ, мифовъ, повѣрій дикихъ и полудикихъ народовъ Африки, Азіи, Австраліи и Америки. Дѣтскіе сказки Готтентотовъ, преданія краснокожихъ, не менѣе занимаютъ ученый міръ, чѣмъ мифологія новозеландцевъ и жителей индѣйскаго архипелага.

Въ виду такого рвенія ученыхъ, тѣмъ болѣе удивительно, что до сихъ поръ нѣтъ ни одного труда, посвященнаго, не говоримъ научной обработкѣ, но даже простому обнародованію легендъ, мифовъ, сказокъ и т. под., живущихъ въ средѣ еврейскаго міра.

Казалось бы, трудно найти болѣе благодарную почву. Обширная область притчъ, легендъ, сказаній о дѣяніяхъ и чудесахъ благочестивыхъ мужей, рассказы объ историческихъ событіяхъ и т. д., частію непосредственно еврейскаго происхожденія, частію заимствованныхъ у народовъ, среди которыхъ жили евреи, въ талмудическую только эпоху представляетъ уже цѣлый океанъ для ума пытливаго изслѣдователя; поле, совершенно не початое, такъ какъ вниманіе старыхъ и частію новыхъ еврейскихъ ученыхъ обращалось, по преимуществу, на юридическій, или, лучше, опредѣлительный матеріалъ талмуда, на такъ на-

зывается *салаху*, въ то время, какъ нравственно-религіозный элементъ талмуда, *агада*, обращающійся не къ избраннымъ, а къ массѣ, говорящій языкомъ притчъ, легендъ, параболъ,—увлекающій воображеніе цѣлѣйшими восточными образами и бьющими въ глаза красками, оставался безъ всякой научной обработки.

Во то время какъ догматическая разработка юридическихъ доктринъ талмуда восходитъ въ отдаленную древность, въ то время, какъ уже р. Мойсей бенъ Маймонъ понималъ эти доктрины какъ единое логическое цѣлое, первыя попытки талмудической хронологіи, первые шаги къ указанію историческаго процесса талмудическихъ доктринъ сдѣланы лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Неудивительно поэтому, что обработка агады не шла далѣе тѣхъ пріемовъ, которые мы видимъ въ Мидрашъ Рабби и т. п.—

Но этого мало.

Подобно тому какъ талмудъ своимъ появленіемъ не упраздняетъ дальнѣйшаго развитія *салахи*, требуя примѣненія своихъ нормъ къ разнообразнымъ условіямъ времени и мѣста, и порождаетъ, въ силу этого, необозримую литературу комментаріевъ, институцій, ручныхъ книгъ, респонсовъ, монографій по тому или иному вопросу и т. д.,—такъ точно на почвѣ талмудической *агады*, сообразно различнымъ условіямъ, среди которыхъ жили евреи, вырастаютъ самостоятельныя легенды, сказанія, повѣрія и т. п., самого разнообразнаго содержанія и характера.

Не говоря о высокомъ интересѣ, который представляетъ этого рода матеріалъ для изученія міросозерцанія еврейскихъ массъ, матеріалъ этотъ, несомнѣнно, долженъ доставить неоцѣненныя данныя для освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ прошлаго въ жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ пребывали евреи среди своего многовѣковаго скитальчества по европейскому материку. Весьма вѣроятно, что многіе изъ необъясненныхъ доселѣ историческихъ явленій, источники и причины появленія различныхъ темныхъ сказаній, повѣрій, примѣтъ и т. под., найдутъ смыслъ въ этомъ своеобразномъ и совершенно не изслѣдованномъ мірѣ еврейскихъ легендъ, повѣрій, примѣтъ и т. п.

Вѣдь послужила-же талмудическая легенда о рожденіи чловѣка мотивомъ для одного изъ прелестнѣйшихъ произведеній

Лермонтова: «По небу полунощи Ангелъ летѣлъ», какъ въ старинныя времена агадическая литература евреевъ опредѣлила комментаріи Блаженнаго Геронима.

Недавнее знакомство съ Мидрашемъ европейскихъ ученыхъ и отношеніе къ оному съ современной, научной точки зрѣнія еврейскихъ ученыхъ, дало уже не только цѣнныя указанія на различныя моменты религіозной философіи евреевъ, но помогло уяснить истинный смыслъ цѣлаго ряда доктринъ, послужившихъ, и по своему содержанію и по своимъ приемамъ, для обоснованія первыхъ теософическихъ теорій западноевропейскаго міра.

Въ настоящемъ этюдѣ мы имѣемъ въ виду повнакомить читателей только съ однимъ изъ видовъ этой легендарной литературы, а именно съ историческою легендою, сложившеюся около двухъ вѣковъ тому назадъ въ средѣ литовскихъ евреевъ. Въ виду крайней бѣдности документовъ, касающихся прошлыхъ судебъ еврейскаго народа какъ въ Европѣ вообще, такъ, въ частности, въ Литвѣ и Польшѣ, понятно само собою, какого рода интересъ должны имѣть легенды, касающіяся исторіи евреевъ и указывающія весьма опредѣленно: на извѣстныхъ историческихъ лицъ и на извѣстное, точно обозначенное, время; въ особенности же легенда, составляющая достояніе не какого либо уголка, а общее достояніе всѣхъ литовскихъ евреевъ, легенда давшая основаніе пословицамъ и т. д.

Понятно, что историческими легендами нужно пользоваться съ извѣстною осторожностію, не иначе, какъ устранивъ элементъ чудеснаго, и тогда только, когда сказаніе относится къ опредѣленному времени, событіямъ и лицамъ.

«Всякое сказаніе», говоритъ извѣстный ученый В. Шварцъ—вырастаетъ на мифической почвѣ... — Но въ то-же время оно обнимаетъ собою пребывающія народныя традиціи. Образуюсь путемъ естественнаго развитія, сага есть живой свидѣтель прошлаго, переходящій отъ одного поколѣнія къ другому». «Не только у первобытныхъ, но и у высококультурныхъ народовъ въ сагѣ открываются первыя самостоятельныя попытки художественнаго творчества, первые слѣды самостоятельнаго разрѣшенія вопросовъ міростроенія и бытія, хотя въ тѣсномъ со-

отношеніи съ религіею, но въ поэтическомъ видѣ, пластическихъ историческихъ преданій».

Изъ еврейскихъ историческихъ легендъ въ нашей литературѣ обнародована была, насколько намъ извѣстно, лишь одна легенда: «*Исторія воистинну обращеннаго*», т. е. сказаніе о нѣкоемъ графѣ Потоцкомъ, принявшемъ еврейскую вѣру и сожженнымъ за это на кострѣ въ г. Вильнѣ.

Впрочемъ и эта легенда увидѣла свѣтъ совершенно случайно, благодаря лишь тому, что извѣстный писатель Крашевскій, собирая матеріалы для «*Исторіи города Вильны*»,¹ нашелъ эту легенду у какого-то еврея, прибрѣлъ ее въ свое распоряженіе и обнародовалъ въ числѣ прочаго матеріала, украсившаго его книгу.

Съ давнихъ поръ среди литовскихъ и польскихъ евреевъ обращается легенда о еврей, избранномъ въ короли Польскіе.

Первымъ писателемъ, воспользовавшимся легендой о такомъ еврей королѣ Польскомъ, былъ извѣстный историкъ Іоакимъ Лелевель. Въ своемъ сочиненіи «*Средневѣковая Польша*»² онъ говоритъ слѣдующее: «*Повсюду твердятъ евреи, что одинъ изъ нихъ былъ въ теченіи ночи Королемъ Польскимъ. Отсюда у германскихъ евреевъ поговорка: «Das wird nicht länger dauern als Saul Wahl's Königthum».*

«Когда-то, въ давнія времена, шляхта, которая не въ состояніи была прийти къ соглашенію относительно выбора одного изъ претендентовъ на престолъ, единодушно согласилась взять временно въ короли того путника, который первымъ появится на дорогѣ. Саулъ рѣшилъ утромъ выѣхать себѣ на дорогу въ бричкѣ, и приглашенъ былъ стать временно королемъ. Отсюда и появился, воспоминаемый повсюду евреями Шоель-боель. А бабка земляка нашего, адвоката Люблинера, изъ рода этого Шауля, постоянно твердила своему внуку, что въ Семятичахъ

¹ *Исторія воистинну обращеннаго, Historia osprawedliwie nawroconem* напечатана первоначально на польскомъ языкѣ въ приложеніи къ «*Исторіи Вильны*». Оттуда переводъ на русскій языкъ сдѣланъ въ «*Еврейской Библиотекѣ*», т. III.

² «*Polaka Wieków Srednich*» т. II, 419 слѣд. вѣд. Познанское 1856 г. Къ сожалѣнію, этого изданія мы не могли добыть въ здѣшнихъ библиотекахъ, а потому приводимъ слова Лелевели изъ сочиненія Краусгара.

хранится документъ, писанный золотыми буквами и подтверждающій вѣтъ всякаго сомнѣнія царскій титулъ ихъ предка».

«Съ давняго времени существуютъ преданія о короляхъ, возведенныхъ на престолъ жребіемъ: то появленіемъ огня, то ржаніемъ лошади, то появленіемъ какого-либо инаго знаменія. Польскіе лѣтописцы также упоминаютъ объ этомъ способѣ. Можно было-бы, поэтому, думать, что Шоель-Боель, Сауль-гесударь, есть, страннымъ образомъ, отголосокъ этихъ преданій, восходящихъ въ сѣдую старину. Однако, подобное предположеніе не вѣрно, какъ объясняетъ ученый Головичъ. Вычиталь онъ въ рукописяхъ Осфордской бібліотеки и въ какихъ-то книгахъ, что нѣкогда въ Италіи, въ Падуѣ, жилъ раввинъ Самуель-Юда, сынъ котораго — Сауль, изучившій падуанскую науку, отправился въ Польшу; здѣсь, женившись въ Брестѣ Литовскомъ, онъ достигъ, благодаря необыкновенной предприимчивости, огромнаго богатства. Случилось, что какой-то изъ Радзивиловъ во время путешествія по Италіи остался вдругъ безъ денегъ въ Падуѣ. Въ своемъ затрудненіи, онъ обратился къ Самуелю-Юдѣ и тотъ охотно доставилъ князю значительную сумму денегъ. Въ благодарностъ за это одолженіе, Радзивилъ обѣщаль сдѣлать много добраго евреямъ, въ особенности же обратить вниманіе на Сауля. Возвратившись въ Польшу, Радзивилъ дѣйствительно пригласилъ къ себѣ Сауля и вступилъ съ нимъ въ постоянныя отношенія; а когда въ междуцарствіе, по смерти Сигизмунда-Августа, магнаты не могли прийти къ соглашенію на счетъ выбора короля, то, по предложенію Радзивила, выбрали любезнаго ему Сауля президентомъ избирательнаго собранія и интеррексомъ, какъ-бы временнымъ королемъ, *provisorischer König*, на одну ночь, и вручили ему коронныя акты, въ которые Сауль внесъ льготныя для евреевъ постановленія, и между прочимъ, что убійство еврея должно быть наказуемо смертію. Въ силу этого событія Сауль и его потомство получили прозвище *Wahl*, означающее выборъ, избраніе. (Очевидно для этого не годилось польское слово, такъ какъ пришлось бы употребить терминъ *элекція*). И Сауль Валь въ еврейскихъ книгахъ титулуется магнатомъ, княземъ, королемъ, законодателемъ народа».

«Англія, которая кичится тѣмъ, что служить убижищемъ для королей, лишенныхъ престола, имѣетъ въ Лондонѣ Дениса Мозеса Самуэля, есквайра, потомка Сауля Валь, и, конечно, первороднаго, потому что у него въ рукахъ и корона. Ему извѣстно, что Сауль Валь сопровождалъ въ 1587 г. Сигизмунда III въ Краковъ. Свою же магнатскую цѣпь Сауль завѣщалъ на бѣдныхъ».

«Сауль Валь былъ несомнѣнно весьма богатъ, такъ какъ выстроилъ въ Брестѣ двѣ большихъ синагоги, двѣ бани, нѣсколько помѣщеній для училищъ, бойню и сиротскій домъ. Недавно, при разрушеніи синагоги, былъ открытъ его королевскій гербъ, высѣченный на мраморѣ, съ изображеніемъ льва, возлагающаго на себя корону, рядомъ съ которымъ сидитъ орелъ. Извѣстно также, что фамилія Валь, идущая отъ Сауля, имѣла ранѣе и пользовалась въ послѣдствіи прозвищемъ Каценелленбогенъ. Кармоли также увѣряетъ, что онъ знаетъ всю генеалогію Валей и время ихъ появленія въ Польшѣ; онъ утверждаетъ также, что эта фамилія не итальянская, а нѣмецкая, вышедшая изъ Германіи, и что вся легенда о Саулѣ обязана своимъ происхожденіемъ единственно прозвищу Сауля «Wahl»; изъ легенды же произошла и нѣмецкая (еврейская) поговорка».

Вотъ это-то сообщеніе Лелевеля, довольно иронически относящееся къ вопросу о королевствѣ Сауля Валь, послужило достаточнымъ основаніемъ извѣстному компилятору Штернбергу для увеличенія своихъ произведеній¹ еще одною несообразностью.

«Въ устахъ польскаго народа», говоритъ онъ, «живетъ слѣдующее преданіе: По смерти короля Попея, престолъ Польши сдѣлался вакантнымъ. Когда же на собраніи въ Крушвицѣ избиратели не могли прійти къ соглашенію, кого выбрать въ короли, то, по предложенію одного изъ старѣйшихъ членовъ собранія, постановили признать королемъ перваго, кто на слѣдующее утро впрѣдетъ въ городъ».

¹ Sternberg, Versuch einer Geschichte der Juden in Polen. Wien, 1860, и его же Geschichte der Juden in Polen unter den Piasten und Jagiellonen, Lpz., 1878. Мы цитируемъ по второму сочиненію, стр. 4—5, такъ какъ легенда осталась неизмѣненною.

«Четыре караула были поставлены на мостахъ, для оповѣщенія о томъ, кто первый прїдетъ въ городъ».

«Случилось, что еврей Абрамъ, который доставлялъ обыкновенно въ городъ порохъ, а потому назывался «Пороховникъ», прїѣхалъ на варъ первымъ въ городъ».

«Радостно привѣтствуемый стражею, препровожденъ былъ онъ въ городъ, гдѣ ему и было предложено королевское достоинство».

«Абрамъ сталъ отказываться отъ предложенной ему короны, но, увидѣвъ, что избиратели и не думаютъ отступать отъ своего рѣшенія, попросилъ у нихъ день на размышленіе, чтобы, въ молитвѣ къ Богу, прїйти къ опредѣленному рѣшенію. Удаляясь на молитву, Абрамъ настрого приказалъ не тревожить себя».

«Прошло уже два дня и двѣ ночи, а Абрамъ все не показывается изъ хижины. Когда-же и на третье утро его все не было видно, а нетерпѣніе ожидающей толпы стало слишкомъ рѣвно сказываться, то земледѣлецъ Пясть заговорилъ слѣдующимъ образомъ».

«Братья! Это невысказуемо. Страха не можетъ быть безъ государя! Если же Абрамъ не выходитъ самъ, такъ я его выведу!—И схвативши сѣкиру, Пясть кинулся на домъ, въ которомъ затворился Абрамъ».

«Поляки, заговорилъ тогда Абрамъ, показываясь изъ дому, видите-ли вы земледѣльца Пяста? Вотъ его выберите въ короли!.. Онъ разуменъ, такъ какъ понялъ, что государство не можетъ быть безъ государя. Пясть мужествененъ потому, что для спасенія отечества не побоялся нарушить мое приказаніе. Возложите на него корону, и вы постоянно будете благодарить Бога и Абрама!»

«И Пясть выбранъ былъ въ короли».

Такова легенда Штернберга. По его увѣренію, она живетъ въ устахъ польскаго народа. Но откуда узналъ о ней Штернбергъ, гдѣ, когда и отъ кого она была записана, ничего мы отъ него не узнаемъ. Принимая же во вниманіе совершенную произвольность даже тѣхъ утвержденій Штернберга, которыя

обставлены ссылками ¹, мы въ правѣ предположить, что вся легенда есть плодъ собственной фантазіи г. Штернберга, подогрѣтой словами Лелевеля, легендою Зморскаго о томъ же предметѣ, и находками древнихъ польскихъ монетъ съ еврейскими надписями «Abrah Dux», Абрамъ князь, «Sacrificium et Abrah», Жертва и Абрамъ.

Оцѣнка этой легенды сдѣлана въ сочиненіи А. Краусгара: «Исторія евреевъ въ Польшѣ» ².

Замѣчая совершенно основательно, что «въ эпоху, къ которой относится удивительное происшествіе (т. е. избраніе Абрама) нѣмецкій монахъ еще не подарилъ воинствующаго человѣчества всѣмъ громоноснымъ изобрѣтеніемъ, а потому безкорыстный потомокъ Израиля не могъ доставлять пороха въ Крушвицу; что доводы въ пользу подлинности монетъ съ надписью «Abrah Dux» и т. п. весьма гадательны, г. Краусгаръ полагаетъ, однако, «что легенда объ Абрамѣ, не смотря на всю свою неправдоподобность, все-таки можетъ служить указаніемъ на то, что слѣды пребыванія евреевъ на славянской территоріи относятся уже ко временамъ языческой Польши».

Гораздо болѣе вниманія удѣляетъ г. Краусгаръ легендѣ о Саулѣ Валѣ, хотя и здѣсь, не имѣя достаточныхъ матеріаловъ для надлежащаго разрѣшенія вопроса, г. Краусгаръ предпочитаетъ среднюю дорогу.

Какъ мы видѣли, Лелевель смотритъ на историческую достовѣрность факта о королѣ еврей совершенно скептически: «Что касается насъ» говоритъ Краусгаръ, «то мы не рѣшаемся сомнѣваться въ существованіи Сауля Валя. Для этого на лицо ясные и не подлежащіе сомнѣнію доводы, а потомки Валя, и нынѣ существующіе въ Люблинѣ, дадутъ этимъ доводамъ еще большую вѣроятность. По нашему мнѣнію, однако, во всемъ этомъ дѣлѣ скрываетъ выходка Бабинской республики, которая во времена Сигизмунда Августа и позже играла не послѣднюю роль въ домашней жизни Рѣчи Посполитой. Несомнѣнно,

¹ См. наше изслѣдованіе «Литовскіе евреи». Спб. 1883 г., гл. I.

² А. Kraushar. «Historia Żydów w Polsce». Wrs. 1865, т. I, стр. 41. слѣд.

³ Ibidem, т. II, Wrs. 1866, стр. 279 слѣд.

что богатый и мудрый Сауль, при полномъ контрастѣ еврейскихъ обычаевъ съ обычаями высокоцерной и рыцарской шляхты старинной Польши, былъ отличною находкою для Бабинской республики¹. «Въ народныхъ преданіяхъ сохрани-

¹ Для читателей, незнакомыхъ съ Бабинской республикой, позволимъ себѣ привести слѣдующія о ней свѣдѣнія изъ сочиненія Балдинскаго и Липинскаго «Старинная Польша» (Starożytna Polska. II. стр. 1101 слѣд.). «Бабинъ, обширная деревня, состоящая изъ нѣсколькихъ частей, на дорогѣ изъ Люблина до Бѣжицъ, въ 2½ миляхъ отъ перваго и въ 4 отъ втораго города. Эта деревня знаменита въ народныхъ дѣяніяхъ, въ счастливое царствованіе Сигизмунда Августа, основаніемъ въ ней собственникомъ ея Станиславомъ Пшонкою, судьей Люблинскимъ, такъ называемой Бабинской республики. Этотъ остроумный и просвѣщенный человекъ съ своимъ пріятелемъ Петромъ Кашевскимъ, также судьей Люблинскимъ, доставилъ свою задачу исправлять нравы при помощи шутки. Такимъ образомъ въ Бабинѣ учреждено было шутиное товарищество, названное, на подобіе Речи Посполитой Польской, точно также Речью Посполитой. Каждый, кто позволялъ себѣ выходку словомъ или дѣломъ, кому пришлось о чемъ либо сдѣлать неудачное сообщеніе или выступить не кстати съ какимъ либо предложеніемъ, кто добилъ хвастнуть, и т. д., тотъ могъ быть увѣреннымъ, что получить въ Бабинской республикѣ должность, какъ разъ подѣлать своимъ талантамъ. И такъ, кто плохо говорилъ, тотъ получалъ въ Бабинѣ должность государственнаго оратора, кто слишкомъ, или не къ мѣсту, хвастался военными подвигами, тотъ становился въ Бабинѣ гетманомъ, кто охотился только языкомъ, тотъ возводился въ званіе ловчаго, кто рассуждалъ о религіи неуважительно, на пиру или въ иное неподходящее время, къ тому же рассуждалъ съ запальчивостью, того назначали въ проповѣдники или же инквизиторы, и т. д. Всего чаще остроумные основатели Бабинской республики пользовались случаями, которые имъ доставляли разныя публичныя собранія, въ родѣ сеймовъ, судебныхъ засѣданій, пиршествъ и т. д.—чтобы тотчасъ же, сообразно съ выходкою того или другаго лица, послать ему снабженный печатью патентъ на ту или другую должность. Никто, говорить Сарницкій, не умѣлъ лучше ихъ узнавать и оцѣнивать людей по ихъ рѣчамъ, поступкамъ и даже по физиономіи. Однако не каждый, напрашивавшійся на ту или иную должность въ республикѣ, получалъ оную. Не разъ, по долгу задумывались Бабинцы прежде, чѣмъ вручить извѣстному лицу ту или иную должность. Сверхъ того, явные клеветники и сплетники, по профессіи, навсегда были исключены изъ этого собранія. Вначалѣ самъ Пшонка съ Кашевскимъ и другими своими друзьями распредѣлили между собою должности, наиболѣе необходимыя для управленія республикою: Пшонка былъ Бурграфомъ, или старостой Бабинскимъ, а Кашевскій— канцлеромъ. Со временемъ, всѣ, наиболѣе извѣстные въ странѣ, дѣятели, какъ напр. Тарновскіе, Янъ Замойскій, Потоцкіе, Оссолинскіе, Мышковскіе—получили должности, а наиболѣе выдающіеся ученые того времени, какъ Николай Рей, Янъ Кохановскій, Тжецъ-

юсъ до настоящаго времени воспоминанія о вѣднномъ положеніи евреевъ въ Польшѣ. И хотя историческій критикъ относить эти воспоминанія ко временамъ преемниковъ ягеллоновой династїи, тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, факты и въ временахъ Сигизмунда - Августа дали матеріалъ для нѣкоторыхъ ярко намалеванныхъ легендъ, достойныхъ, однако, мимоулетнаго вниманія».

«Во времена Сигизмунда-Августа жилъ въ Брестѣ Литовскомъ богатый ивралытянинъ, по имени Саулъ. Уважаемый за свою ученость и щедрость въ бѣднымъ, онъ находился въ постоянныхъ отношеніяхъ съ могущественными шляхетскими домами. Случилось однажды, что въ бурномъ засѣданіи сеймующей шляхты мнѣніе Саула, приглашеннаго для разрѣшенія возникшаго спора, встрѣтило такое необыкновенное одобреніе, что между евреями стали ходить толки, будто мудрый Саулъ избранъ въ предсѣдатели сейма. Съ теченіемъ времени это избраніе стало на столько несомнѣннымъ, что теперь повсюду наши евреи утверждаютъ, будто бы одинъ изъ ихъ единовѣрцевъ былъ избранъ въ польскіе короли и въ теченіи цѣлой ночи правилъ государствомъ».

«Много-ли правды въ этомъ преданіи?» спрашиваетъ г. Краусаръ; «открыть трудно. Несомнѣненъ лишь тотъ фактъ, что легенда эта, получившая характеръ исторической вѣроятности, киветъ и понынѣ, напоминая гордость сердца единовѣрцевъ Валя. Небольшое произведеніе, изданное на англійскомъ языкѣ (sic), и еврейская брошюра, касающіяся обстоятельно этого предмета, рисуютъ живыми красками фактъ избранія Валя».

Не имѣя подъ руками ни того, ни другаго произведенія,

днй, Сеннъ, Папроцкій, приняли участіе въ управленіи Бабинской республикой. Сигизмундъ Августъ всегда съ большимъ удовольствіемъ слушалъ все, что ему сообщалось о Бабнѣ. Однажды спросилъ онъ бывшихъ при его дворѣ Бабинскихъ иновѣнговъ, между которыми былъ и самъ Пшонка: Существуетъ-ли король въ ихъ государствѣ? Отвѣчалъ ему на это хитроумный Бабинскій бургграфъ: «Боже насъ сохрани, чтобы мы, при твоей жизни, Милостивѣйшій Государь, могли помышлять о выборѣ какаго-либо инаго короля. Царствуй, Милостивый Король, и въ Польшѣ и въ Бабинскомъ государствѣ». Сигизмундъ Августъ не только не оскорбился этимъ, но самъ много смѣялся.

г. Краусгаръ приводитъ дословно сообщеніе Лелювеля, напечатанное выше.

«Что веселая и надная въ женщинѣ шляхта возводила себя въ шутку избрать Шауля президентомъ генеральнаго собранія (walnego zebrania (sic!))—вѣроятно. Большаго значенія нельзя придавать этому факту».

Нѣсколько далѣе г. Краусгаръ выражается еще рѣшительнѣе: Королевство Шауля «весьма благодарный сюжетъ для нравописательной новѣсти, но само по себѣ не заслуживаетъ упоминанія въ серьезномъ научномъ изслѣдованіи». «Намонецъ, упомянутый фактъ не представляется единичнымъ въ народныхъ преданіяхъ. Каждая провинція, чуть не каждый уголокъ бывшей Речи Посполитой обладаетъ подобными же преданіями. Начиная съ Абрама Поросковника почти непрерывною цѣнью идетъ рядъ характерныхъ разсказовъ, связующихъ исторію мелконемѣстной шляхты съ исторіею лемки евреевъ; рядъ разсказовъ, которые способны вызвать какъ улыбку на уста слушателя, такъ равно и навести его на болѣе серьезныя размышленія».

Если г. Краусгаръ, не сомнѣваясь въ существованіи личности Шауля Юдича, склоненъ видѣть въ его царствованіи лишь шутку веселой шляхты, то В. Гольдбаумъ, одинъ изъ сотрудниковъ «N. Fr. Presse», стоитъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія. Во Львовскомъ журналѣ «Израильтанинъ», въ статьѣ «Rabi Saul der König» вытается г. Гольдбаумъ освѣтить «съ исторической точки зрѣнія преданіе о личности Шауля Валя и его, хотя и однодневномъ, царствованіи»¹.

«Сравнивая различныя извѣстія, относящіяся къ этому преданію, а главнымъ образомъ воспоминанія Криштофа Миколая Радзивилла, извѣстныя подъ названіемъ «Peregrinatio hierosolimitana», г. Гольдбаумъ приходитъ къ заключенію, что въ легендарной повѣсти о Шаулѣ Валѣ имѣется надежное историческое зерно. «Если историческая критика, говоритъ авторъ, на сколько она обратила свое вниманіе на этотъ предметъ, отри-

¹ Изложеніе взглядовъ г. Гольдбаума заимствовано нами изъ *Варшавскаго* журнала «Izraelita» за 1877 г., № 44, стр. 359—60.

чала у повѣсти о королѣ Саулѣ какую бы то ни было историческую достоверность, то поступала такъ лишь потому, что ей казался какъ бы насмѣшкою надъ исторіею тотъ фактъ, что бѣдный еврейчикъ успѣлъ, хотя бы на одну ночь, замѣнить свой кафтанъ королевской порфирой. Но то, что кажется намъ теперь смѣшнымъ и неправдоподобнымъ, могло быть въ свое время и естественнымъ и возможнымъ». Затѣмъ авторъ переходитъ къ разбору частныхъ преданій, доказывая полную возможность знакомства Радзивилла, во время его пребыванія въ Падуѣ, съ отцемъ Сауля, извѣстнымъ равн Іегудою, раввиномъ Падуанскимъ, который оказалъ серьезную помощь Радзивиллу во время его затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ. Зналъ также и цѣнилъ этого раввина Іегуду канцлеръ Янъ Замойскій, который, равнымъ образомъ, долго жилъ въ Падуѣ и даже за свое сочиненіе «О римскомъ сенатѣ» избранъ былъ въ ректоры тамошняго университета (sic!).

«Сынъ этого равни Іегуды — Саулъ жилъ въ послѣдствіи въ Польшѣ и, какъ придворный еврей князя Радзивилла, унаследовалъ, съ одной стороны, расположеніе магната къ своему отцу, съ другой — особенностями своего характера и самъ приобрѣлъ вниманіе и уваженіе магнатовъ. «Кажется неправдоподобнымъ, чтобы магнаты могли допустить королевской багрянницѣ, хотя на мгновеніе, украсить еврея...» «Я, однако», говоритъ г. Гольдбаумъ, «нахожу здѣсь несомнѣнную правду: Враждебные другъ другу партіи, возбужденные и съ оружіемъ въ рукахъ, не потерпѣли бы ни на минуту на тронѣ туземца-поляка. Въ другой странѣ и въ другое время появленіе еврея на тронѣ было бы невозможнымъ, Речь же Посполитая Польская отличалась въ это время такою терпимостію, какой мы нигдѣ не встрѣчаемъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Справедливый статутъ Казимира Великаго, по которому убійство еврея впервые (sic!) наказывается смертію, находился еще въ силѣ, а дипломатическими услугами (!) евреевъ, при вступленіи на престолъ, пользовались короли: Генрихъ Валуа и Стефанъ Баторій. Одинъ изъ представителей познанской общины, по имени Симонъ Гинцбургъ, засѣдалъ въ Королевскомъ Совѣтѣ, (!) а королева Бона охотно имѣла при своемъ дворѣ мудрыхъ

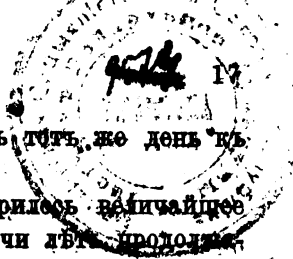
евреевъ. Легатъ папскій Коммендоні ¹ (sic), удивляясь и негодуя, описываетъ цвѣтущее положеііе польскихъ евреевъ, которые свободно занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, какъ ремесленники, превосходятъ своихъ христіанскихъ конкурентовъ (sic), какъ купцы ведутъ торговлю съ Данцигомъ и Царегородомъ (sic) и т. д. Все это необходимо имѣть въ виду, если мы желаемъ дать историческое освѣщеніе преданію объ однодневномъ царствованіи рави Сауля. Ошибаются тѣ, которые на видятъ въ этомъ преданіи ничего, кромѣ пустаго вымысла, толкуютъ фактъ избранія, какъ шутивую выходку собравшихся на элекцію партій, которые, завидѣвъ Радзивила, вышедшаго въ сопровожденіи еврея, закричали князю: «Такъ вотъ кто твой король? Подай его сюда! Да здравствуетъ Сауль, король польскій!» «Я», говоритъ Гольдбаумъ, «извѣдывая это преданіе проще и естественнѣе: Когда избирательный день приходилъ къ концу, ожесточенныя же партіи не могли добиться большинства ни въ пользу шведа, ни въ пользу австріяца, князь Радзивиль прислалъ мудраго Сауля, чтобы онъ постарался склонить къ соглашенію наиболѣе упорныхъ изъ противниковъ. И когда почтенная и спокойная фигура Сауля показалась среди разгоряченной спорами толпы, то у нея вдругъ блеснула мысль поставить во главѣ (?) фигуру Радзивилловскаго фактора, пока враждебное настроеніе стихнетъ и настоящій король будетъ избранъ. Конечно, Радзивиль и Замојскіе, весьма расположенные къ семьѣ Сауля, ничего не имѣли противъ проекта: братья Зборовскіе могли гнѣваться и возражать, — но что же они могли сдѣлать противъ большинства?»

«И такъ, Сауль изъ Бреста-Литовскаго, сынъ раввина изъ Падуи, сталъ королемъ на одну ночь, королемъ малеваннымъ, королемъ *in abstracto*, какъ выразился однажды Стефанъ Баторій на сеймѣ, о своихъ предшественникахъ (sic).

«Вечеромъ, 18 августа 1587 г. началось его царствованіе, а

¹ Свѣдѣнія, на которыя ссылается Гольдбаумъ, сообщены вовсе не кардиналомъ Коммендоні, а его секретаремъ Граціани въ написанной имъ «Жизни кардинала Коммендоні»

утромъ 19 окончилось, чтобы перейти въ тотъ же день къ шведскому принцу Сигизмунду III».

«Въ Израилѣ же тѣмъ временемъ воцарилось величайшее удивленіе и тихая радость: Подторы тысячи лѣтъ продолжались уже скитальчество и притѣсненія. Корону науки приобрѣли многіе изъ потомковъ Агасфера, теперь же, впервые и корона вѣсти почилла на главѣ одного изъ нихъ».

«Счастливые потомки равви Саула унесли на цѣлыя столѣтія живое воспоминаніе о своемъ коронованномъ предкѣ. Если это были сыновья, внуки, правнуки, то за тысячи (!) миль торопились отцы, чтобы предложить имъ въ замужество богатѣйшую въ Израилѣ дѣвицу; если то были дочери (sic) ¹ и внуки, то не было такой высокой учености, не было такой громкой славы, которая не приносилась бы къ ихъ ногамъ: Потому что не было въ Израилѣ никого болѣе достойнаго чести, какъ «родъ королевскій», и ничего святѣйшаго, какъ милость Божія, ниспешшая въ оную ночь на благословенное чело равви Саула».

«Во многихъ домахъ Англіи, Польни и Германіи сохраняется и понынѣ благоговѣйная память о королѣ равви Саулѣ. Съ сіяющимъ лицомъ указываютъ здѣсь ховяева свои родословныя таблицы, въ челѣ которыхъ сверкаютъ золотыми буквами имена Саула изъ Бреста-Литовскаго и его благословенной супруги».

Мы не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ историческихъ приемовъ г. Гольдбаума, такъ какъ обстоятельную ихъ критику читатель встрѣтитъ въ статьѣ В. А. Мацѣйовскаго; возраженіемъ же на принятую Гольдбаумомъ исходную точку зрѣнія послужить между прочимъ и наше изложеніе.

Вопросу о Шаулѣ Валѣ извѣстный ученый В. А. Мацѣйовскій посвятилъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ ² особенный экскурсъ, подъ заглавіемъ «Быль-ли еврей одинъ день королемъ польскимъ?»

¹ У Саула Валя была одна только дочь.

² W. A. Maciejowski. Żydzi w Polsce, na Rusi i Litwie.-Wrs. 1878. Экскурсъ, посвященный Шаулю Валю, помѣщенъ со стр. 138, слѣд.; см. также стр. 138—135.

Критикуя предшественниковъ, Мацѣйовскій предлагаетъ и собственное разрѣшеніе вопроса о возникновеніи легенды.

«Къ междуцарствію по смерти Стефана Ваторія», говоритъ онъ, «относится извѣстіе особеннаго характера, привлекавшее и еще понынѣ привлекающее вниманіе изслѣдователей,—извѣстіе о еврей-королѣ. Одинъ вариантъ этого извѣстія открытъ въ оксфордскихъ рукописяхъ, другой обнародованъ въ брошюрѣ Дениса Мойзеша изъ адресованныхъ къ нему писемъ различныхъ лицъ».

Указавъ, затѣмъ, на приведенное выше мнѣніе Лелевеля, г. Мацѣйовскій продолжаетъ такъ: «Начальный историкъ нашъ не отрицаетъ безусловно извѣстія о еврей-королѣ Польскомъ, хотя и склоненъ видѣть корень этой легенды скорѣе въ сообщеніяхъ лѣтописцевъ о выборахъ королей жребіемъ, чѣмъ дать вѣру объясненіямъ ученаго Іоловича».

«Кто такой былъ Іоловичъ, Лелевель не сообщаетъ. Въ этомъ не было, впрочемъ, и надобности, разъ объясненія Іоловича не имѣютъ значенія».

«Гораздо важнѣе ссылка историка на лѣтописцевъ,—но она также не уясняетъ дѣла, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые говорятъ о появленіи евреевъ въ Польшѣ, относятся лишь ко второй половинѣ XI и первой половинѣ XII вѣка (Галль и магистръ Винцентій, называемый Кадлубкомъ). Но и эти писатели ровно ничего не говорятъ о политическихъ (?) отношеніяхъ сыновъ Израиля къ польскому народу».

«Я», говоритъ далѣе г. Мацѣйовскій, «полагаю, что сказка о еврей-королѣ польскомъ сочинена на основаніи старинныхъ преданій о короляхъ, избираемыхъ изъ среды народа. Поводомъ къ воскрешенію этихъ полузабытыхъ преданій во второе междуцарствіе, по пресѣченіи династіи Ягеллоновъ, былъ шуточный рассказъ о выборѣ на престолъ (мужика) Вадуръ»...

«Малозвѣстный польскимъ библиографамъ Петръ Барыка, по образцу рассказа, бродившаго по Европѣ, о крестьянинѣ, котораго шутники успѣваютъ увѣрить, что онъ императоръ, написалъ такую же шутку о польскомъ солтысѣ (Бадурѣ)».

«Въ подражаніе вотъ этой-то шуткѣ и сочинена сказка о

еврей король, царствовавшемъ, якобы, послѣ Стефана Баторія одинъ день въ Польшѣ».

«Хотя эта сказка и не появилась на сценѣ (подобно сказкѣ о Бадурѣ), тѣмъ не менѣе она сдѣлалась предметомъ то глубокихъ, то болѣе поверхностныхъ изслѣдованій».

«Съ одной стороны, прилагаемы были усилія открыть источники этого удивительнаго извѣстія, съ другой—пытались, если не доказать его реальность, то, по крайности, сдѣлать правдоподобнымъ».

«Можно предположить, что Іоакимъ Лелевель пытался найти для этой сказки источникъ по просьбѣ своего пріятеля Люблинера. Но тщетно! Потрудившись изрядно, совнался, наконецъ, Лелевель, что все написанное о еврей король польскомъ не имѣетъ никакой научной основы».

«Не взирая на такой рѣшительный приговоръ знаменитаго историка, одинъ изъ современныхъ писателей (Краусгаръ) утверждаетъ, что въ существованіи королевской личности Сауля Валя не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ въ томъ убѣждаютъ факты и наличность потомковъ Валя, проживающихъ и нынѣ въ Люблинѣ»...

«По моему мнѣнію», говоритъ г. Мацѣйовскій, «сочинителей басни о еврей король польскомъ ввели въ заблужденіе слѣдующія обстоятельства:

«Лелевель сообщилъ, что нѣкто, Іоловичъ, прочелъ въ оксфордскихъ рукописяхъ о томъ, какъ Сауль изъ Бреста Литовскаго, прибывъ мальчикомъ изъ Падуи въ Польшу, сдѣлался въ ней извѣстнымъ человѣкомъ; какъ, по смерти Сигизмунда Августа, онъ былъ сдѣланъ, по предложенію Радзивилла, президентомъ и интеррексомъ Речи Посполитой Польской, какъ, отправляя эту должность и располагая коронными актами, включилъ въ нихъ льготныя постановленія для евреевъ, напр., что за убійство еврея назначается смертная казнь, и т. д.»

«Изъ всего должно было слѣдовать, что Сауль и его потомки получили прозвище Валь (нѣмецкое слово «выборъ, избраніе»), отсюда Сауль получилъ титулы: магната, князя, короля, законодателя.—Когда то-же самое напечаталъ изъ рукописей Дениса Мойзеша г. Эдельманнъ, съ прибавленіемъ, что

Сауль, и по отказѣ отъ короны, продолжалъ вліять на судьбы государства, что, дружный съ Яномъ Замоискимъ, канцлеромъ короннымъ, вмѣстѣ съ нимъ возводилъ на престолъ Сигизмунда III, въ Краковѣ, и отъ того же короля (яко бы за оказанныя услуги) получилъ въ даръ вологую цѣпь, — то на эти свѣдѣнія англизированнаго Иаранля, или Дениса Мойзеца, его собственные единоплеменники изъ различныхъ городовъ Польши представили цѣлый рядъ возраженій: Въ обращенныхъ къ нему письмахъ они заявили, что повѣрять легендѣ только тогда, когда будетъ указано, на какихъ *pacta conventa* присягалъ Сауль? Какимъ путемъ его отецъ вошелъ въ дружественныя отношенія къ Радзивиламъ? Кому изъ нихъ, Черному или Сироткѣ, давалъ онъ въ займы деньги, и когда имѣлъ мѣсто этотъ заемъ, до поселенія Валея въ Каценеленбогенѣ или же послѣ?

«Хотя Лелевель и не видѣлъ брошюры Эдельманна и не зналъ вопросовъ, предложенныхъ въ ней Денису Мойзешу, тѣмъ не менѣе, когда къ нему дошли извѣстія о пребываніи Саула то въ Италіи, то въ Германіи, то въ Польшѣ, а равно и свѣдѣнія о дружественныхъ отношеніяхъ Саула то къ Замоискимъ, то къ Радзивиломъ, то къ Сигизмунду III, — Лелевель, не имѣя возможности открыть, что во всемъ этомъ было истиннаго, задумался: Что же сказать на счетъ удивительной басни о Валяхъ и ихъ переселеніи изъ Италіи въ Германію или Польшу».

«Въ помощь Лелевелю, для уясненія всѣхъ этихъ противорѣчій, пришелъ брюссельскій раввинъ Кармоли и увѣрилъ Лелевеля, что знаетъ всю генеалогію Валея и время прибытія брестскаго Валя въ Польшу не изъ Италіи, а изъ Германіи — что видно ужъ изъ самаго прозвища Валь».

«Разсмотрѣвъ внимательно повѣсть о Саулѣ Валѣ въ изложеніи Кармоли, Лелевель нашелъ, что противъ извѣстія объ отношеніяхъ Саула къ Радзивиламъ можно привести не одно возраженіе, а именно: Если онъ обязанъ былъ Радзивиламъ своимъ, хотя и кратковременнымъ, царствованіемъ, то, спрашивается, какимъ же образомъ онъ могъ поддерживать, въ противность ихъ желаніямъ и желаніямъ Зборовскихъ, кандидатуру не эрцгерцога Максимилиана австрійскаго, а Сигизмунда III, шведа. Для чего, далѣе, было издавать новый законъ

о наказаніи за убійство еврея и вносить оный въ коронныя акты, когда этотъ законъ находится въ дополненіяхъ Казимира Великаго (XIV в.) и Казимира Ягеллона (XV в.) къ статуту Болеслава Калишскаго?»

«Когда Лелевель разсмотрѣлъ все это, то заявилъ: Повторяю то, что написано, но вижу, что поводомъ для появленія этой басни послужило прозвище Валь».

«Не смотря на такое рѣшительное заявленіе Лелевеля, что все когда-либо писаное о еврей королѣ польскомъ, должно быть признано за выдумку, ученые израильтяне пробовали, тѣмъ не менѣе, и теперь еще пробуютъ, нельзя-ли эту сказку привести въ какое-либо соотнесеніе съ историческою правдою».

«Самъ Лелевель, впрочемъ, далъ къ этому поводъ: Говоря о короляхъ, избираемыхъ жребіемъ, онъ припомнилъ, что и польскіе лѣтописцы упоминаютъ о такихъ случаяхъ».

«Отсюда явилось стремленіе еврейскихъ литераторовъ открыть источникъ преданія о еврей королѣ польскомъ однодневномъ, одноночнымъ».

«Этой дорогой идутъ гг. Краусгаръ и Гельдбаумъ» (см. выше). «Приводимыя Краусгаромъ основанія для возникновенія легенды не только не разрѣшаютъ вопроса, но сверхъ того еще, по нашему мнѣнію, унижаютъ высокое представленіе о знаменитомъ мужѣ: Богатый и мудрый Саулъ, говоритъ г. Краусгаръ, при полномъ контрастѣ еврейскихъ обычаевъ съ обычаями горделивой и рыцарской шехты польской, былъ отличной находкой для Бабинской республики»; т. е., если Саулъ и царствовалъ, то никакъ не въ цѣлой Польшѣ, а только въ небольшомъ ея уголкѣ, въ Бабинѣ».

«Противъ этого мнѣнія позволю себѣ привести слѣдующія возраженія: Бабинское государство, будучи республикой, обходилось безъ короля, хотя и не прочь было признать подъ собою власть такого монарха, который [какъ говорится въ шуткѣ Пшонки, основателя Бабинскаго государства], ставъ во главѣ хитроумнаго союза, сумѣлъ бы быть королемъ какъ козловъ (протестантовъ), такъ и барановъ (католиковъ), хотя и ручныхъ, но всегда готовыхъ, на разныя дерскія выходки».

«Всѣмъ извѣстно, что такими королями умѣли быть всѣ по-

томки Ягеллы по мужской линіи, а изъ королей избранниковъ одинъ только Стефанъ Баторій». «Дудичъ, посолъ императора германскаго въ Польшѣ, современникъ Сигизмунда Августа и Пшонки, говорить, что польская шляхта, горделивая своими вольностями, о которыхъ готова ежеминутно заявлять съ высокомеріемъ и заносчивостію своему королю — дрожала тѣмъ не менѣе, какъ слабая женщина, передъ королемъ, который умѣлъ обратиться къ ней съ грознымъ словомъ. Но развѣ для членовъ Бабинскаго государства могъ быть такимъ королемъ Брестскій раввинъ? Ни въ какомъ случаѣ! Въ такомъ королѣ имъ не было надобности, да и Саулъ не согласился бы забавлять веселое общество, какъ забавляли его комическія жидки, выступавшіе на сценѣ въ интермедіяхъ. При жизни Саула Бабинцы не спустились еще до пошлости, и вкусъ ихъ не былъ испорченъ на пустякахъ, какъ случилось въ XVII в.»

«Стараясь во чтобы то ни стало снести царствованіе Саула Валя и сдѣлать хотя правдоподобнымъ, что «бѣдный еврейчикъ» (какъ выразился Гольдбаумъ) сумѣлъ возложить на себя королевскую порфиру, хотя на одинъ день, г. Гольдбаумъ направился по пути, указанному брошюрою Эдельманна, намекающею на путешествіе къ святымъ мѣстамъ Радзивила Сиротки. — Но и этотъ пріемъ не далъ ничего, такъ какъ все, начиная отъ путешествія къ святымъ мѣстамъ и кончая ректорствомъ падуанскаго университета и братаньемъ Саула съ Яномъ Замоискимъ, отдавало и отдастъ сказкой. — Но въ цѣломъ научнаго изслѣдованія Гольдбаума слѣдуетъ считать слѣдующее мѣсто: «Когда день для избранія неваго польскаго короля миинулъ, и князь Радзивилъ послалъ своего мудраго фактора Саула, чтобы онъ постарался своими рѣчами привести къ согласію противниковъ, тогда блеснула мысль послать на время во главѣ фигуру Радзивилловскаго фактора, чтобы срасти успокоились и настоящій король былъ избранъ».

«Въ виду сообщеній г. Гольдбаума о таинствѣ предметахъ, которые никому неизвѣстны, возникаютъ вопросы: откуда отправился Сиротка въ путешествіе ко святымъ мѣстамъ? Сѣлъ онъ на корабль въ Венеціи въ 1592 г. и, спустя два года, высадившись тамъ же на сушу, возвратился прямо на родину, вовсе

не путешествуя по Италиі. Но если-бы даже предположить, что путешествовалъ и, въ силу неизвѣстныхъ обстоятельствъ, дѣйствительно нуждался въ деньгахъ, то и тогда не могъ бы занимать ихъ у надуанскаго раввина Соломона Юды, такъ какъ онъ былъ уже раввиномъ въ Германіи».

«Какимъ ректоромъ былъ Замойскій? Былъ онъ старшимъ студентомъ университета, по старому обычаю итальянскихъ университетовъ, и ничего болѣе». «Допустивши даже, что Саулъ Валъ былъ факторомъ Радзивилловъ и Яна Замойскаго, и что оба эти паны, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, были къ нему благо-склонны, все-таки отсюда далеко до того, чтобы они вдумали проводить его въ король: или, предположивъ даже это, невозможно допустить, чтобы шляхта захотѣла и могла дать согласіе на признаніе своимъ монархомъ еврея. Утверждать подобныя факты можетъ лишь тотъ, кто не знаетъ, чѣмъ были тогдашніе Замойскіе, чѣмъ польская шляхта, чѣмъ Радзивиллы. Кто не знаетъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, тотъ пусть познакомится съ ними, и убѣдится, что никогда и рѣчи не могло быть о царствованіи въ Польшѣ еврея хотя бы и на одно мновеніе».

Таково мнѣніе Мацѣйовскаго.

Изъ всего приведеннаго видно, однако, что никто, изъ писавшихъ, не исключая и самаго Мацѣйовскаго, не былъ достаточно знакомъ съ подлинникомъ легенды о Саулѣ Валѣ, а равно и съ тѣми мелкими, но характерными подробностями, которые сообщены въ брошюрѣ «Величіе Сауля и племени Давидова».

Между тѣмъ для оцѣнки легенды это безусловно необходимо.

Равнымъ образомъ, никому изъ лицъ, писавшихъ о Саулѣ Валѣ, не приходило на мысль справиться съ актовыми книгами Брестскихъ судовъ и метрикою Литовскою за конецъ XVI, и начало XVII в.

Поэтому защитники и противники историческаго значенія легенды о Саулѣ Валѣ одинаково лишены почвы.

Между тѣмъ легенда эта стала такъ популярна между евреями, что сложилась даже поговорка: «Счастіе такъ не прочно, какъ царствованіе Шауля Валя». При своей популярности легенда вышла изъ тѣснаго еврейскаго круга, но утилизировать

ее надлежащимъ образомъ ученые не успѣли, главнымъ образомъ, въ виду того, что не располагали ни достаточнымъ количествомъ вариантовъ легенды, ни фактическими свѣдѣніями о личности Шауля Валя, ни о той средѣ, въ которой протекла его жизнь.

Поэтому-то даже тѣ изслѣдователи, которымъ эта легенда была довольно близко знакома, какъ напр. г. А. Краусгаръ, относятся къ сказанію о Шаулѣ Валѣ индифферентно и даже нѣсколько свысока: «Этотъ предметъ—читаемъ мы въ «Исторіи евреевъ въ Польшѣ»—весьма пригодный для правоописательнаго разсказа, не заслуживаль-бы упоминанія въ серьезной исторіи, но мы посвятили ему нѣсколько словъ для пополненія очерка Сигизмундовской эпохи, занимающей такое важное мѣсто въ исторіи польскихъ евреевъ»¹.

Гиршъ Эдельманъ, заинтересовавшись легендою о Шаулѣ Валѣ, обратился къ различнымъ лицамъ съ просьбою о сообщеніи вариантовъ легенды, преданій о личности Валя, свѣдѣній о принадлежавшихъ ему предметахъ и т. п.; однимъ словомъ всего того, что могло послужить дополненіемъ и разъясненіемъ къ рукописному сказанію о Шаулѣ Валѣ, открытомъ въ рукописяхъ Оксфордской библіотеки.

На просьбу г. Эдельмана откликнулись различные лица; сообщены были варианты сказанія, доставлены различные воспоминанія о Шаулѣ, сохранившіяся у его потомковъ, приведены соображенія противъ самаго существованія Шауля, а съ другой стороны сообщены данныя въ пользу существованія этого легендарнаго лица.

Такимъ образомъ получился весьма любопытный и разнообразный матеріалъ, который и былъ изданъ въ свѣтъ на еврейскомъ языкѣ съ двумя заглавіями: по еврейски и по англійски: «*Величіе Сауля и потомства Давидова*», біографія знаменитаго Шауля Валя и т. д. Собралъ и издалъ Гиршъ Эдельманъ. Лондонъ, 1854².

¹ *A. Kraushar. Historija Zydwów w Polsce, t. II, str. 285.*

² *The greatness of Saul and progeny of Dawid, being a biography of the eminent Saul Wahl etc. Compiled and edited by Hirsx Edelmann, London, 1854.*

Получивъ возможность, благодаря любезности др. А. Я. Гаркави, познакомиться съ брошюрою г. Эдельмана и располагая официальными документами XVI-го вѣка, касающимися личности Шауля Валя и его отношеній къ королямъ: Стефану Баторію и Сигизмунду III, а равно документами, характеризующими положеніе евреевъ въ Литвѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. и отношенія ихъ къ различнымъ классамъ литовскаго государства, мы попытаемся, опираясь на переводъ А. Я. Гаркави и на отдѣльные наши документы, возстановить историческую фивіономию Шауля Валя и открыть тѣ основы легенды, въ которыхъ, въ легендарной формѣ, въ образахъ и лицахъ, выразились реальныя отношенія государственной власти и общественныкъ классовъ къ евреямъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

Находящаяся въ Оксфордѣ рукопись принадлежитъ перу праправнука Шауля Валя, а приложенная къ ней генеалогія Валея прерывается на 1714 г.

Авторъ сообщаетъ, что отецъ его, проживая въ Фюрстѣ и приготовившись писать завѣщаніе, вызвалъ къ себѣ автора для того, чтобы онъ узналъ «что случилось съ нашимъ дѣдушкою, Шаулемъ Валею, послѣ того, какъ его сдѣлали королемъ».

Сдѣлаемъ же Шауль королемъ Польскимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: «Когда умеръ Стефанъ Баторій, то польскіе паны собрались, въ назначенный для того день, для избранія новаго короля. При выборахъ же короля практиковался обычай, въ силу котораго король долженъ былъ быть выбраннымъ непременно въ назначенный для того день. Когда же послѣ первыхъ предложеній выяснилось, что достигнуть соглашенія трудно, а день сталъ склоняться, безъ всякихъ результатовъ, къ концу, то паны пришли къ мысли выбрать въ король на одну ночь, до слѣдующаго утра, Шауля Валя для того, чтобы былъ исполненъ законъ».

«Въ эту ночь избиратели согласились считать Шауля, какъ бы королемъ».

«А такъ какъ новому королю вручались книги (государственнаго архива Польши?) для того, чтобы онъ вписалъ туда

новые законы, то обычаи эгого были соблюдать и относительно Шауля Валя, который и вписалъ въ эти книги весьма льготныя для евреевъ законоположенія, такъ напр.: Убийца еврея наказывался за это преступленіе точно такъ, какъ бы за убійство дворянина, и т. п.». .

О характерѣ Шауля Валя и его отношеніяхъ въ окружающимъ оxfordская рукопись сообщаетъ слѣдующее:

«Шауль былъ великимъ человекомъ и имѣлъ красавицу дочь Ганеле, извѣстную умницу.»

И вотъ, когда она стала невѣстою, ей предложили въ женихи сына извѣстнаго раввина.

Когда же эгого раввинъ съ сыномъ прибыли въ Брестъ и остановились у одного изъ старѣйшинъ, то Шауль Валь, который былъ очень гордъ, считая себя великимъ, отвѣтилъ на предложеніе жениха, что дочь его обладаетъ такими достоинствами, что ей нужно гераздо лучшаго жениха.

Этимъ высокомернымъ отказомъ Шауль не только нанесъ оскорбленіе раввину, но возбудилъ противъ себя ропотъ и всей общины, которая постаралась загладить эгого поступокъ Шауля тѣмъ, что другой великій членъ этой же общины отдалъ пріѣхавшему жениху свою дочь въ замужество.

Благодаря этому событію, Шауль нажилъ себѣ много враговъ, которые искали только случая, чтобы ему отомстить.

Поэтому, когда умерла у короля Сигизмунда (III) первая его жена, то недоброжелатели Шауля отправились къ магнатамъ и, расхваливая дочь Шауля, говорили имъ: «Почему бы ей не быть королевой, вѣдь отецъ же ея былъ временно королемъ!» И просили враги Шауля магнатовъ, чтобы тѣ точно также расхвалили дочь Шауля передъ королемъ.

Опасаясь, однако, чтобы Шауль Валь, узнавъ объ этомъ проектѣ, не помѣшалъ бы его осуществленію, враги Шауля посоветовали магнатамъ прислать за дочерью Шауля безъ предъувѣдомленія.»

«И дѣйствительно, уже король отдалъ распоряженіе войнамъ отправиться въ Брестъ и привести къ нему дочь Шауля, — но Богъ восхотѣлъ иначе: одинъ изъ друзей Шауля предъувѣдомилъ его о намѣреніи короля.»

«Быль то въ г. Престѣ раввиномъ Залеманъ Шоръ, и было ему 70 лѣтъ.»

«Шауль Валъ отправился къ нему и устроилъ женитьбу его на своей дочери.»

«Мой отецъ», продолжаетъ авторъ оксфордской рукописи, очень много слышалъ о томъ, какая умница была Ганеле, такъ какъ его мать была дочерью Залемана Шора». —

Приведенный рассказъ, какъ ближайшій по времени къ герою легенды и сообщенный однимъ изъ его потомковъ, не смотря на довольно яркій легендарный характеръ, все-таки носитъ на себѣ слѣды живой исторической дѣйствительности, элементъ чудеснаго намѣченъ лишь слегка, а подробности легендарнаго характера еще слишкомъ слабы.

Гораздо рѣзче преданіе становится легендою, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ устахъ эмигранта, для котораго сказаніе о родной старинѣ отбывается совершенно не подходящими условіями американской жизни, т. напр. Шауль изъ короля превращается въ президента.

Рубинштейнъ изъ г. Гродно, проживавшій въ Новомъ Орлеанѣ, сообщилъ, въ отвѣтъ на желаніе издателя оксфордской рукописи, тотъ текстъ легенды, который, вѣроятно, составляетъ наиболее распространенную версию о королѣ Шауль Валѣ.

По словамъ г. Рубинштейна, въ бытность свою еще въ Гродно, ему удалось прочесть въ бумагахъ своего шурина Ираиы Найдселя исторію Шаули Вала, которую онъ и передаетъ по воспоминанію:

«Старый Радзивиль, въ завѣдываніи котораго находились важныя государственныя дѣла, бывъ съ молоду очень дурнымъ человѣкомъ: проливалъ невинную кровь, выдумывалъ на евреевъ разные небывлицы и многихъ изъ нихъ заточилъ въ тюрьму.»

«Когда же пришла старость, то Радзивиль вдумалъ показаться, и съ этою цѣлью отправился къ Папѣ.»

«Папа сказалъ ему: «Грѣхи твои весьма велики, но они простятся тебѣ, если ты въ теченіи трехъ лѣтъ будешь странствовать по свѣту въ видѣ нищаго, питаясь только хлѣбомъ и водою».

«Радзивиль принялъ на себя эту вѣстимю.»

«Учредивъ опеку надъ своими имѣніями и роздавъ свои богатія швѣтя, отправился онъ въ нищенскомъ рубищѣ по свѣту, спрятавъ, однако, на груди свой гербъ.»

«Переходя изъ города въ городъ, пришелъ онъ наконецъ въ Падую.»

«Здѣсь у него вышли послѣднія деньги.»

«Безъ денегъ, безъ знакомыхъ, въ жалкомъ рубищѣ, крикъ онъ отдохнуть противъ дома Самуеля Юды, раввина въ Падубѣ. Въ это мгновеніе вѣтеръ распахнулъ одежду Радзивила и раввинъ, сидѣвшій у окошка, замѣтилъ, какъ подъ рубищами заблестѣлъ гербъ.»

«Тотчасъ-же раввинъ послалъ слугу просить Радзивила къ себѣ и встрѣтилъ его съ почтениемъ.»

«На разпросы раввина, кто онъ и откуда родомъ, Радзивиль отвѣчалъ, что онъ простой крестьянинъ. Но такъ какъ раввинъ очень просилъ его открыть истину и даже сталъ грозить, что принудитъ его открыть свое званіе, то Радзивиль признался, что онъ князь Радзивиль, что ему пора домой, но что для этого онъ не имѣетъ денегъ.»

«Равнинъ, принявъ на себя обязанность доставить князю денегъ, снабдить его прислугою, лошадьми и т. д., предложилъ ему отдохнуть нѣсколько въ своемъ домѣ.»

«Князь оставался нѣсколько дней въ домѣ раввина, забавляясь съ его домашними.»

«Однажды вниманіе князя привлекъ къ себѣ портретъ весьма красиваго молодаго человѣка, висѣвшій на стѣнѣ.»

«Онъ спросилъ, чей этотъ портретъ, и живъ-ли нарисованный на немъ молодой человѣкъ или нѣтъ.»

«Равнинъ отвѣчалъ, что это портретъ его сына, но онъ не можетъ сказать, живъ-ли сынъ или умеръ, такъ какъ давно уже отправился въ Польшу въ великія раввиническія академіи (ешиботы) учиться, хотя онъ самъ очень ученъ.»

«По этому», сказалъ равнинъ, «прошу тебя, князь, отыщи моего сына и сдѣлай тѣмъ мнѣ благо.»

«Радзивиль обѣщалъ приложить всѣ свои старанія.»

«Равнинъ далъ Радзивилу золота, серебра, прислугу и ло-

шадей и т. д. И онъ поѣхалъ въ Польшу, а портретъ молодого человѣка взялъ съ собою.»

«Пріѣхавъ въ Польшу, Радзивиль разослалъ по всѣмъ городамъ приказаніе, чтобы всѣ мѣстные раввины со своими учениками выходили къ нему на встрѣчу при его проѣздѣ.»

«Услышавъ объ этомъ распоряженіи и зная Радзивила съ худой стороны, евреи испугались и, для отвращенія бѣдствія, назначили постъ.»

«Въ каждомъ городѣ Радзивиль внимательно присматривался ко встрѣчавшимъ его молодымъ евреямъ, сличая ихъ фязіономіи съ портретомъ, который не выпускалъ изъ рукъ.»

«Пріѣхавъ въ Брестъ (литовскій), Радзивиль тотчасъ же узналъ въ толпѣ раввинскихъ учениковъ отыскиваемую имъ личность.»

«Онъ назначилъ раввину опредѣленный часъ, въ который и приказалъ ему явиться съ этимъ молодымъ человѣкомъ.»

«Когда же они явились въ назначенное время и слуги доложили Радзивилу, что они стоятъ на дворѣ, то Радзивиль тотчасъ приказалъ позвать ихъ въ свой кабинетъ.»

«На расспросы Радзивила о томъ, кто онъ такой, молодой человѣкъ не хотѣлъ открыть своего настоящаго имени.»

«Раввинъ же аттестовалъ его, какъ большаго ученаго и таумудиста, и выразилъ увѣренность, что черезъ 2, 3 года этотъ молодой человѣкъ сдѣлается извѣстностію.»

«Тогда Радзивиль показалъ Шаулю его портретъ и сказалъ: Сознайся, твой отецъ—Самуель-Юда, раввинъ въ Падуѣ!»

«Молодой человѣкъ сознался.»

«Тогда Радзивиль приказалъ отвести ему особый домъ, велѣлъ раввину посылать ему каширную пищу, навѣстилъ о находкѣ Шауля его отца и мать, заявивъ въ то же время имъ, что желаетъ дать Шаулю жену изъ хорошаго семейства.»

«Шауль между тѣмъ росъ. И когда ему исполнилось 18 лѣтъ, то приглянулась ему Дебора, дочь Давида, который былъ парнесомъ въ г. Брестъ.»

«Друкеръ согласился выдать свою дочь за Шауля Валя.»

«Свадьба была отпразднована на счетъ Радзивила, который

приглашиа на пиръ княжество Польскихъ и Литовскихъ магнатовъ, а равно и евреевъ.»

«На торжество это прибылъ и отецъ Шауля со своимъ семействомъ.»

«Разговаривая съ женихомъ объ ученыхъ предметахъ, магнаты должны были невольно сознаться, что онъ превосходить своими познаніями самихъ ученыхъ изъ нихъ.»

«Пять лѣтъ затѣмъ провелъ Шауль въ домѣ Радзивила.»

«Черезъ нѣсколько времени умеръ польскій король.»

«Магнаты стали собираться въ Варшаву. Двинулся и Радзивиль, взявъ съ собою Шауля; такъ какъ безъ него ничего не дѣлалъ.»

«У поляковъ существовалъ законъ, въ силу котораго на время междуцарствія избираемъ былъ президентъ; этотъ президентъ долженъ былъ ѣхать съ избранными королямъ въ Краковъ.»

«Паны желали выбрать президентомъ Радзивила, но такъ какъ онъ былъ старъ, то побоялся принять на себя это достоинство, а обратился къ панамъ съ такою рѣчью: «Послушайте меня, панове, и Богъ будетъ съ вами. Я вамъ посоветую кому вѣрить президентство: это человекъ очень ученый и набожный, и удачливый. Одно только,—онъ молодъ, но этотъ недостатокъ, надѣюсь, не помѣшаетъ его выбору. Если вы согласны выбрать моего кандидата, то я вамъ скажу кто онъ».

«Такъ какъ Радзивиль пользовался большимъ вліяніемъ, то паны обѣщали выбрать предложеннаго имъ кандидата и дали на то присягу.»

«Тогда Радзивиль сказалъ: «Самъ Богъ назначилъ президентомъ Шауля, еврея!»

«Такъ какъ паны не могли отказать отъ данной ими присяги, то и воскликнули: «Vivat! избранный президентъ Шауль Валь!»

«Когда же Радзивиль увидѣлъ, что его совѣтъ принять, то, по соглашенію съ приверженцами своей партіи, назначилъ другое время для избранія короли; на что согласились и всѣ паны.»

«Такимъ образомъ Шауль сдѣлался interrex'омъ, и издалъ

хорошіе законы, чтобы евреевъ не обижали. Позволилъ выстроить въ Брестѣ синагогу выше другихъ домовъ. Точно также выстроилъ хорошую больницу для христіанъ и евреевъ; опредѣлилъ, чтобы евреевъ не требовали въ судъ въ ихъ правдивныя дни, и т. д.»

«Нѣсколько мѣсяцевъ Шауль былъ президентомъ, но видя, что эта должность отвлекаетъ его отъ ученыхъ занятій и дѣлъ благочестія, собралъ пановъ и ходатайствовалъ объ освобожденіи себя отъ должности президента, въ особенности-же потому, что ему часто приходится, не взирая на субботу, заниматься государственными дѣлами.»

«Тогда королемъ былъ избранъ Сигизмундъ III.»

«Но такъ какъ президентъ долженъ былъ возложить корону на вновь избраннаго короля, то Шауль долженъ былъ ѣхать въ Краковъ, что онъ и сдѣлалъ.»

«И былъ Шауль великъ у магнатовъ и совѣтовались съ нимъ по государственнымъ дѣламъ.»—

Къ этому весьма обстоятельному разсказу мы прибавимъ нѣкоторыя подробности изъ сообщенія г. Каценеленбогена, одного изъ потомковъ Шауля Валя, который объясняетъ свою генеалогію такъ: «Мы по отцу происходимъ отъ Іомъ Това, а по матери отъ Деборы, дочери раввина Абрамки, сына Шауля, которая была невѣсткою Лицмана Геллера».

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя незначительныя прибавленія къ исторіи встрѣчи Радзивила съ Самуелемъ Юдою въ Падуѣ, мы приведемъ нѣкоторыя новыя данныя объ отношеніяхъ Шауля къ Сигизмунду III.

«Кандидатами на престолъ (послѣ смерти Стефана Батерія) были: одинъ изъ австрійскаго дома, а другой — Сигизмундъ, сынъ Іоанна, шведскаго короля.»

«Между тѣмъ какъ происходила выборная агитація, власть находилась въ рукахъ Шауля, который старался въ интересахъ Сигизмунда».

«Когда же Сигизмундъ побѣдилъ, то Шауль постарался о примиреніи бывшихъ соперниковъ. Поэтому Сигизмундъ пожаловалъ ему большую золотую цѣпь; съ гербомъ, которую

имѣютъ право носить только лица, принадлежація къ королевскому дому».

«Царствованіе Шауля въ Польшѣ было весьма кратковременно, отсюда и пословица: *Такъ коротко, какъ царствованіе Шауля Валя!*»

«Шауль выхлопоталъ для евреевъ, чтобы синагоги могли быть выстраиваемы выше прочихъ домовъ,—между тѣмъ, какъ ранѣе синагоги отличались отъ другихъ домовъ лишь тѣмъ, что имѣли на крышѣ символы Пятикнижія».

«Самъ Шауль далъ много денегъ для постройки въ Брестѣ синагоги и въ особенности женской синагоги».

«Выхлопоталъ онъ также для евреевъ право занятія ремеслами, потому что когда евреи прибыли въ эту страну (Литву, Польшу?) то они должны были только торговать; на еврея, занимавшагося ремеслами смотрѣли (кто?), какъ на клятвеннопретупника (sic).»

«Въ виду этого, Шауль установилъ, чтобы евреи были, какъ все другіе (sic). Постарался онъ также о законѣ, по которому еврей могли брать въ аренду города и фольварки на многіе годы. Опредѣлилъ, чтобы великіе раввины вмѣстѣ со старшинами общинъ могли назначать наказанія подчиненнымъ имъ евреямъ, а еврей получили право не судиться (по дѣламъ съ евреями?) передъ христіанскимъ судомъ».

«Все это было великимъ благодѣяніемъ не только для Бреста, но и для всей страны, пока не погубило въ бурю 1648 г.»

«Шауль давалъ деньги на постройку не только синагогъ, но и на устройство больницъ, въ особенности въ Люблинѣ, а также и въ другихъ городахъ, гдѣ существовали синагоги».

«Умирая, Шауль приказалъ продать свою золотую цѣпь съ гербомъ и вырученную сумму раздать бѣднымъ. Родственникамъ-же запретилъ пріобрѣтеніе этой цѣпи, потому что это могло-бы повести къ гордости».

«Самъ-же Шауль былъ человѣкомъ смиреннѣйшимъ и благочестивѣйшимъ, и въ завѣщаніи своемъ онъ проситъ своихъ наслѣдниковъ, чтобы они были смиреннаго нрава».

Отъ дѣдушки своего авторъ этого сообщенія слышалъ, что ему удалось видѣть привилегіи, выданныя Шаулю на недвижи-

мыя имущества. «Въ этихъ привилегіяхъ сказано, что остальные права, касающіяся евреевъ, выражены еще яснѣе въ актахъ, которые подписаны Шаулемъ Валемъ, Радзивиломъ и Яномъ Замоискимъ, канцлеромъ». —

По словамъ одного изъ почетныхъ членовъ брестской еврейской общины, обозначеннаго въ изданіи Г. Эдельманна инициалами А. З. М., онъ слышалъ «что Шауль употреблялъ по своимъ собственнымъ дѣламъ печать съ изображеніемъ льва, держащаго въ лапѣ двѣ скрижали съ надписью латинскими буквами на одной отъ I до V, а на другой — отъ VI до X. Эта печать сохранилась въ потомствѣ Шауля.»

«Въ государственныхъ же дѣлахъ Шауль употреблялъ другую печать, съ изображеніемъ льва, вѣнчающаго короною одноглаваго орла, обращеннаго въ правую отъ льва сторону. Внизу печати была какая-то итальянская надпись.» —

Таковы свѣдѣнія о личности Шауля Валя, сообщаемыя народнымъ голосомъ, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ завѣтъ предковъ, какъ живое, не подлежащее сомнѣнію, свидѣтельство о золотыхъ временахъ еврейскаго благополучія подъ сѣнію Речи Посполитой.

И не одинъ еврейскій ребенокъ, засыпая подъ эту чудную повѣсть, видитъ себя королемъ польскимъ, а потерпѣвшій крушеніе престола утѣшаетъ себя тѣмъ, что «счастіе также непрочно, какъ царствованіе Шауля Валя!»

Европейское просвѣщеніе, однако, не даромъ коснулось евреевъ. Наивная вѣра въ непогрѣшимость преданія не могла не поколебаться въ виду большаго знакомства съ прошлымъ: такъ напр., раввинъ Семятичскій (Гродн. губ.) Гиршъ, въ томъ же изданіи Эдельмана, думаетъ, что избраніе Шауля Валя въ короли польскіе произошло не въ силу любви къ Валю Радзивила или польской шляхты, а также и не для выгодъ евреевъ, а шляхта выбрала Шауля Валя въ короли для шутки:

«Видя, что шляхта не можетъ прійти къ соглашенію на счетъ выбора короля, Радзивиль предложилъ собранію: «Пусть еврей Шауль будетъ нашимъ королемъ, потому что изъ насъ видно никому не добиться избранія».

«Мысль эта понравилась собранію и шляхта воскликнула: «Пусть будетъ Шауль королемъ!»

«Шауль хорошо понималъ, что это не надолго, но молчалъ до утра; а утромъ надѣлъ корону на топа пана, который первымъ прицѣлъ его поздравить».

«Когда-же Радзивиль сталъ упрекать Валя, зачѣмъ онъ надѣлъ корону не на него, то Шауль отвѣчалъ, что сдѣлалъ это для собственной пользы Радзивила, такъ какъ иначе его стали бы подозрѣвать въ предварительномъ уговорѣ съ Шаулемъ о передачѣ короны».—

Въ этой версіи мы видимъ попытку спасти легенду различнаго рода смягченіями, обращеніемъ всего избранія въ простую, легкомысленную шутку шляхты надъ королевскимъ достоинствомъ, хотя авторъ этого мнѣнія все таки признаетъ, что избранный въ шутку король имѣлъ право вѣнчать короною, избрать короля уже настоящаго.—Первоначальная основа легенды остается нетронутою:

Гораздо далѣе идетъ въ своемъ скептицизмѣ Жолковскій равнинъ Хаимъ. Какъ человекъ съ довольно хорошимъ общимъ образованіемъ и значительнымъ знакомствомъ съ исторіею Польши, онъ относится отрицательно не только къ основѣ легенды, къ избранію въ короли Шауля Валя, спрашивая, отчего же объ этомъ королѣ молчатъ лѣтописцы, отчего нѣтъ «*роста conventa*», на которыхъ присягали Шауль, но и къ слѣдствіямъ, вытекающимъ изъ легенды, т. е. къ законодательной дѣятельности Шауля. «Сказано», такъ выражается онъ, «что Шауль издалъ законъ, по которому христіанинъ, убившій еврея не могъ откупиться деньгами, а долженъ былъ подвергнуться тому-же наказанію, какъ и за убійство шляхтича, т. е. смертной казни. Но вѣдь извѣстно, что передъ самымъ паденіемъ польской государственной власти, шляхтичъ, убившій христіанина или же еврея, безразлично, могъ откупаться деньгами: Янъ Замойскій доставилъ Сигизмунду III корону; однако, когда этотъ знатный человекъ сталъ настаивать, чтобы Зборовскій, убившій своего товарища, былъ подвергнутъ смертной казни, то это причинило большую вражду».

«Рукопись, изъ которой издатель напечаталъ извлеченіе,

говорить о томъ, что когда умерла королева, то завистники Шауля Валя уговорили короля взять въ супружество дочь Шауля. Но противъ этого нужно замѣтить, что хотя Валь жилъ во времена Сигизмунда III, когда положеніе евреевъ было весьма благопріятное, тѣмъ не менѣ нельзя допустить и мысли о возможности подобнаго брака» и т. д.

Въ своемъ скептицизмѣ Жолковскій раввинъ доходитъ до сомнѣнія и въ самомъ существованіи Шауля Валя.

Въ возраженіе скептикамъ, издатель приводитъ частію извѣстія о Валѣ изъ старинныхъ сочиненій, частію же показанія современниковъ, опирающіяся на вещественные памятники.

Приведемъ тѣ и другія доказательства.

«Леонъ-де-Модена, оплакивая отца Шауля, говоритъ, что онъ оставилъ, по слухамъ, весьма знаменитаго сына.»

«Раввинъ Моисей Гальперинъ выражается такъ: «Кто не видѣлъ Шауля Валя съ его сыномъ, зятьями и внуками, и всѣмъ его потомствомъ, тотъ не видѣлъ Торы и величія, и почестей, и богатства, и близости къ властямъ!»

«Этотъ Шауль, купивъ большой дворъ въ г. Брестѣ, выстроилъ госпиталь и частную синагогу, оставивъ на содержаніе оныхъ 20.000 (злотыхъ? копъ?); а равно—для помощи бѣднымъ многія тысячи.»

Въ своей автобіографіи (Мегиласъ Эйхо) извѣстный раввинъ Натанъ Гановерь воспоминаетъ подъ 1642 годомъ о Шаулѣ Валѣ такъ: «Внукъ мой... женился на дочери раввина изъ Хельма, сына раввина Мейера изъ Бреста, внука знаменитаго Саула Валя.»

Такимъ образомъ по отзывамъ современниковъ Шауля, или же людей близкихъ къ началу XVII в., видно, что Шауль дѣйствительно существовалъ, дѣйствительно былъ знаменитъ, хотя, повидимому, и не тѣмъ, что былъ одну ночь, или даже нѣсколько мѣсяцевъ королемъ польскимъ.

Вотъ еще нѣсколько свидѣтельствъ изъ старопечатныхъ книгъ.

«У Энгъ-Якоба, напечат. въ Амстердамѣ въ 1684 г., говорится, что раввинъ Френкель былъ зятемъ Мейера, сына извѣстнаго богача, славнаго Шауля Валя.»

«Въ Пишеноимъ, напечатанномъ въ 1750 г., въ предисловіи говорится: «Мой дѣдъ Моисей, раввинъ Луцкій, былъ зятемъ раввина Мейера Валя изъ Бреста Литовскаго, сына известнаго Шауля Валя».

«Въ респонсахъ Гешибъ, равви Елѣзера, появившихся въ Нейсвидѣ, въ 1749 г., въ предисловіи, оконченномъ въ 1726 г., говорится: «Мой дѣдъ, известный раввинъ Залеманъ Ровирда, который занималъ должность раввина въ Иерусалимѣ, былъ зятемъ Бенуша Липчича, бывшаго раввиномъ въ Брестѣ и женатомъ на дочери Шауля Валя».

«Въ соч. Шаръ Нафталимъ, издан. во Франкфуртѣ на Одерѣ въ 1797 году внукомъ автора, находится его генеалогія, вплоть до раввина Соломона Юды изъ Падуи. Здѣсь Шауль Валь названъ «Воеводою Израиля».—

Что касается показаній, опирающихся на вещественныя памятники, то кромѣ приведенныхъ выше свидѣтельствъ о печатяхъ Шауля, тотъ же Брестскій старожилъ А. З. М. сообщаетъ, что «когда, при сносѣ стараго города¹, разрушена была синагога, то въ ней нашли (задѣланную въ стѣнѣ?) мраморную доску со слѣдующею надписью: «Власть имущій Шауль, сынъ

¹ Старый городъ Брестъ Литовскій, по древнерусски Берестье, известный уже съ XII ст., былъ расположенъ на двухъ островахъ, образуемыхъ рѣками Зл. Бугомъ и Мухавцемъ, гдѣ нынче находится крѣпость. На мѣстѣ же нынѣшняго города, или Кобринскаго форштата, находилось пустое мѣсто, такъ называемое „болонье“, на которое жители выносили свои пожитки во время пожаровъ.

Еврейская синагога, состоявшая изъ двухъ обширныхъ зданій, похожихъ наружностью на замки и высотой равнявшаяся сосѣднимъ костеламъ, находилась въ ю.-в. углу острова, лежавшаго выше по теченію Буга, подлѣ самаго рынка. При постройкѣ нынѣшней крѣпости, начатой въ 1831 г., городъ перенесенъ на материкъ, а каменныя зданія: церкви, монастыри, костелы, кирхи, а также и еврейская синагога, выстроенная въ концѣ XVI в. (о ней уже говоритъ Старовольскій, какъ о старомъ зданіи частью обращени для различныхъ цѣлей, частью же, какъ мѣшавшія возведенію укрѣпленій, сломаны. Въ числѣ такихъ находится и знаменитая еврейская синагога. Въ 1568 же году еще небыло каменной синагоги, какъ то видно изъ напечатаннаго нами документа. Ср. документы и регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ, т. II, подлѣ 1569 г., также наше изслѣдованіе „Литовскіе евреи“ С.-П., В 1883 г.).

Соломона Юды изъ Падуи, соорудилъ женскую синагогу въ память Деборы, дочери... укера». Остальныя слова уничтожились при разрушеніи стѣны».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя въ брошюрѣ Г. Эдельмана, о существованіи Шауля Валя.

Но кто же былъ этотъ «Воевода Израиля», знаменитый, сильный, «власть имущій», близкій къ королямъ, и даже самъ возведенный легендою на королевскій престолъ, Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста?

Отвѣтить на этотъ вопросъ постараемся мы на основаніи довольно полныхъ и не подлежащихъ никакому сомнѣнію официальныхъ документовъ, частью уже напечатанныхъ, частью же хранящихся въ рукописи: въ Метрикѣ Литовской (нынѣ въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи) и въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ.

С. Бершадскій.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛИОТЕКА

О-ва

„ИВРІЯ“

Могилевъ губ.

ДУМА.

I.

Года летать, летать... Не въ срокъ еще не въ пору!
Мнѣ подъ вѣрой сидѣть, напрасно глядя въ тору,
И, вспоминая дни минувшихъ быль,
Въ безсильи грызть свой старческій костыль.
Тоскливой старости далеко жертвѣній холодъ:
Такъ мало прожито... Я живъ еще, я молодъ,—
Такъ отчего-жъ душа моя порой
Полна такой глубокою тоской?..

II.

Больною узницей, оковамъ обреченной,
Въ темницѣ сумрачной, рожденное дитя!
Тебѣ-ль мечтать о пажити зеленой,
О свѣтломъ ручейкѣ, о роцѣ благовоной—
Въ сіяніи безоблачнаго дня?
Рожденіе твое неволя сторожила;
У колыбели ждалъ скорбей готовый грузъ,
И доля матери навѣки закрѣпила
Души твоей съ тюрмой мучительный союзъ...

О, братья по судьбѣ, въ ряду тысячелѣтій,
 Зачатые въ сворбахъ, "рожденныя" во мглѣ,
 Нирода-узлика самучеинны дѣти,
 Какъ горекъ и тяжелъ "удѣлъ" нашъ на землѣ!

III.

Не какъ другіе живая мы начинаемъ:
 Гдѣ дѣтство наше?—свѣтлыя тѣ дни,
 Что для другихъ цвѣтуть волшебными расамъ
 Въ сіяньи золотомъ и въ радужной тѣни...

Какія пѣсни въ часъ вечерній пѣли,
 Легча дѣтскій слухъ, у нашей колыбели?
 Чѣмъ въ хилую старости нашъ влѣсть помилуешь,
 Чтобъ на минувшее съ улыбкою взглянуть?...

IV.

Легенды вѣщія бессмертнаго Писанья,
 Талмуда стараго глубокія сказанья,—

Прекрасны, ярки, горячи
 Въ сокровищницахъ ихъ горящіе лучи.
 Но слишкомъ рано свѣтъ великихъ откровеній
 Вливается въ пугливый дѣтскій умъ,—
 И гонитъ изъ души заря недѣтскихъ думъ
 Невинныхъ дѣтскихъ грезъ чарующія тѣни.

V.

Лѣтами юности, душою старина—
 Мечту залетную насмѣшкой злой мы гонимъ,

И острый адъ томашей насъ тоски
 Пугливо, какъ пате постыдное, хоронимъ.
 Блочною познанья дверь надеждныхъ тайнъ ствершь,
 И сердце выстудивъ сомнѣннѣмъ железнымъ,
 Безумнѣмъ зовемъ невольный ны порывъ,
 Надежду свѣтлую—броженнѣмъ безплоднымъ.
 И нѣтъ тебя у насъ, прекрасное дѣла
 Фантази живои!—И нѣтъ ни на мгновеннѣ
 Ни сладкаго средъ мукъ житейскихъ забытья,
 Ни благодатнаго отъ горькихъ думъ забвенья...

VI.

И какъ же я смѣлюсь со всей тоской своей
 Предъ бездною печалей и скорбей
 Народа моего, когда мечтой игривой
 Я силюсь разогнать удушливую тьму,
 И миръ водшебныхъ грезъ ему
 Творю въ созвучьяхъ пѣсенъ прикотливой!

VII.

„—Уйди!—онъ говоритъ—для сердца моего
 Дороже нѣтъ его печали.
 Я слишкомъ много жилъ, чтобъ сны меня плѣняли.
 Ты мнѣ мечты принесъ? И раньше твоего,
 И не по твоему „мечтать“ меня учили...
 Учили!.. Помнишь?.. Нѣтъ, я слишкомъ старъ и золь,
 Чтобъ слушать пѣсенки... Когда пѣвца глаголь
 Святныя небеса въ уста твои вложили,

Ты мнѣ такую пѣсню спой,
 Чтобъ въ ней почувствовалъ я горькій жребій мой,
 Увидѣлъ всю мою мучительную долю,
 Чтобъ досыта съумѣлъ упиться я тоской,
 Чтобъ могъ заплакаться я вволю!“...

VIII.

И вотъ—одинъ, одинъ въ углу моемъ глухомъ
 Сажу я въ поздній часъ полуночи глубокой,
 И подъ унылой вѣй мятелины далекой
 Рыдаю надъ моимъ отравленнымъ стихомъ.
 Не спѣть, увы! Не спѣть мнѣ пѣсни той великой,
 Не прогремѣть струйъ моей глухой.
 Надъ злобною толпой, безумною и дикой
 Глаголомъ кары роковой.
 Нѣтъ, гордая мечта меня не обольщаетъ.
 Затворицей ростилъ я пѣснь мою,—
 И лишь, когда рыданья накипаютъ,
 Чтобъ не заплакать—я нею...

С. Фругъ.

О ЧЕРТѢ ОСѢДЛОСТИ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Извѣстная въ нашихъ законахъ *черта постоянной осѣдлости евреевъ*, сосредоточивающая въ сѣверо- и юго-западныхъ частяхъ Россіи большую часть ихъ населенія въ ней, появилась, впервые, подъ своимъ названіемъ въ Положеніи о евреяхъ 1835 года.

Но на самомъ дѣлѣ, не нося еще своего названія, установленіе это, создавшее у насъ, изъ слезанныхъ частей государства, родъ обширнаго, для евреевъ, средневѣковаго «гетто», возымѣло свое начало еще въ царствованіе Екатерины II.

Личныя предначертанія императрицы, со времени измѣненія ею знаменитымъ своимъ указомъ 1767 года политическихъ взглядовъ предшествующихъ императрицъ на начала вѣротерпимости и допущенія съ 1769 года вновь евреевъ въ предѣлы русскаго государства, — какъ убѣждаютъ въ томъ основанныя на документахъ историческія данныя¹, не давали, собственно говоря, ни какого повода къ локализациі еврейскаго населенія въ какой либо части государства.

При принятіи евреевъ, въ 1772 году, въ числѣ жителей Бѣло руссін, въ русское подданство, было торжественно заявлено и особой прокламаціи (плакатѣ) отъ имени императрицы, что евреи вступаютъ въ это подданство на одинаковыхъ правахъ съ прочими жителями и что права эти даруются имъ на всемъ пространствѣ Имперіи². Эта воля государыни была выражена въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ ея указовъ и повелѣній, касавшихся евреевъ.

¹ Торговныя и другія права евреевъ въ Россіи, Н. Д. Градовскаго, изд. 1886 г. стр. 58—64.

² П. С. З. т. XIX, № 13850.

Изъ ея наказа, даннаго первымъ правителямъ Бѣлорусскаго края, видно, что провозглашенныя ею начала равенства въ правахъ, «безъ различія закона (еврей) и народа», признавались ею такими, которыя, по ея собственному выраженію; *суть коренныя, основанныя на правилахъ православія, политики и здраваго разсудка*¹.

Приведенное выраженіе: «безъ различія закона и народа», т. е. евреи и происхожденія, встрѣчалось во всѣхъ повелѣніяхъ государя, относившихся и къ правамъ евреевъ, почти въ продолженіи всего ея царствованія.

Не взирая, однако, на совершенно ясный смыслъ этихъ верховныхъ распоряженій нашей великой императрицы, евреи были прикрѣплены къ своимъ мѣстамъ постоянной освѣдлости, почти вслѣдъ за дарованіемъ имъ правъ русскаго гражданства, равныхъ съ прочими жителями.

Это было дѣломъ тогдашнихъ правителей Бѣлорусскаго края и сената, который, какъ извѣстно, нользовался, въ то время, широкими полномочіями по управленію дѣлами государства.

Въ то время, какъ еще дѣйствовали первоначальныя екатерининскія постановленія о евреяхъ, принятыхъ въ русское подданство, они, путемъ *административныхъ* распоряженій, не стали уже допускаться къ жительству, торговлѣ и промысламъ, внѣ мѣстъ, въ которыхъ ихъ застало русское владѣчество.

Такимъ образомъ, постоянное сосредоточеніе евреевъ въ западныхъ частяхъ Имперіи осуществлено, сперва, такъ сказать, фактически, *въ порядкѣ управленія*, безъ всякаго прямого или косвеннаго о томъ *законодательнаго* акта. Начало этому положено двумя указами сената, состоявшимися по текущимъ дѣламъ управленія и воспріявшими свою силу въ общемъ порядкѣ сенатскихъ постановленій. Первымъ изъ нихъ, появившемся въ 1776 году, т. е. черезъ четыре года по присоединеніи Бѣлоруссіи, было постановлено къ руководству мѣстныхъ властей, согласно съ ихъ собственными о томъ представленіями, что право свободного избранія мѣста жительства и рода занятій повсемѣстно въ Имперіи, можетъ принадлежать, изъ евреевъ, только *принявшимъ*

¹ П. С. З., т. XIX № 18807.

христианство, чѣмъ давался властямъ прямой законный поводъ не допускать къ поддѣланію такимъ же правомъ всѣхъ прочихъ евреевъ, т. е. пребывавшихъ въ своей вѣрѣ.

Другимъ указомъ сената, воспомоществовавшимъ 7 мая 1786 г. т. е. десять лѣтъ спустя, подъ заглавіемъ «объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности», было, между прочимъ, отказано евреямъ въ просьбѣ «о свободной запискѣ въ купечество и мѣщанство въ другихъ городахъ, *кроме Бѣлорусскихъ губерній*, чѣмъ вполнѣ подтверждалось принятое уже въ административной области правило о недопущеніи евреевъ къ подсемейному жительству въ Имперіи.

Этотъ послѣдній указъ состоялся по всаподаннѣйшимъ прошеніямъ нѣкоторыхъ евреевъ объ ихъ огражденіи отъ притѣвленій со стороны мѣстныхъ властей. При передачѣ этихъ прошеній на разсмотрѣніе и постановленіе сената, императрица, къ его руководству, «примѣтитъ указала, что когда означенныя еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ Ея Величества, въ *состояніе равное съ другими*, то и надлежитъ, при всякомъ случаѣ, наблюдать правило Ея Величествомъ установленное, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, *безъ различія закона и народа*».

Изъ этого, между прочимъ, видно, въ какой степени несоответствовало личной волѣ императрицы, какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ, установленное сенатомъ, въ порядкѣ управленія, упомянутое выше правило, клонившееся къ локализациі евреевъ въ Россіи. Тѣмъ же менѣе, правило это осталось въ силѣ, по необжалованію сенатскихъ постановленій, въ концѣ оно заключалось².

Но за снѣмъ, въ самомъ уже концѣ царствованія Еватерини II, локализациа евреевъ въ западномъ краѣ получило и законодательную санкцію.

Это совершилось не задолго до кончины императрицы, при обстоятельствахъ, которыя въ связи съ предшествовавшими, наводятъ полнѣйшее сомнѣніе, чтобы эта мѣра могла вытекать изъ

¹ 1-е П. С. З., т. XX, № 14522.

² 1-е П. С. З., т. XXII № 16391.

собственной мысли государыни, строго ею обсужденной, съ законодательной стороны.

Сказанная санкція наложена двумя именными указами. Одинъ появился 28 декабря 1791 г., за четыре года, другой 28 июня 1794 г., менѣе чѣмъ за два года до кончины Екатерины, т. е. въ то время, когда геній императрицы, по преклонности ея лѣтъ, не могъ, естественно, проявляться съ тою энергіею, которою отличалась прежде ея царственная дѣятельность, во всемъ, что касалось примѣненія ею своихъ личныхъ политическихъ взглядовъ и принциповъ, между прочимъ, и въ отношеніи ея подданныхъ еврейскаго исповѣданія.

Первый изъ вышесказанныхъ указовъ былъ поднесенъ къ ея подписи, съ наименованіемъ его указомъ «о предоставленіи евреямъ правъ гражданства въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической губерніи». Императрица была, слѣдовательно, вправѣ предполагать, что содержаніе его ограничивается этимъ предметомъ, и могла подписать указъ въ убѣжденіи, что онъ касается только евреевъ, высланныхъ изъ дѣйствовавшей въ Турціи арміи, т. е. тѣхъ, которымъ императрица еще въ 1769 году, за три года до присоединенія Бѣлоруссіи, дозволила селиться въ Новороссійскомъ краѣ, не предоставивъ еще имъ тогда правъ русскаго гражданства¹. Въ то время, какъ извѣстно, бремя государственнаго управленія уже тяготило преклонныхъ лѣтъ императрицу. Она легко могла не обратить вниманія на полное содержаніе указа, довѣряя въ этомъ отношеніи лицамъ, къ ней приближеннымъ. Поэтому указъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поднесенъ къ подписи государыни, могъ имѣть для нея тотъ смыслъ, что на сказанныхъ евреяхъ распространяется та-же милость, какая передъ этимъ была уже дарована евреямъ въ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, оказалось, что указъ включаетъ еще нѣчто совершенно иное, прямо новороссійскихъ евреевъ не касавшееся, а именно, повелѣніе, отнимавшее у бѣлорусскихъ евреевъ то, что имъ въ моментъ воссоединенія Бѣлоруссіи, было уже, однажды, торжественно даровано и что, судя по названію указа, должно было теперь быть распространено и

¹ П. П. С. З. т. XVIII № 13383.

на другихъ евреевъ, а именно: полныя, на всемъ пространствѣ Имперіи, права русскаго гражданства, наравнѣ съ прочими подданными свободныхъ состояній. Въ этомъ, не соответствовавшемъ наименованію указа, ограничительномъ повелѣніи, объяснялось между прочимъ, по поводу возбужденнаго главнокомандовавшимъ въ Москвѣ княземъ Прозоровскимъ вопроса о правѣ записки бѣлорусскихъ евреевъ въ смоленское и московское купечество, что евреи эти, по законамъ и указамъ императрицы, «не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутренніе Россійскіе города и порты, а только... дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи». Закономъ и указомъ, на которые была сдѣлана здѣсь общая ссылка, безъ ихъ точнаго указанія, не существовало въ дѣйствительности; но тѣмъ не менѣе, съ момента появленія указа, заключавшаго такое повелѣніе, бѣлорусскіе евреи прямо, а прочіе косвенно, лишались, уже въ силу самого закона, главнаго изъ правъ гражданства— права повсемѣстнаго жительства въ Россіи ¹.

Другой указъ былъ поднесенъ къ подписи Екатерины подъ наименованіемъ «о сборѣ съ евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество, установленныхъ податей *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій». Такъ какъ это было менѣе, чѣмъ за два года до кончины императрицы, то она еще довѣрчивѣе могла отнестись къ содержанію указа и его подписать, не читая, въ убѣжденіи, что ея подписывается повелѣніе только о двойной подати. Между тѣмъ, кромѣ возложенія на евреевъ этой непомерной тягости, въ указъ было включено и перечисленіе въ западномъ край тѣхъ смежныхъ между собою губерній, коими, какъ-бы предварительно, ограничено императрицею право евреевъ по отправленію «мѣщанскихъ и купеческихъ промысловъ», съ запискою по городамъ «въ мѣщанство и купечество».

Съ того времени можно считать и установленіе у насъ *черты постоянной осыдлости евреевъ*, которая могла и тогда уже быть обозначена на каждой географической картѣ, посредствомъ проведенія линіи по границамъ вышесказанныхъ смежныхъ между

¹ 1-е П. С. З. т. XXIII № 17006.

собою губерній, отдѣлявшимъ ихъ отъ прочихъ частей государства.

Изъ однихъ этихъ фактовъ достаточно уже усматривается, что евреи и самую верховною властію фиксированы, сначала, въ мѣстахъ ихъ осѣлости, не путемъ отдѣльнаго изданнаго, по этому предмету, прямого *органическаго закона*, но мѣрою чисто-распорядительнаго свойства, принятою въ порядкѣ верховнаго управленія по текущимъ дѣламъ государства. Несомнѣнно, что эта мѣра, какъ появившаяся въ двухъ именныхъ указахъ, приобрѣтала значеніе узаконенной; но несомнѣнно также и то, что узаконеніе ея произошло въ такое время и при такихъ условіяхъ, которыя даютъ справедливый поводъ къ заключенію, что императрица, налагая свою санкцію на распоряженія, содержащіяся въ тѣхъ указахъ, не отдавала себѣ вполнѣ яснаго отчета о присутствіи въ числѣ ихъ такого, которое, въ явное противорѣчіе цѣлому ряду прежнихъ ея указовъ и повелѣній, относительно евреевъ лишило ихъ права повсемѣстнаго жительства, торговли и промысловъ въ Россіи и создавало въ ней областное для нихъ, средневѣковое «гетто», тяжелыми цѣпями приковавшее ихъ, какъ-бы навсегда, въ мѣстамъ, на которыхъ ихъ застигло русское владычество и которыя, нужно замѣтить, и при владычествѣ польскомъ, не считались ихъ исключительной родиной.

Какъ-бы то ни было, но съ того времени въ русскомъ царствѣ появилась цѣлая сплошная область, исключительно отведенная для жительства евреевъ, весьма сходственно съ тѣмъ, какъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, въ царствѣ египетскомъ, была отведена имъ земля гессемская, съ тою только разницею, что изъ Библии усматривается, что земля эта была предоставлена въ ихъ исключительное обладаніе и не видно, чтобы при ихъ водвореніи на ней и послѣ того, она была населена какими-либо другими жителями.

У насъ-же евреи закрѣплены въ мѣстностяхъ обитаемыхъ, которыя, и во времена Екатерины II, принадлежали къ числу наиболѣе населенныхъ. Ближайшимъ и немедленнымъ послѣдствіемъ этого было образованіе у насъ двухъ, какъ-бы совершенно различныхъ русскихъ народонаселеній: одно, которое было обречено на постоянное сожительство съ евреями, а другое, которое отъ

такого сожительства было вовсе освобождено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ понятіи, такъ и на самомъ дѣлѣ, произошло и весьма своеобразное раздвоеніе нашей *единой и нераздѣльной Руси* на двѣ различныя, въ этнографическомъ, торговомъ, промышленномъ и административномъ отношеніяхъ, части: *на Русь съ евреями и Русь безъ евреевъ*.

Отдавали-ли себѣ тогдашнія государственныя власти ясный отчетъ о такомъ неизбѣжномъ, при локализациі евреевъ, и, въ то же время, столь несоответственномъ съ коренными политическими понятіями о нашей Руси, дѣленіи ея, или нѣтъ, — трудно себѣ объяснить. Но во всякомъ случаѣ можно, кажется, безошибочно сказать, что въ основаніи сказанной иѣры менѣе всего лежали какія бы то ни были соображенія здравой политики о правильнѣйшемъ, по возможности, распредѣленіи народонаселенія по государству и практическихъ выгодахъ для его общихъ интересовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Едва ли не единственною, въ этомъ случаѣ, побудительною причиною была цѣль чисто *религіозная* — огражденія святой Руси отъ постоянного обращенія съ людьми еврейскаго вѣроисповѣданія, которымъ незадолго, передъ тѣмъ, въ двухъ именныхъ указахъ императрицы Елисаветы Петровны, было публично присвоено названіе враговъ Христа¹ и каковыми евреи являлись, вообще, въ господствовавшихъ тогда понятіяхъ о нихъ.

Но опять-таки остается непонятнымъ, почему при такомъ религіозномъ созерцаніи о царствѣ русскомъ, сѣверо и юго-восточныя его части, гдѣ обитали чуждыя славянамъ племена, такія какъ Чудь, Вѣсь, Меря, Мурома, Мордва, Пермь и т. н., гдѣ и теперь еще народонаселеніе испещрено смѣсью самыхъ разнообразныхъ племенъ, могли являться въ представленіяхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей болѣе достойными названія святой Руси, чѣмъ сѣверо и юго-западныя ея земли, гдѣ всегда обитали славяно-русскія племена, гдѣ Русь возымѣла свое начало и гдѣ колыбель, и нашего Православія, и всѣхъ преданій нашей завѣтной старины?

Есть лица, оправдывающія такой несообразный взглядъ чув-

¹ 1-е П. С. З. т. XI, №№ 8673 и 8840.

ствомъ праявиннагося тогда перемѣненія въ странамъ, утра-
тившимъ, будто, свой славяно-русскій характеръ, или, выражаясь
богѣе вульгарнымъ языкомъ, ополячившимся, вслѣдствіе своего
продолжительнаго нахожденія подъ владычествомъ Польши. На
это можно замѣтить, однако, что справедливость этихъ чувствъ
не находило оправданія и въ то даже время, ни въ исторіи,
ни въ политикѣ нашей, такъ какъ извѣстно, что всѣмъ об-
ластямъ, отходящимъ отъ Польши и сливавшимся вновь въ
одно цѣлое съ Русью, присваивалось публично, во всѣхъ го-
сударственныхъ актахъ, значеніе такихъ, которые не покорялись
силою оружія, но только *соседейлись* съ нею, какъ земли род-
ныя, завѣтныя. Но если допустить, что въ дѣлѣ сосредоточенія
тамъ евреевъ преобладающимъ двигателемъ было сказанное чув-
ство, то нужно согласиться и съ тѣмъ, что этотъ образъ дѣй-
ствія былъ плодомъ безотчетнаго побужденія, а не сознательной
мысли, зрѣло и всесторонне обсужденной съ *національно-полити-
ческой* точки зрѣнія. Безотчетность этого побужденія дѣлается
нагляднѣе, если принять въ соображенія, что и лицамъ, имъ ру-
ководствовавшимся, не могло, конечно, быть желательнымъ, что-
бы ополячившіяся земли оставались въ этомъ состояніи, какъ
можно долѣе. Между тѣмъ, легко было понять и имъ, что со-
средоточеніе всей, только что вышедшей изъ подъ польскаго вла-
дичества, массы еврейскаго населенія исключительно въ тѣхъ
мѣстахъ, не представляло собою удобнаго средства къ достиженію
противоположной цѣли—скорѣйшаго обновленія земель древней
нашей Руси *элементомъ русскимъ*. Какъ бы въ извиненіе этого,
нѣкоторые указываютъ на то, что въ моментъ присоединенія
польскихъ провинцій съ еврейскимъ въ нихъ населеніемъ, истинно
русскіе люди были озабочены огражденіемъ отъ евреевъ не столько
тѣхъ частей государства, которыя, по причинамъ историческимъ,
съ ними уже освоились, сколько тѣхъ, которыя не приходили еще
съ ними въ сопрیکосновеніе. Но мысль эта, нужно опять замѣ-
тить, противорѣчила, однако, политическимъ взглядамъ и пред-
начертаніямъ о евреяхъ самой Еватерини, отличавшейся, какъ
извѣстно, въ своихъ взглядахъ обнятіемъ общихъ интересовъ
государства. Продолжавшійся два десятилѣтія первоначальный
ея образъ дѣйствія, относительно своихъ подданныхъ еврей-

саго. Исходя изъ него очевидно слѣдуетъ, что ея вовсе не ссознана потребность въ какомъ либо преимущественномъ отраженіи отъ нѣк. однихъ частей государства передъ другими. Поэтому, если и допустить, что такое стремленіе овладѣло чувствами русскихъ людей, то ему все таки несправедливо было бы присвоить значеніе мысли законодательной, вытекающей изъ личнаго взгляда императрицы и зрѣло ею обсужденной съ точки зрѣнія общегосударственной пользы. Вѣрнѣе, слѣдовательно, предполагать, что и это побужденіе всецѣло принадлежало органамъ правительственной власти и было плодомъ ихъ безотчетныхъ чувствъ, поддерживавшихся слѣпыми предрасудками и преубужденіями противъ евреевъ.

Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что локализация евреевъ на земляхъ древней Руси обязана своимъ возникновеніемъ, преимущественно, слѣпому чувству *религіозной исключительности*, но отнюдь не государственной идее, всесторонне обнимающей интересы русской страны. Чувство это, коренившееся въ властяхъ того времени, имѣло, однако, свое дѣйствіе, и вотъ почему, можно сказать, что въ данномъ случаѣ, дѣйствіе предшествовало ка- кой либо сознательной о немъ мысли: прикрѣпленіе евреевъ въ мѣстахъ ихъ обитанія осуществилось фактически, прежде, чѣмъ появилась кака- либо государственная объ этомъ идея. Можно сказать, что она, и по появленіи своемъ на политическомъ горизонтѣ, осталась не проверенною въ ея основаніяхъ и цѣляхъ, а слѣдовательно—въ безотчетномъ состояніи слѣпыхъ чувствъ. Это видно изъ того, что и впоследствии, она не подвергалась законодательнымъ обсужденіямъ, въ смыслѣ отдѣльнаго самостоятельного предмета. Закрытіе для евреевъ большей части государства было принято за фактъ, свершившійся безповоротне, о которомъ поднимать особаго вопроса уже какъ бы не слѣдовало. Поэтому у насъ, какъ бы и не допускалась уже мысль о возможности обсуждения правъ евреевъ въ Россіи иначе, какъ только при условіи существованія той территориальной грани, того рубежа, переступить который имъ воспрещено и которымъ въ нашихъ законахъ присвоено, позднѣе, названіе *черты ихъ постоянной осид- лости*.

Оправдывая этотъ образъ дѣйствія исторически-слезившимися

обстоятельствами, сторонники локализации евреевъ въ Россіи обнаруживаютъ при этомъ склонность отвергать, однако, чтобы единственною его причиною были *религіозные* предрассудки и вредубѣжденія противъ евреевъ. Въ доказательство этого ссылаются, обыкновенно, на образъ дѣйствія верховныхъ властителей русской земли, утверждая, что всѣ они, искони и постоянно, *вадь* до такъ и *после* образованія Русскаго Царства, стремились, по отношенію къ евреямъ, въ одному и тому же: недомуженію ихъ въ свои владѣнія или ихъ вытѣсненію оттуда, какъ элемента, по-ложительно вреднаго для религіозно-нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ русскаго народа. Этими объясненіями, по предмету локализации евреевъ, стараются присоединить, къ религіознымъ въ этомъ дѣлѣ моводамъ дѣйствія, мотивы еще и другого порядка: *національнныя, экономическія и культурныя*.

Вопросъ объ этомъ представляется тѣмъ серьезнѣе, тѣмъ насущнѣе, что всѣмъ такимъ мотиваамъ придается, болѣе или менѣе, значеніе, но настоящее время, съ цѣлію сохраненія существующаго въ нашихъ законахъ установленія черты постоянной осѣдлости евреевъ, во всей его суровой строгости.

Мало того, въ этихъ именно видахъ, поборниками идеи этого установленія, нерѣдко подается даже мысль, не только объ откѣнѣ допущенныхъ въ этомъ отношеніи смягчительныхъ узаконеній, но и о произведеніи тщательнаго разбора правъ евреевъ, проживающихъ уже нынѣ, на ихъ основаніи, въ внутреннихъ частяхъ Имперіи, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть немедленной высылкѣ въ сказанную черту тѣхъ изъ нихъ, которые оказались бы не вполне правильно пользующимися предоставленными имъ льготами: болѣе зажиточныхъ — на ихъ собственный счетъ, а бѣднѣйшихъ — на счетъ казны. Вслѣдствіе этого, истребность въ послѣдованіи сказанныхъ мотивовъ дѣлается еще какъ бы болѣе настоятельною, въ интересахъ даже возможнаго сбереженія наличныхъ средствъ государства, имѣющаго столько другихъ равно-обравнѣйшихъ нуждъ.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ всестороннему разсмотрѣнію этихъ мотивовъ, необходимо отдать себѣ нѣсколько болѣе ясный отчетъ: что же такое, въ дѣйствительности, эта пресловутая черта постоянной осѣдлости евреевъ и какія вытекаютъ изъ

ея установленія ближайшія бытовныя послѣдствія, какъ для самихъ евреевъ, такъ и для общаго народонаселенія государства?

Россия, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу государствъ единомеравныхъ, т. е. такихъ, которыя, по своей политической организаціи, составляютъ единое и нераздѣльное цѣлое, не распадутся на конфедеративныя части, политически отдѣленныя между собою территоріальными границами и пользующіяся, въ большей или меньшей степени, внутреннимъ политическимъ самоуправленіемъ. Финляндія есть единственная область, которая, находясь подъ скипетромъ Русской Державы, представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе.

Слѣдовательно, современный политическій строй русскаго государства, соответствующій его національному духу, не даетъ никакого повода къ нарушенію кореннаго принципа о его единствѣ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ томъ числѣ *этнографическомъ*. Всѣ народности, не смотря на различіе областей, сливаются въ нашемъ государствѣ, также, какъ и оно само, въ одно единое, нераздѣльное цѣлое.

Согласно съ этимъ своимъ строемъ и въ силу своихъ единомеравныхъ началъ, Россия управляется, на всемъ своемъ пространствѣ, я едиными общими законами, съ нѣкоторыми органическими изъ нихъ изъятіями, до времени допущенными, по отношенію къ народностямъ, которыя, имѣя національныя отношенія къ землямъ, покореннымъ силою оружія, требуютъ, вслѣдствіи мѣстныхъ условій, и нѣкотораго отдѣльнаго устройства.

Евреи однако, къ такимъ народностямъ, очевидно, не принадлежатъ, такъ какъ они живутъ среди общаго народонаселенія, на земляхъ, къ которымъ заявляютъ національныхъ притязаній не имѣютъ никакихъ основаній. Между тѣмъ, установленная черта ихъ осѣдлости, образуя внутри государства территоріальную границу, которая можетъ быть обозначена на каждой географической картѣ и, такимъ образомъ, отдѣляя собою отъ прочихъ частей государства, смежныя между собою губерніи, заключающія еврейское населеніе, устанавливаетъ какъ бы *національныя* отношенія евреевъ къ землямъ края, гдѣ тѣ губерніи находятся, присвоивая этимъ и самому краю какой-то особый политическій отгѣнокъ, различающій его отъ прочихъ полосъ и областей Россіи, гдѣ

евреевъ нѣтъ. Этимъ путемъ у насъ дѣйствительно образуется какъ-бы двѣ Руси: Русь съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, и Русь безъ такого населенія.

Одновременно съ этимъ, но меньшей мѣрѣ неудобнымъ въ политическомъ отношеніи, послѣдствіемъ, сказанное дѣленіе нераздѣльной Руси влечетъ за собою многія другія, столь же мало удобныя послѣдствія для ея внутреннихъ бытовыхъ условій, между прочимъ, и по отношенію къ желаемому равенству въ правѣ свободнаго жительства каждаго въ своей странѣ.

Собственно говоря, при существованіи въ государствѣ сословныхъ различій, полнымъ равенствомъ въ правахъ не пользуются и нѣкоторые другіе классы, кромѣ евреевъ, такъ какъ многія изъ правъ, какъ извѣстно, присваиваются лицамъ на основаніи особыхъ сословныхъ льготъ или привилегій. Но есть, однако, права, которыя принадлежать каждому, безъ различія классовъ или состояній, въ смыслѣ его природныхъ, естественныхъ правъ. Въ ряду этихъ послѣднихъ первое мѣсто всегда занимало и занимаетъ, конечно, *право свободнаго жительства и передвиженія въ государствѣ, какъ равно и право свободныхъ между собою сношеній всѣхъ вообще жителей*, состоящихъ подданными одного и того же государства. Пользованіе тѣмъ или другимъ изъ сказанныхъ правъ, въ виду фискальныхъ или общеполіцейскихъ цѣлей, можетъ быть обусловлено извѣстными, законами опредѣленнымъ, порядкомъ. Но это не есть уничтоженіе этихъ правъ. Ни одно изъ нихъ вслѣдствіе этого не утрачиваетъ, ни своего значенія, ни своей силы, не переставая реально существовать для всѣхъ и каждаго въ государствѣ, коль скоро въ немъ нѣтъ, конечно, стойкой рабскихъ.

Примѣръ этого видѣнъ и у насъ. Въ то время, когда существовало крѣпостное право, укрѣплявшее за личностью владѣльца часть сельскаго населенія и представлявшее нѣчто въ родѣ рабства, всѣ лица, принадлежавшія къ этому классу, подобно тому, какъ нынѣ, евреи, были лишены, между прочимъ, права свободнаго жительства и передвиженія въ государствѣ, а также и права свободныхъ сношеній съ прочими подданными. Съ упраздненіемъ же крѣпостнаго права и уничтоженіемъ класса крѣпостныхъ людей, каждый изъ подданныхъ, начиная съ высшаго

сановника до простаго поселеннаго, стать обладать, въ равной мѣрѣ, прирожденными каждому правами, въ силу своего гражданскаго положенія, и пользоваться ими; въ извѣстномъ, установленномъ для каждаго состоянія порядкѣ, на всемъ пространствѣ своей отечественной территоріи, безъ различія края и области. Каждый, изъ низшихъ даже сословій, не исключая и бывшихъ крѣпостныхъ людей, можетъ нинѣ, при условіи соблюденія предписаннаго закономъ порядка, избирать, повсемѣстно въ государствѣ, мѣсто своего постояннаго жительства, перемѣнять его, пользоваться правомъ отлучекъ изъ него, по срочнымъ или бессрочнымъ паспортамъ, избирать родъ своихъ занятій, съ перечисленіемъ себя изъ одного состоянія въ другое, приобретать повсюду недвижимую собственность и заниматься всѣми, вообще, дѣлами гражданскаго оборота, торговыми и не-торговыми, для списанія себѣ средствъ къ жизни и извлеченія выгодъ, не стѣсняясь никакою мѣстностію.

Единственное исключеніе изъ этого составляютъ до сихъ поръ одни только *евреи*, замкнутые въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости, откуда они могутъ появляться въ внутреннія части Имперіи, для временнаго или постояннаго въ нихъ жительства, не иначе, какъ на основаніи особыхъ льготныхъ о томъ положеній.

Установленіе этой черты является, такимъ образомъ, и главнымъ, такъ сказать, регулирующимъ факторомъ условій ихъ гражданскаго быта у насъ.

Со времени его появленія въ нашемъ государственномъ строѣ и присвоенія этимъ способомъ западному краю значенія какъ бы *національной родины евреевъ*, характеристическое отличіе всѣхъ принимаемыхъ въ отношеніи ихъ мѣръ заключается, преимущественно, въ ограниченіи ихъ мѣста пребыванія, исключительно, этимъ краемъ.

Первое время евреи не пользовались въ этомъ отношеніи никакими льготами. Сплошь до самаго царствованія императора Александра I, появленіе ихъ внѣ мѣстъ, опредѣленныхъ для ихъ постоянной осѣдлости, было *безусловно* воспрещено. Судя по сохранившимся официальнымъ даннымъ о взглядахъ на евреевъ тогдашнихъ вліятельныхъ властей, нельзя предполагать, чтобы ими допускались какія либо послабленія въ этомъ отношеніи.

Но такъ какъ сосредоточенію въ западномъ край всей массы еврейскаго населенія незамедленно обнаружиться вредныя тѣмъ послѣдствія для мѣстныхъ экономическихъ интересовъ, то еще въ сказанное царствованіе была соведена правительствомъ необходимость въ нѣкоторомъ улучшеніи быта евреевъ, между прочимъ, в нутрѣ смягченія строгости законовъ относительно безусловной ихъ замкнутости въ своей чертѣ. Въслѣствіе этого тогда же были приняты нѣкоторыя мѣры къ расширенію этихъ правъ, ограничившіяся, впрочемъ, дарованіемъ евреямъ, въ видѣ льготныхъ изъятій, права временнаго пріѣзда въ закрытыя для нихъ мѣстности и притомъ, какъ сказано въ Положеніи 1804 года, только для «усовершенствованія себя въ художествахъ и показанія особливыхъ искусствъ», или для образованія дѣтей въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, университетахъ и С.-Петербургской Академіи художествъ. Въмѣстѣ съ этимъ, тогда же было предоставлено евреямъ селиться, изъ числа сказанныхъ мѣстностей, въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской¹. Но льготами этими, мало кто изъ евреевъ воспользовался въ то время, какъ по общему ихъ тогда нераціональному вомѣщать своихъ дѣтей въ русскія учебныя заведенія, такъ и потому, что съ образованіемъ не были соединены какия либо преимущества для нихъ. По невмѣстю этихъ преимуществъ, окончившіе образованіе евреи, даже изъ получившихъ ученыя степени, оторвавшись отъ обычныхъ тогда евреямъ коммерческихъ дѣлъ, не могли обращать пріобрѣтенныя знанія на какое либо другое поприще гражданской дѣятельности. Что касается губерній Астраханской и Кавказской, то они, въ то же царствованіе, были вскорѣ вновь закрыты для евреевъ.

Въ послѣдующія же за тѣмъ царствованія, особенно при императорѣ Александрѣ II, приняты, какъ извѣстно, нѣкоторыя болѣе дѣйствительныя, хотя тоже ~~законныя~~ только мѣры, къ расширенію сказанныхъ правъ, съ цѣлю возможнаго разрѣшенія въ западномъ край еврейскаго населенія и пріалеченія полезнѣйшей его части во внутреннія губерніи.

Но такая цѣль могла быть достигнута, однако, лишь въ весьма слабой степени. По ограниченному кругу лицъ, которымъ предостав-

¹ 1-е П. С. З. т. XXVIII, № 21547.

леннъ новѣйшія, по правамъ жительства, льготы, и отъсннительности ихъ условій, изъ густыхъ массъ еврейскаго населенія выдѣлилось не много людей, воспользовавшихся правомъ поселенія внѣ черты своей постоянной осѣдлости. Со времени этихъ льготныхъ разрѣшеній, прошло теперь безъ малаго 30 лѣтъ. Между тѣмъ, евреевъ, воспользовавшихся ими и переселившихся въ внутреннія губерніи, оказывается, и въ настоящее время, самый незначительный процентъ, въ сравненіи съ ихъ собственнымъ населеніемъ, и ничтожный, въ сравненіи съ общимъ народонаселеніемъ внутри Россіи. Если же бывають слышны отзывы объ ихъ чрезмерномъ любви тамъ наплывѣ, то это происходитъ, во первыхъ, потому что переселившіеся евреи, въ силу своихъ льготъ, могли скопиться и группироваться въ однихъ только городахъ, избираемыхъ ими, конечно, изъ числа наиболѣе торговыхъ и промышленныхъ; во вторыхъ, потому что въ этихъ центрахъ, по мѣрѣ ихъ прибытія, дѣятельность полицейскихъ властей стала значительно усиливаться.

Замѣчаема же въ внутреннихъ губерніяхъ усиленная степень дѣятельности органовъ полицейской власти, относительно, какъ переселяющихся, такъ и водворившихся уже евреевъ, объясняется тѣмъ, что независимо отъ лежащихъ на полиціи общихъ обязанностей, по удостовѣренію личности и предупрежденію и пресѣченію преступленій, присоединяется къ дѣятельности тѣхъ органовъ еще обязанности по разбору правъ жительства сказанныхъ евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости, и особому надзору, какъ за ними, такъ и за родомъ ихъ занятій.

Причина этого явленія въ административно-полицейской сферѣ скрывается, главнымъ образомъ, въ томъ именно обстоятельствѣ, что изъ всей массы евреевъ, сосредоточенныхъ въ западномъ краѣ, право повсемѣстнаго жительства предоставлено только нѣкоторымъ ихъ категоріямъ, и притомъ, не на основаніи общихъ законовъ, заурядъ съ прочими жителями одинаковыхъ съ ними состояній, но лишь въ видѣ изъятія изъ исключительныхъ постановленій о евреяхъ, въ видѣ льготныхъ передъ ними преимуществъ, обусловленныхъ, въ то же время, известными требованіями закона, невыполненіе коихъ, со стороны евреевъ, лишаетъ ихъ тотчасъ этихъ преимуществъ и влечетъ за собою обратную высылку виновныхъ, въ административномъ порядкѣ или по суду, въ черту по-

стоянной еврейской осѣдлости. Такимъ образомъ, иные изъ этихъ евреевъ, первое, болѣе или менѣе продолжительное время по ихъ водвореніи въ внутреннихъ губерніяхъ, а другіе въ теченіи и всего времени ихъ прожительства въ нихъ, продолжаютъ отличаться отъ другихъ подданныхъ по своимъ правамъ жительства, не получая, и въ этомъ отношеніи, окончательнаго сліянія съ ними въ правахъ гражданскаго состоянія.

Такой условный характеръ изъясненныхъ льготъ указываетъ, самъ собою, на существованіе тѣсной внутренней ихъ связи съ установленіемъ упомянутой черты. Не будь этого установленія— не было бы и этихъ льготъ. Вслѣдствіе этого, большая часть евреевъ, получившихъ право постоянного жительства внѣ ихъ областнаго «гетто» и переселившихся за его черту, являются лицами, далеко еще не освобожденными отъ своихъ бытовыхъ отношеній къ нему. Отношенія эти продолжаютъ существовать и обнаруживать, болѣе или менѣе, вліяніе на состояніе евреевъ, проживающихъ въ внутреннихъ частяхъ государства.

Разсмотримъ нѣсколько ближе этотъ предметъ.

Согласно съ имѣющимися въ законахъ постановленіями о льготныхъ, по правамъ жительства, евреяхъ, они могутъ быть подведены подъ слѣдующія *пять* главныхъ категорій: къ *первой* принадлежатъ купцы первой гильдіи; къ *второй*,—окончившіе курсъ собственно въ университетахъ, съ дипломами, по медицинскому факультету, на высшія, а по другимъ факультетамъ, и на прочія ученныя степени, до кандидата включительно, а также евреи врачи, не имѣющіе высшихъ ученыхъ степеней, но принятые въ государственную службу; къ *третьей* окончившіе курсъ въ высшихъ спеціальныхъ или техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и медицинскихъ (какъ напримѣръ, медико - хирургическая академія), а также приобрѣвшіе извѣстное профессиональное званіе по низшимъ отраслямъ врачебнаго искусства, какъ-то: провизора, аптекарскіе помощники, дантисты, фельдшера, повивальныя бабки, или изучающіе фармацію, фельдшерское и повивальное искусство; къ *четвертой* — мастера и ремесленники, и наконецъ, къ *пятой*—отставные и безсрочно отпускные нижніе чины.

Принадлежностью къ той или другой изъ этихъ категорій обусловлена для евреевъ и самая возможность пользованія ими пра-

вожъ повсемѣстнаго жителства въ Россіи. Только подъ флагомъ своей категоріи, дающей ему право повсемѣстнаго жителства, но еще не увѣтывающей; однако, всѣхъ отбѣнновъ его различія въ правахъ отъ прочихъ подданныхъ, можетъ еврей перешагнуть черту, въ которой заключена вся остальная масса его единовѣрцевъ, для своего поселенія въ мѣстахъ, находящихся внѣ ея.

До настоящаго времени, значительнѣйшая часть льготныхъ евреевъ, а именно, принадлежащіе къ ремесленному классу, при строгомъ соблюденіи требованій закона въ *паспортномъ отношеніи*, должна не менѣе строго соблюдать и требованія, относительно *рода своихъ занятій*. Малѣйшее нарушеніе предписаннаго, въ томъ или другомъ отношеніи, порядка, можетъ служить для полиціи законнымъ поводомъ къ препровожденію еврея въ мѣсто его родины, собственною властію или по суду. Въ обоихъ случаяхъ, высылка сопровождается принудительною продажей всего того, чего еврей не могъ бы забрать съ собою, а въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда эта мѣра опредѣляется по суду, она бываетъ иной разъ сопряжена и съ конфискаціею принадлежащаго еврею имущества. Суровость этихъ мѣръ не подлежитъ смягченію и въ томъ случаѣ, если-бъ сказанный еврей, вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ внутреннихъ губерніяхъ, приобрѣлъ, въ дѣйствительности, осѣдлое въ нихъ положеніе и принесъ дѣятельностью своею существенную пользу, какъ мѣстному населенію, такъ и казнѣ. Правда, что, отчасти именно въ этихъ соображеніяхъ, воспослѣдовало, въ 1880 году, со стороны подлежащаго вѣдомства, распоряженіе, коимъ воспрещено губернаторамъ собственною властію высылать изъ внутреннихъ губерній евреевъ, которые поселились въ нихъ до означеннаго года и проживали бы по узаконеннымъ видамъ. Но этимъ распоряженіемъ, какъ еврей, которыхъ оно касалось, такъ и другіе, изъ числа принадлежащихъ къ льготнымъ категоріямъ, не могли, однако, быть освобождены отъ установленной законами надъ ними административно-полицейской опеки мѣстныхъ властей. Опека эта осталась ни въ чемъ неизмѣненною и по настоящее время, вслѣдствіе чего, тѣмъ властямъ и теперь открыта возможность практиковать означенныя высылки, не только путемъ судебного преслѣдованія, но и въ административномъ порядкѣ, не говоря о столицахъ, гдѣ

главнымъ начальникамъ полиціи предоставленъ особня, въ этомъ отношеніи, права.

Изъ евреевъ, проживающихъ нынѣ внѣ черты общей своей осѣдлости окончательно выбывшими изъ льготныхъ категорій могутъ признаваться только весьма немногіе, а именно: получившія въ государственной службѣ или внѣ оной, за общественныя заслуги, чины и ордена, присвоивающіе, вообще, на основаніи законовъ о состояніяхъ, личное или потомственное дворянство, евреи, изъ числа обладающихъ высшимъ образовательнымъ цензомъ, принявшіеся въ внутреннихъ губерніяхъ къ городскому состоянію, и купцы первой гильдіи, непрерывно прожившіе въ ней не менѣ десяти лѣтъ, со дня приписки ихъ къ одному изъ городовъ внутреннихъ губерній, такъ какъ, въ отношеніи этихъ купцовъ въ законахъ (п. 4 примѣч. 3 къ ст. 128, ч. 2, т. XI Уст. Торг., изд. 1887 г.) объяснено, между прочимъ, что они, по истеченіи вышеозначеннаго срока, получаютъ право повсемѣстнаго жительства въ городахъ, внѣ черты ихъ осѣдлости находящихся, на общемъ основаніи, хотя бы потомъ и были изъ первой гильдіи. Но при всей несомнѣнности выхода этихъ евреевъ, въ отношеніи правъ жительства и, вообще, своего гражданскаго состоянія, изъ подъ дѣйствіи исключительныхъ о нихъ узаконеній, едва ли и такимъ личностямъ было бы справедливо присвоивать значеніе гражданъ, окончательно натурализованныхъ и вошедшихъ, въ этомъ отношеніи, въ состояніе совершенно равное съ другими такими же подданными. Въ ихъ правахъ жительства продолжаютъ, и на тѣмъ, замѣчаться весьма существенныя оттѣнки различій, стѣсняющія ихъ, между прочимъ, и въ семейномъ отношеніи.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ отличіе отъ другихъ русскихъ подданныхъ, сказанныя личности изъ евреевъ могутъ, какъ и всѣ вообще ихъ единовѣрцы, быть не допускаемы въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ; не только къ постоянному, но даже къ временному проживательству, на основаніи старинной льготы, неправильно, быть можетъ, присвоиваемой себѣ тѣмъ княжествомъ¹, но тѣмъ не менѣ терпимой

¹ См. сводъ узаконеній о евреяхъ, Е. В. Лавина, стр. 613—615.

и при русскомъ владѣствѣ, по настоящее время. Въ силу другой льготы, предоставленной уже самими нашими законами, казакамъ войска донскаго (примѣч. 2 къ ст. 17, т. XIV уст. о пасп., по прод. 1887 г.), къ постоянному проживательству въ ихъ области могутъ быть не допускаемы даже тѣ евреи, которые, на основаніи особыхъ льготныхъ своихъ положеній, пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства на всемъ пространствѣ Имперіи, коль скоро они не имѣли бы опредѣленныхъ ученыхъ степеней или не состояли на службѣ по опредѣленію отъ правительства. Изъ этого общаго правила не сдѣлано никакихъ изъятій, относительно личностей изъ евреевъ, вышедшихъ изъ ихъ льготныхъ категорій и пользующихся сказаннымъ правомъ, на общемъ основаніи съ прочими подданными. Вслѣдствіе этого, тѣ изъ нихъ, которыя не имѣли бы требуемыхъ ученыхъ степеней, или не состояли бы въ коронной службѣ, могутъ, равнымъ образомъ, быть устраняемы отъ постояннаго жительства въ землѣ Войска Донскаго. Но не говоря объ этихъ ограниченіяхъ, какъ о такихъ, которыя основаны на мѣстныхъ льготахъ и привилегіяхъ отдѣльныхъ странъ и областей, совершенно независимо отъ установленія черты осѣдлости евреевъ,—нельзя не указать на нѣкоторыя другія стѣснительныя для сказанныхъ личностей различія въ правахъ, которыя не могли бы имѣть мѣста при несуществованіи въ нашемъ государствѣ упомянутого выше установленія. Едва ли можно отрицать справедливость того, что евреи, имѣющіе за собою служебныя, общественныя или торговыя заслуги и пользующіяся правами жительства въ Россіи, на основаніи *общихъ уже законовъ*, во всякомъ случаѣ, вправѣ считать осѣдлое положеніе и свой семейный очагъ въ мѣстахъ, находящихся внѣ черты общей еврейской осѣдлости, гдѣ они поселились, вполне неприкосновеннымъ, не только по отношенію къ себѣ лично, но и по отношенію ко всѣмъ, вообще, членамъ своего семейства, особенно ближайшимъ по родству. Между тѣмъ, эта справедливая ихъ увѣренность не находитъ, однако, полнаго оправданія на самомъ дѣлѣ.

Такъ, напримѣръ, нельзя не замѣтить, что всѣ сказанныя личности изъ евреевъ не могутъ не ощущать тягости установленія черты еврейской осѣдлости въ томъ отношеніи, что они лишены возможности свободно и безпрепятственно принимать къ себѣ живущихъ

въ западномъ краѣ родственниковъ боковыхъ и восходящихъ линій, даже изъ числа самыхъ близкихъ, какъ то: отца, мать, дѣда, братьевъ и сестеръ, дядей и тетокъ, коль скоро они, сами по себѣ, не имѣютъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Ту же самую тяжесть ощущаютъ на себѣ и евреи, имѣющіе университетскіе дипломы. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы положеніе и этихъ евреевъ не носило на себѣ оттѣнковъ нѣкоторой исключительности, такъ какъ при всей несомнѣнности уравненія ихъ въ правахъ съ коренными жителями, они продолжаютъ числиться въ своей категоріи, и слѣдовательно, пользоваться своими правами не на основаніи общихъ законовъ, но на основаніи исключительной льготы, понятіе о которой, какъ объяснено выше, нераздѣльно съ представленіемъ объ установленіи черты осѣдлости евреевъ.

Что касается прочихъ евреевъ, изъ числа принадлежащихъ къ льготнымъ категоріямъ, то одни изъ нихъ продолжительное время послѣ дарованія имъ права повсемѣстнаго жительства, другіе же и постоянно, ощущаютъ тяжесть сказаннаго установленія, не только въ семейномъ отношеніи, но и лично на себѣ.

Для того, чтобы уяснить себѣ это нѣсколько точнѣе, по отношенію къ евреямъ каждой категоріи въ отдѣльности, необходимо, сперва, замѣтить, что всѣ такіе евреи могутъ быть сведены собственно къ *двумъ*, весьма характеристичнымъ, *группамъ*. Къ одной можно отнести тѣхъ, которые, проживая во внутреннихъ губерніяхъ, имѣютъ возможность тутъ же снабжать себя паспортами и видами, не обращаясь уже для этого въ мѣста, откуда они родомъ; къ другой — тѣхъ, которые лишены этой возможности, въ виду разрѣшенія имъ проживать внѣ ихъ черты, не иначе, какъ по паспортамъ и билетамъ, выдаваемымъ имъ въ мѣстахъ, находящихся въ ней.

Хотя изъ приведенныхъ пяти категорій, къ послѣдней группѣ принадлежитъ только одна — четвертая, но она представляется самую численною, обвиняя собою толпу *мастеровъ* и *ремесленниковъ*, воспользовавшихся льготами по переселенію за свою черту, на основаніи извѣстнаго узаконенія 28 іюня 1865 г.; «о дозволеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ, проживать повсемѣстно въ Имперіи».

Крайняя шаткость и непрочности нравъ жительства евреевъ

этой категоріи, на ихъ подвѣхъ мѣстахъ водворенія, въ внутрен-
нихъ губерніяхъ,—очевидна. Можно сказать, что всѣ такіе евреи
стоятъ одною ногою въ ихъ чертѣ, а другою внѣ ея. Вслѣдствіе
неразрѣшенія имъ, по переселеніи въ сказанныя губерніи, права
приписки тамъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, они, про-
живая внѣ сказанной черты, числятся, однако, состоящими въ ней,
какъ по ихъ актамъ состоянія, такъ и по отбыванію государ-
ственныхъ податей и повинностей, находясь въ прежнихъ своихъ
обществахъ, вслѣдствіе чего и выдаваемые имъ оттуда паспорта
и билеты не могутъ быть иными, какъ только срочными.

Это обстоятельство удерживаетъ за всѣми вообще евреями-
ремесленниками, проживающими въ внутреннихъ губерніяхъ, зна-
ченіе какъ бы людей, только временно допущенныхъ къ такому
проживательству, не взирая на то, что формально имъ разрѣшено
переселяться туда на постоянное жительство съ своими семьями,
обзаводиться самостоятельнымъ хозяйствомъ и, такимъ образомъ,
какъ бы окончательно основывать тамъ свою осѣдность. Воспре-
щеніе сказаннымъ евреямъ права приобрѣтенія и владѣнія въ
сказанныхъ губерніяхъ недвижимою собственностію присвоиваетъ
ихъ осѣдности въ нихъ еще болѣе характеръ только *временнаго*
водворенія, зависящаго какъ бы отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей
и случайныхъ обстоятельствъ. Необходимость постоянной провѣрки
паспортовъ, выправляемыхъ этими евреями, по вышесказанной
причинѣ, не здѣсь, а въ мѣстахъ прежней своей осѣдности, боль-
шею частію, весьма отдаленныхъ отъ ихъ новыхъ мѣстъ жите-
льства, возлагаетъ на полицію спеціальныя обязанности по стро-
гому за этимъ надзору. Сдѣланное же почти одновременно съ из-
даніемъ упомянутаго закона о евреяхъ-ремесленникахъ распоря-
женіе, касательно непрѣмной отиѣтки на ихъ паспортахъ и би-
летахъ разрѣшеннаго имъ ремесла, вмѣняетъ полицейскимъ вла-
стямъ въ обязанность имѣть самое зоркое наблюденіе и за са-
мымъ *родомъ занятія* такихъ евреевъ въ мѣстахъ, гдѣ они вновь
поселились. Такимъ образомъ, съ перваго момента появленія здѣсь
еврея-ремесленника, онъ прибрѣтаетъ вмѣстѣ и значеніе какъ бы
лица не вполне благонадежнаго, требующаго неослабнаго за нимъ
полицейскаго присмотра.

Въ поводахъ къ притѣсненію подобныхъ евреевъ, къ возбуж-

деню вопросовъ объ ихъ предѣ дальнѣйшаго пребыванія въ ихъ черты и въ самой ихъ мыслиа туда обратно — недостатка имѣть. Какъ легко предлоги къ осуществленію этой мѣри надъ еврейско-ремесленникомъ — не трудно усмотрѣть. Возьмемъ, на примѣръ, еврей-ремесленника, который, поселившись въ одномъ изъ городовъ внѣ своей черты, устроилъ бы въ немъ свое ремесленное заведеніе, обзавелся ковадствомъ, и такимъ образомъ основавъ тамъ свою осѣдность, прежилъ бы съ семьею въ своемъ новомъ мѣстопробываніи безукоризненно въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ, положимъ даже два десятилѣтія. Прервавъ давно всѣ свои отношенія съ мѣстами, которымъ законъ присвоиваетъ значеніе общей родины евреевъ, и не имѣя за собою никакихъ уже ни семейныхъ, ни другихъ интересовъ къ возвращенію туда, онъ являлся бы, въ дѣйствительности, человѣкомъ вполне тутъ осѣдлымъ. Два десятилѣтія составляютъ такой періодъ времени, въ теченіи котораго могутъ народиться два поколѣнія нисходящаго потомства. Сказанный ремесленникъ могъ бы, слѣдовательно, имѣть уже дѣтей и внуковъ, которые, родившись внѣ черты осѣдности евреевъ, не являлись бы уже вовсе уроженцами западнаго края. Понятно, что обратная высылка туда этого еврея съ его семьею представлялась бы для него мѣрою не только стѣснительною и разстроивающею, но въ полномъ смыслѣ слова разорительною, такъ какъ она было бы сопряжена съ закрытіемъ его ремесленнаго заведенія и принудительною продажей его имущества, а нерѣдко и съ его конфискаціею, не представляя ему въ будущемъ иной перспективы, какъ полнѣйшей нищеты, по господствующему въ западномъ краѣ, какъ извѣстно, крайнему избытку предложенія не только на ремесленный, но и на всякій другой промышленный трудъ. Не взирая, однако, на это, предлогомъ къ высылкѣ сказаннаго еврея, со всей его семьею, можетъ служить, въ настоящее время, столь мало значущее обстоятельство, какъ несвоевременная выправка имъ своего паспорта, хотя иной разъ причиною этого можетъ быть не онъ самъ, а власти того отдаленнаго пункта въ западномъ краѣ, въ которомъ тотъ паспортъ подлежитъ къ выдачѣ. Несомнѣнно, что въ подобномъ случаѣ полицейская власть вправѣ оказать такому еврею и снисхожденіе, коль скоро имъ были бы представлены оправдательные документы о принятіи

надлежащихъ мѣръ къ полученію отсюда новаго срочнаго паспорта, въ замѣнъ прежняго. Но это все-таки зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія полицейскихъ властей, изъ чего видно, что законъ, въ одномъ уже паспортномъ отношеніи, ставитъ въ весьма нѣтъкое положеніе осѣдность въ внутреннихъ губерніяхъ каждаго еврея - ремесленника, въ томъ числѣ и такого даже, о которомъ сказано выше, безъ всякой видимой къ тому причины, кромѣ существованія у насъ установленія черты, высылки въ которую могутъ легко практиковаться.

Русскій.

(Продолженіе будетъ).

Г А М Ъ - З У - Л Е Т О В О .

ОЧЕРКЪ ЗАХОЛУСТНОЙ ЖИЗНИ.

Приходилось-ли вамъ когда нибудь видѣть захолустнаго еврейскаго раввина съ тощенькой, согбенной въ три погибели фигуркой, съ исхудалымъ морщинистымъ лицомъ, съ высокимъ лбомъ. уходящимъ подъ засаленной ермолкой въ огромную плѣшь — эту свидѣтельница уметвенной работы? И знаете-ли вы, жалкую и бѣдную, граничащую съ нищетой, жизнь нашихъ захолустныхъ раввиновъ? Это достойные пастыри бѣднаго народа, раздѣляющіе вмѣстѣ съ нимъ его горькую долю — долю народа, которому, по словамъ Талмуда, бѣдность идетъ, какъ нельзя лучше. И повсюду, по всѣмъ закоулкамъ «черты» встрѣтишь эту однообразную жизнь еврейскаго духовенства: то же убожество и то же коснѣніе въ сухой казуистикѣ Талмуда. Даже біографія этихъ раввиновъ однообразна до стереотипности, — эта маленькая, неватѣливая біографія, которую можно рассказать въ двухъ словахъ. Десять или болѣе лѣтъ ешиботской жизни со всѣми ея лишениями и муками. Женитьба на какой либо изъ «дщерей Израиля, прекрасныхъ, только обезображенныхъ нищетой» — какъ выразился одинъ талмудическій мудрецъ. Нѣсколько лѣтъ на хлѣбахъ у тестя или въ какомъ либо Мирѣ или Эйшишкахъ въ качествѣ «поруша»¹. Вотъ и весь сказъ. А проходившій такъ или иначе всѣ эти мытарства, измучив-

¹ «Порушъ» — отшельникъ, оставляющій жену и поселяющійся въ высшемъ ешиботѣ для изученія Талмуда, гдѣ онъ питается «днями», т. е. даровымъ столомъ каждый день у другого благотворителя.

шійся человѣкъ—скелетъ получаетъ наконецъ «семиху»—раввинскій дипломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, если Богъ милостивъ, и раввинское кресло съ недѣльнымъ жалованьемъ въ 3—5 рублей. Лишь весьма немногимъ посчастливится, и то уже на старости лѣтъ, попасть въ большой городъ, гдѣ ихъ жизнь сравнительно лучше и сноснѣе. Большая же часть этихъ раввиновъ кончаетъ свой вѣкъ въ захолустьѣ, коснѣя въ бѣдности до доски гробовой. Ничего живого, ничего отраднаго, и лишь одно имъ раздолье—въ талмудическомъ океанѣ. И прозябаютъ они въ невѣдомой глуши, никому неизвѣстные и никого незнающіе, ничего неимѣющіе и ничего нежелающіе, чуждые всего, что творится внѣ ихъ «даледь-амоть», т. е. внѣ ихъ «бетъ-гемидраша» и городской заставы,—покуда Господь приберетъ ихъ къ себѣ. Иногда лишь какой нибудь потомокъ, внукъ или правнукъ покойнаго раввина, выкопаетъ пожелтѣвшія отъ времени рукописи—плодъ десятковъ лѣтъ, проведенныхъ въ уединеніи надъ Талмудомъ. И когда этому потомку удастся «съ Божіей помощью издать этотъ плодъ трудовъ своего предка, великаго свѣтила во Израилѣ», тогда лишь становится извѣстнымъ еврейскому міру, что на бѣломъ свѣтѣ жилъ былъ когда-то такой-то и такой-то раввинъ въ такомъ-то и такомъ-то захолустьѣ.

Однимъ изъ этихъ многихъ былъ и N—скій раввинъ, ребъ Нахумъ. Это былъ маленькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти-пяти, худенькій, тощенькій. Строго слѣдуя предписанію Талмуда—не ходить задравши голову, ребъ Нахумъ ходилъ всегда какъ будто согнутый въ бараній рогъ. Вотъ почему онъ казался такимъ маленькимъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ почти средняго роста. Повинуясь другому предписанію Талмуда, онъ шагаль маленькими шажками, хотя его ногамъ ничего бы не стоило быстрѣе носить это легонькое, воздушное тѣло. Его лицо, блѣдно-желтаго цвѣта, состояло, какъ говорится, изъ кожи да изъ костей. И вообще природа весьма скудно одарила въ физическомъ отношеніи нашего раввина; даже борода у него была

маленькая, рѣденькая, а его длинныя пейсики походили на тоненькія веревочки и въ мокромъ видѣ почти совершенно улетучивались. Такимъ-то образомъ р. Нахумъ не обладалъ ни представительной «фигурой», ни привлекательной фізіономіей—обстоятельство, впрочемъ, никогда его не беспокоившее. Благочестивый раввинъ никогда въ жизни не обращалъ вниманія на свою внѣшность. Если бы вы его спросили, напримѣръ, какой у него носъ, онъ не нашелся бы что отвѣчать, не пощупавши его предварительно рукою, хотя этотъ носъ былъ весьма почтенныхъ размѣровъ и самъ р. Нахумъ держалъ его въ рукахъ сто разъ въ день, высмаркиваясь въ большой платокъ неопредѣленнаго цвѣта, совершенно стерпавшійся отъ долгаго употребленія. Впрочемъ, такія подробности и мелочи завели бы меня слишкомъ далеко.

Таковъ-то былъ нашъ р. Нахумъ по наружному виду. И если обращавшіеся къ этому раввину за разъясненіемъ религіозныхъ вопросовъ титуловали его «великимъ», то это слово никоимъ образомъ не должно было понимать въ буквальномъ его значеніи. Въ переносномъ же смыслѣ нашъ раввинъ безспорно заслужилъ этотъ лестный эпитетъ, благодаря своимъ огромнымъ познаніямъ въ Талмудѣ, комментаріяхъ и проч. и проч. И надо полагать, что нашъ «великій» раввинъ пропадалъ въ своемъ мизерномъ мѣстечкѣ только потому, что онъ былъ рожденъ не подъ счастливой звѣздой, или, какъ онъ самъ это объяснялъ, потому что Господу Богу такъ было угодно. Поэтому-то слава «великаго» р. Нахума распространялась только по окрестнымъ городишкамъ и рѣдко переходила за предѣлы губерніи, къ которой принадлежало м. N. Но благочестивый раввинъ не ропталъ на обидѣвшее его Провидѣніе. Во первыхъ онъ зналъ, что грѣшно человѣку проникать въ «неисповѣдимыя пути Іеговы». Во вторыхъ ему самому не хотѣлось бы разстаться съ этимъ насиженнымъ гнѣздомъ, отцовскимъ наслѣдіемъ. А въ третьихъ, нашъ р. Нахумъ не гонялся за земнымъ счастьемъ, какъ другіе смертныя. Это не

было въ его характерѣ: довольствоваться малымъ и быть «довольнымъ своей судьбой»¹.—вотъ чему научили его школа и жизнь, которыя онъ прошелъ.

Отецъ р. Нахума, раввинствовавшій въ томъ же мѣстечкѣ N, обрекъ своего сына съ колыбели на раввинское званіе, а сынъ съ малыхъ лѣтъ сталъ оправдывать надежды отца и, наконецъ, какъ мы уже знаемъ, вполне оправдалъ ихъ. Еще семилѣтнимъ мальчикомъ будущій раввинъ былъ отправленъ въ ближайшій отъ N ешиботъ. Какъ во всѣхъ учебныхъ институтахъ, и въ этомъ ешиботѣ ученики раздѣлялись на прилежныхъ и лѣнивцевъ. Нахумъ, разумѣется, присталъ къ первымъ, вполне раздѣляя завѣтную мечту своего родителя и прелещаясь ею. Хорошія способности и прилежаніе мальчика скоро приобрѣли ему благоволеніе и милость рошъ-ешиба (ректора), что въ свою очередь усугубило усердіе перваго. И маленькій ешиботникъ дѣлалъ большіе успѣхи, къ великому удовольствію своего отца, экзаменовавшаго его каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ домой на ешиботскія каникулы: на Пасху и на праздникъ Куцей. Рядомъ же со своими познаніями въ Талмудѣ, Нахумъ обогащался въ ешиботѣ и познаніями совершенно иного рода: онъ позналъ нужду и лишенія, которыхъ не вѣдалъ въ родительскомъ домѣ, хотя и послѣдній не былъ полною чашею. Известно, что жители мѣстечка, въ которомъ находится ешиботъ, добровольно взваливаютъ на себя содержаніе ешиботниковъ. И бѣднѣйшій еврей считаетъ своимъ долгомъ брать къ себѣ какого либо ешиботника, хоть на одинъ «день» въ недѣлю. Каждый ешиботникъ имѣетъ свои опредѣленные «дни»; обыкновенно каждый «день» у другаго «балебоса» (хозяина). Но не всегда мѣстечковые жители въ состояніи содержать всѣхъ ешиботниковъ; тогда нѣкоторымъ изъ послѣднихъ приходится имѣть только четыре или пять «дней» въ недѣлю; остальные же «безденные дни» бѣдные ешибот-

¹ Талмудъ гласитъ: „Тотъ богатъ, кто доволенъ своей судьбой“.

ники питаются собственными харчами—иногда какиминибудь сухими корками, а иногда и ничѣмъ. И нашъ Нахумъ извѣдалъ эти прелести, особенно на первыхъ порахъ. Изъ-дому же помощь прибывала рѣдко, и то грошевая, почему и нашему прилежному ешиботнику нерѣдко приходилось поститься въ дни, вовсе не положенные для поста. Въ такой школѣ научаешься отказывать себѣ въ самыхъ скромныхъ и невинныхъ желаніяхъ и доводить свои прихоти до нуля. Одного только рода удовольствія приходились на долю Нахума: знать хорошо свой «шіуръ» (урокъ), хорошо отвѣчать на мудреные вопросы комментаріевъ и т. д. Но и послѣ наилучше пройденнаго «шіура» жестокая необходимость оставляла нерѣдко безъ обѣда нашего Нахума. Въ незатѣйливыхъ забавахъ и своеобразныхъ шалостяхъ ешиботниковъ, какія описаны, напр., въ сочиненіяхъ покойнаго Смоленскаго, Нахумъ весьма рѣдко принималъ участіе. Онъ умѣлъ устоять противъ подобныхъ искушеній: чѣмъ меньше онъ предавался забавамъ, тѣмъ больше дѣлалъ успѣховъ въ своемъ Талмудѣ и тѣмъ вѣрнѣе приближался къ цѣли, назначенной отцомъ и собственной волею.

Такъ-то Нахумъ жилъ до 13-ти-лѣтняго возраста—бар-мицве,—съ которымъ еврейскій юноша получаетъ религіозное совершеннѣе. Къ этому времени онъ уже былъ большимъ «ламдонемъ» (ученымъ). «Дроше»¹, которое онъ самъ составилъ, превзошло всякія ожиданія таявшаго отъ удовольствія отца. Онъ спелъ искусную сѣть изъ избранныхъ мѣсть разныхъ трактатовъ Талмуда и потомъ еще искуснѣе разобралъ эту путаницу казуистическихъ «пилцулимъ»², такъ что присутствовавшіе «ломдимъ» не могли надивиться таланту юнаго лектора. Напрасно нѣкоторые изъ этихъ «ломдимъ» пытались запутывать его въ имъ же сплетенной сѣти: Нахумъ разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ и вышелъ изъ этого спора ликующимъ побѣдителемъ. Со

¹ Въ день «бар-мицве» еврейскій юноша произноситъ лекцію (дроша) на извѣстную тему, касающуюся обыкновенно трактата «о филиактеріяхъ», потому что съ этого дня онъ обязанъ носить филиктеріи.

² Талмудическія остроумныя толкованія.

времени своего «баръ-мицве», Нахумъ сталъ еще серьезнѣе, солиднѣе. И въ самомъ дѣлѣ—существовала-ли какая либо разница между нимъ и хоть бы 70-ти-лѣтнимъ евреемъ? Вѣдь и онъ былъ обязанъ исполнять всѣ предписанія Талмуда, какъ всякій другой. А онъ еще «талмудъ-хохемъ» (ученый) и будущій раввинъ! Еще годъ или два—и онъ получитъ «семиху», такъ обѣщаль рошъ-ешиба, тоже говорилъ и отецъ. Чѣмъ же онъ не возмужалый еврей, еврей по всѣмъ правиламъ?

Вотъ такая школа воспитала нашего Нахума. Рано пережилъ онъ свое дѣтство и свое юношество — безъ свѣта, безъ радостей, безъ наслажденій, если не считать духовнаго удовольствія, которое доставлялъ ему этотъ «бездонный» Талмудъ. И рано перешелъ онъ на путь жизни, такой же безрадостной, болѣе духовной, чѣмъ «суетной». Еще будучи женихомъ, напримѣръ, онъ отказался отъ предложенныхъ ему «мехутеномъ» (отцомъ невѣсты) золотыхъ часовъ, предпочтя какія-то нужныя ему «сефоримъ» (книжъ). Женитьба, можно сказать, имѣла для него развѣ только то значеніе, что изъ Нахума онъ сталъ ребъ Нахумомъ. И послѣ женитьбы жизнь его шла по той-же проторенной дорогѣ. И въ этой новой жизни предметомъ его изученія остался тотъ же Талмудъ—альфа и омега существованія благочестиваго еврея и будущаго раввина. Наконецъ, по смерти своего отца, ребъ Нахумъ доплылъ до желаннаго берега и, раньше чѣмъ онъ самъ ожидалъ, сталъ раввиномъ во Израилѣ, въ благогословенномъ мѣстечкѣ N, завѣщанномъ ему отошедшимъ въ вѣчность отцомъ. И ребъ Нахумъ превратился въ «раби»: раввина называютъ однимъ только титуломъ, безъ имени. Жалованіе получалъ онъ отцовское: три рубля въ недѣлю. Сумма, конечно, не особенно великая, но развѣ онъ мечталъ о лучшей жизни, чѣмъ та, которою жили его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ? Развѣ онъ съ колыбели не былъ обреченъ на эту полную лишеныи жизнь, и имѣлъ-ли онъ понятіе объ иной? По понедѣльникамъ и четвергамъ онъ постился; по буднямъ мяса не употреблялъ. Спалъ онъ четыре-пять ча-

совѣ въ сутки, посвящая все свое время своему Талмуду. Въ «мірской суетѣ» онъ не зналъ ни аза; жизненные невзгоды и лишения онъ переносилъ со смиреніемъ, подобающимъ благовѣрному еврею. И былъ онъ всегда спокоенъ душою, какъ человѣкъ, довольный своей судьбой—«шомеахъ-б-хелко». Въ радости онъ благословлялъ Іегову, а въ горести опять благословлялъ Его святое имя, повторяя слова своего талмудическаго тевки: «гамъзу-летово»—и это къ лучшему!

Совсѣмъ не то можно было бы сказать про Двосю — дражайшую половину нашего раввина. Что она была богобоязненная и благочестивая еврейка — объ этомъ спору нѣтъ. Безспорно также, что она была вѣрной подругой и помощницей своего благовѣрнаго. Но она далеко уступала ему въ скромности своихъ желаній и въ своей покорности волѣ Провидѣнія. Не то, чтобы она была «модницей», чтобы она требовала отъ своего мужа пышныхъ палатъ, экипажа и т. п. Ничуть небывало. О подобныхъ причудахъ она и понятія не имѣла. И ея жизненный идеалъ не заходилъ выше того идеала, котораго просилъ у Іеговы нашъ прародитель Яковъ: хлѣба для пропитанія и одежды для покрытія своего тѣла. Но и этимъ скромнымъ желаніямъ нелегко было удовлетворять при тѣхъ ресурсахъ, которыми обладала раввинская чета. Вотъ почему жизнь нашей раввинши была постоянной борьбой съ нуждой и лишениями. И чѣмъ меньше р. Нахумъ понималъ въ человѣческихъ потребностяхъ, тѣмъ больше толку въ жизни знала его Двося. И это къ счастью—ибо на чемъ держался бы ихъ докъ, ихъ семейный очагъ, если бы и она, подобно мужу, сбросила съ себя семейное и всякое другое жизненное иго? Вѣдь нужно же было кому нибудь заботиться и объ этомъ. Нужно же было кое-какъ управлять этой бѣдной жизнью, чтобы имѣть возможность сносить ее, хотя съ грѣхомъ пополамъ. На три рубля въ недѣлю шибко не разживешься! Да, если бы не она, если бы не ея зоркое наблюденіе

надъ всёмъ, то и эти три рубля не всегда получались бы. Источники для раввинскаго жалованья были не особенно надежны: десять золотыхъ доставлялъ содержатель общественной бани, а другую половину — арендаторъ свѣчной коробки. Но эти «баньщики» были настоящіе злодѣи; по нимъ бы раввину хоть совсѣмъ оставаться безъ жалованья; имъ лишь бы свои карманы набивать. Бывало, напримѣръ, раввинъ приходитъ въ пятницу изъ бани (замѣчу въ скобкахъ, что раввинъ ходилъ въ баню по пятницамъ, пользуясь этимъ правомъ даромъ — не въ счетъ жалованья; обыкновенно «баньщикъ» тамъ же и отдавалъ ему слѣдующіе за недѣлю десять золотыхъ) и приноситъ только цѣлковый.

— А почему не отдалъ онъ сегодня сполна «шехироть» (жалованія)? — недовольно спросить жена, получая деньги отъ мужа.

— Баньщикъ божится, — отвѣчаетъ раввинъ, — что у него больше нѣтъ, что теперь, въ лѣтнее время, ему приходится изъ своего кармана еще докладывать.

— Да, слушай, что онъ божится, этотъ «юнгаць»! (безбожникъ), закричитъ раввинша: этому злодѣю все бы на нашъ счетъ разживаться. А когда онъ зимою себѣ карманы набиваетъ, даетъ-ли онъ намъ прибавку, что-ли? Небожь, и теперь онъ своего не доложитъ. Его жена *выходитъ* въ лучшемъ платьѣ, чѣмъ твоя. И ему всего мало, всего Божьяго міра. Не дожить ему того, чтобы я дарила ему изъ моихъ денегъ. Я покажу ему, «бедеру», какъ обходиться съ раввиномъ!

И наброситъ она на себя «бурнусъ», и отправится къ этому злодѣю — бедеру, а тотъ, завидѣвши еще надали грозную раввиншу, весь затрепещетъ и отъ всей души сожалеетъ о томъ, что затѣялъ эту нехорошую игру. А она его уже тамъ отдѣлаетъ, чтобы ему уже впредь неповадно было рѣшиться на подобныя выходки.

Еще больше возни было нашей раввиншѣ съ содержателемъ свѣчной коробки. Эта маленькая «коробка» состояла въ

слѣдующемъ. Всѣ жители мѣстечка были обязаны покупать «субботнія свѣчки» у одного извѣстнаго лавочника, за что послѣдній вымачивалъ равнину полтора рубля въ недѣлю. Съ нимъ-то наша раввинша не обиралась хлопотъ: онъ былъ неисправнѣйшимъ плательщикомъ; постоянно предъявлялъ прѣтензи, что-де не все покупаютъ у него свѣчи, что онъ совсѣмъ откажется отъ этого «подряда» и т. д. Раввинша, конечно, не вѣрила ни на грошъ этому «разбойнику», и не проходило недѣли, чтобы между обѣими сторонами не происходили стычки. И досаднѣе всего было нашей Двосѣ то, что мужъ ея соблюдалъ строжайшій нейтралитетъ и нисколько не поддерживалъ ее въ трудной борьбѣ. «Какъ будто» — вполне резонно жаловалась она на такой образъ дѣйствія или, вѣришь, бездѣйствія своего мужа — «это дѣло касается одной только меня, какъ будто на немъ не лежитъ обязанность заботиться о семействѣ». Но мудрая и изобрѣтательная Двося умудрилась положить конецъ этимъ вѣчнымъ ссорамъ. Въ одинъ прекрасный день была созвана большая «асифа», на которой порѣшили отнять у лавочника «свѣчную аренду» и отдать ее самому равнину, т. е. Двосѣ. Раввиншѣ удалось такимъ образомъ «убить двухъ зайцевъ однимъ выстрѣломъ». Она отомстила разбойнику-лавочнику и вмѣстѣ съ тѣмъ умножила свои доходы: свѣчная аренда приносила ей не десять злотыхъ, а полныхъ два карбовонца въ недѣлю.

Вотъ какими тернiями былъ покрытъ жизненный путь нашей Двоси. Но это вѣдь была одна только виѣшняя сторона; внутренняя-же ея жизнь представляла еще большiя трудности и огорченiя. На каждомъ шагѣ ей приходилось сталкиваться съ своею нуждою. Дѣтей прибывало, а доходы оставались тѣ же. Дѣтки подрастали, и опять увеличивалась нужда въ бѣдномъ домѣ. И бѣдная Двося не могла мириться со своею бѣдностью, со своею горькою судьбою. Во первыхъ она въ родительскомъ домѣ привыкла къ жизни въ довольствѣ и достаткѣ, почему ея теперешняя жизнь была ей невыносимѣе, чѣмъ ея мужу.

Во вторыхъ она не имѣла, подобно мужу, этого бездоннаго Талмуда, въ которомъ забываются всѣ горести «суетной жизни». И она боролась со своей судьбой, и въ этой борьбѣ выказывала рѣдкій талантъ и умѣніе по части веденія хозяйства. Благодаря необыкновеннымъ дарованіямъ искусной хозяйки, бѣдность въ раввинскомъ домѣ не такъ бросалась въ глаза. Скромное жилище содержалось въ чистотѣ, рѣдкой у захолустнаго еврея. Своихъ дѣтей Двоя одѣвала сносно, хотя бѣдно, но и не въ лохмотьяхъ. Изъ дешевыхъ припасовъ она приготавливала хорошія блюда. И, однимъ словомъ, раввинша просто творила чудеса въ своей области. Не даромъ сосѣдки и кумушки не могли надивиться нашей Двоя. «Какая она мастерица на всѣ руки», говорили онѣ, «все кипитъ подъ ея руками; и какая она хозяйка: изъ всякой мелочи она сдумаетъ сдѣлать что либо—она просто колдунья». Поговаривали также, будто наша раввинша сама чинила домашнюю обувь; но это была чистѣйшая ложь, пущенная какой-то завистливой кумушкой. Такъ-то Двоя умѣлой рукою прикрывала прорѣхи злой фортуны и не разъ съ достоинствомъ отражала жестокіе удары судьбы. Не не всегда, впрочемъ, удавалось ей это. Жизнь подчасъ налегала слишкомъ тяжело на эту бѣдную женщину, и тогда бѣдняжкѣ приходилось весьма плохо. И тѣмъ больнѣе было ей, что она чувствовала себя одинокою въ своемъ горѣ: не съ кѣмъ было подѣлиться имъ, некому было пособить ей носить это тяжелое иго. И въ такія трудныя минуты жизни покорная, благовѣрная жена отъ всей души досадовала на своего мужа, которому, казалось, не было никакого дѣла до всего того, что ее такъ мучило и давило... Въ такіе моменты—весьма рѣдкіе впрочемъ—между благовѣрными супругами происходили «сѣмейныя сцены», однако не имѣвшія того остраго характера, который мы привыкли подразумѣвать подъ этимъ терминомъ. Наша Двоя никогда не уронила-бы ни собственнаго достоинства, ни достоинства своего «благовѣрнаго», предъ которыми она благо-

говѣла не меньше другихъ Н-скихъ обывателей. Это обстоятельство съ одной стороны, а съ другой—голубиная кротость самаго р. Нахума не давали этимъ «семейнымъ сценамъ» обр-стряться. Бывали, напримѣръ, времена, когда наша Двоя находилась въ особенно критическомъ положеніи: дѣтки, что-ли, жодятъ оборванными, не на что «субботу дѣлать» и т. п., а мужъ ея сидитъ себѣ надъ своимъ Талмудомъ спокойно-преспокойно, словно не чувствуетъ, какая бѣда въ домѣ. Ну, и не воздержится бѣдная Двоя, чтобы не помучить этого равнодушнаго человѣка: и начинается горькое наліяніе отягченной горестями души, и нѣтъ конца этой іереміадѣ. Въ большинствѣ случаевъ на томъ и кончались эти «сцены»; но когда нашу Двою волновало что-либо выходящее изъ ряду обыкновеннаго, тогда она прибѣгала къ своему сильнѣйшему оружію: къ слезамъ. И это оружіе всегда имѣло свой уснѣхъ, который, впрочемъ, состоялъ только въ нѣсколькихъ словахъ утѣшенія со стороны мужа. Ибо могъ-ли онъ пособить ея горю чѣмъ либо болѣе существеннымъ, онъ, этотъ бѣднякъ, обладавшій одной только вѣрующей душой и теплой молитвой—драгоценностями, цѣна которыхъ весьма низка на жизненной биржѣ, на которыхъ не купишь башмачковъ для Брайнеле, не соотрѣпаешь ни кугеля, ни цимеса! Не пропивалъ-же онъ своего жалованья; побочные доходишки тоже цѣликомъ попадали въ руки нашей Двояси, и его-ли вина, что этого жалованья и этихъ доходовъ не хватало на всѣ нужды и потребности человѣческой жизни? «Не горюй, жена; грѣшно сѣтовать на Ягову, ибо все что Онъ дѣлаетъ—къ лучшему: гамзу летово». Этими словами онъ могъ утѣшать ее—и только. А послѣ этого «сцена» непременно кончалась: жена отходила отъ мужа, не смѣя долѣе прерывать благочестивыя занятія его. Къ тому же это кроткое, спокойнымъ голосомъ произнесенное «гамзу-летово» всегда почти имѣло успокаивающее вліяніе на нашу Двою; эта безграничная вѣра, это сильное упованіе на Творца сообщались и ей—и на душѣ ея становилось легче, отраднѣе...

Такъ-то жила наша раввинская чета въ непрерывномъ мирѣ и согласіи много, много лѣтъ. Такъ женила наша Двоясь весьма выгодно своихъ сыновей и выдала замужъ своихъ дочекъ, и ко времени нашего разсказа на плечахъ заботливой матери осталась только младшая дочка Брайнеле. Впрочемъ объ этой Брайнеле, объ этомъ лучшемъ своемъ «перлѣ», нашей раввиншѣ нечего было сильно беспокоиться—такъ, по крайнѣй мѣрѣ, мечтала наша Двоясь, которая уже выдала своихъ старшихъ дочерей безъ гроша денегъ въ приданное.

Брайнеле была дѣвушка простая, захохотная. Надо знать, что N былъ однимъ изъ благословенныхъ уголковъ «черты», куда еще не проникла новая «цивилизациа»; тамъ еще не существовало никакой борьбы, никакого антагонизма между «отцами и дѣтьми»; и однимъ словомъ, N—скіе обыватели были совершенно невинны, какъ Эдемская парочка до вкушенія отъ плодовъ древа знанія. А потому раввинская дочка не могла причинять своей родительницѣ никакого безпокойства на свой счетъ. Напротивъ, здоровая, красивая Брайнеле составляла единственную отраду своей матери. И Двоясь весьма гордилась своей дочкой — и было чѣмъ. Большая русая коса, не крапечная и не купеченная, спускалась ниже локтей; большіе черные глаза смотрѣли открыто и съ невинной привлекательностью. Овальное личико, полное, здоровое и съ природнымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ дышало жизнью и было украшено маленькимъ носомъ и такимъ же ротикомъ. Но больше всего нравились въ нашей красавицѣ ея прелестный станъ, выше средняго, съ тоненькой, хотя не сдавленной корсетомъ, талией, и ея походка, граціозная и чуждая не всегда привлекательной искусственности и кокетства. Вотъ чѣмъ гордилась мать, вотъ почему Брайнеле считалась первой красавицей въ N. И когда Двоясь смотрѣла на свою подрастающую красавицу-дочку, душа ея наполнялась радостнымъ умиленіемъ, а ея воображеніе рисовало будущность этой дочки въ самыхъ розовыхъ краскахъ.

Бывало, какая нибудь сосѣдка въ разговорѣ съ раввиницей замѣчаетъ:

— А знаете, милая раввиница, ваша Брайнеле выросла большою дѣвицей, рослою, статною — хоть сейчасъ подь-вѣнецъ?

А мать самодоволено улыбается и не безъ гордости отвѣчаетъ:

— Придетъ положенный Господомъ срокъ—и женихъ ея придетъ. Нѣтъ нужды, что за ней приданнаго нѣтъ; такая дѣвушка — сама приданное. Боли я сбыва съ рукъ мою хроую Деберку безъ гроша — то съ Брайнеле мнѣ недавно заботы нѣтъ. Далеко вокругъ не найти такой славной дѣвушки, какъ она, мой «лучшій товаръ»...

Нерѣдко словоохотливая Двоя пускаясь при этомъ въ пространныя ровсказни, камъ она выдала замужъ своихъ трехъ старшихъ дочерей, также безъ приданнаго, а въ особенности какую счастливую партію она сдѣлала лѣтъ пятнадцать тому съ ея Соречкой, младшею изъ этихъ трехъ, для которой она и свадебный гардеробъ приготовила на деньги «мехутена». И хотя кумушки и сосѣдки знали, конечно, эти исторіи не хуже самой раввиницы, тѣмъ не менѣе Двоя не лѣнилась повторять въ сотый разъ эти «дѣла давно минувшихъ дней» для большаго доказательства того, что ей нечего беспокоиться о Брайнеле, объ этомъ своемъ «лучшемъ товарѣ».

И ужь куда-куда не заходила материнская фантазія, и какія сладкія надежды делѣяла она, эта любящая мать, на счетъ будущаго счастья своей дочки! Придетъ мехутень, богатый какъ Крезъ, іешувникъ-арендаторъ, или богатый купецъ, или, наконецъ, «процентчикъ» — все равно кто бы ни былъ этотъ мехутень, но богатъ онъ долженъ быть непременно и такъ богатъ что у него однихъ только золотыхъ «дукатовъ» десять тысячъ чистоганомъ подъ кроватью въ желѣзномъ сундукѣ хранятся, въ десяти мѣшкахъ: въ каждомъ по тысячѣ. И такой то «мехутень» придетъ въ N, къ великому раввину

ребъ Нахуму, и обратится къ нему съ такою или подобною рѣчью: «я богатъ и у меня сынъ, «бенъ-іохидъ»; приданнаго даю тысячу рублей—только дайте мнѣ вангу дочму: я на все готовъ и согласенъ, только чтобы породниться съ вами, съ великимъ р. Нахумомъ»... Или: у великаго раввина (Двоя знала, что кромѣ ея Нахума есть еще много великихъ раввиновъ во Израилѣ) есть сынъ-илуй, который имѣетъ «семиху» и который ожидаетъ раввинское кресло сейчасъ послѣ свадьбы... ну, чѣмъ не хорошъ такой женихъ?... Да ужъ чего-чего не позволяла себѣ наша Двоя въ своихъ сокровенныхъ мечтахъ... покуда въ одинъ прекрасный день живая дѣйствительность не разсвѣляетъ эти сладкія грезы, эти рововыя надежды въ пухъ и прахъ. Наша Двоя услышала что-то новое, отъ чего у нея волосы дыбомъ стали. Вотъ какъ это было.

Прекрасной Брайнелѣ стукнулъ шестнадцатый годикъ, и раввинша сказала сама себѣ: уже пора-таки и о женихѣ подумать; не вѣкъ ей въ дѣвкахъ сидѣть. Чтобы перейти отъ слова къ дѣлу, Двоя вспомнила про всемогущаго шадхона, ребъ Пейсаха, который услужилъ ей уже не одинъ разъ. Шадхонъ не замедлилъ явиться на зовъ раввинши, а вслѣдъ за нимъ явились водочка и закуска—вещи довольно рѣдкія въ раввинскомъ домѣ.

Ребъ-Пейсахъ былъ уже старичекъ, но еще совершенно бойкій и дѣятельный. Онъ обладалъ всѣми шадхонскими атрибутами. Онъ имѣлъ плутовское лицо, такіе же глаза и такой же языкъ, любилъ «горькую каплю», постоянно божился, что никогда въ жизни не божится, словомъ, былъ въ своемъ искусствѣ звѣздою чуть-ли не первой величины. Практики, которую ему доставлялъ родной «N», хватало ему только на одинъ зубъ. какъ онъ самъ выражался. Р. Пейсахъ былъ, главнымъ образомъ, «ланд-шадхономъ», т. е. странствующимъ шадхономъ. Онъ имѣлъ также множество агентовъ изъ своихъ коллегъ, которыми орудовалъ и командовалъ, какъ нельзя лучше. И самъ онъ побывалъ на своемъ вѣку

во многихъ губерніяхъ, куда его призывали его многочисленныя дѣла. И повидавши на своемъ вѣку такое множество людей и городовъ, онъ смотрѣлъ нѣсколько свысока и пренебрежительно на обитателей своего городка, никогда не выходявшихъ за заставу послѣдняго. Да онъ не прочь былъ бы и переселиться въ большой городъ, только Броха, его жена, ни подъ какимъ предлогомъ не хотѣла покинуть родное мѣстечко, гдѣ покоился прахъ ея родителей и прородителей. Къ тому-же онъ находился большую часть года въ разъѣздахъ и домой пріѣзжалъ на короткіе сроки. А эти пріѣзды р. Пейсахъ составляли въ своемъ родѣ событіе въ глухомъ N. Въ молельнѣ вокругъ него всегда составлялся кружокъ любопытныхъ, охотниковъ послушать, что такое на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. А р. Пейсахъ былъ прекраснымъ разскащикомъ, даже обладалъ маленькой толикой поэзіи, почему онъ часто угощалъ своихъ невинныхъ слушателей продуктами своей фантазіи. Но эту слабость можно было бы ему простить: почему бы ему, этой живой газетѣ, не позволять себѣ того, что позволительно всѣмъ газетамъ нашей планеты? И будучи «газетой», р. Пейсахъ перенялъ, должно быть, отъ другихъ газетъ извѣстнаго пошиба, способность гнуться въ ту сторону, куда вѣтеръ дуетъ—подобно флюгеру. Эта способность много послужила нашему Шадхону въ его «дѣлахъ»... Ребъ Пейсахъ, надо отдать ему справедливость, былъ набожнымъ евреемъ, какъ всѣ старомодные евреи маленькихъ захолустьевъ. На его же глазахъ старое поколѣніе стало уступать свое мѣсто новому, новымъ идеямъ, новымъ требованіямъ. То, чего не знали еще въ N, р. Пейсахъ видѣлъ своими глазами въ тѣхъ мѣстахъ, которые онъ объѣзжалъ. Эта перемѣна, конечно, затрогивала и его—и даже очень близко. Вѣдь и шадхоны стараго закала тоже погибали подъ общими развалинами. Тамъ, въ городахъ, условія стали другія: тѣ женихи, которые въ спискахъ старыхъ шадхоновъ записывались самыми лучшими, въ жизни стали терять свою цѣну: мѣсто «ламдоновъ», «илуя» заняли «gestu-

dirte», доктора, адвокаты и т. п. Тоже самое было съ невѣстами: у нихъ уже не довольствовались однимъ «ихусомъ»; и отъ нихъ начали требовать большаго или меньшаго образованія. Старые шадхоны, большей частью, стали втупикъ предъ этимъ феноменомъ и удалялись въ темныя дебри захолустья, гдѣ старый порядокъ еще держался, и гдѣ они могли еще продолжать свою старую торговлю, хотя уже съ далеко меньшими барышами... Но немногіе шадхоны, болѣе находчивые, не ушли съ главной арены; такимъ былъ и нашъ р. Пейсахъ. «Я вѣдь только маклеръ: какой товаръ въ ходу, такимъ и торгую. Вы стали пренебрегать «ламдономъ» — у меня есть для васъ докторъ, адвокатъ, инженеръ — выбирайте, что хотите!» Такъ говорилъ онъ. И дѣйствительно, какъ ни ненавидѣлъ р. Пейсахъ этихъ «gestudirte» съ своей религіозной точки зрѣнія, но это нисколько не мѣшало ему сердечно любить ихъ съ другой точки зрѣнія... Въ спискахъ р. Пейсаха произошла крутая реформа: «первые ряды» остались въ заднихъ, а ихъ опередили «новые ряды». А эти послѣдніе доставляли р. Пейсаху хорошіе доходы; какъ же не любить представителей этихъ доходныхъ «рядовъ»!.. Въ тоже время р. Пейсахъ не пренебрегалъ и послѣдними могиканами — исчезающимъ типомъ нашихъ богатыхъ «іешувниковъ»: для нихъ онъ еще выкапывалъ въ своихъ реестрахъ какого либо «илуя». Такимъ образомъ дѣла р. Пейсаха были въ прекрасномъ положеніи. И сталъ онъ прѣзжать домой еще рѣже, потому что «дѣла» въ N играли для него незначительную роль. Теперь м. N не могло снабжать его «первосортными партіями»; такія невѣсты, какъ напимѣръ, раввинская дочка Врайнеле, находились на заднемъ планѣ въ реестрахъ р. Пейсаха, и хромая Деборка стояла лѣтъ двадцать тому назадъ гораздо выше, чѣмъ теперь красавица Врайнеле, хотя обѣ были дочери одного и того-же раввина р. Нахума.

И когда р. Пейсахъ отправлялся теперь къ этому раввину или, вѣрнѣе, къ его Двосѣ, то мысли его были не особенно

весеши! Онъ догадывался о причинѣ этого приключенія, потому что зналъ хорошо составный списокъ равнина. Однако онъ вошелъ съ обычной своей веселостью и развязностью, почитательно приветствовалъ равнина и равниншу; не преминулъ ущипнуть въ красную щечку Брайнеле, которая еще болѣе раскраснѣлась, догадываясь въ свою очередь, о чемъ идетъ дѣло. Потомъ онъ посвятилъ все свое вниманіе скромному подносу, поставленному на столъ для такого дорогаго гостя, какъ ребъ Пейсахъ. Понятно, что равнинъ опять углубился въ свой фоліантъ, предоставляя дѣло искусной своей Двосѣ, дипломатическія способности которой онъ вполне сознавалъ. А Двося начала атаку «со стороны», съ искусной тактикой.

— «Ну, ребъ Пейсахъ, что новаго на бѣломъ свѣтѣ? Вы все вѣдь знаете, повсюду бываете»...

Ребъ Пейсахъ понималъ очень хорошо этотъ маневръ; но такъ какъ въ его реестрахъ для безприданной Брайнеле не было хорошаго жениха, то ему менѣе всего можно было первому заговорить о «дѣлѣ». А потому онъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ рассказывалъ о томъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, избѣгая всего того, что могло бы навести его на желанную для Двоси тему. Равнинша скоро убѣдилась въ недоступности своего противника и была вынуждена сложить оружіе. Она спросила откровенно:

— Вы догадываетесь, р. Пейсахъ, зачѣмъ я... мы васъ позвали?

— Угадать не мудрено, когда эта торчитъ передъ глазами, отвѣтила шадхонъ, показывая рукой на Брайнелъ. Та раскраснѣлась какъ рать и вышла изъ комнаты.

— Ну, ребъ Пейсахъ, сказала равнинша по выходѣ дочки, какою она, моя Брайнеле? Не жора-ли уже сыскать для нею жениха?

— «Еще бы!» отвѣтствовалъ р. Пейсахъ, дѣлая рукой такой жестъ, который еще яснѣе подтвердилъ его согласіе съ почтенной равниншей на этотъ счетъ.

— То-то, начала опять раввинша, — затѣмъ-то и позвала я васъ: у него занова, тотъ за лѣшаремъ посылаеть. И раввинша сама засмѣялась своему удачному сравненію.

— Занова то не занова, медленно прецѣдилъ въ отвѣтъ р. Пейсахъ, — дай Богъ всякому еврею такихъ дочекъ, какъ ваша, но въ теперешнее время...

Краснорѣчивый р. Пейсахъ запнулся, а Двоя съ напряженнымъ вниманіемъ ожидала продолженія прерванной мысли. Шадхонъ, наконецъ, продолжалъ:

— Теперь всякая дочь — занова: чтобы отдѣлаться отъ нея нужно много денегъ. Да что говорить, теперь и сына сбыть съ рукъ безъ денегъ мудрено... То-то времячко, не приведи Богъ...

— Но, милый р. Пейсахъ, и невѣста невѣстѣ рознь; дочь р. Накума, я думаю... И раввинша остановилась на срединѣ, считая лишнимъ докончить то, что само собою разумѣется.

Двоя впилась глазами въ шадхона, ожидая встрѣтить на его лицѣ одобрительный отвѣтъ на ея мысль. Но р. Пейсахъ важно молчалъ, что было мучительно для матери. Наконецъ онъ медленно сталъ проводить рукою по лбу и заговорилъ съ равстановкой:

— «Милая раввинша, я буду откровененъ и выложу предъ вами всю правду. Такихъ дѣвушекъ, какъ ваша Брайнеле, мало; дай мѣ Богъ для моего Эфрониме такую — я бы другой не желалъ, хоть будь я богатъ какъ Ротшильдъ. Ей Богу, я никогда не боюсь, но вы можете вѣрить моимъ словамъ, клянусь Господомъ Богомъ. Но бѣда въ томъ, милая раввинша, что теперь другія времена настали. Вы помните, какъ я просваталъ вашу Соречку... Да что Сорочка! И вашей Деборкѣ, хромой-то, какую я партію устроилъ? Но это было лѣтъ двадцать тому назадъ... А теперь Бже мой, что за время плохое! Не смотреть ни на «ихусъ», ни на раввиновъ, ни на

«гаоновъ» — только на деньги да на деньги! Теперь безъ приданаго и дочки самаго Мейше-рабейну никто не возьметъ... Да, все это новые порядки-то безбожные... Еще вотъ требуютъ отъ невѣсты, чтобы на французскомъ тараторила, да на «клавирѣ» барабанила, да чертъ знаетъ еще чего... А ихусъ, что имъ теперь ихусъ! Уже нѣтъ теперь прежнихъ «іешувниковъ», которые золотомъ сынали, чтобы съ раввиномъ породниться. Теперь все имъ денегъ, да денегъ; безъ этого ни съ мѣста...

Шадхонъ замолчалъ. Двоя продолжала смотрѣть на него выпученными отъ удивленія и ужаса глазами. Она не вѣрила своимъ ушамъ. Можетъ-ли это быть? Такъ всѣ ея мечты и надежды оказались мыльными пузырями, разлетѣвшимися отъ перваго дуновенія «милаго р. Пейсаха»! Такъ ея Брайнеле, красивой, здоровой, ея «ихуса», великаго раввина р. Нахума — всего этого ни во грошъ не ставятъ! Можетъ-ли это быть? Но не то что она, даже р. Нахумъ вѣроятно былъ крайне удивленъ и пораженъ открытіемъ р. Пейсаха, если онъ оторвался отъ своей книги и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на шадхона! Потому онъ со вздохомъ произнесъ: «Помилуй насъ Богъ, да благо-словлено будетъ имя Его!»

Двоя-же, прійдя въ себя отъ восклицанія мужа, теперь разразилась потокомъ словъ:

— Такъ теперь уже все равно, что р. Нахумъ, что сапожникъ, что портной! Да что это, свѣтопреставленіе, месіанскія времена, что-ли? Или уже Бога нѣтъ на землѣ, что все кувырккомъ пошло! Слыхано-ли это дѣло, чтобъ мою Брайнеле, дочь великаго раввина, никто не хотѣлъ брать? Да и ея дѣдъ, и прадѣдъ — вѣдъ весь нашъ родъ только и состоитъ, что изъ раввиновъ, величайшихъ во Израилѣ! И все это — ничто, нуль! Если такъ, то уже конецъ пришелъ міру, уже Бога на землѣ нѣтъ»...

Тутъ, раввинъ прервалъ расходившуюся Двою:

— Не гнѣви Бога, моя милая; грѣшно такъ говорить, все отъ Іеговы исходитъ, а Онъ все къ лучшему устроить. И вы,

р. Пейсахъ,—обратился онъ къ шадхану,—вы найдете нашей Брайночкѣ жениха хорошаго «ламдона» и «яхосна»...

— То-то, ребе, я знаю хорошо, какой вамъ нуженъ женихъ, и потому-то я нахожусь въ такомъ затрудненіи. Хорошаго жениха трудно достать безъ денегъ, а некоронраво я не посмѣлъ-бы предложить вамъ, если бы мнѣ дали за это даже милліоны. Другое дѣло, если бы за вашей Брайночкѣ было приданаго рублей пятьсотъ... ну хоть-бы триста—а, тогда я нашель-бы для нея жениха, которому подобнаго нѣтъ!.. Даже есть у меня на примѣтѣ такой»...

Триста рублей! О, злой р. Пейсахъ видно рѣшился помучить бѣдную Двоя, издѣваться надъ ея безсиліемъ, надъ ея несчастьемъ! Эти бѣдняки не имѣютъ даже понятія о такой суммѣ, и имъ предлагаютъ такія условія! Видно, и самъ р. Пейсахъ почувствовалъ, какъ жестоки были его слова, почему онъ и поспѣшилъ прибавить:

— Вы на меня не пеняйте: я тутъ ни при чемъ. Я только шадхонъ и служу посредникомъ. О, если-бы я былъ богатъ и имѣлъ лишь одного сына, то я взялъ-бы вашу Брайночкѣ, ни минуты не размышляя... Но другіе, Богъ съ ними...

— Но развѣ Богъ насъ оставитъ—въ сердцахъ вскричала Двоя, — и нашей Брайночкѣ таки остаться въ дѣвкахъ или выйти за сапожника, что-ли? Или съ неба на насъ свалится эти триста рублей? О, Господи, за что Ты такъ караешь насъ, за что мы такъ несчастны!

— Грѣхъ говорить такъ, отозвался смиренный р. Нахумъ,—все что Ягова дѣлаетъ—къ лучшему. Онъ не оставляетъ тѣхъ, которые уповаютъ на Него, и съ Его помощію р. Пейсахъ устроить эту партію, о которой говорилъ. Если такъ суждено отъ Бога, то это будетъ «*lemazol-tow*» —къ счастью...

— Но ты же слышишь, что *тотъ* хочетъ приданаго въ триста рублей! съ сердцемъ сказала Двоя. Или ты думаешь, что Богъ свершитъ какое-либо чудо и пришлетъ тебѣ черезъ ангела Михаила на приданое нашей дочкѣ?

— Ты глѣшь Бога, жена, говоря такіа слова, нѣ-сколькѣ строгія тѣмъ: сказала р. Нахумъ. Развѣ Іегова нѣ показалъ чудесъ, болѣ великихъ, развѣ есть что либо невозможное для его? Если этотъ «зивугъ» (союзъ) отъ Него, то онъ будетъ; если же нѣтъ, то намъ не помогутъ и тысячи рублей. А богохульствовать и испытывать Всевышняго грѣшно». Послѣ этого раввинъ обратился къ р. Пейсаху:

— А вы, р. Пейсахъ, начинайте въ добрый часъ, и если этотъ «зивугъ» отъ Бога, то будетъ «лемазель».

— Но, ребе, вы не осудите меня за мои слова: тотъ «мехутенъ» — человекъ твердый, и если...

— И вы, ребе Пейсахъ, такъ слабы въ вѣрѣ, и вы испытываете всемогущаго Іегову! — перебилъ его раввинъ. — Такиа дѣла, какъ «зивугимъ», не зависятъ ни отъ него и ни отъ кого, кромѣ Бога... Мы дѣйствуемъ, какъ орудіе, повинующееся волѣ высшей, а свершится то, что Онъ положилъ»...

Ребе Пейсахъ не смѣлъ возразить ничего. Онъ зналъ очень хорошаго раввина; онъ обѣщаль приступить завтра-же къ дѣлу, распростился и ушелъ.

— Къ тому-же, что мнѣ за дѣло? — мысленно говорилъ самъ съ собою шаяль шадковъ, шагая по грязной улицѣ. — Твоимъ (полювка) будетъ — а тамъ... Богъ съ нимъ: вѣдь мой генераръ уже будетъ у меня».

Но двоясь еще поздневъ ночью толковала съ мужемъ, сѣтуя и жалуясь на свою горькую долю, на новыя времена, на владхона Пейсаха и, наконецъ, на самаго своего себе-бѣдника.

— Что-то будетъ, одинъ Богъ знаетъ, жаловалась она мужу: — легко сказать — триста рублей! Да у меня и явыкъ не шевелится, чтобы произнести эту сумму. Если Пейсахъ говорить, что *тотъ* человекъ крутой, не податливый, то можно ему повѣрить, хотя не всѣмъ-то его словамъ можно вѣрять... Ты человекъ безопасный, тебѣ все легко сносить, а мнѣ это вѣдь покою не даетъ. Если намъ и удастся заключить

«тноимъ», а потомъ, къ свадьбѣ, у насъ денегъ не будетъ... Да откуда имъ быть?.. Мы вѣкъ прожили, не выдавши такой суммы—и теперь не увидимъ... Сердце сколько угодно, а я правду говорю, суцую правду... Ну, *тотъ* и откажется... какой срамъ будетъ для насъ, какой стыдъ!... о, Боже!... Ужъ остаться нашей Брайноле несчастной... или за Богъ вѣсть кого ее выдать...

Такъ она продолжала изливать свою душу къ вемалой досадѣ своего мужа, который со скорбной душой слушалъ эти «богохульныя» жалобы своей жены, слабой въ вѣрѣ и упованіи на Всесильнаго.

Тѣмъ не менѣе, двѣ недѣли спустя, наша Двоя праздновала одинъ изъ великихъ праздниковъ въ своей жизни: помолвку своей Брайночки. «Милый ребъ Пейсахъ» послужилъ очень усердно на этотъ разъ. И какъ ловко онъ обдѣлалъ свое дѣло! Другой на его мѣстѣ сбился бы съ ногъ, а онъ это устроилъ, какъ говорится, въ два слова. Недаромъ же онъ былъ знаменитымъ ланд-шадхеномъ. Женихъ былъ именно тотъ, о которомъ онъ говорилъ при вышеописанномъ визитѣ своемъ къ раввину. Это былъ «илуи» въ полномъ смыслѣ слова: онъ былъ силенъ и въ Талмудѣ и въ «поскимѣ» (раввинская письменность). А отецъ его, у котораго онъ былъ единственнымъ сыномъ, былъ богатъ, т. е. онъ имѣлъ два собственныхъ дома и нѣсколько тысячонокъ чистагономъ, котораго проценты постоянно увеличивали капиталецъ. Но кромѣ того, что этотъ «бен-іохидъ» единственный наследникъ этихъ сокровищъ, отецъ даетъ сыну восемьсотъ рублей въ приданое и беретъ «молодыхъ» на содержаніе на пять лѣтъ. Единственный недостатокъ «мехутена» (отца жениха) былъ чуть-ли не преимуществомъ и достоинствомъ въ данномъ случаѣ. Мехутенъ былъ скряга, какихъ мало, и его скарденость даже вошла въ поговорку по всей окрестности—но вѣдь въ такомъ случаѣ его сына ожидаетъ тѣмъ большее наследство. Однимъ словомъ, наша Двоя была на веру блв-

женства въ тотъ знаменательный день. Одно только отрадало ея счастье: въ контрактѣ, «троемъ», значился злобный пунктъ, по которому—представляющій сторону невесты, отецъ ея, великій раввинъ р. Накумъ, сынъ раввина р. Шиммона (миръ его праху), обязывался дать въ приданое своей дочери, не-вѣстѣ Брайнѣ, триста рублей; деньги должны быть внесены за мѣсяць до свадьбы. Волей неволей приходилось подпи-сать этотъ тяжелый пунктъ; иначе мекуменъ не соглашался, не смотря на всѣ старанія великаго шадхана.

Но что было на умѣ нашего раввина, когда онъ подпи-сать это роковое условіе? Кто едѣлаеть подобный вопросъ, тотъ не знаетъ нашего р. Накума. Великій раввинъ никогда не руководился въ житейскихъ дѣлахъ своимъ умомъ. Иегова даровалъ человѣку, т. е. еврею, умъ, который тотъ долженъ посвящать всецѣло одному только изученію святой торы; такъ говорилъ р. Накумъ. А для «суетныхъ дѣлъ» съ него до-статочно было его вѣрующей души, въ которой обитала Тота, предъ Которыми нѣтъ ничего невозможнаго, Который сказалъ: «серебро Мое, Мое и злато». И нашъ р. Накумъ зналъ очень хорошо, что Онъ устремитъ все къ лучшему—и будетъ спокоенъ душою. Другое дѣло было съ нашей Двосей, которая, какъ мы знаемъ, уступала своему мужу по этой части. Ей-то и не давалъ покою этотъ роковой пунктъ о приданомъ. Ея грѣш-ный умъ терялся въ догадкахъ и плавахъ, одинъ другою не-лѣнѣе. И чего-чего уже не передумывала она! Эти неестст-упныя думы не разъ беспокоили ее и во время молитвы, къ не-малой досадѣ богобоязненной раввинни. Но что могъ преду-мать этотъ слабый женскій умъ? Она сосчитывала, какъ ве-лика будетъ помощь, которую ей окажутъ старшія дѣти—ну, положимъ, ее хватитъ на «гардеробъ» для невесты. А на при-даное ни откуда не видно источника. Раввиниша не разъ со-драгалась при мысли объ этомъ. Триста рублей! шутка сказать! Или съ неба на нихъ свалятся эти деньги? Дѣйстви-тельно, раввиниша въ своихъ мечтахъ часто удалялась отъ

горькой действительности въ область сновъ и фантази. Разъ ей вообразилось, что Илья пророкъ, переодѣвшись инокимъ, пришелъ въ образѣ простаго смеричана къ ея благочестивому мужу и тайномъ возмужъ въ голый фоліантъ всё триста рублей. Вѣдь, въ ея «Диво-в-рѣно» она читала подобная талмудическія легенды, даже еще болѣе чудныя, болѣе фантастическія. Припомнился ей легендарный рисунокъ о великомъ «тане», раби Ханина-бенъ-Доса. Этотъ раби Ханина былъ отчаяннѣйшій бѣднякъ, пожалуй еще бѣднѣе ея рабъ Накума; и его женой приходилось въ тысячу разъ больше, чѣмъ ей, бѣдной Досей. Вѣдь она, Досей-то, каждую пятницу печетъ на субботу «каму» и варитъ и «адмесъ», и «ману», и «куголь», а та, жена вѣнникаго «тане», по разнаму Тануду, по пятницамъ топилъ порожнюю печь, въ которой ей ничего было ни печь, ни варить на субботу; и топилъ она печь только для того, чтобы сосѣди не поддѣржали ея бѣдности... Ну, и объ этой то благочестивой четѣ талмудическіхъ временъ разсказывается легенда, которая припомнилась Двосей именно теперь, въ ея нынѣшнемъ безвыходномъ положеніи. Легенда гласитъ, что бѣднякъ, горемычная женщина сильно приставила къ своему вѣнникуму мужу: «спроси у Ягевы богатства; вѣдь: часъ поминаетъ на тебѣ свѣтъ много-вѣрныхъ благъ, такъ пусть Онь отдастъ намъ частичку этихъ благъ здѣсь, на землѣ, — надобно ужъ мнѣ эта безвыходная нищета». И вѣнникій «тане» слышавъ святую молитву, которая была услышана Небомъ: вѣнникій рука подава ему большой кусокъ золота, покойнй на сложную монету. Но вотъ раби-Ханина видитъ во снѣ, какъ въ раю восседаетъ праведникъ; всё кушаетъ свою трапезу на золотыхъ тарелкахъ о трехъ ножкахъ, а онъ, раби-Ханина, съ женой — на столѣхъ о двухъ ножкахъ. И спросилъ онъ на утро жену: «хочешь-ли ты купить твоё земное участіе, такой дорогой цѣною?» Но благочестивая жена этого, не заметѣла. Небо внимаетъ вторичной молитвѣ благочестиваго «тане» и беретъ золотую монету обратно. Эту прекрасную легенду она

читала много разъ въ своемъ «Цено-в-ранѣ», и благопестивая раввинна не только вѣрила въ востыщенно-прекрасный смыслъ ея, но и признавала ее за несомнѣнный фактъ. И вотъ почему ея фантазіи неотступно мерещился чудный разсчетъ. «Не пріятать-ли и ей къ своему реб-Нахуму? Проси-де у Бога триста рублей въ счетъ райскихъ благъ». Но благопестивая Двось отвергнула этотъ планъ и рѣшила, что хотя отъ этого зависить счастье ея дорогой Брайнеле, но кунить это счастье «такой дорогой цѣной» нельзя. «Вѣдь мнѣ прійдется со стыда сгорѣть прядь моими кумушками, когда я буду жалко, и нашъ столикъ будетъ хромать на своихъ двухъ только ножкахъ»...

Но живая дѣйствительность не дала нашей Двось долго забиваться въ своемъ чудномъ мірѣ снавъ и фантазій. А въ этой-то горькой дѣйствительности для бѣдной раввинны не было ни одной свѣтлой, отрадной точки. Тутъ ея воображеніе видѣло другія картины, не сладко-фантастическія, а живыя, горькія. «Вотъ-вотъ настанеть срокъ: послѣдній мѣсяць предъ «Шабесъ-послѣ-Шевуаса»; денегъ нѣтъ... конечно нѣтъ — откуда имъ быть? Мехукопъ подождетъ-подождетъ — да вдругъ и «тноши» обратно отошлетъ... Ну ж останется тогда ея «лучшій товаръ» въ дѣвнать, де «сѣдой коси»... И сильно трепетало материнское сердце въ ожиданіи роковой развязки...

Крылатое время летитъ-летитъ, не справляясь о томъ, пріятно-ли это нашей Двось, или нѣтъ. И наконецъ пришелъ вмѣстѣ съ этимъ безжалостнымъ временемъ предвѣстникъ ожидаемой развязки. Прибыло письмо отъ мехутена, въ которомъ упоминалось о близкомъ срокѣ, и смыслъ котораго, не смотря на дипломатически-деликатную форму, былъ приблизительно слѣдующій: «будутъ деньги — и свадьба будетъ, не будутъ деньги — и свадьба не бывать».

— Пропаду я, пропадемъ мы, бѣдные, несчастные, — рыдала бѣдная раввинна, пораженная этимъ письмомъ. — О, Боже зачѣмъ ты такъ безжалостенъ къ намъ!..

— Не грѣши языкомъ, увѣщавать ее мужъ.—Господь милостивъ ко всемъ Своимъ твореніямъ и въ малѣйшему червячку... Онъ никого не забываетъ—и надъ нами бдѣтъ Его неснящее око...

— Но скажи на милость, что будетъ съ нами, если мехутенъ расторгнетъ этотъ союзъ?—не безъ горькой ироніи вскричала огорченная Двоя.

— Съ нами будетъ то, что Онъ положитъ, нашъ добрый Іегова,—спокойно отвѣчалъ раби-Нахумъ.—Если этотъ «авутъ» отъ Бога, то знай, что человѣкъ не въ силѣ расторгать союзъ, Богомъ предначертанный; если же нашъ «мехутенъ» отошлетъ намъ «тноимъ»—значить, на то была Его святая воля, и это тоже къ добру—«гамзу-летово».

— Да съ тобой что говорить!—въ сердцѣхъ отрѣзала раввинна и оставила мужа.

О, она уже въ сотый разъ убѣдилась, что говорить съ своимъ «благовѣрнымъ»—все равно, что толочь воду. На все у него одинъ и тотъ же отвѣтъ: «гамзу-летово». И на ней одной, на бѣдной, безсильной Двоѣ, лежитъ вся тяжесть этой горькой жизни, она одна должна «ломать» себѣ голову и придумывать какой-либо выходъ... Но что-же она могла бы придумать, хоть будь она семи пядей во лбу?.. Бѣда хороша, что къ тому времени «милый ребъ Пейсахъ» находился въ N. Хотя ребъ Пейсахъ, конечно, ничѣмъ не могъ бы тутъ пособить—не изъ своего же кармана онъ дастъ ей необходимые триста рублей, которыхъ, кстати сказать, и у него не имѣлось... Да и придираться къ нему, изливать на него злобу нельзя близко, вѣдь онъ тутъ ни при чемъ; напротивъ, онъ же и съ самаго начала предостерегалъ, нисколько ихъ не обманывая... Но Двоязнала, что ребъ Пейсахъ не откажетъ ей, и сдѣлаетъ все возможное,—а она вѣрила во всемогущество этого ребъ-Пейсаха, вѣрила, потому что ей хотѣлось вѣрить... Но, увы! и ребъ Пейсахъ не могъ тутъ многимъ пособить. Положимъ, ребъ Пейсахъ не отказалъ въ просьбѣ раввинни—и поѣхалъ

къ «мехутену» для «переговоровъ»,—и это было весьма прекрасно и благородно съ его стороны. Для кого-либо другаго онъ этого не сдѣлалъ бы, потому что теперь, послѣ «тнойма», его, шадхена,—дѣло сторона: свои деньги онъ уже получилъ, а тамъ проваливайте съ Богомъ. А ребъ-Нахуму и его дрожайшей половинѣ онъ готовъ оказать и сверхъ-комплектныя услуги; ради нихъ онъ готовъ измѣнить своимъ правиламъ... Но, къ несчастью, эта жертва «милаго ребъ Пейсаха» не принесла большой пользы дѣлу; ему не удалось «уломить» упрямаго скрягу, какъ это, впрочемъ, и предсказывалъ заранѣе самъ ребъ Пейсахъ. «Только пенаивасму будутъ расходы»,—совѣтовалъ онъ нашей Двосѣ предъ своей поѣздкой въ Т.,—мѣстечко, въ которомъ жилъ этотъ «мехутенъ», причинявшій столько горя и заботъ бѣдной Двосѣ. И дѣйствительно, при всей ловкости и при всемъ краснорѣчии р. Пейсаха, ему удалось всего на всего вымолить у «упрямца» уступку въ одну сотню и отсрочку свадьбы до мѣсяца Элула. Правда, Двося весьма обрадовалась при этой вѣсти и не находила словъ, чтобы достаточно отблагодарить «милаго» р. Пейсаха: утопающій и за соломенку хватается. Въ сущности же наша Двося скоро поняла, что эта радость—не Богъ вѣсть какъ велика. Вѣдь и двѣсти рублей для нея деньги непосильныя, стоить же непосильныя, какъ и триста. А эта отсрочка въ два мѣсяца слишкомъ—на что она ей, и какое спасенье она можетъ ей принести! Все это стало ясно въ глазахъ Двоси вкорѣ послѣ первыхъ врывовъ радости. Скоро она впала въ прежнее грустное состояніе, и материнское сердце ныло отъ боли и безвильной злобы. Страшная мысль объ отсылкѣ «тнойма» точила это бѣдное сердце какъ червь. И съ страхомъ и отчаяніемъ ожидала безпомощная женщина этого сильнаго удара; который ей готовила безжалостная судьба.

С. Живовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЕВРЕИ-ГОРЦЫ.

(«КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ-ГОРЦЫ» ИЛИ АНИСИМОВА).

Среди дикой и грандіозной природы Кавказа, окруженной многочисленными и воинственными племенами, удѣлила и сохранила религію отцовъ небольшая группа евреевъ. Исторія ихъ переселенія на Кавказъ до сихъ поръ остается невыясненной, тысячелѣтнее прошлое покрыло до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, ее непроходимымъ, для исследователей мракомъ. Изъ преданій, эти евреи происходятъ отъ Израилитянъ, которыхъ Ассирійскіе цари, еще до разрушенія перваго храма, вывели изъ Палестины и поселили въ Мидію. Естественно, эти евреи не могли не обратитъ на себя вниманія исследователей и туристовъ, особенно теперь, когда все, что касается народѣвъ, еще въ громадныхъ еврейской цивилизаціи, такъ тщательнѣо изучается. Это племѣ представляетъ прѣтѣ двойной интересъ: оно любопытно не только какъ немультурное племѣ, изученіе котораго проливаетъ свѣтъ на наше собственное, восстановленное почти никакимъ слѣдомъ, отдаленное прошлое, оно любопытно какъ блестящая аристократія въ положенію тѣкъ же евреевъ во всей Европѣ. Бары въ горахъ большинства является трусливыми и эгоистическими посредникомъ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ и будущемъ, является такимъ какъ бы въ силу расовыхъ своихъ особенностей. Правда, исторія свидѣтельствуетъ о противоположномъ, но картина настоящаго, хотя бы и односторонне освѣщенная, такъ легко изглаживаетъ изъ нашей памяти воспоминанія

прошлаго! Въ этомъ-то отношеніи интересаго сравнить горцевъ-евреевъ съ европейскими ихъ собратами. Параллельныя картины быта тѣхъ и другихъ говорятъ не только уму, но и непосредственно чувствамъ, а это, по крайней мѣрѣ, понятно для большинства, или, вѣрнѣе, должно бы было быти понятно; мы дѣлаемъ эту поправку, потому что г. Немировичъ-Данченко, останавливаясь въ глубокомъ, полу-поэтическомъ раздумьѣ предъ этими параллелями, отзывается что либо понять и ставить «вопросительный знакъ».

И мы действительно видимъ въ послѣдніе 20 лѣтъ, что въ печать отъ времени до времени проникаютъ свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ племени. Жаль только, что свѣдѣнія эти проникаютъ въ печать очень рѣдко и не отличаются той полнотой, которая необходима для того, чтобъ нарисовать цѣльную картину этого любопытнаго племени. Первымъ пионеромъ въ дѣлѣ ознакомленія съ нимъ общества былъ І. Я. Черный, много поработавшій надъ изученіемъ горскихъ евреевъ. Въ 1867 г. отправился онъ на Кавказъ съ цѣлью изученія ихъ жизни и, послѣ двухлѣтняго странствованія по Прикаспійскому краю и Терской области, познакомилъ публику съ результатами своего путешествія¹. Это небольшая статья, въ которой І. Черный немногими штрихами рисуетъ тѣ черты изъ жизни горцевъ-евреевъ, которыя раньше всего бросаются въ глаза путешественнику: ихъ жилища, одежду, нищу, времяпрепровожденіе, степень ихъ образованности, или, вѣрнѣе, необразованности, обычаи, которыми регулируются ихъ отношенія къ чужестранцамъ и очень немногіе обычаи ихъ внутренней жизни, наконецъ, ихъ вѣрованія, а въ заключеніе приводитъ нѣсколько статистическихъ цифръ. Интересъ статьи І. Чернаго несомнѣненъ; онъ первый пролилъ нѣкоторый свѣтъ на эту горсть людей, какимъ-то чудомъ заброшенную на Кавказъ и сохранившую

¹ Напечатано въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ. Вып. III Тифлисъ. Кроме того въ Терскихъ Вѣдомостяхъ за 1869 г. помещена его же небольшая историческая замѣтка, конца которой мы отыскать не могли.

свою самостоятельность въ теченіе многихъ и многихъ столѣтій. Но жизнь этого племени была слишкомъ блѣдно очерчена въ этой работѣ, что очевидно понималъ и самъ ея авторъ. Онъ еще дѣтъ 8 пронутешествовалъ по Кавказу, и когда онъ съ массой матерьяла въ 1880 г. вернулся въ Одессу, горловая чахотка, развившаяся во время многочисленныхъ странствованій по Кавказу, свела его быстро въ могилу ¹. Но собранный имъ матерьялъ не погибъ. Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи назначило коммисію подъ предѣдательствомъ д-ра А. Я. Гаркави для разсмотрѣнія всѣхъ бумагъ покойнаго путешественника. Послѣ тщательнаго изученія этого матерьяла А. Я. Гаркави приготовилъ къ печати наиболѣе цѣнную часть трудовъ І. Я. Чернаго и въ 1884 г. на счетъ общества издалъ на древнееврейскомъ языкѣ «Путешествіе по Кавказу и Закавказскому краю І. Я. Чернаго». Обстоятельный вышеупомянутый рефератъ объ этой книгѣ представилъ г. Г. б. Г. Тутъ выступаютъ многія весьма грустныя стороны жизни горцевъ-евреевъ. Земли своей у нихъ почти нѣтъ, по большей части они или арендуютъ ее, или сами идутъ въ работники къ землевладѣльцамъ и находятся такимъ образомъ иногда въ самой странной кабалѣ. Экономическая зависимость даетъ себя чувствовать ужаснымъ образомъ, произволъ господствуетъ полный, проявляясь въ самомъ безцеремонномъ насиліи надъ личностью. Къ сожалѣнію, І. Я. Черный, приподнявъ завѣсу надъ этой неприглядной стороной жизни горцевъ-евреевъ, не далъ обстоятельнаго описанія ихъ экономическаго состоянія, и мы лишены такимъ образомъ возможности заключить о томъ, насколько это явленіе представляется нормальнымъ, каково положеніе *большинства* горцевъ-евреевъ.

Конечно, не у г. Немировича-Данченко можемъ мы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ. Этотъ извѣстный туристъ, отпра-

¹ Эти свѣдѣнія мы черпаемъ изъ статьи г. Г. б. Г., помѣщенной въ декабрьской книгѣ „Восхода“ за 1884 г.

ляясь на Кавказъ и знакомый съ первымъ трудомъ Чернаго, какъ и вообще съ Сборникомъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, посѣтилъ горцевъ-евреевъ и послѣ «недѣль» подъ южнымъ солнцемъ, недѣли постоянно смѣняющихся яркихъ впечатлѣній среди чудныхъ, горныхъ пейзажей, нигдѣ и никогда не повторяющихся, рѣшился познакомить публику съ своими путевыми впечатлѣніями. Его «Возвѣствующій Израиль» есть собственно полу-поэтический комментарий къ вышеупомянутой нами статьѣ Чернаго, разбавленный поэзіей «вообще». У г. Немировича-Данченко чрезвычайно интересная манера писать, доставляющая ему обширный кругъ читателей; это манера, такъ сказать, одухотворенія всего, о чемъ приходилось ему слышать и главнымъ образомъ читать. Есть, напримѣръ, на Кавказѣ аулы, покинутые горцами, не пожелавшими подчиниться русскимъ и переселившимся поэтому въ Турцію. Любовь горца къ тому клочку земли, гдѣ онъ выросъ, гдѣ покоится прахъ его предковъ, такъ велика, что часто полу-больной, тайкомъ возвращается онъ въ родной, опустѣлый аулъ, чтобы встрѣтить смерть въ полуразрушенной отцовской саклѣ, гдѣ протекли, лучшіе годы его жизни. И вотъ, когда г-ну Немировичу-Данченко приходится переночевать въ подобномъ аулѣ, оказывается, что въ нижнемъ этажѣ сакли (расположенной по склону горы), въ которой остановился переночевать нашъ туристъ, проводятъ послѣдніе тяжелые часы своей жизни именно такой вернувшійся на родину, нѣкогда богатый и удачей горецъ, Саидъ-али, чтобы умереть тамъ, «гдѣ нѣкогда онъ былъ властелиномъ и куда теперь возвращается безправнымъ нищимъ, хоронясь отъ свѣта Божьяго». Оказывается затѣмъ, что этотъ Саидъ-али пріятель проводника г. Немировича-Данченко Магомада-Али, товарищъ его молодецкихъ набѣговъ. Самъ Магомадъ-Али крайне интересная личность, такъ и просящаяся на страницы восточныхъ легендъ — таково уже счастье нашего туриста! Этотъ Магомадъ-Али представляетъ собою крайне поэтическіе контрасты: рьяный поклон-

ниязь старинны, исчезнувшей вмѣстѣ съ русскими завоевателями, считающей «веселой игрой» кровавую рѣзню иль за плечи, порубившую триста человекъ, этотъ Малонадъ большой любитель котятъ и дѣтей, тотчасъ помочь всякому обдѣнать, всякому угнетаемому, хотя бы цѣной собственной жизни. Вообще поэтическіе контрасты удалась г. Немировичу-Данченко въ теченіе всего недѣли, проведенной на Кавказѣ, наблюдать не равъ; таковой представляется его главамъ уже въ первомъ еврейскомъ духанѣ, который онъ посетилъ на Кавказѣ. Дочь хозяйина этой сакли оказалась дѣвушкой, «которую, право, можно было принять за фею... Представьте узкій овалъ лица, тонкаго и изящнаго. Крупные черные глаза миндалинами смотрятъ на васъ какъ-то робко и покорно. Это взглядъ восточной женщины. Черныя брови словно чуть-чуть наведены кисточкой — такъ правдивы ихъ изгибы; изящный носикъ съ тонкими розовыми ноздрями, слегка раздувающимися даже и отъ обыкновеннаго дыханія и маленькій ротъ, нѣсколько пригнутый ярко-алыя губки... мелкій жемчугъ зубовъ... Распустите по матовой, страстной смуглинѣ этого лица волосы двѣ три кривы... проведите едва замѣтныя голубыя линіи жилокъ», и вы получите, по загвренію г-на Немировича-Данченко, портретъ той красавицы, которая въ хижинѣ горца-еврея болѣе чѣмъ безцеремонно смутила покой туриста на переборъ всѣмъ мѣстнымъ строго-соблюдаемымъ предписаніямъ, держащимъ женщинъ въ очень почтительномъ разстояніи отъ мужчинъ. И рядомъ съ этой «феей» — ея мать, «безобразная старушенка съ склизшимися глазами, вся сморщенная, точно всю ее выжимали и свертывали, какъ свертываютъ и выжимаютъ только что вымытое бѣлье». Контрастъ, право, дѣлающій честь поэтическому чутью туриста. Ему же удастся, въ теченіи той же недѣли, попасть на какой то фарсъ воинственнаго преслѣдованія безъ кровопролитія посвятителя одной дѣвушки, разыгранный ея родственниками.... Въ заключеніе мы приведемъ два примѣра любви г. Немировича-Данченко «одухотворять» все шире

прочитанное. Передавая разговоръ свой съ проводникомъ, г. Намировичъ-Данченко влгаетъ ему въ уста рассказъ о 13-ти лѣтнемъ мальчикѣ Курбанъ-аглы, убившемъ любовника своей матери, Сулеймана. Этотъ случай дословно изложенъ и въ сборномъ нашемъ туристу «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ» въ вып. IV, на стр. 80. Въ томъ-же сборникѣ на стр. 87 рассказывается замѣчательный фактъ, какъ горецъ-одной падкой убилъ леопарда; этотъ же случай почти тѣми же словами передаетъ и авторъ «Воинствующаго Израиля», при чемъ однако оказывается, что авторъ узналъ объ этомъ изъ рассказовъ одного «мѣснаго ураженца». Слѣдовало бы быть по крайней мѣрѣ болѣе осторожнымъ и излагать «своими словами» рассказы «очевидцевъ», вычитанные хотя бы и изъ мало распространенной книги.

Поэтическое описаніе г. Намировичемъ-Данченко своего путешествія способствовало тому, что большой кругъ людей узналъ, что гдѣ-то на горахъ Кавказа живутъ какие-то воинственные евреи, не похожіе на своихъ европейскихъ соплеменниковъ, но въ мало распространеннымъ свѣдѣніямъ объ этихъ горахъ, сообщеннымъ Г. Чернымъ, оно ничего не прибавило. Севернее-азиатскій характеръ носитъ трудъ г. Анисимова, напечатанный въ «Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи», а затѣмъ вышедшій отдѣльной книжкой подъ названіемъ «Кавказскіе Евреи-Горцы». Самъ г. Анисимовъ, горецъ-еврей, выросъ среди своихъ соплеменниковъ, вѣдалъ къ себѣ на родину и во время пребыванія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и следовательно хорошо знаетъ тѣхъ, кого взялся описывать. Понятно, это должно придать особое значеніе правдѣ дованію. Не отрицая значения труда г. Анисимова, представляющаго дѣйствительно много интереснаго, мы должны однако сказать, что изслѣдователь сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ могъ и долженъ былъ сдѣлать. Главный упрекъ, который можно поставить автору, это тотъ, что онъ поверхностно описалъ свое племя. Впрочемъ естественно, что путешественникъ наблюдаетъ только тѣ стороны жизни народа, которыя проявляются въ его

вѣдѣнныя отношеній, но болѣе чѣмъ странно, когда такую поверхностность обнаруживаетъ человѣкъ, выросшій среди общепринятаго имъ народа. Весь хозяйственный строй горцевъ-евреевъ авторъ характеризуетъ почти одними статистическими цифрами, правда имъ самыми собранными, не всякому доступными, но все же далеко недостаточными для того, чтобъ читатель могъ составить себѣ ясное представленіе объ экономическомъ строѣ нашихъ соотечественниковъ. Авторъ подробно описываетъ религіозныя обряды, немногіе обычаи, а весь внутренній строй семьи остается въ нѣкоторой туманѣ; такъ, напримѣръ, мы узнаемъ подробности сватанія и свадьбы, а объ имущественныхъ отношеніяхъ, изъ брата вытекающихъ, намъ почти ничего не сообщается. Для г. Анисимова какъ бы вовсе не существуетъ юридическій бытъ его соотечественниковъ, между тѣмъ его изслѣдованіе не только предоставляется важнымъ для пониманія быта и характера горцевъ, но могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ и на происхожденіе современныхъ юридическихъ институтовъ, какъ и всякое изслѣдованіе народа, сохранившаго въ чистотѣ свои обычаи. Даже внутреннее управленіе горцевъ-евреевъ не затронувается авторомъ; мы узнаемъ только, что наши кавказскіе единогубцы пользуются всѣми правами коренныхъ русскихъ. Такимъ образомъ бытъ горцевъ-евреевъ далеко еще не истощенъ изслѣдователями; будемъ надѣяться, что мы увидимъ работы, которыя имѣтъ болѣе глубоко посвятить въ жизнь этого племени. Г. Анисимовъ имѣетъ для этого все данныя, жалъ только, что онъ не воспользовался прекрасными трудами, посвященными изученію народовъ, нетронутыхъ цивилизаціей. Даже «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ» могъ бы дать ему много поучительнаго; мы уже не говоримъ о работахъ Мана, Ковалевскаго и др.

Сравнительное изученіе горцевъ-евреевъ представляется действительно настолько поучительнымъ, что стоило бы надъ этимъ нѣсколько серьезнѣе поработать. Подобныя изслѣдованія съ несомнѣнностью убѣдили бы всѣхъ, которыхъ вообще воз-

можно въ чемъ либо убѣждать, что толки о какихъ то расовыхъ недостаткахъ евреевъ суть не болѣе какъ плодъ или недостаточнаго знакомства съ исторіей, или просто недобросовѣстности. Если въ Европѣ и свѣдался среди евреевъ не-симпатичный типъ, то это не потому, что евреи оказались особенно склонными къ подобному вырожденію: вѣдь тѣ же евреи среди кавказцевъ не имѣютъ представителямъ этого намъ не-симпатичнаго типа. Обвинять европейскіе евреевъ въ какихъ-то расовыхъ особенностяхъ—вѣдь это также бессмысленно, какъ обвинять кавказскихъ горцевъ-евреевъ въ расовой некультурности въ виду крайне низкаго уровня ихъ образованности. И тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ у г. Анисимова, достаточно для доказательства нашей мысли.

Даже на ту сторону еврейскаго народа, въ которой наиболѣе ярко и сильно проявилась его индивидуальность, на ту его сторону, которую онъ можетъ по праву наиболѣе гордиться—его религію, окружающая природа, окружающіе люди оказали въ значительной степени свое вліяніе. Сохранивъ религію предковъ, еврей-горцы въ своихъ вѣрованіяхъ далеко не чужды очень многихъ чертъ язычества. «Нѣкоторые обычай горскихъ евреевъ, читаемъ мы у Анисимова, носятъ языческій характеръ... Они хотя и увѣрены въ существованіе единого Бога, но предполагаютъ, что кромѣ Него есть и другія необыкновенныя существа божественнаго происхожденія, которыя имѣютъ обширную власть надъ природою и человекомъ». Божества эти дѣлятся на видимыхъ и невидимыхъ для человека, на добрыхъ и злыхъ. Божества видимыя являются людямъ въ видѣ животныхъ, при чемъ тотъ или другой способъ явленія знаменуетъ собой счастье или бѣду.

У горцевъ-евреевъ есть свои домовые, одеждагоіе-макъ, изображаемые въ видѣ семиглавыхъ змѣй; для нихъ на полу ставятся чапки съ медомъ; затѣмъ водяные, серъ-ови. Въ образѣ воздушной дѣвы, блдой какъ снѣгъ, охраняетъ Серъ-ови въ лунныя ночи фонтаны отъ недобрыхъ людей, которые взду-

малы бы исперлись ичешкотами изъ воды. Впрочемъ, дѣятельность этихъ воздушныхъ дѣвъ не всегда такъ безпорочна, такъ благодѣтельна; эти же дѣвы заманиваютъ порой молодыхъ людей (старшии могутъ считать себя вполне огражденными отъ ихъ соблазна) и топятъ въ водѣ неопытныхъ и увлекаемыхъ. Краевъ того, Сарт-ави — страшница для раженицъ. Она пользуется ихъ одиночествомъ для того, чтобы, являясь въ образѣ родственницы, вынудить у нихъ внутренности; потому раженицы не оставляютъ безъ примотра въ комъ, (мѣра во всякомъ случаѣ крайне покаяная). — Доягъ гостеприимства олицетворяется у геральд-сиревъ Илекъ-Неси. За негостеприимный приемъ этого бога, хозяинъ, какъ гласятъ многоколѣнные преданія, можетъ жестоко поплакаться. — Все алее — этотъ демонъ-помучитель алабаго челоуѣчества — олицетворяется Шекаду и множествомъ духовъ, находящихся въ его мѣднѣи и приводящихъ ему множество адептовъ среди мужчинъ и особенно женщинъ, въ которыхъ эти духи по преимуществу осаждаются. Комаитини духовъ служатъ сюжетомъ многихъ преданій. — Растительное царство, дождь, громъ, молнія, времена года имѣютъ своихъ особыхъ боговъ. Представленія о загробной жизни тоже носятъ въ значительной степени анимическій характеръ. Явившись въ вержовный судъ, душа получаетъ 7-ми дневный такъ сказать отпускъ. Затѣмъ судятъ ее при крайне торжественной обстановкѣ, хотя самыя формы судопроизводства чрезвычайно просты: на одной чашѣ вѣсы располагаются ангелы, созданные добрыми дѣлами покойника, на другой созданные злыми... споры тутъ очевидно немалымы. Прямо въ рай никто не попадаетъ, такъ что ада никому не миновать, но болѣе грѣшныя души до перехода въ адъ должны сотни и тысячи лѣтъ, превращенныя въ разныхъ животныхъ, переносить на землѣ всевозможныя страданія. Только цѣной такихъ мукъ покупаютъ грѣшники право облечься въ прежнее тѣло и поступить на новыя муки въ распоряженіе своихъ ангелопалачей — злыхъ духовъ; это продолжается до полученія особаго

распоряженія съ неба подвергнуть душу послѣднему испытанію. Такъ какъ адъ находится въ глубинѣ земли, а рай надъ седьмыми небомъ, то душа, для того, чтобы осуществить свое новое право, нуждается, по мнѣнію горцевъ, въ особыхъ путяхъ сообщенія; для этой цѣли и служитъ накаленная проволока, соединяющая адъ съ раемъ. Мушн, которыя приходится испытывать душѣ на этомъ пути, окончательно очищаютъ ее отъ всѣхъ грѣховъ и тогда-то, наконецъ, предъ ней открываются райскія верета. Здѣсь въ раю, утоная въ лучезарномъ сіяніи Господа-Бога, души слушаютъ рѣчи ангеловъ, превозносящихъ имя «Еговы-Севасея». — Тотъ же языческій элементъ явно обнаруживается въ празднованіи горскими евреями нѣкоторыхъ праздниковъ, установленныхъ еврейскою религіею. Отсылая интересующихся за подробностью къ труду г. Анисимова (гл. I), мы отмѣтимъ здѣсь еще тотъ любопытный фактъ, что изъ горскихъ евреевъ городскіе гораздо въ меньшей степени придерживаются языческихъ обрядовъ, чѣмъ ихъ сельскіе соплеменники. Этотъ фактъ одновременной вѣры въ единого Бога и существованія языческихъ вѣрованій и обрядовъ нѣсколько не долженъ насъ удивить. Грандіозная природа Кавказа не могла не наложить нѣсколько языческаго оттѣнка на вѣрованія горцевъ-евреевъ, свобода сношенія съ остальными горами, съ которыми евреи вообще въ отношеніяхъ хоронихъ (стр. 15), должна была также отразиться на ихъ религіи. Сплеснутое невѣжество, къ которому вернемся ниже, тоже должно было въ значительной степени усилить вліяніе этихъ причинъ, способствовавшихъ распространенію среди евреевъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Въ этомъ отношеніи они раздѣлили судьбу другихъ горцевъ. Такъ напримѣръ, джероховцы, кистинцы и галгаевцы считаютъ себя мусульманами, а между тѣмъ, у нихъ можно наблюдать обряды и христіанскіе и языческіе, причемъ особенно рѣзко выдѣляются эти послѣдніе.¹

¹ Въ Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, ст. Грабовскаго „Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго Уч. Ингушевскаго округа“. Стр. 16. Совер-

Наружность кавказскаго еврея легко обнаруживается въ немъ горца. Смуглый; стройный; тонкій въ плечахъ и широкій въ плечахъ, съ черными глазами съ желтоватымъ бѣлкомъ, большимъ орлинымъ носомъ и слегка выдающимися скулами, горскій еврей сильно похожъ на лезгина, чеченца, черкеса. Женщины значительно красивѣе мужчинъ. Лица у женщинъ бѣлыя, часто очень блѣдыя, глаза черныя съ длинными ресницами, тонкія блѣдыя губы, носъ прямой, заостренный немного въ концѣ, съ маленькимъ возвышеніемъ у переносицы, удлиненный подбородокъ, высокая грудь, узкія плечи, тонкая талія; средній ростъ и длинныя черныя волосы, доходящія у иныхъ до колѣнъ (стр. 71).

Одежда и жилище горца-еврея вполне обнаруживаетъ въ немъ дитя Кавказа. Дома въ европайскомъ вкусѣ встрѣчаются у горцевъ-евреевъ только въ городахъ, и то убранство обыкновенно азіатское, въ аулахъ же евреи живутъ постоянно въ сакляхъ. Только передній фасадъ сакли смазывается, какъ и внутреннія стѣны, глиной, смѣшанной, съ соею, и бѣлятся извѣстью. Сакли состоятъ обыкновенно изъ двухъ или трехъ комнатъ. Одна предназначена для женщинъ; другая для мужчинъ. Если имѣется еще третья комната, то она служитъ для гостей. Такое же дѣленіе комнатъ мы встрѣчаемъ и у другихъ горцевъ.

Уже внѣшній осмотръ комнатъ свидѣтельствуетъ о томъ приниженномъ положеніи, въ которомъ у горца находится женщина. Жидская комната, это въ то же время кухня, дѣтская,

---

можно такое же замѣненіе наблюдать въ самое послѣднее время и в. Н. Маруши. См. его статью, „По горамъ сѣвернаго Кавказа“ въ „Вѣстникѣ Европы“ дн. 10-я 1888 г. стр. 515. Въ этой статьѣ есть нѣсколько словъ и о горскихъ евреяхъ, которыхъ путешественникъ наблюдалъ къ сожалѣнію только въ городахъ, и следовательно типичныхъ горцевъ-евреевъ почти не видѣлъ. Однакоже и г-ну Хируану „въ Налъчѣ“ пришлось познакомиться съ однимъ молодымъ горскимъ евреемъ, считавшимся лучшимъ и храбрѣйшимъ нападникомъ, съ которымъ не могли спорить природные горцы. Замѣтимъ тутъ кстати, что нѣсколько странно противопоставлять *природнымъ* горцамъ евреевъ, „которые съ не заматныхъ временъ покинули Палестину“ и прожили много вѣковъ среди горъ.

кладовая, мѣсто для сушки мяса. «Около стѣнъ съ одной стороны находятся «хумы» (сосуды вышиной до двухъ аршинъ), служащія для вина, муки, моченыхъ и соленыхъ плодовъ, отрубей, ковровые мѣшки, набитые пшеницей, дрова; съ другой стороны находятся три каменныхъ столба, на которые кладется доска и навѣшивается коврикъ. Это составляетъ полку для дѣтской и лишней постели и тряпочъ. За ковромъ надъ полкой находится лавка, на которой ставятся въ рядъ горники и сосуды, содержащія сыръ, молоко, масло, крупу и пр. На третьей стѣнѣ надъ занавѣской, надъ потолкомъ въ стѣнѣ, двѣ полки, на которыхъ красуется различная стеклянная посуда... Подъ полками, немного выше занавѣски, висятъ два зеркальца, бутылки и графинчики, привязанные веревочками за горлышки, тарелки... Въ четвертой стѣнѣ находятся: дверь, окна, каминъ и двѣ ниши... Окна у богатыхъ со стеклами въ рамахъ и толстыми дубовыми ставнями топорной работы, а у бѣдныхъ безъ рамъ и стѣколовъ. На этой стѣнѣ виситъ различная мѣдная посуда. Сверху двери на длинныхъ, вбитыхъ въ стѣну, кожаныхъ помѣщается корыто съ мукой и кускомъ кислаго тѣста. Зимой трудно войти непривычному чужеземцу въ женскую половину — такая тамъ вонь, грязь и нечистота» (стр. 75 сл.). Такова та единственная комната, въ которой помѣщается у горца прекрасная половина рода человеческого. Несравненно чище остальные двѣ комнаты сакли — мужская и кунацкая. «Кунацкая комната, даже у самыхъ бѣдныхъ, бываетъ наполнена всевозможными вещами азіатскаго производства и оружіемъ. На верхнихъ полкахъ, фаянсовые и стеклянные чашки и тарелки, графины, старинныя бутылки, мѣдныя чашки, позолоченныя кувшинчики, вазы и пр. На стѣнѣ подъ этими же полками и надъ занавѣской изъ бархата или нестрой шелковой матеріи съ золотой бахромой внизу, висятъ большія мѣдныя тарелки, зеркала, подносы съ золочеными рисунками, шелковыя шали, книжалы, пистолеты, ружья, пашки и пр. Полы покрыты коврами» (стр. 78 сл.). Къ со-

жалѣнно, г. Анисимовъ не говоритъ о другомъ родѣ жилищъ, о которомъ упоминаетъ І. Черный въ своемъ путешествіи по Кавказу. «8-го августа, пишетъ онъ, я прибылъ въ деревню Ружомъ и спросилъ сопровождавшаго меня раввина: гдѣ же сама деревня и гдѣ дома?»

— Тутъ въ ямахъ, подъ землей, живутъ евреи, отвѣтилъ онъ мнѣ спокойно, какъ челоуѣкъ, говорящій о чемъ то очень обыкновенномъ.

«Мы... спустились въ одну изъ этихъ ямъ, казавшуюся больше остальныхъ, возвышаясь на аршинъ надъ уровнемъ земли. Маленькое оконце безъ стекла скупо пропускало солнечный свѣтъ, на полу валялась плохая циновка, роскошь, которую эта землянка отличалась изъ другихъ. Больше въ землянкѣ ничего не было»¹. Интересно было бы знать, какъ велика та часть населенія, которая должна владѣть своею собственною существованіемъ въ этихъ жалкихъ ямахъ.

Точно также и одеждою своею еврей-герцъ не отличается отъ другихъ кавказцевъ; какъ и они, не расстаются онъ никогда со своимъ оружіемъ. Одежду мужчинъ составляютъ ситцевый бешметъ съ стоячимъ воротникомъ, черкеска безъ воротника съ крючками, застегивающимися у тали и на груди и съ петроушками, валяющимися газыри для пороха. Въ поясу, часто украшенному серебряными или золотыми галуномъ, привѣшенъ кинжалъ, часто въ серебрянныхъ ножнахъ. Костюмъ женщины состоитъ изъ широкихъ шальваръ, атласнаго архалука, зимою на ватѣ, который надѣвается сверхъ рубашки, «чутки» — мѣшокъ, покрывающій голову, и сверху платка. Женщины одѣваются не безъ значительнаго щегольства, ихъ архалуки и рубашки отдѣляются серебрянными и золотыми галунами, въ ушахъ громадные кольца, руки украшены многочисленными кольцами на всѣхъ пальцахъ, за исключеніемъ большаго. Дѣвушки носятъ на груди бусы.

¹ Вышеуказанная ст. г. Г.-Б.-Г. стр. 43.

Даже косметика хорошо знакома горским красавицам: волосы они окраивают какими-то персидскими травами «эни»; для чистки зубовъ и приданія рту пріятнаго запаха жуютъ какой-то составъ бѣлой смолы съ гвоздикой.

Истинной труженицей семьи является женщина, какъ и у всѣхъ кавказцевъ¹. Самые тяжелыя работы падаютъ на эту несчастную работницу, не знающую и минуты вполне свободной. Она приноситъ въ домъ воду, очищаетъ конюшню, исполняетъ всѣ домашнія работы, мажетъ крыши, бѣлитъ стѣны. И когда этотъ непрерывный тяжелый физическій трудъ быстро превращаетъ горскую красавицу въ некрасивую сморщенную старуху, мужъ сбиваетъ въ объятіяхъ новой молодой жены угнѣтъ себя за преждевременную, непривлекательную старость своей первой жены, такъ какъ многоженство допускается горцами-евреями; но впрочемъ чувственнымъ воздѣліямъ мужчинъ, не сдерживаемымъ одатемъ (обычаемъ), кладетъ довольно тѣсныя границы недостаточность экономического благосостоянія, и рѣдко у кого имѣется болѣе двухъ женъ. Не всегда оказывается возможнымъ совместное жителство мѣскавскихъ женъ, такъ какъ страхъ предъ общимъ господиномъ не въ состояніи заставить ихъ поддерживать мирныя отношенія въ отсутствіе мужа. Г. Анисимову приходилось въ дѣтствѣ бывать свидѣтелемъ подобныхъ стычекъ. Сперы нередко доходили до побоевъ, жены царапали другъ друга до крови, и только появленіе мужа *ipso facto* восстанавливало мирныя и даже дружескія отношенія, конечно, до перваго его ухода. И дѣти вынуждены слушать всю безцеремонную брань и откровенныя сплетни, которыя разъяренныя соперницы кидаютъ другъ другу въ лице во время подобныхъ стычекъ, видѣть побои, синяки, царапины взаимно наносимыя ихъ «мамами». Г. Нежировичъ-Данченко однако ошибается, по-

¹ См. напр. стр. 22 въ ст. «Природа и люди Закавказскаго окр.» въ «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ». Также и вышеупомянутую статью Харуниа.

лагаю, что только у евреевъ ссоры женщ. доводятъ мужей до необходимости строить имъ отдѣльныя сани. Совершенно тоже наблюдается и у другихъ племенъ Кавказа, напр. у дагестанскихъ горцевъ аверскаго племени¹.

Этотъ постоянный усиленный трудъ женщины даетъ возможность мужу посвящать многіе и многіе часы самой безпашанной праздности. Въ часы досуга, довольно многочисленныя, онъ «перестаетъ думать о будущемъ, о завтрашнемъ кускѣ насущнаго хлѣба. И это правдное препровожденіе времени и безвѣчность, этотъ праздный разгулъ за ведрами вина или штофами водки съ шашлыкомъ, это расхаживаніе изъ дома въ домъ и по всему аулу съ шапкой на бокрени и черкеской или шубкой въ накидку, эти бесѣды и всевозможныя мечты воокѣ лавокъ или на лавкахъ около домовъ, продолжаются не день, не два и не недѣли, а иногда цѣлыя мѣсяцы». Кроме игры въ шахматы, любимое занятіе горцевъ-евреевъ составляютъ всевозможныя безсмысленныя пари: спорять о томъ, кто сколько арбузовъ перерубитъ однимъ ударомъ кинжала, сколько съѣстъ арбузовъ, дынь, яицъ и пр.»

Понятно, какимъ приятнымъ событіемъ среди такого однообразнаго *dolce far niente* долженъ быть пріѣздъ въ аулъ какаго либо чужестранца. Еще на улицѣ оказывается онъ окруженнымъ чуть ли не всѣмъ наличнымъ населеніемъ аула. Всѣ стараются узнать отъ него какъ можно больше новостей и сильно завидуютъ тому счастливцу, у котораго остановился чужестранецъ.

Не одни впрочемъ мужчины любятъ всякія новости не менѣе падки до нихъ и женщины, которыя притомъ большія слепотницы, какъ впрочемъ и всѣ дочери Евы; однако водичественная природа Кавказа, постоянныя войны мужей наложили на горскую женщину въ этомъ отношеніи своеобразный

¹ См. Сборн. свид. о кавказск. горц., ст. Н. Львова: «Домашняя и семейная жизнь дагест. горцевъ аверск. племени», стр. 20.

оттѣнокъ: у нихъ сплетни и пересуды переходятъ не только въ ссоры (это вѣдь происходитъ всюду), но и въ драку. Униротворителями въ подобныхъ случаяхъ являются мужья, при чемъ однако символомъ этого мира можетъ служить не пальмовая вѣтвь, а плетка. И все это типичныя черты горцевъ вообще. Тѣ же сплетни и та же болтовня женщинъ характеризуютъ женщинъ джераховцевъ, кистинцевъ и галгаевцевъ, та же праздность въ натурѣ ихъ мужей, проводящихъ въ бездѣльи цѣлые дни на площадяхъ. И они рады прѣзду каждаго чужестранца, съ любопытствомъ окружаютъ его, вслушиваются во всѣ новости, вѣрятъ во всемъ его рассказамъ¹. То же самое и у Аверскаго племени². И въ этой безшабашной праздности съ наслажденіемъ проводить время единовѣрцы вѣчно занятыхъ, вѣчно безпокойныхъ и озабоченныхъ европейскихъ евреевъ!

Какова основа внутренняго строя семьи горскихъ евреевъ — понять не трудно. Какъ у всѣхъ нетронутыхъ цивилизаціей народовъ, патріархальная власть надъ семьей принадлежитъ нераздѣльно мужу. Къ сомаѣтнію, внутренній строй семьи недостаточно подробно рассмотрѣнъ г. Анисимовымъ. Что власть мужа надъ женой велика, объ этомъ мы уже имѣли случай говорить выше, фактъ многоженства самъ по себѣ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этой власти. Лучшимъ же показателемъ того, на сколько сильна власть родительская, можетъ служить стѣпень свободы, или точнѣе несвободы при вступленіи въ бракъ. Какъ у всѣхъ народовъ восточныхъ, такъ и у кавказскихъ евреевъ сыновья и дочери въ этомъ отношеніи вполне подчинены волѣ родителей. Хотя дѣвушки и ведутъ по правиламъ вполне затворническую жизнь и нигдѣ не должны показываться, тѣмъ не менѣе случаи, въ коихъ имъ

¹ См. Сборн. Свѣд. о Кавк. горцахъ ст. «Эконом. и домашн. бытъ жителей Горск. Уч. и т. д. стр. 5». «Домашняя и семейная жизнь Дагестанскихъ горцевъ Аверскаго плем.» Стр. 5, «Какъ живутъ Лаки» стр. 1.

² Ibid. Ст. «Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ» стр. 13.

договоряется общеніе, (очень свободное) съ остальною молодежью довольно многочисленною, какъ мы увидимъ ниже. Мы поэтому не вполнѣ согласны съ г. Анисимовымъ, который такъ напираетъ на затворничество, какъ причину несвободы при заключеніи брака; все дѣло тутъ въ широкой родительской власти. Впрочемъ въ этомъ отношеніи молодежь, а въ особенности горскія дѣвушки, иногда раздѣляютъ судьбы своихъ единокровцевъ въ Россіи; но этимъ и ограничивается сходство. Отношенія между молодыми людьми и дѣвушками, обрученіе, помолженіе жениха и невесты, наконецъ, свадьба, все это такъ подробно, такъ тщательно, съ такою любовью, доходящей до поэтическаго нафоса, описано г. Анисимовымъ, что съ этой стороны мы можемъ о любовной во многихъ отношеніяхъ жизни горцевъ составить себѣ наиболѣе ясное представленіе. Видно, любовь во всѣхъ ея перипетіяхъ интересуетъ автора въ значительно большей степени, чѣмъ экономическія и юридическія отношенія его соплеменниковъ. Вліяніе любви, по мнѣнію автора, такъ велико, что распространеніе въ послѣднее время чужести между его соплеменниками объясняется часто повторяющимися случаями несчастныхъ браковъ!

Обычай дѣтей безропотно подчиняться волѣ родителей и вступать въ бракъ съ тѣмъ лицомъ, которое будетъ ими указано, при чемъ даже и разговоры съ родителями по этому вопросу считаются неприличными, идетъ такъ далеко, что родители, по разнымъ семейнымъ и экономическимъ соображеніямъ, а иногда просто за чаркой вина, сватаютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Превратившись въ молодыхъ людей и взрослыхъ дѣвушекъ, они должны свято исполнять волю родителей. При чемъ, если помолвленные живутъ въ разныхъ городахъ или аулахъ, то часто случается, что женихъ и невеста не видятъ другъ друга вплоть до дня своей свадьбы.

Впрочемъ не всегда воля родителей опредѣляетъ судьбу дѣтей. Подъ палящими лучами южнаго солнца страсти разгораются сильно, и тутъ не только воля отца, но даже и узы

законнаго брака перой бывають не въ особенннй удерживать женщину отъ того, на что его толкаетъ любовь. Приглашается молодой дѣвушка-чеченка въ недалекомъ аулѣ, и онъ похищаетъ родную сестру, ослѣпшую жену, мѣняетъ вѣру отцевъ и бросается въ объятія околдованной его красавицы. Въ единовѣрцы съ восторгомъ принимаютъ его, такъ какъ еврей-горецъ, принявшій магометанство, неважуются глубочайшимъ почетомъ среди магометанъ, торжественно принимаетъ титулъ шейхи (святаго) и становится выше всѣхъ въ обществѣ. Когда онъ подходитъ, или проходитъ мимо, то всѣ считаютъ своею обязанностью вставать и оказать ему должное почтеніе словами привѣтствія «саламъ-алайкумъ». Родители не прощаютъ такой измѣны вѣрѣ отцевъ, и между ними и дѣтьми прерываются всякія отношенія, что нисколько не удивительно въ виду того крайняго фанатизма, которымъ отличаются горцы. Впрочемъ если молодой человекъ, полюбившій магометанку, холостъ, то дѣло принимаетъ иной оборотъ. Съ помощью молодежи, всегда готовой оказать поддержку въ подобныхъ дѣлахъ, похищаетъ онъ предметъ своихъ вздыханій. Само собой, что это дѣлается всегда съ согласія дѣвушки (дѣвушку безъ ея согласія, обыкновенно, бываетъ даже и невозможно похитить), которая, въ случаѣ благоприятнаго исхода похищенія, принимаетъ іудейскую религію и становится женой счастливаго похитителя. Если погоня успѣваетъ настичъ похитителей, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и молодежи приходится съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать драгоцѣнный объектъ спора. Въ послѣднее время, вмѣстѣ съ завоеваніемъ Кавказа русскими, любовныя похищенія среди молодежи приняли иной, болѣе безнравственный характеръ. Въ городахъ, гдѣ затворничество женщинъ отнюдь не соблюдается, они легко отдаются разврату, который былъ немислимъ въ прежнее время, въ аулахъ.

Какъ и у всѣхъ народовъ, у которыхъ женщина составляетъ главный рабочій элементъ семьи, не невѣста приноситъ

выданное жениху, а наоборотъ, мужъ платитъ за нее ей родителямъ; эти деньги называются «катынь», который рѣдко бываетъ ниже 150 рублей. Кроме того свадьба, всегда весело и шумно справляемая, обходится очень дорого жениху; имъ же приобретается дорогое подвенечное платье, такъ что въ общей сложности горцу жениться обходится рѣдко дешевле 300—400 рубл. Неудивительно поэтому, что между горцами можно часто встрѣтить старика холостяковъ, хотя не женатый горецъ и считается недостойнымъ носить попоку и кинжалъ.

А. К—и—а.

(Окончана слѣдуетъ).

БИБЛЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ.

(Изъ книги пророка Амосъ, гл. 8-я).

Послалъ мнѣ видѣнье
Господь Саваофъ:
А видѣлъ воинаду
Румянцкъ пледошь.
И голосъ Господень
Въ ночной тишинѣ,
Какъ пѣніе арфы,
Послышался мнѣ.
— „Вотъ спокны ссорѣли,
Сказалъ мнѣ Творецъ,—
Израиль заблудилъ
Привелъ твой конецъ!
Исполнилась мѣра,
Исчезнлася срачь,—
Зарю кровавою
Зайтется востокъ,
День скорби и стоновъ
Настанетъ для всѣхъ,
Рыданія смѣнять
И дѣсны, и смѣхъ!

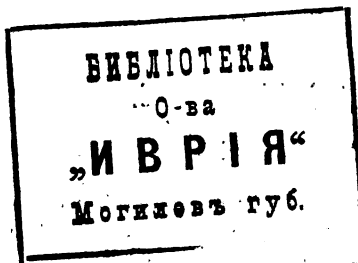
И ангелы смерти
 Пройдутъ по землѣ,
 И будетъ печать ихъ
 На каждомъ челѣ,
 И грудами лягутъ
 Людскія тѣла,
 Какъ будто по міру
 Проказа прошла.
 И станутъ ихъ, молча,
 Родные бросать,
 И слезы прольются
 На каждую пядь
 Земли нечестивой...
 Сіонъ, трепещи!
 Натянуты луки,
 Сверкаютъ мечи,
 Возмездіе близкое
 Посюдь Самсоу
 Наложить десницу
 На блудныхъ синопъ,—
 На тѣхъ, кто терзаетъ
 И вдовъ, и сиротъ,
 И всѣвки хлѣба
 За хлѣбъ продастъ,
 И съ мѣрой поддѣльной
 Снѣднеть на торги,
 И братьямъ неволю
 Сулить за долги!...

Отъ ихъ беззаконій:
     Возмутится мѣръ,
 И дрогнетъ пространство;
     Смутится вѣрша,
 И солнце затмится
     Средь бѣлаго дня,
 И въ рубищѣ ветхомъ,
     Томясь и стена,
 Склонится Израиль,
     И будетъ рыдать,
 Какъ плачетъ о сынѣ
     Несчастливая мать....
 И голодъ, и жажда
     Наступятъ тогда,—
 Отъ нихъ не избавятъ
     Ни хлѣбъ, ни вода:
 То голодъ и жажда
     Пророческихъ словъ....
 Но будетъ безгласенъ
     Господь Саваофъ.
 Отъ моря до моря
     Израиль пройдетъ,
 На сѣверъ далекій,
     На югъ и восходъ,
 И будетъ скитаться,
     И правды искать,
 И тщетно молитвы
     Свои вспоминать,—

И будетъ безумцу
Весь миръ, какъ тюрьма,
И стонъ, и проклятыя,
И вѣчная тьма....

Константинъ Льдовъ.

ЦАРЬ СІОНСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Баръ Нахба, царь іудейскій.
Юлій Северъ, римскій полководецъ.
Тимій Руфъ, римскій намістникъ.
Элеазаръ, пророкъ.
Акиба
Измаиль } законоучители.
Меиръ }
Абимелехъ, шугъ.
Самаритянинъ.
Берурія, жена Меира.
Дина, дочь Акибы.
Деянира, греческая гетера.
Іудейскіе военачальники.
Римскіе центуріоны.
Левиты.

Народъ, римскіе и іудейскіе солдаты, служители.

Дѣйствіе происходитъ въ Бетерѣ, въ Палестинѣ, около 135 по Р. Хр.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Посреди́хъ сцены стѣны Бетера. — Направо городъ Бетеръ, налѣво оковы и поле. — На стѣнахъ нѣсколько іудейскихъ солдатъ; въ полѣ передъ стѣнами римскіе солдаты. — Вечеръ).

1-й римскій солдатъ.

Эй, вы, обрѣзанцы! Что торчите на стѣнахъ? Развѣ вы не знаете, что завтра утромъ возобновится сраженіе?

1-й іудейскій солдатъ.

Дай Богъ, чтобы солнце взошло какъ можно раньше!

2-й римскій солдатъ.

Слушайте, жалкіе обрѣзанцы...

2-й іудейскій солдатъ.

Завтра и вы будете обрѣзанцами, потому что мы отрубимъ вамъ головы!

2-й римскій солдатъ.

Ха, ха, ха! Чтобы умиловить васъ, мы принесли вамъ подарокъ. (*Поднимаетъ съ земли, дохлаго поросенка. Римскіе солдаты громко смѣются.*)

1-й римскій солдатъ.

Когда мы овладѣли вашимъ укрѣпленнымъ Туръ-Симономъ, то перерѣзали тамъ сто тысячъ такихъ героевъ, какъ вы. Вы плодитесь, какъ кролики, и обладаете храбростью кроликовъ. Даже этотъ правовѣрный поросенокъ сдѣлался трусливымъ среди васъ. Онъ искалъ спасенія на алтарѣ вашемъ въ Туръ-Симонѣ. Мы принесли его вамъ въ знакъ памяти. Ну, ка, хорошаго аппетита! (*Римскіе солдаты перекидываютъ поросенка черезъ стѣны внутрь Бетера.*)

1-й іудейскій солдатъ.

Вотъ у васъ уже однимъ вождемъ меньше!

1-й римский солдатъ.

Но имѣ лучше такой вождь, чѣмъ развратникъ, какъ вашъ царь.

1-й іудейскій солдатъ.

Котораго вы боитесь больше, чѣмъ собственнаго императора!

1-й римскій солдатъ.

Который одинъ имѣеть больше незаконныхъ женъ, чѣмъ все римское войско!

1-й іудейскій солдатъ.

Который одинъ имѣеть больше мужества и силы, чѣмъ все римское войско!

2-й іудейскій солдатъ.

А вамъ развѣ сладко приходится отъ вашего Руфа, этого мясника, который приговорилъ къ смерти больше римскихъ солдатъ, чѣмъ убилъ нашихъ.

3-й іудейскій солдатъ.

Или отъ Севера, который наказываетъ васъ плетью, какъ превратныхъ рабовъ!

2-й римскій солдатъ.

Конечно, хорошо, какъ скоро они постоянно побѣждаютъ, и мы почти каждыя двѣ недѣли имѣемъ поживу.

3-й римскій солдатъ.

А по вкусу ли вамъ придется Кабуль? А Сикинь? А Магдаля? Чортъ васъ поберетъ, у васъ красивые дѣвки!

1-й римскій солдатъ.

Вы залѣзли въ эту мышиную нору, которая служить для васъ послѣднимъ убѣжищемъ. Но мы и отсюда васъ выкуримъ, а тогда вамъ уже будетъ конецъ.

(Звуки трубъ изъ Ветера).

1-й иудейскій солдатъ.

Вы покажете себя зубы объ наши стѣны! Пока царь живъ, вамъ не удастся побѣдить насъ, а Баръ Кохба безсмертенъ!

2-й иудейскій солдатъ.

Каждый изъ насъ убьетъ десять вашихъ рабовъ, оружіемъ, и столько же задушить руками. Мы будемъ терзать васъ зубами, прежде чѣмъ отдадимъ вамъ наше отечество и свободу.

(Снова раздаются звуки трубъ).

3-й иудейскій солдатъ.

Прочь отсюда, свинопасы!

4-й римскій солдатъ.

Мы скоро сюда вернемся! Встряхнемъ Ветеромъ, ваши яблоныя, яблоки опишемъ, а дерево сожжемъ. *(Римляне удаляются).*

ЯВЛЕНІЕ II.

(Въ третій разъ раздаются звуки трубъ. — Въ стѣнахъ города собирается гарнизонъ Ветера, начальники выстраиваютъ его; кругомъ народъ изъ Ветера. — Наступаетъ ночь).

Начальникъ.

Зажечь факелы! Вскорѣ прибудетъ царь. Онъ запретилъ громко привѣтствовать его.

(Каждый десятый солдатъ зажигаетъ свой факелъ при помощи огня, который разноситъ одинъ изъ солдатъ. Слышатся протяжные звуки трубъ. Появляется Баръ Кохба, за нимъ Акиба и Элеазаръ).

Нѣсколько солдатъ *(преклоняя колѣни передъ Кохбой и цѣлуя край плаща ея, подавленнымъ голосомъ):*

Вожь нашъ! Обожаемый царь!

Баръ Кохба.

Встаньте, товарищи! Сказано было: хранить молчаніе!... Мы нападемъ съ четырехъ сторонъ; смотрите, съ быстротой молніи ворваться въ самое сердце лагерь! Потому отступать, продолжая сражаться. Начальники объявятъ вамъ болѣе подробныя распоряженія. *(Идетъ вдоль фронта)*. Солдаты! Въ вашихъ рукахъ свобода... и поворотъ, какъ двѣ когти: бросайте смѣло, не раздумывая, судьба будетъ благопріятствовать вамъ. Вы, братцы, не нуждаетесь въ возвышенныхъ рѣчахъ, которые, подобно вину, искусственно возбуждаютъ испорченную кровь. Народъ Макавеевъ — это львиная кровь! *(Подходитъ къ одному изъ солдатъ)*. Эй, товарищъ! Ты что рвешь съдую бороду свою? Что сжимаешь кулаки? Я знаю тебя! У тебя было двѣнадцать славныхъ сыновей; первый изъ нихъ, Рувимъ, стоялъ въ строю всегда рядомъ съ тобою, съ лѣвой стороны, — прекрасный юноша! Гдѣ же онъ?

Солдатъ.

Онъ погибъ.

Баръ Кохба.

А второй, Гуда?

Солдатъ.

Погибъ.

Баръ Кохба.

А Яковъ, Изманъ, Илья?

Солдатъ.

Все погибли.

Баръ Кохба.

Кто же остался у тебя?

Солдатъ.

Раненый Веніаминъ и безплодная жена.

Баръ Кохба.

И ты все еще сражаешься?

Восходъ.

Солдаты.

Царь! Ты посперять уже совсем тылови вършишь дѣтей твоихъ, а все еще спрашиваемся. Я потерять лишь единичать ошнорей.

Баръ Коиба (обращаясь къ другому солдату).

Тебя я видѣлъ на стѣнахъ Сихина. Ты убилъ наторякъ враговъ, потомъ тебя увлекли со стѣны. Ты снаеся?

Солдаты.

Во рву я убилъ еще двоихъ, остальные разбѣжались. Я вкарабкался снова на стѣны.

Баръ Коиба.

Ты храбръ. (Обращаясь къ третьему солдату). Это ты убилъ римскаго легата, коменданта въ Бикать-Иадаимъ?

Начальникъ.

Царь! Этотъ солдатъ въ Туръ-Симонѣ, съ мечомъ въ правой рукѣ и съ горящей головней въ лѣвой, защищаль святую Тору противъ цѣлаго римскаго отряда до тѣхъ поръ, пока наши не пришли ему на помощь.

Солдаты.

Меня, царь, не называй храбрымъ. Я чувствовалъ тогда въ себѣ такую силу, что могъ бы сопротивляться цѣлому легиону. Я видѣлъ однажды, какъ львица, защищавъ своихъ дѣтей, растерзала восьмерыхъ вооруженныхъ охотниковъ.

Баръ Коиба.

Товариць, ты правъ! Эта львица была непобѣдима! Непобѣдима, какъ всѣ мы, воины, возлѣ груди которыхъ покоится вся Іудея. Великій Богъ Израиля отвернуть отъ насъ лицо свое; пусть жрецы молятся! Вы же, солдаты, храбростью своей приобрѣтете Его милость.

Эксзаръ (кратко).

Царь, ты кощунствуешь!

Царь Кохба.

Это имѣютъ такихъ воиновъ, тому не нужно на холмахъ ползать предъ гнѣвнымъ Богомъ, вымаливая у Него милость!

Элеазаръ (встрѣченно).

Царь, ты кощунствуешь!

Царь Кохба (обращая лицо свое вверх).

Боже! Завтра сраженіе, завтра я хочу побѣдить. Для насъ я не прошу Твоей помощи, — не помогай лишь врагамъ нашимъ, если ты нашъ Богъ!

Элеазаръ (съ отчаяніемъ).

Царь, ты произносишь кощунства!

(Слышенъ шумъ за сценой).

Царь Кохба (отвернувшись отъ Элеазара).

Ступайте спать. Утромъ увидимся.

(Войско удаляется въ порядок).

Начальниковъ прошу ко мнѣ. Но что это за шумъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же; народъ тащитъ въ-за сцены самаритянна.

1-й изъ народа.

Царь! Вотъ этотъ презрѣнный самаритянинъ осмѣлился разинуть на тебя ядовитыя уста свои!

2-й изъ народа.

Царь Гудей, сказалъ онъ, долженъ ѣздить верхомъ на ослѣ, держа хвостъ его въ рукахъ!

3-й изъ народа.

Адриану, сказалъ онъ, принадлежитъ міръ, а тебѣ лишь Ветеръ.

4-й актъ народа.

Лучше настоящій римскій наемъотникъ, сдѣлать оубъ, чѣмъ фальшивый Мессіа!

Голоса изъ толпы.

Растерзать его! Пожечь! Обрести со стѣнъ!

Баръ Коуба.

Самаритяне! Измѣнники! Всѣхъ васъ истреблю! Вы хотѣли бы перелить вашу собачью кровь въ жилы Иаранія! О, я знаю васъ хорошо! Я знаю, что вы поддерживаете сношенія съ римлянами! Сегодня же ночью выгоню васъ изъ Бетера!

Самаритянинъ.

Царь, выслушай, я былъ пьянъ. Не я, но вино заслуживаетъ наказанія!

Баръ Коуба.

Вино? Городъ осажденъ, а вы, негодные, напиваетесь нашимъ виномъ? Я не отменяю приказанія! Выбросить изъ Бетера семейства самаритянъ!

Самаритянинъ.

Царь, сжапись! У насъ есть старики и больные!

Баръ Коуба.

Прочь изъ Бетера! Житница тѣсна, нѣтъ мѣста для плебеловъ. Измѣнники! Изберите себѣ своего Мессію! Пусть оубъ исцѣлитъ вашихъ больныхъ! Пусть ведетъ васъ къ благополучію!

Элеазаръ.

Воздержись, царь! Богъ отцовъ нашихъ прощаль, когда видѣлъ въ народѣ одного справедливаго! Развѣ слѣдуетъ за вину пьянаго наказывать столько семействъ?

Акиба.

Пророкъ! Я чту кротость твоего сердца, но самаритяне

штаются мовгомъ костей наизмгъ. Если мы ихъ не выбросимъ, то они насъ выбросятъ.

Баръ Кохба.

Достойный Акиба! Ты любишь свой народъ! Иди и распорядись, чтобы приказаніе мое было исполнено въ точности. А этого невѣнника выбросить за стѣны! Пусть Адрианъ вѣдается съ нимъ!

(Акиба удаляется медленно, задерживаемый Элезаромъ).

Самаритянинъ *(вырвался внезапно и убѣгая въ глубину сцены).*

Жестокій царь! Ты не Мессія, а тигръ; тигромъ быть съумѣю и я! *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тъ же; толпа юношей выступаетъ на сцену и приближается къ Баръ Кохбѣ.

1-й юноша.

Царь! Занятый приготовленіямъ къ завтрашнему сраженію, благоволи удѣлить намъ минуту вниманія!

Баръ Кохба.

Говори, юноша; чего вы желаете?

1-й юноша.

Вотъ наша просьба. Бетеръ переполненъ теперь народомъ; въ пятистахъ школахъ обучаютъ священной религіи. Насъ, которыхъ наставляютъ еще въ священной наукѣ, находится здѣсь столько, что если бы мы, даже безоружные, съ табличками лишь нашими въ рукахъ бросились на римлянъ, то перебили бы всѣхъ ихъ.

Баръ Кохба *(улыбался).*

Вы думаете?

1-й юноша.

Мы увѣрены въ этомъ, царь! Поэтому мы умоляемъ тебя,

царь левъ и вождь, позволю намъ завтра принять участие въ вылазкѣ противъ римлянъ! Мы не захотимъ пользоваться божественнымъ оружіемъ іудейскаго: или вернемся побѣдителями, или не вернемся уже вовсе.

Баръ Кохба.

За эти слова тебя слѣдуетъ осуждать вѣчною смертью. (*Дастъ ему кошелекъ*). Если вернешься, то живи счастливо.

1-й юноша.

Прости, царь, я не могу принять золото. Но если ты ужъ милостивъ ко мнѣ, то прикажи изъ этого золота сдѣлать пышную рѣпу и повѣсить ее на шею тому, чей примѣръ сдѣлалъ изъ насъ вѣрныхъ сыновъ Іудей. Пусть это будетъ отличіемъ, даннымъ ему отъ имени всего народа.

Баръ Кохба (*улыбался*).

Кто же это? Далеко ли золото мое пойдетъ отъ меня?

1-й юноша.

Оно останется недалеко отъ тебя, царь. Этотъ мужъ, котораго мы такъ почитаемъ и любимъ, — пророкъ Элеазаръ, отецъ народа.

Элеазаръ (*кратко*).

Молчи, юноша!

(*Юноша смотритъ вопросительно на Баръ Кохбу*).

Баръ Кохба (*мрачно*).

Молчи, юноша! Истинная заслуга не нуждается въ похвалѣ, а тѣмъ болѣе въ такой, которая исходитъ изъ устъ дитяти. (*Послѣ минутнаго молчанія*). Просьбы вашей я не долженъ исполнить... вы надежда Ізраиля; вашъ пророкъ... хорошо васъ воспиталъ... (*Смотритъ на юношу*). Все таки, если бы я былъ среди васъ, никто не удержалъ бы меня: ни вождь, ни пророкъ, ни даже мать родная. Вы не должны умирать бездѣтными, сами еще будучи дѣтьми. Пусть рѣшится

въ этотъ дѣль. выне собитъ, а я со своей захожу въ раз-
ножася. Теперь же удайтесь отсюда!
(*Исхои удаляется; въ то же время царь удаляется со своимъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Баръ Кохба, Измаиль и Меиръ (*держатся въ отдаленіи*) затѣвъ Эле-
заръ.

*Элезаръ (очнувшись отъ глубокой
задумчивости).*

Царь! Гордія моленія возносишь я въ эту минуту къ Богу,
и вотъ. Господь Израіля вдохновилъ меня духомъ своимъ,
вложилъ слова въ уста слуги своего и нынѣ глаголетъ тебѣ:
предшественники твои, владѣвшіе Израілемъ, всѣ воздвигали
блестящія зданія: подвиги своей храбрости, вѣры и муже-
ства, но всѣ пятнали они блестящій мраморъ этихъ аданій
зловонною грязью: поступками, содѣянными подѣ вліаніемъ
вспыльчивости и жестокости. Великія дарованія и достоинства
имѣють ту темную сторону, что сопровождаютъ всегда гор-
достью и кощунствомъ. Слушай, вождь Израіля; такъ гово-
рить Предвѣчный: Я всегда отецъ для васъ, даже тогда,
когда наказываю; принимай дары мои въ смиреніи, не гор-
дись ими, и наказаніе мое переноси смиренно; будь твердъ
подѣ ударами карающей руки.

Баръ Кохба.

Ты пророчествуи для дѣтей, а я ужъ не ребенокъ.

Элезаръ.

Не прерывай меня, царь! Горе тому, кто, провинившись,
съ гнѣвомъ взираетъ на наказанія Предвѣчнаго! Горе тому,
кто вмѣсто того, чтобы раскаяться, убѣгаетъ изъ дома отца
своего, преступая заповѣди закона! Растеніе, пока корни его
находятся въ землѣ, можетъ надѣяться на то, что оно будетъ
существовать; если бы даже эта земля, иссохшая отъ водо-

статка влаги, лишится его питанія, во все-таки заржуютъ опять живительные ручьи, и растеніе поднимаетъ свои завядшія листья. Но если оно вырвано изъ земли, то смерть его близка! Оно не создано для того, чтобы питаться воздухомъ: вдохнувъ его въ себя, оно вянетъ и погибаетъ.

Баръ Коиба.

Ты пророчествуешь для деревьевъ, а я человекъ.

Элеазаръ.

Человекъ! Прочтѣ, чѣмъ растеніе земли, долженъ ты держаться почвы закона. Развѣ источникъ силы твоей, твоихъ соковъ, не Богъ твой? Смиренная вѣра — вотъ твоя плодородная почва! Мы не созданы для божественной жизни, которая, ни откуда не почерпая силы, сама для себя служить лономъ матери и могилой, началомъ и концомъ. Попробуй проникнуть въ этотъ воздухъ, предназначенный, не для человѣческой груди, и ты ослабнешь и погибнешь.

Баръ Коиба.

Въ себѣ самомъ я нахожу источникъ силы.

Элеазаръ.

Но Богъ говоритъ тебѣ: Ты собственной рукой вырываешь свои корни; оставь гибельную работу, и ты спасешь себя и всѣхъ насъ. Но горе тебѣ, говоритъ Предвѣчный, если ты не отречешься отъ своей гордости и не загладишь кощунствъ смирениемъ!

Баръ Коиба.

Ты наводишь на меня скуку, пророкъ!

Элеазаръ.

То, что для тебя теперь составляетъ роскошь, будетъ ядовитой гереchieю; друзья твои возненавидятъ тебя. Женщины, эти благоухающіе цвѣты, наполнятъ ядомъ уста твои; друзья твои приложатъ тебѣ къ груди змѣю, которая умертвитъ тебя.

Народъ, который ты нѣкогда водилъ къ побѣдамъ, поведешь къ погибали.

Баръ Кохба.

Замокчи, держи!

Элезаръ.

Царь, забывшій одежду Мессии на гордый пурпуръ; судьба сорветъ его съ тебя и одѣнетъ въ бѣлый саванъ!

Баръ Кохба (*поднимаетъ руку; потомъ, овладевъ собою, поворачивается спиною къ Элезару*).

Элезаръ.

Человѣкъ! Ты оскорбляешь не пророка, а Всемогущаго Бога!

Баръ Кохба (*полуобернувшись къ Элезару*).

Уйди, и впредь воздерживайся отъ лишнихъ словъ!

Элезаръ.

Украти гнѣвъ Господа, и тогда я замолчу.

Баръ Кохба.

Почитай царя твоего, владыку во Израилѣ.

Элезаръ.

Почитай царя Твоего, Бога во Израилѣ!

Баръ Кохба.

Береги свою жизнь! Ты — ничтожный смертный!

Элезаръ.

Береги свою; потому что если ты еще немного провинишься, то Господь повергнетъ тебя въ погибель. (*Уходитъ; въ то время, какъ онъ произноситъ послѣднiя слова, является Аби-мелехъ и подходитъ къ нему*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Баръ Кохба, Абимелехъ (Измаилъ и Меръ въ глубинѣ скалы).

Абимелехъ (повторяя слова Элеазара съ преувеличенными пафосомъ).

Господь повернеть тебя въ погибель! Писани, ... это написане, прорекъ! Подъвай на вершинну Жорина и напиши это на каменной таблицѣ, и когда ты ее намъ покажешь, я довѣрю, что это отъ Бога, развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда на ней будетъ его собственноручная подпись.

Баръ Кохба.

Кто ты, чудовище невѣрія?

Абимелехъ.

Кто я? Ты меня спрашиваешь? Я не вѣрю, чтобы кто-нибудь могъ спрашивать меня.

Баръ Кохба.

Предположи, что мы встрѣтились въ пустынѣ.

Абимелехъ.

Я живу въ пустынѣ; здѣсь нѣтъ людей, есть только кровавадыя тигры, ядовитыя змѣи, глухыя аисты и отвратительныя жабы.

Баръ Кохба.

Ты не скажешь своего имени, пустынный?

Абимелехъ.

Ты желаешь слишкомъ многого; мое имя — это моя единственная собственность; неужели ты хочешь сдѣлать меня бѣднѣе собаки? Но ты просилъ, а не требовалъ, и это меня трогаетъ. И такъ, я скажу тебѣ, путникъ, встрѣтившій меня въ пустынѣ, что меня зовутъ обыкновенно — человекъ. Изъ милости, потому что, какъ ты самъ видишь (указывая на свои горбы), я не похожъ на человекъ. Если даже предположимъ,

что я человекъ, то я долженъ быть несчастнымъ человекомъ, потому что я потомокъ Іакова; я происхожу изъ того самаго колѣна, которое имѣло несчастье имѣть царями Давида, Соломона и Баръ Кохбу.

Баръ Кохба.

Ты порицаешь царей, которыхъ другіе прославляютъ?

Абимелехъ.

Они держали крѣпко мечъ въ рукахъ своихъ и имѣли многочисленное потомство; они грѣшили тѣмъ же, чѣмъ и прославились. Давидъ—такъ рассказывалъ мнѣ мой дѣдъ—имѣлъ много женъ и лишилъ жизни много людей, Соломонъ — еще больше, а ты, царь, если доживешь, больше ихъ обоихъ.

Баръ Кохба.

Ты мнѣ нравишься, негодяй. Ты не такъ скученъ, какъ Элеазаръ. Ты нравишься мнѣ: ты смѣлъ, ни во что не вѣруешь, притомъ же—не правда ли?—тебѣ горько жить.

Абимелехъ.

Горько, царь. Душа моя уподобляется полю, которое люди засѣяли полыньюю; они вснахали его хорошо и теперь собираютъ плоды. Ты хочешь, быть можетъ, знать, что я такое? Я философъ, царь. Я философствую, потому что мнѣ нечего ѣсть. Или, лучше сказать, мнѣ нечего ѣсть, потому что я философъ,

Баръ Кохба.

Послушай же, философъ: у тебя будетъ что ѣсть. Давно уже нищу я такого человека. Философіи у насъ уже довольно, каждый философствуетъ для себя, но юмора слишкомъ мало. Не хочешь ли принять у меня службу? Служба легкая: ты будешь моимъ шутомъ.

Абимелехъ.

Охотно, царь, но съ однимъ условіемъ: ты долженъ быть моимъ шутомъ.

Баръ Коха.

Услуга за услугу! Ступай въ мой дворецъ.

(Артистъ удаляется).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баръ Коха (въ глубинѣ сцены Исмаиль и Меуръ).

Баръ Коха.

Безъ этой холодной воды лихорадка совсѣмъ замучила бы меня. (Обращаясь лицомъ къ городу). А, божій человекъ! Какъ я ненавижу васъ, вы, вѣчно покорные, вѣчно набожные, вѣчно согласные съ волей небесъ! Трусы, въ тѣсномъ сердцѣ которыхъ никогда не жилъ мужественный духъ! (Послѣ минутнаго молчанія). А все-таки однако этотъ червякъ умѣетъ привлечь къ себѣ сердца народа; онъ сумѣлъ бы лишить меня этихъ сердецъ! Что, царь, ты хотѣлъ бы устранить его? Не правда ли? Мужа праведнаго, который любитъ отечество больше, чѣмъ ты самъ, великій вождь! Нѣтъ! Я честенъ, добръ и справедливъ, я увѣренъ, что не совершу преступленія. Но этотъ человекъ не умѣетъ признавать заслугъ: не Богъ же самъ шествуетъ съ оружіемъ во главѣ! Если бы не я, то вы все еще двигали бы цѣпи рабства; если бы не я, то не существовала бы теперь независимая Іудея. Безъ меня раздавятъ васъ римляне; одинъ я могу еще спасти васъ. Не я, а онъ совершаетъ преступленіе: вмѣсто того, чтобы возбуждать во мнѣ силу и мужество, онъ терзаетъ меня и мучаетъ, приводитъ въ гнѣвъ и лишаетъ отваги. Его слова превращаютъ меня въ нерѣшительнаго ребенка, гнѣвнаго, капризнаго ребенка. И переносу все это?... Что? Ты хочешь уничтожить его? Его пророка? Благородный вождь! (Послѣ нѣкотораго молчанія). Нѣтъ, я не хочу ничего, ничего, ничего!

(Уходитъ, за нимъ Исмаиль и Меуръ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

(Въ полѣ появляются Руфъ, Северъ и римскій центуріонъ; этотъ послѣдній идетъ впередъ съ фонаремъ въ рукѣ; всѣ говорятъ шепотомъ). В . . .

Центуріонъ.

Мы видѣли уже всѣ окопы; вотъ и стѣны Бетера. Долженъ ли я вернуться, вождь?

Северъ.

Я желалъ бы изслѣдовать еще строеніе стѣнъ и матеріалъ, изъ котораго онѣ сдѣланы. Громадные камни, которыми стѣнобитныя машины наши осыпали эти стѣны, мало нанесли имъ вреда. Это глыбы жальва!

Центуріонъ.

Послѣ каждой атаки гарнизонъ Бетера вставляетъ въ стѣны каждый отломанный камешекъ. Они работаютъ всю ночь до утра. Наши солдаты скоро устали бы при такой работѣ.

Руфъ.

Юлія Севера считали до сихъ поръ лучшимъ полководцемъ нашего времени.

Северъ.

Этотъ палестинскій бунтовщикъ лишаетъ его лавровъ, листь за листомъ. Никто не превзойдетъ этого вождя, который такъ внезапно явился изъ подъ земли, въ построеніи боеваго порядка; окопы и стѣны его крѣностей превосходны, а его тайна сообщенія и защиты въ осажденныхъ городахъ до настоящаго времени мнѣ неизвѣстна. Его солдаты сражаются, какъ разсвирѣпѣвшіе слоны, разбиваютъ и уничтожаютъ когорты, а самъ онъ распространяетъ ужасъ въ рядахъ нашихъ войскъ, какъ Гекторъ среди грековъ. Я хотѣлъ бы встрѣтиться съ нимъ въ сраженіи съ глазу на глазъ, мечъ съ мечемъ; я рискнулъ бы жизнью, чтобы побѣдить его. Я убилъ бы его съ наслажденіемъ и съ уваженіемъ, котораго заслуживаетъ такой противникъ!

Рубъ.

Ты вождь, тебя увлекаетъ военный пылъ. Я же намѣстникъ; я приказалъ бы моимъ людямъ схватить его и распялъ бы его на крестѣ, а изъ тѣла его вырывать бы клещами куски мяса для моихъ собакъ. Ха, ха, ха! Прекрасное жаркое! Сердце его, пожалуй, мы съѣли бы сами!

Северь.

Намѣстникъ, военное право—это не уставъ для мясниковъ; я спасу этотъ храбрый трупъ отъ твоихъ собакъ.

Рубъ.

Мы еще поторгуемся; я его такъ ненавижу, что выдумалъ для него удивительнѣйшія пытки; вралестнѣйшія вещички! Я не позволю такъ легко лишиться себя столь давно уже ожидаемаго наслажденія!

Центуріонъ (*поднимая фонарь*).

Кто-то приближается; кажется, что это раненый; это не римлянинъ.

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Тѣ-же и самаритянинъ приближается, хромя.

Самаритянинъ (*также шепотомъ*).

Могущественные вожди! Я пришелъ къ вамъ, чтобы предложить свои услуги. Баръ Кохба сегодня ночью изгналъ изъ Ветера всѣхъ самаритянъ. Мы поклялись отомстить ему. Я, спрыгнувъ со стѣны, повредилъ себѣ ногу и лежалъ во рву до тѣхъ поръ, пока не услышалъ голоса, разговаривавшіе на римскомъ языкѣ. Принимаете-ли вы мои услуги?

Северь.

Ты храбръ и мужественъ?

Рубъ.

Ты обладаешь хитростью и пронипательностью?

Самаритянинъ.

Я мужественъ и проникателенъ, какъ всякій іудей. Я знаю, что происходитъ въ Бетерѣ и вообще вамъ способъ овладѣть городомъ, — хитрый способъ; я самъ готовъ привести его въ исполненіе, мужественно рискуя жизнью.

Северъ.

Баръ Кохба! Что знаешь ты о Баръ Кохбѣ? Говори, говори спорѣ, ты будешь награжденъ за твои услуги! Я его никогда не видѣлъ. Какого онъ роста? Крѣдко-ли сложенъ? Какимъ оружіемъ владѣетъ лучше всего?

Самаритянинъ.

Вождь! Ты величественъ, обладаешь царственными чертами лица и взглядомъ Цезаря, но Баръ Кохба величественнѣе тебя. Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, я испугался его больше, чѣмъ колоссальной статуи Юпитера. Его рука стѣбитъ вашихъ копій, мечей и щитовъ; его шоръ распространяетъ больше ужаса, чѣмъ ваши огромные катапульти.

Северъ.

О, утро, утро! Скоро увижу я тебя, а съ тобою Баръ Кохбу!

Самаритянинъ.

Баръ Кохба—это голова и руки Іудей, но сердце ея—пророкъ Элеазаръ. Прежде всего слѣдуетъ устранить Элеазара. Баръ Кохба чувствуетъ къ нему зависть; воспользуемся ею ловко, возбудимъ подозрѣніе въ Баръ Кохбѣ, и Элеазаръ погибнетъ.

Руфъ.

Ты, малый, начинаешь мнѣ нравиться!

Самаритянинъ.

Таинственное сообщеніе между Бетеромъ и окрестностями, потаенные ходы и выходы извѣстны одному лишь царю, ко-

торый наблюдаетъ за всѣмъ. Эти тайны слѣдовало бы похитить у него.

Северъ.

Ты сумѣешь сдѣлать это?

Самаритянинъ.

Я не могъ бы сдѣлать этого даже при помощи ста тысячъ вооруженныхъ храбрыхъ воиновъ, но я помню у него эти тайны, если вы дадите мнѣ въ помощь одну лишь привлекательную и ловкую женщину.

Руфъ.

Женщину? Это хорошая мысль. У меня есть греческая гетера, которой я поручилъ бы веденіе іудейской войны, если бы вы не велъ Юлій Северъ!

Северъ.

Высоко цѣнишь ты свою Деяниру!

Руфъ.

Дѣло рѣшено. На Деяниру можно положиться. Идемъ! Скоро уже разсвѣтаетъ и борьба закинута. (Удалаясь). Если твои зубы, дѣвъ киреонскій, не растерваютъ его, если его не убьетъ эта амѣя лернейская (указывая на самаритянина), то все же этотъ Гераклъ погибнетъ отъ отравленной рубашки, въ которую облачить его прекрасная Деянира!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Бетеръ.—Дворецъ Баръ Кохби съ открытой галлереей, передъ нимъ обширное открытое пространство.—Измаилъ, выходя изъ дворца, встрѣчается съ Элеазаромъ).

Измаилъ.

Привѣтъ тебѣ, достойный мужъ, при видѣ котораго увеличивается моя сегодняшняя радость!

Элеазаръ.

Похвалы, которыя ты расточаешь предо мною, Измаилъ, незаслуженны и ненужны. Сегодняшнимъ торжествомъ мы обязаны храбрости Баръ Кохбы, и моей заслуги въ томъ нѣтъ; даже если бы мое сердце было плодороднымъ полемъ для твоей лести, то что я, человекъ бѣдный и безъ вліянія, могъ бы сдѣлать для тебя?

Измаилъ.

Ты рѣзокъ, пророкъ, для того, кто всѣмъ сердцемъ и душой преданъ тебѣ, кто послѣ Иудеи и великаго нашего царя больше всѣхъ любитъ и почитаетъ тебя. Сколько ты уже имѣешь доводовъ моей къ тебѣ дружбы и любви!

Элеазаръ.

Не обо мнѣ должны мы говорить сегодня. Черезъ минуту возвратится въ Бетеръ побѣдоносный Баръ Кохба во главѣ храбрыхъ нашихъ солдатъ. Сдѣданы ли уже приготовленія для встрѣчи его?

Измаилъ.

Я лично распорядился всѣми приготовленіями. Мы встрѣтимъ царя достойнымъ образомъ. Мы будемъ веселиться до поздней ночи. Я самъ во время пиршества скажу рѣчь въ честь царя; прошу тебя, Элеазаръ, слушать внимательно; я хотѣлъ бы услышать мнѣніе о моей рѣчи столь ученаго мужа.

Элеазаръ.

Я совѣтовалъ бы тебѣ, чтобы ты говорилъ меньше, чѣмъ имѣешь обыкновеніе. Варъ Кохба не любитъ длинныхъ рѣчей.

Измаилъ.

Ну, ты этого не понимаешь. Рѣчи бываютъ различныя. Подожди! Ты убѣдишься, что царь будетъ восхищенъ, что онъ будетъ благодарить меня... *(За сценой слышится шумъ)*. Но вотъ шествіе уже приближается. *(За сценой слышится громкіе возгласы: да здравствуетъ царь!)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Варъ Кохба, Акиба, Менръ, Абнелекъ, военачальники, народъ. Въ глублѣ сцены толпа вношей. Верурія и Дина поспѣваютъ черезъ минуту. Звѣны изъ царскаго дворца выходятъ на встрѣчу царю двѣнадцать дѣвушекъ въ бѣломъ одѣяніи; на груди дѣвѣтъ, въ рукахъ небольшія арфы и кимвалы.

Народъ.

Да здравствуетъ царь Сіонскій! Да здравствуютъ побѣдители! Да здравствуетъ Варъ Кохба!

Варъ Кохба *(тихо къ Элеазару, который преклонилъ передъ нимъ свою голову)*.

Ниже, гордый червякъ! *(Измаилъ даетъ знакъ Элеазару стать на колѣни)*.

Элеазаръ *(преклоняясь до земли)*.

Привѣтъ тебѣ, побѣдоносный царь!

Варъ Кохба *(тихо же голосомъ)*.

Упрямый! Ты не скажешь: спаситель Израиля!

Элеазаръ *(какъ прежде)*.

Одинъ Богъ можетъ спасти насъ.

Баръ Коѣба (*отдорячивается съ мѣломъ и дѣлаетъ шагъ впередъ по направленію къ дѣвушкамъ, которыя, выйдя изъ дворца, образуютъ полукругъ*).

Хоръ дѣвушекъ (*стопя тѣнію игрой на инструментахъ*).

Привѣтъ тебѣ, о царь! Дщери Сіона споютъ тебѣ побѣднѣй гимнъ. Сколько разъ прозвенѣлъ сегодня твой мечъ, столько разъ да прозвенятъ струны этихъ арфъ. Сколько капель крови непріятелей ты пролилъ, столько розъ мы бросимъ къ ногамъ твоимъ!

(Бросая цветы на Баръ Коѣбу и военачальниковъ, перемѣняютъ мѣста свои въ полукругъ во время пляски).

Абимелехъ (*тихо Баръ Коѣбъ*).

Я защищу тебя отъ нихъ! (*Становится на шагъ впередъ царемъ*).

Царь! Эти женщины опаснѣе для тебя, чѣмъ рійляне!

Хоръ дѣвушекъ.

Царь Сіона! Ты какъ алтарь; Израиль пляшетъ предъ тобой! Но пусть блескъ твой осѣнитъ юношей, которые сегодня сражались такъ мужественно! Ты убилъ тысячу враговъ, они же убили десять тысячъ.

(Бросаютъ цветы на Баръ Коѣбу и группу юношей, стоящихъ въ некоторомъ отдаленіи).

Баръ Коѣба (*поднимая руку, съ торжеств.*).

Да здравствуютъ юноши!

Народъ (*подхватывая*).

Да здравствуютъ юноши!

Хоръ дѣвушекъ,

Царь Сіона! Ты въ крови враговъ очистилъ мечъ Давида

отъ ржавчины! Царь Сіона, ты какъ алтарь, — вотъ благоухающія жертвоприношенія! (*Бросаютъ на него цветы*). Хвала Баръ Кохбъ, спасителю нашему; Осанна! Осанна! Осанна! (*При послѣднихъ словахъ онъ отступаютъ полукругомъ и удаляются со сцены*).

Абшиелекъ (*обращаясь къ Баръ Кохбъ*).

Царь! Все это ничего не значить. Это выученныя птички. Осанна! Осанна! Могло бы показаться, что всѣ онѣ Юдиои. Легкомысленныя и выученныя, какъ птички. Завтра придетъ Северъ, опять Осанна! Одинъ лишь былъ порядочный человѣкъ на землѣ, который сказалъ: мужа нашелъ я среди тысячи, но не нашелъ ни одной женщины среди того же числа.

Баръ Кохба (*съ улыбкой*).

Твой порядочный человѣкъ не зналъ жены Меира и дочери Акибы. (*Приближается къ Дина, которая стоитъ рядомъ съ Акибой*). Почему, прекрасная Дина, я не видѣлъ тебя среди этихъ дѣвъ? (*Кладя дружественно руку на плечо Акибы*). Или, быть можетъ, отецъ твой не хотѣлъ доставить мнѣ это наслажденіе?

Дина (*послѣ нѣкотораго размышленія, опустивъ голову*).

Отецъ уговаривалъ меня присоединиться къ нимъ, но я не захотѣла. (*Смотритъ на него украдкой*). Ты не раненъ, царь?

Баръ Кохба (*съ улыбкой*).

Не захотѣла? Ого! Измѣна въ кругу вѣрнѣйшихъ друзей! (*Дина дѣлаетъ жестъ, какъ бы желая что-то сказать, однако не прерываетъ молчанія*). Что же? Я не получу отвѣта?

Акиба.

Отвѣчай же Дина, вмѣсто того, чтобы краснѣть. Прости ей, царь, она наследовала это отъ матери своей; дай Богъ, чтобы она обладала и добродѣтелями ея!

Баръ Кохба.

Побѣдоноснаго вождя ты встрѣчаешь молчаніемъ, Дина!
Ты даже взглядомъ не наградишь его?

Дина (поднявъ голову, смотритъ на Баръ Кохбу, потомъ быстро опускаетъ ее снова).

Я не умѣю громко высказывать свои чувства. Если бы я была среди этихъ дѣвушекъ, то у меня голосъ замеръ бы на устахъ и арфа выпала бы изъ рукъ; цвѣты также навѣрно упали бы на землю изъ рукъ моихъ. Ты, царь, долженъ умѣть читать въ душахъ, по крайней мѣрѣ, въ душахъ твоихъ друзей.

Баръ Кохба (улыбаясь).

Душа отражается во взглядѣ, а я никогда не вижу твоихъ глазъ.

Дина (снова поднимаетъ глаза и опускаетъ ихъ).

Столько людей ждетъ еще, чтобы привѣтствовать тебя.

Баръ Кохба.

Увидимся вечеромъ во время пиршества, Акиба. Я сердился бы, если бы ты забылъ дома прекрасную дочь твою, мою пріятельницу. *(Приближается къ галлерей дворца, идетъ Берурія стоитъ рядомъ съ Меиромъ; Баръ Кохба подаетъ руку Беруріи).*

Измаилъ (обращаясь къ Меиру, Элеазару и Акибѣ).

На минуту, достойные мужи! Нужно уговориться относительно вечера. И такъ, я первый произнесу рѣчь, а что касается слѣдующихъ... *(они удаляются, разговаривая; вмѣстѣ съ ними Дина. Военачальники и народъ удаляются также. Абимелехъ садится на ступени, ведущія на галлерей).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Баръ Кохба, Берурія, Абимелехъ.

Баръ Кохба.

Что же ты молчишь, Берурія?

Берурія.

Развѣ пожатіе руки не сказало тебѣ больше, чѣмъ можно выразить словами?

Баръ Кохба.

Нѣтъ, эти нѣмыя пожатія ваши не удовлетворяютъ человѣка, который возвращается съ поля сраженія. Я хочу рѣчей! рѣчей, которыя, подобно прохладной росѣ, охладилъ бы мою истомившуюся душу!

Берурія.

Ты хочешь рѣчей? Я желаю тебѣ, чтобы ты могъ побѣдить себя такъ, какъ побѣждаешь римлянъ.

Баръ Кохба.

Вотъ уже и упрекъ! Неужели, Берурія, и въ твоей душѣ какая-то зловѣщая рука разорвала всѣ струны, кромѣ этой? Всегда и вездѣ лишь этотъ зловѣщій звукъ. Великій даръ, ты ничтоженъ! Храбрый вождь, ты слабъ! Другъ, ты недоустанъ дружбы!

Берурія.

Я не надоѣдаю тебѣ упреками, но мнѣ казалось, однако, что въ ту минуту, когда ты удаленъ побѣдой, триумфомъ и признательностью, ты охотно, выслушаешь мои замѣчанія...

Баръ Кохба.

О, Берурія! Какъ плохо ты знаешь человѣческое сердце! Именно въ такую минуту больше жаждешь признательности, и упреки болѣе неприятны, чѣмъ когда-либо!

Берурія.

Да, нельзя предвидѣть капризы сердца. Если бы исходъ

сраженія бытъ неудаченъ, то тебѣ казалось бы, что именно въ такую минуту не слѣдуетъ увеличивать бремени несчастія упреками.

Баръ Кохба.

Нѣтъ! Ты вѣдь знаешь, что меня не сломитъ несчастіе. Я не нуждаюсь въ состраданіи. Но если мнѣ улыбается счастье, я хотѣлъ бы, чтобы всѣ улыбались мнѣ. Сегодня, Берурія, сегодня ты должна была иначе принять меня!

Берурія.

Неужели я должна была, по примѣру кухарокъ, взобраться на крышу и оттуда бросить къ ногамъ твоимъ свое покрывало въ знакъ почитанія? Или стать среди уличныхъ мальчишекъ и рукоплескать вмѣстѣ съ ними? Сегодня! Что же случилось сегодня? Побѣда? Одна незначительная побѣда! О, Баръ Кохба! Тысячью или двумя меньше или больше римлянъ — развѣ это означаетъ спасеніе или гибель Іудей? Развѣ мы выиграли что-нибудь больше, какъ одну лишь надежду погибнуть послѣ-завтра, а не завтра? Развѣ снята осада Бетера? Что намъ за польза отъ этихъ нѣсколькихъ ничтожныхъ мгновеній, которыя мы выторгуемъ для нашей жизни? Намъ слѣдуетъ готовиться къ смерти, другъ мой; позаботимся о томъ, чтобы погибнуть съ достоинствомъ.

Баръ Кохба.

Твое пророческое увлеченіе не пошатнетъ моей увѣренности, какъ это сдѣлать не въ состояніи былъ и Элеазаръ. Не мучьте меня, но укрѣпляютъ мои силы! Пока я живъ, пока рука моя держитъ оружіе, — пространство, которое мы называемъ своимъ, и число нашихъ воиновъ, не играютъ важной роли. Одинъ человекъ можетъ опрокидывать престолы и созидать государства, обращать въ бѣгство милліоны войскъ и вызывать изъ-подъ земли многочисленныя арміи. Но въ груди cadaго человѣка дремлетъ червь, который, будучи разбуженъ, отравляетъ источ-

нить его силы и, медленно убивая творца, губить его творенія.

Берурія.

Ты подобенъ морю, Баръ Кохба, могучему, вѣчно безпокойному морю. Я не обладаю твоей силой, но меня не мучать твои тревоги; я издали вижу грозныя тучи и приближающіяся бури.

Баръ Кохба.

Ты умно рассуждаешь, холодная Берурія, но я жажду теплой дружбы и слѣпой любви.

Берурія.

Я жена Меира. Я обѣщала тебѣ дружбу, которой я была вѣрна донинѣ и буду вѣрна до гроба. Хотя трудно быть подругой человѣка, который въ одинъ годъ собираетъ разсѣянный народъ, освобождаетъ страну, угнетаемую властелиномъ міра, завоевываетъ девятьсотъ городовъ и пятьдесятъ крѣпостей, дѣлается царемъ, и все это для того, чтобъ на второмъ году потерять государство и народъ и остаться вмѣстѣ съ остальными, вѣрными дѣлу освобожденія, въ послѣдней крѣпости!

Баръ Кохба.

Вѣрь послѣ этого Провидѣнію! Богъ призываетъ избавителя народа, обѣщаетъ ему черезъ пророковъ своихъ успѣхъ, забавляется надеждами несчастнаго народа, а черезъ минуту ввергаетъ народъ вмѣстѣ съ его мнимымъ избавителемъ въ пучину бѣдствій!

Берурія.

Такое впечатлѣніе произвела бы участь наша на умъ ребенка. Успѣхъ и неудача вызваны человѣкомъ. Я была рядомъ съ тобою, когда одинъ взглядъ твой, одно слово твое увлекло сотни легковѣрныхъ людей. Тогда ты дѣлалъ чудеса, какъ ангель, и былъ лучезаренъ подобно ангелу; сегодня ты великъ и могучъ, какъ и прежде, но твое могущество заклю-

часть въ себѣ что-то адское. Репаиди, который возбуждаетъ вѣру, сегодня порождаетъ боязнь.

Баръ Кохба.

Берурія!

Берурія.

Вмѣсто того, чтобы привлекать людей, ты производишь на нихъ страхъ. Ты подобенъ вулкану, на который каждый смотритъ съ ужасомъ. Твоя вспыльчивость, раздражительность тяготятъ насъ, какъ кошмаръ.

Баръ Кохба.

Берурія!

Берурія.

Ты вождь нашъ, царь, отецъ. Ты долженъ поддерживать въ насъ самыя дорогія наши надежды, долженъ быть непоколебимымъ, добрымъ и снисходительнымъ. Мы же видимъ тебя нервнительнымъ, сердитымъ и осужденнымъ.

Баръ Кохба.

Берурія, какъ ужасно ты мучишь меня! Вѣдь ты другъ мнѣ! Испѣли эти раны мои! Я хотѣлъ бы чувствовать твою теплую, мягкую руку въ моей рукѣ, твою дружбу, любовь! О, ты меня не любишь!

Берурія.

Не люблю? А ты развѣ сказалъ мнѣ когда нибудь, что ты меня любишь?

Баръ Кохба.

Ну, да, потому что слово это—любовь—имѣетъ у васъ, людей, такое странное значеніе. Если бы я употребилъ его въ этомъ вашемъ значеніи, то я былъ бы недобросовѣстенъ.

Берурія.

Мы люди и любимъ, какъ люди. Эта сверхчеловѣческая страсть и любовь твоя, мнѣ кажется, лишаетъ тебя истинной

любви. Баръ Кохба! Предположи, что ты стоишь предъ Всевышнимъ судьей и что его громовой голосъ спрашиваетъ тебя: Любишь ли ты Берурію? Любишь ли ты Дину? Ты требовалъ отъ нихъ обвѣихъ любви!

Баръ Кохба.

Да, потому что я любилъ ихъ! О, Верурія, когда ты поймешь меня! Ты сравнила меня съ моремъ, я какъ море съ наслажденіемъ и любовью обнимаю всѣ ручьи, которые текутъ въ мое лоно!

Берурія. *(Послѣ некотораго размилленія, ласково).*

Кто знаетъ, быть можетъ, не было бы и моря, если бы не было ручьевъ, которые въ него впадаютъ, а была-бы только какая-то безводная и мертвая пропасть. *(Подаетъ ему руку).* Но мы поймемъ другъ друга, Баръ Кохба!

Баръ Кохба.

Твой гнѣвъ не обезоружилъ меня, но твоя ласковая улыбка плѣняетъ меня, какъ всегда. Твое море стелется у ногъ твоихъ, Берурія! Со вниманіемъ и роскошью приму я каждую драгоценную каплю твою, золотоносный ручей! *(Удаляются, разговаривая между собою).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Абимелехъ. *(Встаетъ и выходитъ на средину сцены).*

Человѣкъ, Богъ, или природа? Вотъ закодированный кругъ, въ которомъ мы вращаемся, привязанные къ шесту нашего человѣчества, какъ мулы къ мельничному колесу. Ну-же, ну! погоняетъ время, этотъ безжалостный досмотрщикъ, не дающій намъ и минуты покоя, ну-же! И мы работаемъ, мелемъ жалкія зѣрна нашей жизни. Царь-человѣкъ сваливаетъ вину на Бога, а заслугу приписываетъ себѣ; пророкъ-человѣкъ ви-

дѣтъ того, кого никто кромѣ него не видитъ, и все приписываетъ ему; философъ умомъ, а женщина инстинктомъ отгадываютъ какую-то таинственную ненарушимую связь, которую невозможно постигнуть, и гдѣ все вмѣстѣ причина и слѣдствіе. Ослѣпленные, принимающіе черную или бѣлую занавѣсъ за истинный міръ, объясняютъ все въ черномъ или бѣломъ свѣтѣ, а тѣ, которые разорвали занавѣсъ, смотрятъ на непонятное величіе міра, какъ на пустоту. Мы не въ состояніи помочь вамъ, бѣдные мулы, которые, вертясь на одномъ мѣстѣ, думаете часто, что все вертится вокругъ васъ; мы не выведемъ васъ изъ этого круга. Но не дѣлайте же такого шума, не придавайте лицамъ вашимъ такого выраженія, какъ будто бы вы понимаете вашу ослиную природу и вашу ослиный трудъ! Всякій разъ, какъ я смотрю на васъ, я чувствую не сожалѣніе къ вамъ, но мнѣ хочется смѣяться надъ вами, бѣдные глухие мулы!

(Удаляется въ глубину сцены).

ЯВЛЕНІЕ V.

Абимелехъ, Акиба, Элеазаръ, Менръ и Измаилъ.

Измаилъ.

Къ чему эти споры, великіе законоучители! Вмѣсто того, чтобы соединить блескъ вашихъ умовъ въ одинъ огромный свѣтъ, который освѣщаль бы и согрѣвалъ народъ, который васъ почитаетъ и боготворитъ, вы раскидываете его на нѣсколькихъ холмахъ, воздвигая каждый въ отдѣльности свою башню, и вмѣсто того, чтобы указывать ясно дорогу, вы вводите только въ заблужденіе. Простите, герои духа, что я осмѣливаюсь указать на себя, какъ на примѣръ иного, быть можетъ, лучшаго образа дѣйствій. Черный мрачный цвѣтъ не менѣе непріятенъ для глазъ, чѣмъ ослѣпительная бѣлизна; во мнѣ соединяются оба цвѣта и, какъ видите, получается смѣшанный,

мягкій цвѣтъ, съ которымъ могутъ примириться сторонники обѣихъ крайностей. Мы должны соединять въ одно кажущіяся противоположности, смягчать крайности...

Акиба.

Поистинѣ, Исмаиль, я приверженецъ мира, но съ твоимъ сѣрымъ цвѣтомъ я не могу примириться. Кто вмѣсто дня и ночи пожелалъ бы вѣчныхъ сумерекъ? Пусть свѣтъ борется съ мракомъ въ жизни человѣческой, какъ и въ природѣ, и не искусственный миръ, который ничто иное, какъ проигрышъ обоехъ элементовъ, но побѣда должна рѣшиться въ этомъ дѣлѣ.

Меиръ.

Я вѣрую въ то, что извѣстно намъ черезъ откровеніе. Какъ человѣку, мнѣ невозможно измѣнить даже точки, которая была поставлена по волѣ божіей.

Элеазаръ.

Толкованіе это уже отступничество. Попробуй лишь толковать, Акиба, и ты придешь къ тому сѣрому цвѣту, которымъ окрашенъ языкъ Исмаила.

Исмаиль.

Ты злоупотребляешь моимъ сравненіемъ.

Акиба.

Великіе учителя наши говорили: Люби ближняго твоего, какъ самого себя—вотъ сущность вѣроученія; все, что заключается въ вѣроученіи, есть только повтореніе или примѣненіе этой заповѣди.

Меиръ.

Я никогда не удился этому у моего учителя.

Элеазаръ.

Ни одинъ изъ пророковъ не завѣщалъ намъ этого ученія въ такой формѣ.

Акиба.

Вы готовы погубить душу и тѣло народа, лишь бы сохранить букву! Ради буквы погибъ тотъ благородный мечтатель, который хотѣлъ быть спасителемъ Израиля, и котораго вы сдѣлали для него причиной прошлыхъ и предстоящихъ еще бѣдъ. За то, что великій нашъ Баръ Кохба не вѣхалъ въ Иерусалимъ на ослѣ, но мужественно, какъ подобаетъ вождю, дѣлалъ приготовленія къ борьбѣ, вы не хотѣли признать, что онъ посланъ Богомъ.

Элеазаръ.

Баръ Кохба не помазанникъ Божій. Богъ, призвавшій меня быть пророкомъ, заставилъ бы меня почувствовать въ н мѣ избавителя. Баръ Кохба побѣждаетъ римское войско, но не въ силахъ произнести имя Божье.

Измаилъ.

Я такъ горячо люблю Іудею и дѣло освобожденія нашего народа, что съ восторгомъ буду привѣтствовать Баръ Кохбу, какъ привѣтствовалъ бы всякаго, кто приблизился бы ко мнѣ, держа въ рукѣ пальму искупленія.

Элеазаръ.

Или, лучше сказать, оружіе, обезпечивающее власть.

Акиба. (*Обращаясь къ Элеазару*).

Ты идешь по тѣсному пути между аллегоріей и нагой истиной; но ловкій Измаилъ не столкнетъ тебя съ этой тропинки.

Измаилъ.

Вы льстите мнѣ, дорогіе друзья. Я говорилъ о Баръ Кохбѣ; я такъ горячо полюбилъ великаго царя нашего, котораго да хранить Господь, что теперь уже не помню подробныхъ указаній пророковъ нашихъ. (*Обращая взоръ свой на окна дворца*). Я объявляю всѣмъ открыто: вѣрую, что Баръ Кохба спаситель Израиля, что никто другой не былъ и не будетъ

призванъ исполнить великое дѣло мессіанизма. Тѣмъ не менѣе я уважаю ваши мнѣнія, достойные мужи; я знаю, что вы основываете ихъ на глубокой наукѣ и что вы призваны къ дѣлу освобожденія и къ Баръ Кохбѣ также горячо, какъ и я.

Акиба.

Слѣдовательно, Исмаиль единственный союзникъ мой изъ числа присутствующихъ здѣсь. Все-таки я не хотѣлъ бы, чтобы вы смѣшивали его мнѣнія съ моими. Мессіанизмъ—это не мое слово. Мессіанизмъ не родился въ религіи нашей сразу и въ зрѣломъ видѣ; равнымъ образомъ то, что Исмаиль называетъ дѣломъ мессіанизма, совершится не вдругъ, а исподоволь, и имя какого-нибудь великаго человѣка, безъ сомнѣнія, будетъ съ нимъ связано.

Шеръ.

Акиба! Скорѣе трава вырастетъ на лицѣ твоёмъ вмѣсто волосъ, чѣмъ Баръ Кохба, подобный вѣчно бурному потоку Самбатіону, который согласно пророчеству долженъ успокоиться во времена мессіанизма, исполнить или поддержать дѣло мессіанизма.

Акиба.

Баръ Кохба въ своемъ могуществѣ и силѣ напоминаетъ дѣйствительно стихійную силу огня или воды. Я согласенъ съ тѣмъ, что енгъ, который лежалъ на возвышенностяхъ души его, растаялъ при дѣйстви солнца успѣховъ. Но мы должны спокойно ожидать того момента, когда онъ снова заблеститъ подобно хрусталу, блескъ котораго обѣщаетъ намъ новый успѣхъ.

Элеазаръ.

Напрасно ты защищаешь вождя, который не идетъ по пути, указанномъ народу нашему.

Акиба.

Нѣтъ человѣка, въ которомъ духъ Божій поселился бы чистымъ, какъ вино въ хрустальномъ сосудѣ. У насъ былъ мо-

гущественный Мессія, который расширилъ величіе Израиля, царь-псалмопѣвецъ; но кому неизвѣстны грѣхи и преступленія этого помазанника Божьяго?

Элеазаръ.

Исаія не такимъ представлялъ себѣ наследника Давида, какъ Баръ Кохба.

Акиба.

Заколдованная буква! Исаія желалъ счастья своего народа и всѣхъ прочихъ народовъ. Моисей и пророки, облагораживая свой народъ, вмѣстѣ съ тѣмъ облагораживали человѣчество; разсѣянный и угнетенный народъ нашъ похожъ на человѣка, которому перевязали его жилы. Разорвемъ эти оковы, и сила и плодовитость вернутся къ намъ. Воспитаемъ новыхъ благодѣтелей человѣчества, которые будутъ продолжать дѣло отцовъ нашихъ. Разорвемъ эти оковы, и пророчества Исаи сбываются. Я не цѣню черезчуръ высоко Баръ Кохбу, но помогаю ему въ дѣлѣ освобожденія народа нашего. Я буду съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не свершится судьба, помня всегда, что этимъ я приближаю время, когда братья-народы воздвигнутъ храмъ для мысли Исаи. Мы не доживемъ до этого времени; мы должны жить и погибнуть вмѣстѣ съ Баръ Кохбой.

Элеазаръ *(подавая руку Акибѣ)*.

Съ этой мыслью мы живемъ вмѣстѣ съ нимъ и съ тобой, Акиба!

Менръ *(также протягивая руку)*.

Съ этой мыслью погибнемъ съ вами!

Измаилъ.

Да, да, будемъ тверды до послѣдней капли крови! Но, друзья мои, слишкомъ мрачными красками рисуете вы все это; что не удалось однимъ способомъ, то можетъ удалиться другимъ.

Абимелехъ (*приближаясь къ разговаривающимъ*).

Законоучители! Напрасно говорите здѣсь о народѣ нашемъ и о Мессіи, но о людяхъ можно кое-что сказать. И такъ, я вамъ скажу: ты, Элеазаръ, похожъ на каменную статую, которой ваятель далъ честное лицо; ты, Меиръ, похожъ на гробъ, изъ котораго виднѣются мертвыя лица учителей твоихъ; ты одинъ, Акиба, человекъ живой и безсмертный, если только духъ безсмертенъ. Но въ твоей глоткѣ, бѣдный Измаиль (*приближаясь къ Измаилу и понижая голосъ*), гнѣвдятся тѣ двѣнадцать выученныхъ птицъ, изъ которыхъ шесть кричало: Да здравствуетъ Цезарь! а другихъ шесть: Да здравствуетъ Помпей! До сихъ поръ я слышу только шесть первыхъ. Но если станутъ отвываться шесть послѣднихъ...—ты помнишь, что было съ ними?
(Удалается).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(За сценой слышатся крики и плачъ. Черезъ минуту, народъ наполняетъ сцену, окружая Акибу, Элеазара, Меира и Измаила. Затѣмъ появляется Баръ Кохба).

Женщина изъ народа (*плача*).

Слышите? слышите?

Голоса за сценой (*въ отдаленіи*).

Слушай Израиль, единъ Богъ твой!

Вторая женщина.

Вы видите пылающее пламя? Ихъ предають сожженію!

Первая женщина.

Ихъ связали веревками, облили смолой! О, мой Гедеонъ!

Третья женщина.

Смотрите, новыхъ ведутъ на костеръ! Ахъ, это Рувимъ!
(*Падаеть въ обморокъ*).

Четвертая женщина.

Пророкъ, ты видишь это? Всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ они сожигаютъ на кострѣ!

Элеазаръ (*смотря вдаль безсознательными глазами*).

Не мѣшай, женщина!

Акиба.

Ужасные римляне! Въ эту минуту я могъ бы васъ ненавидѣть!

Голоса за сценой.

Слушай, Израиль! Единъ Богъ твой! Вѣченъ твой Богъ!

Элеазаръ (*выходя изъ задумчивости, сначала тихимъ голосомъ, потомъ все громче*).

Духъ Божій! Страшныя картины показалъ ты мнѣ. За пепломъ братьевъ нашихъ я увидѣлъ Римъ, въ образѣ отравленной ядомъ женщины, извивающейся въ страшныхъ мученіяхъ во прахѣ. Отравленная, она все еще не погибаетъ; ужасныя мученія поддерживаютъ ее. Смотрите, какъ она пресмыкается у пылающихъ костровъ, — не наши-ли это погибаютъ? Нѣтъ, это сыны Рима, на нихъ веревки и смола; они горятъ краснымъ пламенемъ. Это страшныя мученія поддерживаютъ мать. А! Я вижу, какъ сбѣгаются дикіе мужи: на головахъ прикрѣплены рога, въ рукахъ огромные мечи. Сбѣгаются отовсюду. Смотрите! Всѣ бросились на отравленную женщину, заключили ея руки какъ бы въ желѣзныя клещи, — горе ей, горе! (*Падаютъ безъ чувствъ на руки Акибы; продолжительное молчаніе, потомъ новые вопли и плачъ*).

Голоса изъ народа.

Охъ, еще не всѣ! Вотъ ведутъ новыхъ!

Баръ Коха (*появляется у воротъ своего дворца; народъ обращается къ нему*).

Что значить этотъ плачъ?

Акиба.

Царь, развѣ ты не слышишь пѣнія своихъ солдатъ? Римляне сожигаютъ ихъ на кострахъ.

Голосъ за сценой.

Слушай, Израиль! Богъ твой единъ! Вѣченъ твой Богъ!

Баръ Коха.

А, жестокіе! Убивать безоружныхъ, не дать имъ оружія въ руки, безъ сопротивленія, безъ честно нанесенныхъ ранъ жарить солдатъ! Моихъ храбрыхъ солдатъ жарить, какъ трусливыхъ сернь!

Измаилъ.

Царь, они жестоки, но жестокость приводитъ къ желанной цѣли. Ни одинъ еще изъ нашихъ не спасся, доставшись въ ихъ руки. Послѣ каждаго сраженія они устраиваютъ второе сраженіе, въ которомъ погибаютъ только наши. зубъ за зубъ, око за око! По великодушію своему ты щадилъ всегда плѣнныхъ римлянъ. Клянусь отечествомъ, клянусь тобой, царь, что если бы они были въ моихъ рукахъ, они погибли бы въ ту-же минуту здѣсь, на стѣнахъ, въ глазахъ римлянъ!

Баръ Коха.

Ты правъ, честный Измаилъ. Перестаньте плакать! Вы будете отомщены. Немедленно погибнуть на этихъ стѣнахъ плѣнные римляне. Вдовы израильскія! Ради васъ овдовѣтъ не одна римлянка. Сироты израильскіе, ради васъ осиротѣютъ дѣти римлянъ! Пусть палачи не щадятъ ни одного римлянина! Подобнымъ образомъ погибнетъ всякій, мужчина, женщина или ребенокъ, кто только изъ лагеря римлянъ увидѣтъ прокрасться въ Ветеръ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

(За сценой шумъ и крикъ. Появляется на сценѣ народъ и Деянира съ распущенными волосами, въ греческой одеждѣ, разорванной на плечи и груди; нѣсколько мужчинъ хватаютъ ее за одежду и за руки).

Нѣсколько голосовъ изъ народа.

Римлянка! Измѣнница! Повѣсить ее!

Первый изъ народа.

Царь, эта женщина прѣкрадась тайкомъ въ Бетеръ!

Баръ Кохба (*выходя впередъ и топая ногой*).

Пропустите же, скоты! Развѣ можно такъ терзать женщину! (*Деянира, освободившись, приближается къ Баръ Кохбу*).

Второй изъ народа.

Это уже трупъ, черезъ минуту она не будетъ жить!

Деянира (*глядя на Баръ Кохбу, съ притворнымъ восторгомъ*).

Это ты, царь! Значить эта величественная, могущественная фигура, которую я столько разъ видѣла, не болѣе, какъ карликъ! Баръ Кохба живой затмилъ воображаемаго Баръ Кохбу!

Баръ Кохба.

Поменьше словъ. Уже не много тебѣ осталось сказать. Помолись лучше.

Деянира.

Говоря съ тобою, я не теряю напрасно оставшихся мнѣ минутъ жизни. Говоря съ тобою, царь, я молюсь!

Баръ Кохба.

Минуту передъ твоимъ появленіемъ я произнесъ тебѣ смертный приговоръ.

Деянира.

Въ то мгновеніе, когда я увидѣла тебя, я подтвердила себѣ этотъ приговоръ.

Баръ Кохба.

Такую рѣшимость ты прочла на моемъ лицѣ?

Деянира.

Съ тобою жить я не могу, безъ тебя жить мнѣ невозможно. Я должна умереть.

Баръ Кохба.

Богъ, одарившій тебя щедро тѣлесной красотой, далъ тебѣ также духовную прелесть. Боже, я завидую тебѣ, что ты создалъ ее. Если можешь, освободи ее изъ рукъ моихъ.

Деянира.

Боже, если мнѣ предстоитъ выборъ: жизнь внѣ Бетера, или смерть здѣсь; отъ руки этого палача, который убиваетъ однимъ взглядомъ, то позволь мнѣ погибнуть здѣсь!

Баръ Кохба.

Словомъ и взглядомъ ты хотѣла бы соткать сѣть, въ которой ты должна была бы спастись, а я погибнуть! Ведите эту женщину на смертную казнь! Казните ее безъ мученій и быстро.

Деянира.

Я сказала уже тебѣ, царь, что не хочу жить больше. Но всякому преступнику исполняютъ предъ смертью его послѣднюю просьбу.

Баръ Кохба.

И тебѣ въ этомъ не будетъ отказано. О чемъ же ты просишь, бѣдная осужденная?

Деянира.

О томъ, о чемъ я такъ долго тосковала и за что охотно отдаю свою жизнь; я хочу лишь поговорить съ тобою, Баръ Кохба!

Баръ Кохба.

Ты, слѣдовательно, просишь даровать тебѣ жизнь.

Деянира.

Да, я прошу даровать мнѣ жизнь, если ты не знаешь женщины, которая хотѣла бы тебя любить такъ, какъ я. Въ такомъ случаѣ смертную казнь замѣни вѣчными цѣпями: вели приковать меня къ ногѣ, и тогда ты будешь вѣчно помнить обо мнѣ, а я буду чувствовать каждое движеніе, каждый вадохъ твой.

Баръ Кохба.

Прокрадываясь къ намъ, ты навѣрно питала какія нибудь намѣренія. Выскажи ихъ. Кто послалъ тебя? Молчаніе не спасетъ тебя.

Деянира.

Одно лишь намѣреніе имѣла я: увидѣть тебя; одно чувство толкало меня: желаніе видѣть тебя. Утромъ, просыпаясь въ палаткѣ отца моего, я слышала сквозь тонкія стѣны, какъ солдаты рассказывали о тебѣ, царь. Когда мы были вдвоемъ съ Клепсіей, дочерью легата, мы говорили только о тебѣ. Вечеромъ, при огнѣ, одинъ лишь звукъ раздавался въ цѣломъ лагерѣ: Баръ Кохба. Ты заставлялъ меня мечтать днемъ, пробуждалъ грусть въ сердце моемъ вечеромъ, ночью въ сновидѣніяхъ я клялась тебѣ въ любви.

Баръ Кохба.

Если слова твои ложны, то ты выбрала плохое оружіе. Я не чувствителенъ къ лести.

Деянира.

Ты нечувствителенъ къ любви. Почему же ты колеблешься? Смерть, смерть преступницѣ: она любитъ царя!

Баръ Кохба

Ты уже кончила свою болтовню? Мечъ палача—это нетерпѣливый любовникъ.

Делира (*становится на колѣни передъ Баръ Кохбой*).

Прекрати ее, лишивъ меня жизни. Смерть отъ руки твоей я снесу терпѣливо. (*Подаетъ ему кинжалъ; одежда падаетъ съ плечъ ея*).

Баръ Кохба (*взявъ кинжалъ, тихимъ голосомъ*).

Какія формы! Ты взяла ихъ у статуй безсмертныхъ!

Делира (*такимъ же голосомъ до конца явленія*).

Чтобы отдать ихъ смерти.

Баръ Кохба.

Съ какою роскошью любовникъ ласкалъ бы ихъ, а мужъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ!

Делира.

Могила будетъ обнимать ихъ, черви ласкать.

Баръ Кохба.

Ты хочешь, чтобы я былъ твоимъ палачемъ?

Делира.

Ты мой палачъ; убей меня, и тогда будешь моимъ благодѣтелемъ.

Баръ Кохба.

Это желѣзо должно обогрѣться кровью твоего сердца?

Делира.

Да, коль скоро сердца наши не могутъ сочтаться.

Баръ Кохба.

Эту грудь, вмѣсто того, чтобы цѣловать, пронзить желѣзомъ?

Делира.

Что стоитъ все это твореніе, когда ты не хочешь цѣловать его?

Баръ Коѣба.

Рука моя уже жадно протягиваетъ желѣзо...

Деляира.

Рука, которая не умѣетъ пожимать другой руки, сьумѣетъ убить.

Баръ Коѣба.

Чудная женщина! Рука моя вѣрнѣе убила бы тебя любовнымъ пожатіемъ, чѣмъ враждебнымъ ударомъ.

Деляира (*поднимаясь съ земли*).

Ты не умѣешь убивать!

Баръ Коѣба (*бросая кинжалъ*).

Но умѣю призывать къ жизни. (*Обращаясь къ присутствующимъ*). Эта женщина пришла сюда безъ враждебныхъ намѣреній. Согласно желанію моему, она останется жить. Что касается другихъ, приказаніе мое должно быть исполнено. (*Деляирѣ*). Отдаю тебя попеченію моихъ прислужницъ. До свиданія.

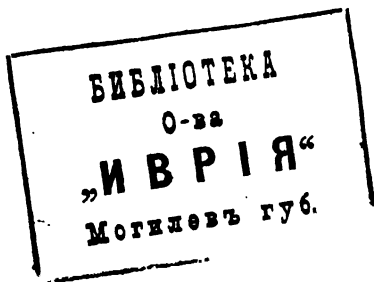
Деляира (*кланяется низко, но съ улыбкой*).

Съ твоей рабыней!

Баръ Коѣба идетъ въ свой дворецъ.

А. Носсигъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОВЪЗКА ВЪ РЭМСГЕЙТЬ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АНГЛИ).

На юговосточной окраинѣ государства, отдѣленнаго отъ соседней Франціи Ламаншемъ, есть цѣлый рядъ морскихъ курортовъ, лечебныхъ станцій, находящихся не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Брайтонъ, Фокстонъ, Дувръ, Рэмсгейтъ, Бродстэйръ и т. д. пользуются широкою извѣстностью въ странѣ. Между этими милыми уголками, предназначенными для отдыха и пользованія морскими купаньями, Рэмсгейтъ (Ramsgate) занимаетъ исключительное мѣсто.

Это не шумное сборище свѣтскихъ львовъ и щеголихъ, дипломатовъ и банкировъ, шуллеровъ, аферистовъ и кокотовъ, какими, обыкновенно, изобилуютъ всѣ модные «курорты» на континентѣ. Тамъ, въ этихъ влачныхъ мѣстахъ, занимаются больше азартными играми и кутежами, нежели леченіемъ. Вопросы о цѣлебной силѣ минеральнаго источника или морскихъ ваннъ отведено тамъ послѣднее мѣсто — онъ считается празднымъ. Но люди, серьезно рѣшившіеся подкрѣпить свои упавшія силы, подышать чистымъ, здоровымъ воздухомъ, отдохнуть послѣ трудовъ и ненормальной городской жизни, обыкновенно подтачивающей здоровье, найдутъ въ такомъ тихомъ уголкѣ, какъ Рэмсгейтъ, всѣ подходящія условія для исполненія своихъ скромныхъ желаній — вернуться свѣжими и здоровыми въ свои зимнія квартиры.

На каждомъ шагу попадаются румяные пышущіе здоровьемъ молодые люди обоого пола; легионы дѣтей крѣпкихъ, здоровыхъ, веселыхъ наполняютъ набережную. Самодовольный, чуть не

блаженный видъ накрахмаленныхъ лордовъ, откормленныхъ «эсквайровъ» и другихъ представителей британскаго «джентри», разныхъ «миссисъ и миссъ» въ прихотливыхъ купальныхъ костюмахъ съ достаточною убѣдительною доказываетъ, что всё эти «лэди и джентельмены» пріѣхали сюда специально купаться, а не играть, нагулять здоровье, а не съ цѣлью разстройства пищеварительныхъ органовъ. Легче дышется и какъ-то отраднѣе живется въ этой здоровой мѣстности.

Для нашего брата, этотъ красивый приморскій городокъ, омываемый волнами Ламанша, имѣетъ еще особенное значеніе. Здѣсь протекла долгая жизнь одной замѣчательной супружеской четы филантроповъ. Подъ высокимъ куполомъ оригинальной гробницы, построенной въ древне-библейскомъ стилѣ, покоится прахъ этихъ чудесныхъ людей: 101-лѣтняго сэра М. Монтефіоре и его незабвенной подруги жизни, лэди Юдиои.

Мнѣ не суждено было посѣтить Рамсгейтъ, какъ я предполагалъ въ 1884 году, когда тамъ праздновался столѣтній юбилей маститаго «сэра Мовеса». При всемъ моемъ желаніи, я долженъ былъ отказаться отъ этаго намѣренія, о чемъ искренно сожалѣю. Лишь черезъ два года послѣ этого юбилея, я посѣтилъ бывшую резиденцію престарѣлаго филантропа. Увы, его ужъ тогда не было въ живыхъ. Мой пріѣздъ совпалъ какъ разъ съ днемъ первой годовщины его смерти.

У меня еще свѣжо въ памяти потрясающее впечатлѣніе, произведенное извѣстіемъ о кончинѣ Монтефіоре. Не было, кажется, ни одного органа печати въ обоихъ полушаріяхъ, который пропелъ бы молчаніемъ это печальное событіе. Всеобщее сожалѣніе, вызванное въ цивилизованномъ мірѣ смертью одного изъ самыхъ возвышенныхъ представителей современной филантропіи, раздѣлялось людьми всѣхъ мнѣній, направленій, партій, племенъ и вѣрованій. Памяти чистаго человѣка посвящались сочувственныя строки, вызванныя непритворнымъ соболѣзнованіемъ о подобной утратѣ.

Вся жизнь столѣтняго старца прошла въ неизмѣнномъ подвигѣ благотворительности всѣмъ людямъ, всѣмъ человѣкамъ, какъ таковымъ, безъ предварительныхъ справокъ о происхожденіи, вѣроисповѣданіи, расѣ, типѣ, выговорѣ, формѣ носа и

т. д. Милостивый филантропъ нашелъ возможность проявить свою благотворную дѣятельность въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Европы, Азии, Африки, на «Сѣверѣ дикомъ» въ «странѣ пирамидъ», между послѣдователями двухъ Заветовъ—Ветхаго и Новаго — и Корана. Онъ широко воспользовался этою возможностью. Слѣды его дѣятельности, направленной къ облегченію участи угнетенныхъ, находятся вездѣ, гдѣ еще не изгладилась память о существованіи двухъ неравномѣрныхъ кастъ: гонителей и гонимыхъ. Не многимъ общественнымъ дѣятелямъ было суждено наслаждаться такою завидною популярностью, какою пользовался этотъ благодушный старецъ. Да и популярность его была какая то особенная, не вызывавшая зависти и никого не лишавшая сна. Для достиженія этой популярности не требовалось наличности воинской доблести, государственной мудрости, административной ловкости или изъ ряда вонъ выходящихъ успѣховъ на поприщѣ науки, искусства и литературы. Было совершенно достаточно обладать добрымъ сердцемъ, чуткимъ къ чужому горю, отзывчивымъ на всякое человѣческое страданіе. И такимъ завиднымъ даромъ судьба щедро одарила сэра М. Монтефіоре, бывшего воплощеніемъ идеи безконечнаго добра и неограниченной терпимости.

Казалось бы, что первая годовщина смерти такого филантропа, бывшего украшеніемъ страны, должна была справляться съ торжественностью, подобающей заслугамъ усопшаго. Въ теченіи одного года такъ мало воды утекло, что одна мысль о возможности такой торопливой забывчивости заслугъ человѣка, на котораго годъ назадъ чуть не молились, была бы оскорбительною для родныхъ, друзей и вообще всей лондонской общины. Въ такомъ смыслѣ я выразился, за нѣсколько дней до годовщины, передъ почтеннымъ докторомъ Адлеромъ, исправляющимъ должность «главнаго раввина соединенныхъ общинъ Британской имперіи» (Chief Rabbi of the united congregations of the british Empire). Таково его официальное званіе.

Ученый проповѣдникъ скептически отнесся къ моему предположенію, по крайней мѣрѣ, относительно Лондона. «Вотъ, сказалъ онъ: — въ Рэмсгейтѣ—дѣло другое. Тамъ, навѣрное, будетъ совершена торжественная панихида, туда поѣдутъ мно-

гочисленные почитатели покойнаго баронета». Я былъ тамъ увѣренъ, что увижу весь цвѣтъ англійскаго еврейства вокругъ могилы рэмсгейтскаго патриарха, что рѣшился отправиться туда, въ назначенное время, рано утромъ, чтобы посѣтить къ зауножной службѣ, такъ около 9—10 часовъ.

I.

Это было во вторникъ 5-го (17) Августа. День былъ пасмурный, погода — чисто лондонская, развивающая хандру, доводящую человека до умопомраченія. Только въ такую погоду любого туриста невольно осѣняетъ мысль о самоубійствѣ, какъ логическомъ выходѣ изъ этого мрачнаго царства фабрикъ, дыма и копоти, изъ этого чудовищнаго «города—государства», именуемаго Лондономъ.

Въ этомъ городѣ, считающемъ въ своихъ нѣдрахъ населеніе въ пять миллионъ душъ, обреченныхъ дышать невозможнымъ воздухомъ, солнечный лучъ является такою же рѣдкостью, какъ улыбка на лицѣ мизантропа. Не скажу, чтобы настроеніе было особенно радостное. Ни цѣль поѣздки, ни эта бѣшеная, быстрая ѣзда по англійскимъ дорогамъ, гдѣ на нашего брата, беззаботнаго туриста, смотрять, точно какъ на чифовъ фельдъегерскаго корпуса,—все это не предвѣщало никакихъ поводовъ къ ликованію. Поездка изобиловала такими сюрпризами, что этотъ день обратился въ цѣлый рядъ разочарованій самаго неожиданнаго свойства.

Сборы были недолгіе. Гостинница, въ которой я жилъ — громадный Charing Cross Hotel — соединена крытой галлерей съ вокзаломъ. Вышелъ изъ боковой двери—поѣздъ уже поданъ; онъ въ нѣсколькихъ шагахъ — удобство, о которомъ трудно себѣ составить понятіе на континентѣ. Ровно въ 8 часовъ утра мы безшумно помчались по безконечнымъ городскимъ улицамъ и грандіознымъ мостамъ. Окна вагона находились въ уровень съ мелькающими дымовыми трубами, остроконечными черепичными крышами шести-этажныхъ домовъ. Выглянешь въ окно—духъ замираетъ, точно летишь надъ городомъ; внизу улицы кишатъ народомъ, какъ муравейникъ. Въ первый разъ

это производить неопишемое впечатлѣніе, а послѣ, какъ привыкнешь, такъ и кажется, что иначе и быть не можетъ.

Предполагая, что Рэмсгейтъ пригородная дача, я рассчитывалъ быть тамъ, черезъ какіе-нибудь полчаса, хотя плата за проѣздъ была весьма солидная. Но для того, чтобы выбраться изъ города, нужно, по крайней мѣрѣ, часъ времени быстрой, чисто-англійской ѣзды. Наконецъ, показалась зелень, настоящая изумрудная зелень, превосходные парки, занимающіе треть страны, чистенькія и изящныя деревни, города, вокзалы, станціи. Народу вездѣ масса, движеніе неустанное, какъ и подобаешь дѣловымъ людямъ, у которыхъ «время—деньги» и на первомъ планѣ стоитъ «business» (дѣло, гешефтъ). Трудно себѣ представить обитателя Соединеннаго королевства, у котораго нѣтъ своего «business». Однако, Рэмсгейтъ не давался, какъ кладъ; онъ, значить, совсѣмъ не пригородная дача, ужь сколько городовъ мы проѣхали, а о немъ нѣтъ и помину.

Надоѣло смотрѣть на англійскіе пейзажи, города и замки. На какой то станціи я купилъ «Daily News». Какъ-то неловко сидѣть въ вагонѣ и глазѣть по сторонамъ, надо подражать всѣмъ этимъ джентльменамъ, лица которыхъ закрыты газетными листами, начиная безконечнымъ «Times» и кончая, обыкновенно, демократическимъ «People». Пробѣгая органъ Гладстона, — котораго англичане называютъ «мистеръ Гладстонъ», — либеральныя «Daily News», я вдругъ наткнулся на репортерскій отчетъ изъ Рэмсгейта. Оказалось, что уже наканунѣ вечеромъ тамъ была отслужена торжественная панихида по Монтефиоре, бывший секретарь котораго д-ръ Леве (по англійски Луэ) произнесъ прочувствованную рѣчь о заслугахъ усопшаго. Были тамъ гости изъ Лондона, родственники, почитатели и т. д. Отчетъ, вообще, былъ написанъ очень тепло, редакція, съ своей стороны, прибавила нѣсколько сочувственныхъ строкъ.

Этотъ извѣстіе меня сначала смутило, но, послѣ нѣкотораго раздумья, я успокоился. Значить, это было навечеріе, а на слѣдующее-то торжество должно быть сегодня, въ годовую день кончины «сэра Мовеса». Только вотъ бѣда, какъ-бы не опоздать. Уже третій часъ я въ дорогѣ, а «станціи назначенія»,

выражаясь желѣзнодорожнымъ терминомъ, все еще не видать. Вотъ промелькнули значительные города: Чатамъ, Кэнтрбрей, резиденція архіепископа кэнтерберійскаго, перваго духовнаго сановника въ государствѣ. Этотъ городъ славится своимъ знаменитымъ соборомъ, реставрированнымъ, въ XII вѣкѣ французскимъ архитекторомъ Де-Сансъ, впервые занесшимъ въ Англію готическій стиль. Впослѣдствіи оказалось, что искомая «станція назначенія» находится не близъ Лондона, какъ я думалъ, а на французской границѣ, напротивъ Булони. Это было первое и самое жестокое возмездіе за незнаніе географіи. Знай я раньше разстояніе, отдѣляющее резиденцію покойнаго Монтефіоре отъ столицы, я бы иначе распорядился. Я бы выѣхалъ изъ Лондона днемъ раньше, и тогда, навѣрное, поспѣлъ бы всюду, увидѣлъ бы хоть частичку того, къ чему стремился еще въ теченіи юбилейнаго года. А теперь я потерпѣлъ неудачу на всей линіи, прозѣвавъ вчерашнее торжество, и опоздалъ уже къ утреннему богослуженію. Нѣсколько легкомысленное отношеніе къ географіи никогда не проходитъ безнаказаннымъ. Такъ было съ французскими военачальниками въ 1870 году, то же постигло меня въ 1886 году anno Domini.

Такими приблизительно мыслями я терзался, подѣвжая, наконецъ, къ Рэмсгейту, котораго мы достигли въ первомъ часу. Когда я вышелъ на улицу, то очутился въ положеніи провинціала, впервые попавшаго въ столицу. Кругомъ бойкое движеніе, суета, лишь я одинъ, беспомощный, смотрю по сторонамъ, не зная, чтó съ собою сдѣлать, куда идти, за что взяться? На бѣду, не было ни одного извозчика; на встрѣчу попались рабочіе, шедшіе изъ города на вокзалъ. Я обратился къ одному изъ нихъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ мнѣ попасть въ коллегію...

— Oh, yes, yes... знаю, знаю, прервалъ онъ меня, точно обрадовавшись, — это къ мистеру Мантефьоръ... Пожалуйте прямо, затѣмъ пойдете налѣво, оттуда направо, по переулку прямо, еще пройдете двѣ, три улицы, будетъ гора...

Не дождавшись окончанія рѣчи словоохотливаго рабочаго, я пустился прямо, куда глаза глядятъ, и послѣ долгой ходьбы по длиннымъ улицамъ чистенькаго города, производящаго, какъ

и всѣ англійскія поселенія, очень пріятное впечатлѣніе, я очутился на роскошной набережной. Предо мною разстилось величественное море, которымъ нельзя было не любоваться. Оно всегда производитъ на меня чарующее дѣйствіе, все равно въ Кронштадтѣ или Одессѣ, въ Вулони или Калѣ, Рэмсгейтѣ или сосѣднемъ Бродстэйрѣ. Грѣшный человекъ, я долго любовался прелестнымъ видомъ, къ которому не былъ подготовленъ, просто жалко было разстаться съ любимою стихіей; но надо было спѣшить — я и такъ уже опоздалъ.

II.

Подкрѣпившись наскоро въ сосѣднемъ кафе, я пустился въ путь отыскивать «коллегію». Дѣло было далеко не легкое, — пришлось шагать наобумъ по разнымъ полямъ, потому что это учебное заведеніе отстоитъ довольно далеко отъ приморскаго отеля. Наконецъ, я увидѣлъ молодого парня, работавшаго въ пошѣ. Начались разспросы; отвѣты были, въ родѣ указаній словоохотливаго рабочаго возлѣ вокзала. Зная по опыту, что на отвѣты англійскаго престонородья трудно полагаться, не то, что во Франціи, гдѣ любой гамэнъ готовъ быть вашимъ проводникомъ, я предложилъ румяному здоровяку быть моимъ чичероне. Куда! и слышать не хочетъ, у него, изволите видѣть, «работы по горло, вишь, сколько сноповъ ему приходится перевязать, онъ и къ вечеру не успѣеть». Но, когда я намекнулъ, что его ожидаетъ вознагражденіе, въ видѣ sixpence, а, можетъ быть, и цѣлаго шиллинга, мой собесѣдникъ еще пуще покраснѣлъ. Мигомъ бросилъ онъ свои снопы и быстро зашагалъ по чужимъ полямъ, такъ что я едва поспѣвалъ за нимъ. «Вотъ на вершинѣ этой горки находится тонушая въ зелени гробница мистера Мантефьоръ», сказалъ мнѣ парень: «а кто живетъ въ этихъ зданіяхъ, не могу сказать. Надо обратиться къ другимъ». Всѣ, къ кому мы ни обращались за свѣдѣніями, дали одинъ отвѣтъ:

— Обратитесь къ мистеру Саулу, онъ все знаетъ. А встати вотъ и самъ мистеръ Саулъ, онъ стоитъ у входа въ коллегію.

Меня сдали на руки какому-то живому, привѣтливому ста-

ричку, похожему съ виду на истаго британскаго «clergyman», только съ добородою, съ маленькою ермолкою на головѣ, которую онъ постоянно поправлялъ, и съ длинною трубкой въ зубахъ. Онъ стоялъ возлѣ своей квартиры, на дверяхъ которой была дощечка съ надписью: «The reverend Mr. Saul». Старикъ пригласилъ меня къ себѣ, приемъ былъ самый дружелюбный, разговоръ происходилъ по англійски. Мы сидѣли въ маленькомъ кабинетѣ, за круглымъ столомъ, заваленномъ книгами, газетами и рукописями, на стѣнахъ красовались портреты основателей коллегіи и какихъ-то бородачей въ восточныхъ костюмахъ. Мы сразу какъ-то почувствовали другъ къ другу невольное расположеніе.

Скоро завязалась живая бесѣда, не было и тѣни принужденности, чопорности, неестественности, обыкновенно сопровождающихъ первое знакомство. Откуда ваялись только темы для бесѣды, точно мы были давно знакомы. Надо было видѣть его радость, когда онъ узналъ, что его гость пріѣхалъ изъ Россіи! Заерзала ермолка на головѣ, забѣгалъ старикъ по комнатѣ, закашлялся отъ усиленнаго сосанія чубука, послалъ за виномъ, на столѣ появилось угощеніе—просто этотъ солидный «clergyman», преподаватель въ богословскомъ институтѣ, сталъ неузнаваемъ. Въ избыткѣ радости онъ даже забылъ о нѣкоторыхъ обязательныхъ требованіяхъ капризнаго англійскаго синтаксиса. Быстро, скороговоркой, произносились фразы, не лишеныя извѣстной интонаціи, нѣсколько шокировавшей мой слухъ, уже привыкшій къ чистой англійской рѣчи.

«Это несомнѣнно иностранецъ», подумалъ я и не ошибся,—это не природный англичанинъ. Зная британскую щепетильность и крайнюю осторожность въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ они видятъ въ первый разъ, и замѣтите,—что особенно важно,—безъ всякой рекомендаціи, я не могъ понять ни причины наплыва этихъ дружескихъ чувствъ, ни этого быстрого проявленія гостеприимства. Нѣтъ, онъ меня не отпуститъ, познакомитъ со своимъ семействомъ, накормитъ отличнымъ каширнымъ обѣдомъ, какого я, вѣроятно, давно не ѣдалъ. Какъ ни неприятно мнѣ было огорчить гостеприимнаго профессора, но я вѣжливо, хотя настойчиво, отклонилъ его предложенія,

конфузливо благодарилъ за комплименты, расточаемые моему англійскому произношенію, и поставилъ таки на своемъ, не смотря на протесты старика, что такъ земляки не поступаютъ...

— Какъ земляки? недоумѣвалъ я.

— А такъ, мы съ вами земляки, настояціе земляки. Я тоже изъ Россіи.

— Вы изъ Россіи?

— Yes, Sir! произнесъ онъ торжественно. Хотите знать, кто я? Посмотрите на этотъ портретъ, который виситъ рядомъ съ портретомъ моего друга, іерусалимскаго хахамъ - баши. Это мой портретъ, такимъ я былъ лѣтъ 25 назадъ, молодымъ раввиномъ недалеко отъ Варшавы.

Онъ подвелъ меня къ стѣнѣ. Взглянувъ на портретъ, я просто ахнулъ... Нѣсколько минутъ я безмолвно переводилъ глаза со снимка на оригиналь *et vice versa*. Просто не вѣрилось, что это не мистификація, а сущая правда. Фотографія изображала типическаго хассидскаго не то раввина, не то цадика, сухопараго, сутуловатаго, въ мѣховой шапкѣ, напоминающей мономахову, съ отборнѣйшими пейсами. длинными, вьющимися, кольцеобразными, со всклокоченною, довольно длинною, раздѣленною надвое бородой, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки *à l'enfant*, безъ галстука, съ обнаженною частью груди, въ атласномъ кафтанѣ, отдѣланномъ спереди бархатомъ—словомъ сказать, въ полномъ парадѣ. Такихъ субъектовъ можно встрѣтить на водахъ, въ Мариенбадѣ, Карлсбадѣ и т. д.

Передо мною-же стоялъ, *en chair et en os*, настоящій англійскій пасторъ, коренастый, голубоглазый, благообразный, съ тщательно расчесанною бородой, въ костюмѣ, который отличается духовнаго отъ обыкновеннаго джентльмена, безъ малѣйшихъ признаковъ семитическаго типа.

— Не похожъ, не правда ли?—сказалъ онъ, замѣтивъ мое недоумѣніе:—Я бы самъ не повѣрилъ, если-бъ кто-нибудь сказалъ мнѣ 30 лѣтъ назадъ, что со мною будутъ подобныя превращенія.

И онъ мнѣ рассказалъ свою прежнюю жизнь.

Родился «преподобный мистеръ Саулъ» гдѣ-то въ глуши Ковенской губерніи. Едва отняли его отъ груди, какъ засадили за

книжку. Кончилъ онъ курсъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная неизбежнымъ, какъ смерть, хедеромъ и кончая знаменитымъ «іешиботомъ» у не менѣе знаменитаго раввина, славившагося во всей Литвѣ своими глубокими познаніями. Кончилъ онъ курсъ блистательно, такъ, какъ это рѣдко удается даже тамъ, на родинѣ знатоковъ Талмуда. Разныя общины наперерывъ предлагали ему быть ихъ духовнымъ пастыремъ. Онъ выбралъ общину, находящуюся близъ Варшавы. Репутацію онъ пріобрѣлъ хорошую, на матеріальное положеніе не особенно можно было жаловаться. Но бѣда заключалась въ томъ, что между пастыремъ и паствою скоро обнаружился глубокій разладъ, приведшій къ неминуемому разрыву.

Какъ питомецъ литовскаго «іешибота», онъ былъ скорѣе рационалистомъ и не могъ мириться съ другими сектами, въ особенности съ хассидизмомъ. Между тѣмъ, эта-то секта пустила глубокіе корни въ его паствѣ. Завязалась глухая борьба между сторонниками ученаго пастыря и противною партіей, которая, въ концѣ концовъ, и одолѣла. Онъ долженъ былъ отступить... Съ энергіей чисто литовскою, мало уступающею американской, погруженный въ Талмудъ раввинъ разомъ порвалъ всѣ связи съ прошлымъ, однимъ ударомъ разрубилъ гордіевъ узелъ и—очутился въ Англіи, у сэра Мозеса Монтефіоре. Тамъ онъ понравился. При основаніи богословской коллегіи, учрежденной въ память незабвенной жены филантропа, Юдиен, такъ называемой «Lady Judith College», онъ получилъ тамъ мѣсто профессора.

За недостаткомъ времени, трудно было узнать большія подробности о выдержанной борьбѣ, которая, вѣроятно, обошлась ему не дешево. На подобную борьбу способенъ только литовецъ. Нашъ братъ, южанинъ, врядъ-ли повѣритъ даже въ возможность подобнаго превращенія.

Раввинъ, обремененный пейсами и большимъ семействомъ, не владѣющій иными языками, кромѣ родного жаргона, рѣшается порвать всѣ связи съ прошлымъ, совершаетъ такой почти невѣроятный шагъ, какъ перемѣна мѣста, родины, общества, образа мыслей и жизни и въ теченіи 18-ти лѣтъ дѣлается неузнаваемымъ. Человѣкъ, который прежде врядъ-ли имѣлъ понятіе

о латинскомъ прифтѣ или кириллицѣ, считалъ становаго пристава какимъ-то существомъ недосягаемымъ, одареннымъ сверхъестественною силою, не видавшій вблизи ни одного представителя христіанскаго клира, теперь усвоилъ себѣ языкъ Диккенса и Теккерея, Дарвина и Карлейля, какъ родной, ведетъ знакомство съ христіанами, диспутируетъ съ духовными особами, какъ онъ объяснилъ мнѣ присутствіе на его столѣ множества книгъ богословскаго характера, произведеній извѣстныхъ духовныхъ писателей, въ родѣ Фаррара, Стэнли и другихъ. Мыслимы-ли подобныя типы на Югѣ, въ средѣ коснаго, мало развитаго раввината? Конечно нѣтъ. Между мірянами еще туда сюда, тамъ еще возможны, такія, положимъ, изъ ряда вонъ выходящія натуры, какъ покойный Г. Б. Горовицъ, оставившій Умань 50-ти лѣтнимъ негодіантомъ, впавшимъ въ несостоятельность, и очутившійся, черезъ нѣсколько лѣтъ, профессоромъ кэмбриджскаго университета! Но въ средѣ раввината подобныя явленія невозможны. Въ этой средѣ царятъ допотопныя взгляды на счетъ знанія вообще и иновѣрныхъ языковъ въ особенности. Если, паче чаянія, кому-нибудь изъ этихъ пастырей далось языкознаніе настолько, чтобы прочесть безошибочно цензурскую надпись на молитвенникѣ: «печатать дозволяется» или фамилію содержателя типографіи, то онъ считается великимъ грамотѣемъ.

III.

Задушевная бесѣда длилась довольно долго. Бывшій раввинъ съ восторгомъ вспоминалъ о далекой родинѣ, интересовался всѣмъ, происходящимъ тамъ. На мой вопросъ, согласился-ли бы онъ вернуться въ Россію, онъ далъ отрицательный отвѣтъ, что нѣсколько противорѣчило его недавнимъ пламеннымъ изліаніямъ.

Надо жить долго на чужбинѣ, чтобы понять жгучую боль при воспоминаніи о мѣстахъ, гдѣ похоронены предки, гдѣ человекъ родился, гдѣ протекло его дѣтство, отрочество и первая молодость. Поневолѣ забываешь пережитыя невзгоды, — онѣ скоро испаряются изъ памяти. Остаются только воспоминанія далекаго, безвозвратнаго прошлаго, воспоминанія, окутанныя розовымъ флеромъ, представляющимъ эти *tempi passati* въ ка-

комъ-то лучезарномъ свѣтѣ, далеко не соответствующемъ прозаической дѣйствительности. По мѣрѣ воскресенія фактовъ изъ прошлой жизни, языкъ новой отчизны оказался недостаточнымъ для рельефной передачи всѣхъ мыслей и чувствъ, роившихся въ головѣ, волновавшихъ сердце человека, точно помолодѣвшаго отъ наплыва освѣжавшихъ его воспоминаній. Пришлось прибѣгнуть къ помощи нѣмецкаго языка. Я и воспользовался этимъ, предвидѣннымъ мною моментомъ и пустилъ въ дѣло любимый мною жаргонъ, которымъ, къ сожалѣнію, мнѣ рѣдко приходится пользоваться. Стратагема удалась. Старикъ не выдержалъ—и, послѣ нѣкотораго колебанія, заговорилъ языкомъ, которымъ, бывало, рѣшалъ спорные вопросы о недорѣзанной курицѣ, о смѣшеніи молочной посуды съ мясною и тому подобныя казусы пастырской практики. Окружающая обстановка: зеленѣющія поля, сады, парки и этотъ прибой волнъ далеко не гармонировали съ нашею бесѣдой, происходившею на жаргонѣ, получившемъ право гражданства только въ тѣхъ благодатныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни простора, ни цвѣтка, ни деревца, а одна только пыль лѣтомъ, да невылазная грязь осенью отравляютъ существованіе всѣхъ тѣхъ, которые обречены тамъ томиться, какъ въ тюрьмѣ.

Наговорившись досыта, мы отправились осматривать коллегію со всѣми ея службами и пристройками. Настала очередь для «business», и недавнее увлеченіе, какъ рукой, сняло. Предо мною опять былъ прежній невозмутимо серьезный «clergyman»; жаргону былъ данъ безсрочный отпускъ. Рѣжущій уши языкъ дѣловитыхъ островитянъ опять вступилъ въ свои естественныя права. Серьезное настроеніе овладѣло обоими земляками, настроеніе, вполне подходившее къ данной минутѣ. Одинаковымъ чувствомъ уваженія къ памяти прежнихъ владѣльцевъ этого мѣста были одушевлены туристъ и его предупредительный чичероне. Послѣдній безпрестанно выражалъ сожалѣніе, что этотъ осмотръ не происходилъ раньше, при жизни «сэра Мозеса», о которомъ онъ говорилъ съ глубокимъ умиленіемъ.

Покойный «сэръ Мозесъ», извѣстный подъ именемъ «the great philanthropist», рано завоевалъ себѣ популярность въ средѣ англійской знати, у выдающихся государственныхъ дѣятелей

страны. Личный другъ разныхъ знаменитостей, въ родѣ славнаго трафальгарскаго героя, адмирала Нельсона, О'Коннели, Биконсфильда, Гладстона и другихъ парламентскихъ вождей, онъ пользовался дружескимъ расположеніемъ королевской фамилии, въ особенности королевы Викторіи, которая познакомилась съ нимъ, будучи еще наслѣдною принцессой. Позднѣйшая его популярность во всей странѣ доходила до того, что его біографіи помѣщались въ дѣтскихъ журналахъ, а его благотворительныя учрежденія служили типомъ для англійскихъ филантроповъ. Этою небывалою популярностью, возникшею еще въ тѣ времена, когда еврейскій вопросъ далеко не былъ рѣшенъ, сэръ-Мовесъ былъ отчасти обязанъ своей подругѣ жизни, о которой не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Молодой 28-ми лѣтній Монтефіоре, по отзывамъ современниковъ, красивой наружности, огромнаго роста и атлетическаго сложенія, познакомился въ театрѣ съ семействомъ амстердамскаго банкира, г. Леви. У этого банкира были двѣ дочери, Юдиень и Анна. Первая понравилась Монтефіоре, и скоро вышла за него замужъ, вторая сдѣлалась женой Натана Ротшильда. Бракъ Монтефіоре, происходившаго изъ стариннаго рода португальскихъ евреевъ, такъ называемыхъ «сефардимъ», съ дѣвушкой нѣмецкаго происхожденія имѣлъ важныя послѣдствія. Пропастъ, отдѣлявшая эти двѣ вѣтви одной и той же народности, исчезла. Первый примѣръ, поданный Монтефіоре, породнившимся съ семействомъ нѣмецкихъ евреевъ, «ашкеназимъ», нашелъ подражателей въ лицѣ Моката, Ротшильда и другихъ. Съ тѣхъ поръ брачныя союзы между «сефардимъ» и «ашкеназимъ» сдѣлались явленіемъ далеко не исключительнымъ.

Полвѣка слишкомъ прожили эти образцовые супруги въ мирѣ и согласіи. Судьба благопріятствовала своему баловню и въ этомъ отношеніи. Въ лицѣ энергической лэди Юдиень, Монтефіоре нашелъ самоотверженную подругу жизни, дѣлившую съ нимъ всѣ жизненныя радости и невзгоды, поддерживавшую его своими совѣтами, сопутствовавшую ему во всѣхъ его отдаленныхъ поѣздкахъ, сопряженныхъ въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, съ большими трудностями и опасностями. Когда въ одну изъ своихъ совмѣстныхъ поѣздокъ въ

Палестину мужественная чета узнала въ Мальтѣ, отъ герцога Кэмбриджскаго, что въ Іерусалимѣ свирѣпствуетъ моровая язва, они продолжали дальнѣйшее путешествіе. На всѣ увѣщанія друзей и родныхъ вернуться на родину, увѣщанія, преимущественно обращенныя къ лэди Юдиен, неустрашимая женщина отказала наотрѣвъ. «Въ эту минуту», — говоритъ она въ своемъ дневникѣ: — мнѣ пришли на память слова Руен, сказанныя ея свекрови Ноеминѣ: «Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться отъ тебя; но, куда ты пойдешь, туда и я пойду и гдѣ ты будешь жить, тамъ и я буду жить.»¹

Этотъ отвѣтъ былъ ея руководящею нитью въ жизни. Они никогда не разлучались — одна смерть была ихъ неизбѣжною разлучницей, и то послѣ счастливой полувѣковой супружеской жизни. Въ 1812 году Юдиенъ сочеталась бракомъ съ сэромъ Мозесомъ, въ 1862 г. супруги отпраздновали золотую свадьбу, и въ томъ же юбилейномъ году лэди Юдиенъ скончалась. Смерть любимой женщины сильно потрясла сэра Мозеса, старавшагося увѣковѣчить память своей незабвенной супруги разными благотворительными учрежденіями. Въ числѣ этихъ учрежденій богословская коллегія, носящая ея имя, занимаетъ первенствующее мѣсто. Она основана тамъ, гдѣ находится ея усыпальница, устроенная, какъ говорятъ, по сохранившемуся образцу могильнаго склепа «праматери Рахили».

Личность лэди Юдиенъ принадлежитъ къ типу выдающихся женскихъ характеровъ, обязанныхъ своимъ развитіемъ англійскому воспитанію. Блестящею представительницей этого глубоко-симпатическаго типа является, въ настоящее время, вдовствующая императрица Викторія, злосчастливая вдова мученика-философа на тронѣ, покойнаго германскаго императора Фридриха III. Эти свѣтлыя представительницы самоотверженной любви и безграничной преданности служатъ лучшими аргументами основательности теоріи, проповѣдуемой сторонниками женской равноправности. Такія натуры, часто встрѣчающіяся во всѣхъ слояхъ любаго общества, были обычнымъ явленіемъ и въ глубокой древности. Имъ, этимъ «доб-

¹ Книга «Руенъ» (1, 16).

лестнымъ женамъ», посвящалъ восторженные строки знаменитый царственный мудрецъ библейской эпохи — царь Соломонъ, глубокий знатокъ женскаго характера. По его мнѣнію, «доблестныя жены» достаются въ удѣлъ не всѣмъ, потому что «ихъ цѣна превыше всѣхъ жемчуговъ»¹.

Одна изъ такихъ «доблестныхъ женъ» покоится могильнымъ сномъ рядомъ съ любимымъ человѣкомъ, въ одинокой усыпальницѣ, при входѣ въ Рамсейтскую коллегію.

IV.

На самомъ краю пригородной деревни, на невысокомъ холмѣ, густо покрытомъ садомъ, возвышается зданіе, выходящее на набережную Ламанша, довольно внушительныхъ размѣровъ. Оно нѣсколько напоминаетъ богатую помѣщичью усадьбу прежнихъ временъ. Обширный дворъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ цвѣточныхъ клумбъ и зелени. Хорошо утрамбованныя дорожки, посыпанные краснымъ пескомъ, пересекаютъ дворъ во всѣхъ направленіяхъ.

При первомъ поворотѣ на возвышенность, отдѣляющую дворъ отъ улицы, находятся два сооруженія, невольно привлекающія ваше вниманіе. Эти сооруженія стоятъ какъ бы на стражѣ Института, посвященнаго памяти «Лэди Юдиен». Это—усыпальница незабвенной четы съ одной стороны и модельня — съ другой. Годъ назадъ вся окружающая мѣстность не могла вмѣстить всю массу людей, издавѣка пріѣхавшихъ отдать послѣдній долгъ славному филантропу. Теперь тамъ царитъ невозмутимая тишина, нарушаемая лишь пѣніемъ птичекъ.

Оригинальная, чисто библейской архитектуры, усыпальница виднѣется издали въ полѣ. Это гротъ съ куполомъ, устроенный по образцу древне-еврейскихъ могилъ, остатки которыхъ находятся еще въ Палестинѣ. Это снимокъ съ библейской «пещеры Махпела», гдѣ, по словамъ Св. Писанія, погребены наши патріархи.

¹ Книга Притчей Соломоновыхъ (XXXI, 10).

«И погребли его Исаакъ и Измаиль, сыновья его, въ пещерѣ Махпела, на полѣ Ефрона... на полѣ, которое Авраамъ приобрѣлъ отъ сыновъ Хетовыхъ. Тамъ погребены Авраамъ и Сара, жена его» ¹.

Современный патріархъ, къ сожалѣнію, умершій бездѣтнымъ, долгое время дѣлалъ мѣсто успокоенія своей подруги. Старательный уходъ близкаго человѣка видѣнъ въ заботливомъ украшеніи усыпальницы, окруженной густымъ, хорошо разведеннымъ садикомъ, деревья котораго обвиваютъ часть высокаго купола. Въ этомъ тихомъ уголкѣ, безмолвіе котораго нарушается только прибоемъ волнъ и пѣніемъ птичекъ, безутѣшный вдовецъ приготовилъ себѣ мѣсто рядомъ съ той, которая была украшеніемъ его счастливой жизни.

Надъ стеклянной дверью, ведущей въ гротъ, красуются заключительныя слова утренней молитвы: «Adon Olam» (Владыке вселенной!)

«Въ Его руки передаю духъ мой, засыпая и пробуждаясь, а вмѣстѣ съ духомъ и тѣло мое. Богъ со мною—я ничего не боюсь.»

Почти всю внутренность грота занимаютъ двѣ, рядомъ лежащія, огромныя мраморныя плиты, прикрывающія бранныя останки любящихъ супруговъ. На плитахъ высѣчены соотвѣтствующія надписи. Въ усыпальницѣ горитъ неугасимая лампада, а въ годовщину смерти прибавляется восковая свѣча.

Величественная простота этого послѣдняго мѣста успокоенія вполне гармонируетъ съ настроеніемъ посѣтителя, охваченнаго дѣлымъ роемъ воспоминаній и чувствъ, вызванныхъ видомъ смертныхъ останковъ людей, о которыхъ онъ такъ много слышалъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, жизнь которыхъ прошла свѣтлою полосой на мрачномъ фонѣ печальной обстановки его соплеменниковъ, на пользу которыхъ такъ много потрудились эти два праведника. Долго и безмолвно стоишь передъ гробницами этихъ чудесныхъ людей, никогда, можетъ быть, не имѣвшихъ собственнаго горя, но отлично понимавшихъ чужое горе, являющееся результатомъ общественной кривды. Посильное об-

¹ Книга Бытія (XXV, 9—10).

легченіе этого-то горя было единственною цѣлью ихъ много-полезной жизни.

Библейскою простотой и цѣльностью патриархальнаго міровоззрѣнія здѣсь дышешь и чувствуешь. Нѣтъ никакихъ суетныхъ признаковъ помпы разбогатѣвшаго мѣщанства, лѣзущаго въ дворянство, всѣхъ этихъ дорогихъ мавзолеевъ съ плачущими ангелами, разбитыми сердцами и сажеными стихотвореніями, добытыми, на вѣсь золота, у продажныхъ пѣнговъ и риторовъ, и тому подобной дребедени, развлекающей вниманіе путника, портящей его настроеніе. Все просто, трогательно, внушительно, какъ проста была жизнь этихъ двухъ любящихъ сердець. Они завоевали свою славу подвигами человѣколюбія; душевно любили они своихъ собратьевъ по крови; горячею любовью отзывались имъ послѣдніе, разбросанные по всѣмъ широтамъ и долготамъ, любовью, которая перейдетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Народная совѣсть безошибочно угадываетъ, кто имѣетъ право на ея любовь, какія бы тамъ разстоянія ни отдѣляли этого человѣка. Людская молва, чуткая ко всему изъ ряда выходящему, разнесла имя этого англійскаго баронета по отдаленнѣйшимъ мѣстамъ, гдѣ только обрѣтались люди, исповѣдующіе одну вѣру съ этимъ баронетомъ. Имя Монтефіоре—не теперь, а сорокъ лѣтъ назадъ—проникло въ такія тущобы, гдѣ, казалось, и существованіе—то самой Англии врядъ-ли было извѣстно. Люди, дорожащіе волоскомъ своей бороды, до которой никогда не касались ножницы или бритва, почувствовали благоговѣйное уваженіе къ бритому иностранцу, который не зналъ ихъ языка, и, точно сговорившись, всѣ обитатели этихъ, по истинѣ, «гнилыхъ мѣстечекъ», причислили бывшаго капитана британской службы къ числу своихъ праведниковъ. Въ какой бы странѣ свѣта ни случилась вопіющая кривда, направленная противъ кое-гдѣ еще гонимаго племени, бородатые обитатели Жмуди, Полѣсья и тому подобныхъ благодатныхъ мѣстностей были твердо убѣждены, что первымъ заступникомъ и представителемъ несправедливо угнетенныхъ явится эта же самоотверженная чета, которая готова была душу свою положить для торжества правды и справедливости. И они не ошибались. Это-то убѣжденіе раздѣлялось не одними

жителями Пинскихъ болотъ; оно проникало и въ общественное сознание всего цивилизованнаго міра. Невидимая связь между ними и отшельникомъ, доживавшимъ послѣдніе дни своей долгой плодотворной жизни въ Рэмсгейтѣ, росла и укрѣплялась, сдѣлалась фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Когда телеграфъ разнесъ печальную вѣсть о кончинѣ столѣтняго филантропа, первую неотвязчивую мысль, явившеюся невольно въ умахъ его опечаленныхъ соплеменниковъ, былъ тревожный вопросъ: кто то теперь будетъ замѣстителемъ незабвеннаго «сэра Мозеса»?

Увы, этотъ вопросъ и донынѣ стоитъ открытымъ. Вакантное мѣсто стараго Монтефіоре до сихъ поръ не занято, да и врядъ ли кто-нибудь изъ современниковъ можетъ предъявить подобныя права... Много званныхъ, но мало избранныхъ... При тяжелыхъ условіяхъ современнаго быта трудно рассчитывать, чтобы могли выработаться такія цѣльныя натуры, проникнутыя одною идеей, освѣщающею ихъ жизнь, нормирующей ихъ дѣятельность, какъ это мы видѣли у человѣка, лежащаго подъ этой плитой. Онъ напоминаетъ тѣ рѣдкіе экземпляры, единственные въ своемъ родѣ, unicum, которые такъ старательно оберегаются въ хранилищахъ Лувра, Ватикана, Британскаго музея или въ нашей Публичной Библіотекѣ. Монтефіоре былъ тоже «unicum» своего рода — другого подходящаго экземпляра не найдешь теперь, въ наши времена, когда люди заняты разработкой другихъ формъ общежитія, посредствомъ новыхъ факторовъ. Этихъ-то факторовъ не много; но они внушительны. Это—динамитъ, антисемитизмъ, взаимное истребленіе, вѣчная война. Non multa, sed multum..

Ц. Левинсонъ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗЪ ЕвРЕЙСКОЙ СТАРИНЫ.

ДВА ДОКУМЕНТА ПО ИСТОРИИ БѢЛОРУССКИХЪ ЕвРЕЕВЪ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

Одинъ любитель нашей старины¹ доставилъ мнѣ копию съ двухъ очень важныхъ историческихъ документовъ, найденныхъ имъ въ рукописи въ старинномъ *Пинкосъ* (Памятной книгѣ) еврейскаго погребальнаго братства города Мстиславля, Могилевской губерніи. Этотъ Пинкосъ, хранящійся въ рукахъ старосты мѣстной синагоги, началъ составляться, какъ видно изъ заглавнаго листа, въ 5506 году по еврейскому лѣтосчисленію, т. е. въ 1746 году обыкновенной эры. Въ немъ помѣщены протоколы и постановленія погребальнаго братства, а также — правда, очень рѣдко — замѣтки о достопримѣчательнѣйшихъ или необычайныхъ событіяхъ изъ общественной жизни мстиславскихъ и окрестныхъ евреевъ. Въ началѣ книги помѣщены нѣкоторые документы, выписанные изъ болѣе древней записной книги, упраздненной со введеніемъ новой и впослѣдствіи, вѣроятно, утерянной². Одинъ изъ лежащихъ передъ нами доку-

¹ Братъ мой, В. М. Дубновъ.

² Согласно указанію, имѣющемуся въ существующемъ Пинкосѣ 1746 года, Пинкосъ имѣлъ на своемъ заглавномъ листѣ очень древнюю дату, а именно 1398 годъ (5158 по евр. лѣтосч.). Эта дата, достовѣрность коей не подлежитъ сомнѣнію, имѣетъ большее историческое значеніе: она показываетъ, что еще въ концѣ XIV вѣка, въ одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Бѣлоруссіи, въ бывшей столицѣ удѣльнаго княжества — Мстиславлѣ, существовала благоустроенная еврейская община, между тѣмъ какъ имѣющіяся доселѣ историческія данныя (не исключая и новѣйшихъ, собранныхъ проф. Бершадскимъ) говорятъ о бѣлорусскихъ евреяхъ лишь начиная съ XVI вѣка (Ср. „Русско-еврейскій Архивъ Бершадскаго, т. I,

ментовъ, относящійся къ 1708 г., выписанъ изъ этого именно древнѣйшаго *Пинкеса*, другой, помѣченный 1744 годомъ, открываетъ собою новый *Пинкесъ*, основанный въ 1746 г. и сохранившійся донинѣ.

Привожу оба документа въ точномъ переводѣ съ древне-еврейскаго подлинника, съ необходимыми историческими разъясненіями, безъ коихъ смыслъ и значеніе документовъ были-бы недостаточно ясны.

I.

Петръ Великій и евреи во время шведской войны (1708 г.).

«Дѣти наши, которые родятся, пусть расскажутъ грядущимъ повелѣніямъ, что первый нашъ Избавитель не покидалъ насъ никогда. И если-бы всѣ люди стали писать, они не могли-бы записать всѣхъ чудесъ, содѣянныхъ намъ (доселѣ). Вотъ и нынѣ, въ четвергъ, 28 эдула 5468 года, пришелъ Кесарь, называемый *Царь Московскій*, по имени *Петръ Алексѣевичъ*, да возвысится слава его, со всей толпою своею—съ огромнымъ и многочисленнымъ войскомъ, и напали на насъ изъ народа, его грабители и разбойники, помимо его вѣдома, и чуть не дошло до кровопролитія. И если-бы Господь Богъ не положилъ въ сердце царя, чтобы онъ самолично зашелъ въ нашу синагогу, то навѣрное была-бы пролита кровь. Только съ помощью Божіею спасъ насъ царь, и отомстилъ за насъ, и приказалъ повѣсить немедленно тринадцать человекъ изъ нихъ, (грабителей), и земля успокоилась».

Такъ гласить одинъ документъ. Теперь необходимо точно

№ 53, 73, 74 и т. II, № 8). Если же, какъ показывается упомянутая дата, еще въ концѣ XIV вѣка, т. е. вскорѣ послѣ перехода Бѣлоруссіи изъ подъ власти русскихъ удѣльныхъ князей во владѣтельство Литвы, въ г. Мстиславлѣ существовала еврейская община, то можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что такія общины были и въ другихъ городахъ Бѣлоруссіи въ то же время, и что возникновеніе ихъ совпадаетъ съ самымъ началомъ литовскаго владѣтельства. И если такое предположеніе подтвердится новыми документами, то на очереди станетъ важный вопросъ: не было-ли зародышей еврейскихъ общинъ въ Бѣлоруссіи еще въ періодъ удѣльныхъ князей?—вопросъ, задѣвающий самыя корни русско-еврейской исторіи, уходящія въ глубь временъ.

установить, когда именно и при какихъ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ совершился неизвѣстный намъ доселѣ еврейскій погромъ, описанный въ приведенномъ документѣ.

Указанная въ немъ еврейская дата — 28 зула (5468 г.) совпадаетъ съ концомъ августа или началомъ сентября 1708 года. Въ это именно время происходила великая шведская война, и Петръ со своимъ войскомъ стоялъ лагеремъ въ различныхъ городахъ Могилевской губерніи, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ расположились шведы. Готовилась рѣшительная битва, которая и произошла вскорѣ, 28 сентября 1708 года, и окончилась знаменитою побѣдою русскихъ при Лѣсной, близъ м. Пропойска, Могилевской губерніи. Наканунѣ этой битвы произошелъ описанный въ нашемъ документѣ мстиславскій погромъ. Какъ всегда бываетъ въ разгарѣ войны, города переходили въ руки то одной, то другой изъ воюющихъ сторонъ и одинаково терпѣли отъ обѣихъ. Современная русская лѣтопись сообщаетъ, что въ это время и самъ Могилевъ, по выходѣ изъ него шведовъ и вступленіи русскихъ, подвергся страшному разоренію отъ калмыковъ и татаръ, составлявшихъ часть русскаго войска¹. Подобной же участи подвергся, повидимому, и г. Мстиславль, въ особенности же жившіе въ немъ евреи. Погромъ былъ, повидимому, всеобщій, а не специально-еврейскій. Но въ то время, какъ въ Могилевѣ погромъ былъ учиненъ, согласно показанію русскаго лѣтописца, не только съ вѣдома, но даже по приказу царя², въ Мстиславлѣ, по словамъ еврейскаго лѣтописца, внимательство Петра спасло жителей-евреевъ отъ разоренія и даже смерти. Тутъ царь распорядился о примѣрномъ наказаніи виновниковъ погрома, учиненнаго «помимо его вѣдома», и вдобавокъ еще удостоилъ своимъ посѣщеніемъ еврейскую синагогу. Выводить изъ этого заключе-

¹ См. „Записки игумена Ореста“, подробныя выдержки изъ коихъ приведены въ книгѣ „Описаніе Могилевской губерніи“ т. I. стр. 91—93 (изд. 1882 г.).

² „Россійскій государь, Петръ Алексѣевичъ, недоволенъ былъ Могилевскими жителями за то, что они провіантъ и денежныя контрибуціи шведской арміи давали, предписавъ указомъ татарскому и калмыцкому полкамъ выжечь городъ Могилевъ“, такъ говоритъ игумень Орестъ въ своихъ „Запискахъ“ Ibidem, стр. 91.

не о какомъ-либо особенномъ расположеніи Петра I къ евреямъ: было-бы рискованно, тѣмъ болѣе, что другой фактъ показываетъ намъ, напротивъ, что великій царь не благоволилъ къ евреямъ¹. Внимательство Петра было скорѣе актомъ благодарумія, нежели сочувствія.

Во всякомъ случаѣ, приведенный документъ самъ по себѣ любопытенъ и проливаетъ хоть нѣкоторый свѣтъ на одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ русско-еврейской исторіи.

II.

Еврейскіе погромы въ Могилевской губерніи въ 1740-хъ годахъ.

Этотъ документъ обширнѣе предъидущаго — и вотъ что онъ гласитъ:

«Сего дня, въ субботу, 4-го Швата 5504 года. Кто можетъ изобразить милость Божію, которую Онъ являлъ намъ и во время оно и являетъ поднесъ? Въ 5504 г., въ день 4-й Швата, близкаго къ мѣсяцу Одеру, приблизилъ Господь Богъ одно избавленіе къ другому². Ибо возстаде на насъ, то-есть на весь народъ израильскій, народъ нечестивый, и едва не сбылось на насъ проклятiе Моисея: «Народомъ нечестивымъ раздражу ихъ». Люди тѣ были жители деревень въ окрестностяхъ *Кричева*³. Они составили злой умыселъ противъ евреевъ и хотѣли истребить самое сѣмя израилево. Имена этихъ злодѣевъ были: первый звался *Ваццла*, и благодаря Бога онъ растаялъ какъ воскъ; второй носилъ имя рыбы *Карпачъ*, и словили его, слава Богу, какъ рыбу; третьяго звали *Руахъ*, на ихъ языкѣ *Вѣтеръ*, и съ помощью Божіею онъ разсѣялся аки вѣтеръ⁴. Ибо казнили

¹ Въ тѣхъ же «Запискахъ игумена Ореста» сообщается, будто-бы въ 1706 г. когда Петръ I, впервые проѣзжая черезъ Могилевъ, направляясь на помощь своей союзницѣ Польшѣ, ласково принялъ хлѣбъ-соль отъ могилевскихъ жителей-христіанъ, но «на евреевъ не хотѣлъ и взглянуть, только хлѣбъ вегѣлъ отъ нихъ принять» (Ibid. стр. 83). Фактъ этотъ, впрочемъ, не можетъ считаться безусловно достовернымъ, такъ какъ изъ другихъ источниковъ не подтверждается.

² Въ мѣсяцъ Огерѣ (февраль), въ 14-й день, празднуется избавленіе отъ раба Гамана („Пуримъ“). На это и намекаетъ авторъ документа.

³ Кричевъ — мѣстечко Чериковскаго уѣзда, Могил. губ.

⁴ Синообразная, присущая одному лишь еврейскому языку игра именами.

ихъ жестокими казнями, и имя ихъ стало извѣстно во многихъ странахъ. Совершали они неслыханныя дѣла: прогнали жителей Кричева съ ихъ женами и дѣтьми нагими и лишенными всего; въ городѣ Хотимскѣ¹ они ворвались въ синагогу, схватили свитокъ заветъ и сожгли и учинили неслыханныя дѣла со свиткомъ, и прегнали людей общины, и били всѣхъ, пока не убѣжали нагими и лишеннымъ всего. Въ другихъ общинахъ и деревняхъ они, за грѣхи наши тяжкіе, умертвили множество людей, пытали жестокими пытками, и убитые не были преданы землѣ. И сбылось на нихъ реченное: «Они отдали трупы рабовъ Твоихъ на сѣдленіе птицамъ небеснымъ». Сверхъ того они (злудѣи), за грѣхи наши тяжкіе, насильственно принудили множество и множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей отречься отъ Бога Израилева, — и распространился слухъ объ этомъ бѣдствіи во многихъ странахъ. Невозможно было еврею проѣзжать по дорогамъ, ибо всѣ дороги были очень опасны. И вездѣ, гдѣ они были, былъ плачь великій среди евреевъ, и постъ, и рыданіе, и вопли до неба. Въ особенности-же въ нашей общинѣ, въ городѣ Мстиславль, близкомъ къ Кричеву, хотѣли они положить руку на насъ; и все это было отъ того, что чужіе народы позавидовали нашему благосостоянію.

«Но по милости Божіей сбылось и другое реченіе: «И если даже они (евреи) будутъ въ землѣ враговъ своихъ, Я все-таки не отрину ихъ» и т. д.: Благодаря Бога, достигли высокаго положенія и почета два брата: знатный господинъ и богачъ Самуиль и братъ его славный и богатый Годша. Когда народъ хотѣлъ напасть на этихъ богачей, тогда дошелъ крикъ нашъ до престола Божія. Князь (дюкь, 5277), да возвысится слава его, много разъ посылалъ своихъ почтенныхъ слугъ (противъ грабителей), но крестьяне² сопротивлялись имъ. Тогда онъ

Въ имени Ваццла авторъ документа нашелъ намекъ на *воскъ*; *Карпачъ* (а можетъ быть и просто *Карпъ*) напомнилъ ему рыбу карпъ; третье имя болѣе загадочно и трудно сказать, въ виду двусмысленности подлинника, *звали-ли* третьяго *Руакъ*, или *Вптеръ*, или-же инымъ однозвучнымъ именемъ.

¹ Хотимскъ — мѣстечко Климовичскаго уѣзда, Могил. губ.

² Въ подлинникѣ сказано *5277*, употребляемое обыкновенно для обозначенія

послалъ вельможу ¹ Селецкаго съ небольшимъ войскомъ, а крестьяне собрались въ большемъ числѣ и хотѣли убить названнаго вельможу и людей его. Но, благодаря Бога, побѣдилъ вельможа и перебилъ изъ бунтовщиковъ огромное множество, а многихъ захватилъ живыми. Потомъ бунтовщики собрались еще разъ, но и на этотъ разъ были отбиты. Послѣ этого и самъ князь пожаловалъ въ г. Кричевъ, въ сопровожденіи богача Самуила, и тогда жестоко отомстили тѣмъ грабителямъ. Евреи, оставившіе по принужденіи свою вѣру, вернулись къ ней.

«Въ виду всего этого, слѣдовало установить постъ въ означенный день и затѣмъ праздновать «Пуримъ», ибо это чудо еще больше, чѣмъ чудо совершенное во дни Гамана. А потому мы и установили постъ въ означенный день, и собираемся въ радости хвалить и славословить Господа за чудеса, за спасенія и за побѣды, кои учинены искони и поднесъ. Молимся еще Богу и за славнаго раба Самуила и за скромную жену его Геню, которая много повліяла и къ добру на князя, подобно царицѣ Эсфири, ибо она плакала передъ княземъ и умоляла его. О ней можно сказать: «Да будетъ она благословенна между женами шатра (Іакова)», ибо она возсоздала домъ израильскій.

«Мы записали все сіе въ *Пинкостъ*, а Господь Богъ пусть запишетъ богача, его жену и дѣтей въ книгу жизни вмѣстѣ съ Мордохаемъ и Эсфирью, въ небесномъ Пинкостѣ. И сколько Богъ содѣялъ для насъ! Еслибъ Онъ избавилъ насъ отъ ихъ (грабителей) рукъ и не отомстилъ имъ, было-бы довольно для насъ; еслибъ Онъ отомстилъ имъ и не возвратилъ къ намъ насильственно отторгнутыхъ отъ нашей вѣры, то и тогда было-бы довольно для насъ; еслибъ возвратилъ отторгнутыхъ и не возмѣстилъ-бы ихъ потерь, тоже было-бы довольно. Сколь же велика милость Его теперь, если Онъ и спасъ насъ отъ ихъ рукъ, и отометилъ имъ, и возвратилъ намъ отрекшихся по принужденію! Вотъ почему мы записали все это на память, дабы видали, что каждый день враги встаютъ на насъ, чтобы истре-

---

простыхъ людей, крестьянъ, мужиковъ. Въ текстѣ подъ этимъ словомъ подразумѣваются бунтовщики.

¹ Тутъ не разобранное слово.

бить насъ, а Господь Богъ спасаетъ насъ отъ ихъ рукъ. И да будетъ Онъ съ нами, какъ былъ съ предками нашими, до вѣрности избавителя; и да возрадуется наше сердце, аминь!»!

Изъ этого документа, столь своеобразнаго по своей формѣ, можно извлечь слѣдующія фактическія данныя: 1) что въ февралѣ 1774 года (соответственно еврейской датѣ, Швать 5504 г.) совершился въ Мстиславль погромъ евреевъ; 2) что начались погромы съ м. Кричева, въ окрестностяхъ коего организовалась шайка Вацилы и его соумышленниковъ; 3) что такіе же погромы происходили, кромѣ указанныхъ мѣстъ, и въ Хотимскѣ, и во многихъ другихъ городахъ и деревняхъ Могилевской губерніи; 4) что погромы сопровождались избіеніемъ многихъ евреевъ и насильственнымъ обращеніемъ другихъ въ христіанство; 5) что слухи объ этихъ страшныхъ гоненіяхъ распространялись повсюду и возбуждали панику въ еврейскомъ населеніи; и 6) что нѣкоторыя еврейскія общины были спасены отъ истребленія и окончательнаго разоренія лишь благодаря посредничеству двухъ богатыхъ, вліятельныхъ евреевъ и энергичному заступничеству мѣстнаго князя (дѣка), повидимому, владѣльца г. Мстиславля, выславшаго противъ грабителей войско подъ командою Селецкого.

Теперь спрашивается: подтверждаются ли эти сообщенія другими извѣстными источниками и въ чемъ заключалась причина страшныхъ погромовъ, описанныхъ кагалнымъ еврейскимъ гѣтонисцемъ? Первый изъ этихъ вопросовъ разрѣшается вполне утвердительно; второй разъясняется только отчасти.

Вотъ что мы читаемъ въ одномъ русскомъ историческомъ документѣ: «Въ половинѣ XVIII столѣтія Кричевъ потерялъ много отъ внутренней неурядицы. Въ 1740 году владѣлецъ села Селичь, *Ивана Вацила*, собравъ значительную партію, въ теченіе трехъ лѣтъ производилъ грабежи въ Кричевскомъ староствѣ и даже на нѣкоторое время овладѣлъ самымъ городомъ. Набѣги Вацилы были тѣсно связаны съ дѣйствіями іезуитовъ, подстрекавшихъ католиковъ противъ униатовъ»¹. Это показав-

¹ См. „Описаніе Могилевской губ.“, т. II, стр. 143, въ историческомъ очеркѣ городовъ и мѣстечекъ, составленномъ В. Полубинскимъ. Авторъ пользовался для

ніе вполне согласно съ приведеннымъ выше еврейскимъ рассказомъ: тотъ же Иванъ Ваццла, вожакъ погромщиковъ, тотъ же Кривчевъ, какъ мѣсто первоначальной организаціи грабительской шайки, наконецъ, та же приблизительно дата (въ еврейскомъ документѣ показано начало 1744 года, какъ моментъ прекращенія погромовъ, а въ русскомъ говорится, что набѣги шайки Ваццлы продолжались, начиная съ 1740 г., «въ теченіе трехъ лѣтъ»). Изъ русскаго документа мы еще узнаемъ, что набѣги Ваццлы были направлены не на однихъ евреевъ, но также на прочихъ жителей. Итакъ, запись еврейскаго дѣтописца подтверждается *по существу* вполне и достоверность ея не подлежитъ сомнѣнію. И нѣтъ сомнѣнія, что прочія доказанія этой записи (о погромахъ въ другихъ городахъ Могилевской губерніи) также подтверждаются другими источниками по внимательномъ изслѣдованіи. Вообще очевидно, что вся картина погромовъ, сопровождавшихся избіеніемъ и насильственнымъ обращеніемъ въ христіанство, воспроизведена въ еврейскомъ документѣ, если не совсемъ полно и безъ объясненія причинъ, но за то совершенно точно и согласно съ фактами.

Гораздо труднѣе объяснить причину этихъ страшныхъ погромовъ, происходившихъ въ совершенно мирное время. Но и въ рѣшенію этого вопроса мы имѣемъ ключъ. Вспомнимъ, что описанныя въ документѣ событія происходили въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, лѣтъ за тридцать до раздѣла Польши. Бѣлоруссія была тогда одною изъ провинцій Рѣчи Посполитой, и въ ней господствовала та же анархія, которая въ то время обуревала самую метрополию: та же рознь, та же шляхетская необузданность, тѣ же сеймы и сеймики съ ихъ veto liberum, тѣ же гоненія на диссидентовъ, не католиковъ, и тотъ же безграничный произволь іезуитовъ. При такомъ полнѣйшемъ безначаліи, внутреннія неурядицы и національная борьба составляютъ какъ-бы естественное, неизбѣжное явленіе—и погромы евреевъ въ Могилевской губерніи, описанные въ приведенномъ

своего описанія многими источниками, какъ напр. „Городскія Поселенія Россійской Имперіи“, „Исторія Улѣи“ Бянтшы-Каменскаго, „Бѣлорусскій Архивъ“ 1824 г. и др.

документы, представляют собою только одно изъ проявленій того болѣзненнаго состоянія, въ которомъ находилась тогда вся Польша и которое вскорѣ привело это несчастное государство къ гибели. Панъ Ващила былъ, вѣроятно, орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ и его разбойничья шайка нападала одновременно и на евреевъ и на православныхъ униатовъ. Извѣстный историкъ уніи, Бантышъ-Каменскій прямо заявляетъ, что набѣги шайки Ващилы были вызваны кознями іезуитовъ, подстрекавшихъ католиковъ противъ униатовъ ¹. Евреевъ, значить, убивали, разоряли и насильственно крестили *ммаходою*, какъ это дѣлали первые крестоносцы въ средніе вѣка. Если такъ, то совершенно падаеть излюбленная теорія русскихъ юдофобовъ-историковъ, въ родѣ Кояловича, Кукольника и отчасти Костомарова, постоянно твердящихъ, будто до присоединенія Бѣлоруссін къ русскому государству (въ 1772 г.) іезуиты были всегда за одно съ евреями и дружно утѣсняли православныхъ ². Тутъ мы видимъ нѣчто прямо противоположное этому утверженію: видимъ полчища католическаго пана, подстрекаемыя іезуитами одновременно и противъ униатовъ, и противъ евреевъ. И тутъ опять подтверждается старая истина: что при борьбѣ національностей и религій, евреи всегда оказывались межъ двухъ огней и всегда находились въ числѣ битыхъ. Брало верхъ православное казачество (въ 1648 г.)—ихъ били въ Украинѣ и Бѣлоруссін вмѣстѣ съ поляками; господствовало польско-католическое шляхетство (въ 1740-хъ годахъ) — ихъ опять-таки били уже вмѣстѣ съ православными.

Таковъ историческій смыслъ второго изъ приведенныхъ мною документовъ.

С. Дубковъ.

¹ Тамъ-же.

² Ср. то же „Описаніе“, т. I, стр. 105.

З А Б Л У Д Ш І Й ¹.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ англійскаго).

ГЛАВА VI.

Бенедиктусъ и Руеъ.

Руеъ только что вернулась домой съ лекціи греческаго языка, который она начала въ послѣднее время изучать. Онъ не нравился ей; скучно было учиться ему, но замѣчанія кого-то изъ знакомыхъ побудили ее попытаться проложить и себѣ какую нибудь дорогу, по примѣру своихъ талантливыхъ сестеръ. У нея не было талантовъ. Ей казалось несправедливымъ, что другимъ дано такъ много, ей-же ничего. Не было дано ей въ удѣлъ и красоты свыше той мѣры, которая дается молодостью и здоровьемъ. Все это огорчало ее. Нужно же и ей доказать свое право „быть, дѣйствовать, или страдать“, какъ она выражалась съ нѣкоторыми ожесточеніемъ. Не желая болѣе страдать отъ сознанія, что она затерта на задній планъ, она придумала себѣ страданіе отъ изученія греческаго языка. Онъ навѣвалъ на нее нестерпимую скуку, которая тотчасъ сказывалась въ контрастѣ выраженій лицъ, когда она стояла возлѣ своей свободной сестры.

— Ну что, Руеъ?—спросила Эстелла смѣющимся тономъ.

¹ См. „Восходъ“ за 1888 г., кн. 10—12.

— Ну что, Эстелла?—съ раздраженіемъ передразнила Руеъ.— Какія красоты ты сегодня видѣла? Какихъ чудесъ наслышалась въ объясненіе энтузіазма, который внушаетъ тебѣ нашъ садикокъ?

— Это-то понятно.

— Чего проще, какъ не восхищеніе клочкомъ луга и кусочкомъ сада?—иронически замѣтила Руеъ.

— Широкимъ лугомъ и прелестнымъ садомъ,—поправила Эстелла.—Но скажи пожалуйста, неудачно у тебя идетъ греческій языкъ, что-ли?

— Вовсе нѣтъ,—отвѣтила Руеъ притворно-безпечнымъ тономъ; но Эстелла угадала притворство.

— Расскажи же мнѣ, Эстелла, кого ты видѣла у леди Элеоноры Тайнсъ,—спросила Руеъ, переиначивъ разговоръ.—Расскажи о Тирѣ. Улыбалась она своей „улыбкой Гвидо“, какъ выражается восторженный мистеръ Беккеръ?

— Да,—смѣясь сказала Эстелла.—Кромѣ того, на ней было восхитительное филигранное ожерелье и бѣлое, мягкое, шелковое платье, безъ всякаго глянца. Она была положительно красивѣ всѣхъ. Я видѣла еще на этомъ вечерѣ одного румына, который пытался дѣлать великія дѣла въ Галацѣ. Но его исторію я уже столько разъ слышала, что мнѣ скучно повторять ее.

— Да я-то не слыхала,—возразила Руеъ.—Интересно мнѣ было бы посмотрѣть на когонибудь, у кого есть „исторія“.

— У каждого какаянибудь да есть.

— Ну, нѣтъ. Если бы тебя спросили, напримѣръ, что такое Руеъ Гоферъ, то развѣ ты отвѣтила бы: „исторію Руеъ Гоферъ я столько разъ слышала; что мнѣ скучно повторять ее“?

— Конечно, нѣтъ!—смѣясь, отвѣтила Эстелла.—Исторія Руеъ Гоферъ слишкомъ близко интересовала бы меня для такого отвѣта.

— Но она, должно быть, еще не начиналась,—замѣтила Руеъ.—Посмотримъ, не заинтересуе-ли исторія твоего румына. Какъ его зовутъ?

— Адрианомъ Бенедиктусомъ, т. е. благословеннымъ.

— Знаю. Только Адрианъ лучше, —проше. Что за длинное имя! Расскажи мнѣ чтонибудь объ этомъ джентльменѣ.

— Румынскій языкъ похожъ на итальянскій, только всѣ слова, какъ кажется, ованчиваются на у.

— Да не о языкѣ, расскажи мнѣ о немъ самомъ.

— Но онъ самъ придетъ къ намъ, Руеъ; онъ просилъ позволенія. Тогда и ты, и мама, увидите его.

— И узнаемъ его исторію?—приставала Руеъ.

— Ну, едва-ли онъ станетъ рассказывать ее, — отвѣтила Эстелла, забавляясь ея любопытствомъ. — Развѣ онъ актеръ, чтобы сразу начинать говорить монологи.

— Что же?—возразила Руеъ, —драматическіе незнакомцы существовали раньше, чѣмъ ихъ стали выводить въ драмахъ и книгахъ. Рассказывали же они комунибудь исторію своей жизни. Почему же и твоему румынскому герою не рассказать ее?

— Моему! Я всего дважды въ жизни видѣла его. Однако, знами шляпку, милая. Вдругъ твой герой войдетъ къ намъ теперь!

— Мой! Я ни разу не видала его.

„Герой романа!—говорила она себѣ, убѣгая въ свою комнату. — Что-бишь читалъ намъ лекторъ вчера вечеромъ? „Мы обязаны стремиться къ истинѣ“. Такъ-то такъ, но для разнообразія не мѣняло бы знать не однѣ простыя истины, а чтонибудь и поинтереснѣе, какіянибудь исторіи, въ родѣ исторіи этого благословеннаго“.

Покуда Руеъ переодѣвается, скажемъ еще нѣсколько словъ о ней самой. Она страстно любила птицъ и животныхъ. Она, такъ сказать, ставила себя на ихъ мѣсто, изучала ихъ привычки, старалась представить себѣ ихъ чувства. Она тратила теплоту своего сердца на животныхъ, которыя забавляли и трогали ее своею веселостью и привязанностью къ людямъ. Когда она была еще ребенкомъ, ей удалось однажды, вмѣстѣ съ Габріелемъ, вытащить

изъ воды полумертвую собаку, которой они тщетно пытались вернуть жизнь. Наконецъ Руеъ побѣжала къ отцу просить помочь имъ.

— Но что же я могу сдѣлать для собаки, Руеинька? Вѣдь я только докторъ философін, — сказалъ онъ, не сердясь, что она отвлекла его отъ дѣла.

— Все-таки ты ученый, папа, и вѣрно сумеешь прописать пилюли, — разсудила она. — Пойдемъ, пожалуйста.

— Напрасно ты такъ волнуешься, Руеъ. Ну, чего плакать о животномъ?

— Да вѣрно я сама животное, папа, что мнѣ такъ жалко его.

И она дѣйствительно понимала любящимъ сердцемъ страданія и радости безсловесныхъ тварей. Щенокъ, къ счастью, ожилъ и изъ него выросъ великолѣпный и величавый лгашъ, ходившій вокругъ дома съ такимъ видомъ, словно это были его послѣдственныя владѣнія.

Понятно, что такая горячая защитница животныхъ, какъ Руеъ, должна была глубоко возмущаться вивисекціей. Она написала даже брошюру противъ этого грѣховнаго обычая, такъ какъ въ ея глазахъ это былъ настоящій грѣхъ, и каждая строка этой брошюры дышала краснорѣчивымъ негодованіемъ. Искреннее чувство, водившее ея рукой, придало брошюрѣ патетическую силу и, въ виду молодости автора, произведеніе это можно было назвать превосходнымъ. Это было страстное обвиненіе въ жестокости къ созданіямъ, лишеннымъ способности къ самозащитѣ, въ которомъ Руеъ старалась доказать, что заботы о нуждахъ человѣчества, которыя, по ея мнѣнію, ставились слишкомъ высоко, должны быть подчинены чувству жалости. Но подъ конецъ воображеніе измѣнило ей и она взяла эпитафю: „Живите и давайте жить“, что было не совсемъ удачнымъ выборомъ.

Рuaeъ еще не кончила тогда курса въ своемъ колледжѣ, считавшимся очень хорошимъ училищемъ. Краснѣя и волнуясь, но въ

надеждѣ, что этого никто не замѣчаетъ, положила она свой очеркъ на пюпитръ учителя латинскаго языка и словесности. И лежалъ онъ на этомъ пюпитрѣ, перевязанный голубою ленточкой, словно агнецъ, разукрашенный для закланія, какъ выразался потомъ Габріэль. Руѣ сіяла, гордая своимъ произведеніемъ.

Увы! бѣдная Руѣ! Профессоръ равнодушно перелистывалъ щеголеватую, чисто переписанную тетрадку, потомъ, вернувшись къ началу, прочелъ ее и холодно улыбнулся. Черезъ нѣсколько часовъ, вмѣсто того, чтобы приложить брошюру къ числу соискательствъ на премію и взять съ собою, онъ возвратилъ ее автору, которому эти нѣсколько часовъ ожиданія показались цѣлымъ вѣкомъ.

— Такъ вотъ каковъ вашъ взглядъ, миссъ Гоферъ, на этотъ затруднительный вопросъ,—изрекъ оракулъ.—Вы встрѣтите много оппонентовъ. „Несчастныя собаки, кошки, кролики“.—Ну, а люди-то, какъ же съ ихъ страшными болѣзнями? О нихъ вы не заботитесь?

— Развѣ кролики страдаютъ меньше людей? За что же они должны страдать? Почему же за нихъ нельзя заступиться? Мнѣ хотѣлось пробудить жалость и къ несчастнымъ животнымъ,—возразила Руѣ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.—Я полагала, что намъ предоставляется безусловное право выбирать сюжеты для сочиненій, а я ни о чемъ другомъ не могу писать.

Профессоръ, съ тою же холодною улыбкой, показывавшею, что онъ слышитъ, но не принимаетъ къ свѣдѣнію, придвинулъ возвращаемую рукопись поближе къ ней. Руѣ все еще ждала какихъ нибудь аргументовъ; ей хотѣлось бы спорить, защищать свою точку зрѣнія. Знай она, что ея судья давно стоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія, имѣя въ числѣ своихъ друзей знаменитость, защищающую тѣ эксперименты, которые наполняли ее негодованіемъ и ужасомъ, разочарованіе и обида ея не были бы такъ жестоки. Но Руѣ не знала этого.

— Зачѣмъ еще лишнія страданія? Вѣдь болѣзни посылаются человѣку въ испытаніе его мужества; вѣдь онѣ вводятъ въ непонятную для нашего ума систему исправленія міра. Если страданія посланы человѣчеству за первородный грѣхъ, то никакія научныя отертія не въ силахъ облегчить ихъ.

Эти возраженія побудили профессора, вмѣсто всякихъ возраженій подписать подъ сочиненіемъ только два слова:

„Болѣзненные представленія“.

„Пускай болѣзненные!“ — подумала Руеъ, и тутъ же дала себѣ слово никогда, ни въ какой болѣзни, не обращаться къ врачебной помощи, покупаемой неизреченными страданіями такихъ милыхъ животныхъ, какъ ея ласковый черный Брюсъ, ея возлюбленный сѣрый Томъ, и величавый, лоснящійся, великолѣпный Самбо.

Такимъ образомъ, Руеъ, подобно Тирѣ Фрейндъ, рѣшилась проводить свои убѣжденія на практикѣ. Тирѣ же было еще и восемнадцати лѣтъ, тогда какъ Руеи минуло двадцать; положеніе обѣихъ было совершенно несхоже, и жизненные пути шли врозь; тѣмъ не менѣе ихъ соединяла крѣпкая, искренняя дружба, хотя и не безъ отбѣнка зависти со стороны Руеи, и въ обществѣ характеры ихъ были схожи.

Ударъ, нанесенный самолюбію Руеи, не остался тайной для ея сестры. Она помогла ей переписать статью; подбавить въ нее жару, и научила послать ее въ редакцію одного первокласснаго журнала, допускавшаго полемику на своихъ столбцахъ.

Статья была принята и появилась въ печати; Руеъ получила небольшой чекъ, который она тотчасъ же послала Обществу покровительства животныхъ.

Трудно описать ея восторгъ; она едва вѣрила своимъ глазамъ.

Вышло однако то, что внимательство Эстеллы, внѣшнее ея искреннѣе участіемъ къ сестрѣ, принесло совѣтъ не тѣ плоды, какихъ она ожидала. Мистрисъ Гоферъ вообразила, что у дочери ея несомнѣнный писательскій талантъ, намекала друзьямъ, что она—

геній и безсознательно ввела ихъ въ заблужденіе. Друзья начали освидѣмлять ея заново рода дѣятельности намерена посвятить себя гениальной Руеъ.

Однако, сама она была чужда всякаго самообольщенія на этотъ счетъ: ничто не могло убѣдить ее, что въ ней скрывается писательскій талантъ, ни даже предложеніе редакціи продолжать писать въ томъ же органѣ по другимъ предметамъ.

Какой случай для молодой дѣвушки, если только она имѣетъ возможность ухватиться за него! Но Руеъ, стремившаяся затмить Тиру и сравняться съ Габріелемъ, Алексой и Эстеллой, принуждена была упустить его. Ее приглашали писать не о качествахъ собачьей породы, а о какихъ нибудь другихъ общественныхъ вопросахъ—напримѣръ, о пользѣ изящныхъ искусствъ для народа; о пользѣ музеевъ—между тѣмъ, какъ она могла писать только о своихъ любимцахъ. „Народа“ въ отвлеченной формѣ Руеъ терпѣть не могла; хвалить же музеи, гдѣ выставлялись чучела бѣднѣйшихъ животныхъ — покорно благодарю! Дававшееся счастье пришлось упустить изъ рукъ. Узвленное самолюбіе и горькое сознание своей неспособности тягаться съ блестящими талантами своихъ сестеръ и брата такъ подѣйствовали на Руеъ, что она даже слегка захворала. Это послужило объясненіемъ молчанія молодого таланта. Кстати было также и то, что мнѣніе доктора о болѣзни Руеи оказалось нѣсколько предвзатымъ вслѣдствіе преувеличенныхъ тревогъ и намековъ ея матери.

— Запретите ей писать, докторъ. Пожалуйста, запретите, убѣждала она.

— Конечно; объ этомъ нечего и думать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время и даже довольно продолжительное. Опасаюсь, что это новый пригѣръ нашей системы мозгового переутомленія.

Но при взглядѣ на Руеъ опасенія его разсѣялись. Она просто устала, а не переутомилась умственной работой. Въ сестрѣ Эстеллы не трудно было предположить особенный талантъ.

Докторъ запретилъ учиться, что спасло его репутацію въ глазахъ Руен, а велѣлъ регулярно принимать хининъ. Такимъ образомъ, Руен могла совершить почетное отступленіе отъ представлявшегося ей „случая“, и предупредить редакцію журнала, что она не можетъ обѣщать постоянного сотрудничества.

Черезъ недѣлю, она вышвырнула хининъ, плача отъ досады и ропща на судьбу, тогда какъ мать ея жалѣла, что она не продолжала принимать лекарства, которое могло бы подкрѣпить ее на новое писательство. Впрочемъ Руен имѣла совсѣмъ хорошей видъ. Это былъ исключительный и рѣдкій примѣръ сожалѣнія о томъ, что человѣку не пишется.

Бѣдная дѣвушка! Безполезныя усилія молодости! Если бы кто нибудь могъ пріотереть передъ нею завѣсу будущаго, то она убѣдилась бы, что будетъ современемъ писать, и писать хорошо, не только тогда, когда молодость минуетъ.

Такимъ образомъ, хотя у двадцатилѣтней Руен Гоферъ и не было еще своей „исторіи“, но рассказанный нами эпизодъ не преминулъ наложить свой слѣдъ на ея характеръ. Она все еще мечтала и пыталась быть „выдающимся умомъ“, и безтактный вопросъ: „что вы теперь пишете?“, который дѣлалъ ей иногда кто нибудь изъ знакомыхъ, приводилъ ее въ худо скрытое раздраженіе.

Литературныя труды Руен никогда не поглощали ее на столько, чтобы она не чувствовала настойчиваго приглашенія мягкой лапы, или ласковаго тренія объ ея кожно, собачьей или кошачьей головы. Не заглушали въ ней эти занятія и хозяйственнаго инстинкта, манившаго ее заглянуть въ кухню, когда тамъ варилось варенье, заглянуть, да и остаться тамъ. Она искренно вздыхала, сознавая, что другія обязанности призываютъ ее въ другое мѣсто, но, вздыхая, все таки не уходила изъ кухни.

Бѣлая бабочка, порхающая въ саду, также могла заставить ее бросить перо; даже грибокъ, выскочившій изъ земли послѣ грозы

и случайно попавшейся ей на глаза, оказывалъ тоже самое дѣйствіе, не говоря уже о нѣжномъ чувствѣ дочерней любви, вдругъ напоминавшемъ ей, что ея мать одна и важнѣе скучаетъ. Словомъ мозговое напряженіе этой молодой дѣвушки отнюдь не грезило пока переутомленіемъ.

Тѣмъ не менѣе мистрисъ Геферъ продолжала описаться. Въ своей наивности, она заявила однажды, что Каролина Гершоль¹ лучше мела бы свои коннаты, чѣмъ отыскивать въ небѣ какихъ то планетъ. Со стороны своей матери Руеъ, значить, не встрѣчала большого поощренія въ подготовленіи себя къ серьезнымъ занятіямъ.

Природнаго призванія къ какому нибудь роду искусства или науки у Руеи не было;—не было и тѣни того стремленія къ одной цѣли, которое овладѣваетъ всѣми чувствами, гонитъ сонъ по ночамъ, наполняетъ душу сладостнымъ довольствомъ при каждомъ шагѣ впередъ, сдѣланномъ по избранному пути, и заставляетъ считать потерянными всѣ минуты, отнятыя у любимаго занятія.

Не было еще въ ея жизни и романтической любви. Ужь Руеи совсѣмъ не былъ романтическимъ; то смутное недовольство, которое она чувствовала, было болѣе личнаго свойства, чѣмъ неудовлетворенное желаніе большого богатства, или поклоненія, это было скорѣе соревнованіе, не безъ пригѣси нѣкоторой зависти, чѣмъ положительное честолюбіе или неудовлетворенность господствующей страсти.

Въ припадкѣ дочерней нѣжности, Руеъ и теперь бросила свое дѣло и побѣжала внизъ, отыскивать мать. Въ залѣ ее не было. Руеъ вышла въ садъ. И тамъ тоже не было ни души, кромѣ ея четвероногихъ и пернатыхъ друзей.

— Прочь, Гонтеръ, дрянной мальчикъ! раздался ея голосъ. Вѣдь какой задирано! Ничѣмъ не уймешь. Прочь, говорятъ тебѣ!

¹ Сестра и тетка знаменитыхъ астрономовъ, и сама астрономъ.

А ты, Самба, учися прещать. Поглядите вы на себя: на что вы похожи отъ нашей вѣчной драки?

Кто-то въ эту минуту стоялъ за дверью дома и слышалъ каждое слово этого снѣга, пропетесеннаго звучнымъ, мелодичнымъ голосомъ молодой дѣвушки.

— Здѣсь, должно быть, школа для мальчиковъ, подумалъ онъ. Однако адресъ тотъ... Выглянувшая голова чернаго юнца ничего не пояснила. Бенедиктусъ—это былъ онъ—не терпѣлъ кошекъ. Колокольчикъ не звонилъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, румынъ взялся за ручку двери, повернулъ ее и нерѣшительно вошелъ.

— Я долженъ извиниться, — произнесъ онъ при видѣ удивленной Руей, которая однако тотчасъ сообразила, кто это долженъ быть. — Я не могъ дозвониться. Но, вѣроятно, это и есть стеной петтеджъ. А вы—нисъ Гоферъ, не правда-ли? — спросилъ онъ съ улыбкой, которая такъ шла къ его задумчивому лицу.

— Да, — отвѣтила Руей, слегка краснѣя, — я одна изъ дочерей мистриссъ Гоферъ. Колокольчикъ у насъ заросъ плющемъ; сестрѣ моей очень нравится плющъ, но отъ насъ уже не разъ люди уходили, не дозвонившись. Въ другой разъ—прибавила она ласковымъ, но наставительнымъ тономъ, какимъ обыкновенно читала правоученія своимъ собакамъ и кошкамъ—въ другой разъ ницѣ ручку колокольчика немного повыше.

„Должно быть, она учительница. Такая молодая!“ подумалъ Бенедиктусъ. Онъ вообще уважалъ учителей и сочувствовалъ имъ, понимая ихъ тягостную жизнь.

— Буду помнить, — отвѣтилъ онъ.

Онъ увѣрялъ себя, что ему ужасно надоѣли свѣтскія, умныя, красивыя дѣвушки, а также и тѣ, которыя такъ страшно серьезно толкуютъ о „дѣлѣ своей жизни“. Ему нравилось въ Руей ее простота, ее самоувѣренность, сквозь которую проглядывала робость, ее густые, темныя волосы и дѣтское личико, некрасивое, но свѣжее и привѣтливое.

— Вы видите, продолжала она разговоръ о поголовчикѣ: англійскіе обычаи не таковы, какъ въ другихъ странахъ. Сестра говорила мнѣ, что вы румынъ. Хотите, я проведу васъ въ ея студию?

— А вы, конечно, знакомы съ обычаями многихъ странъ, серьезно сказалъ онъ, слѣдуя за нею и забавляясь въ душѣ ея поучительнымъ тономъ.

— Я? нѣтъ, немногихъ, — отвѣтила она едержаннѣе. — Я знаю, только Германію, гдѣ училась. Но въ шволѣ можно узнать только обычаи своихъ учителей. Ихъ-то можно наизусть изучить! А что касается до другихъ, то когда же изучать? времени нѣтъ. Вы представьте только: сидятъ двѣнадцать дѣвушекъ въ одной комнатѣ и утрясаются по метроному.

— По метроному? — вскричалъ Бенедиктусъ. Это зачѣмъ?

— Чтобы съ такта не сбиваться; не то каждое фортепіано пойдетъ нести свое.

— Воображаю! — сказалъ румынъ, содрогаясь. — Значить, вы отличная музыкантша?

Руеъ знала, что даже самый снисходительный другъ не скажетъ бы о ней этого, а учителя ея говорили всегда какъ разъ противное, поэтому сочла долгомъ совѣсти сдѣлать отрицательный жестъ.

Эстелла, не ожидавшая, что Бенедиктусъ такъ скоро сдѣлаетъ ей визитъ, была нѣсколько удивлена, когда Руеъ, тихо отворивъ дверь ея студіи, пропустила въ нее высокаго румына. Еще болѣе удивила ее то, что Руеъ безцеремонно ввела его; вообще обращеніе ея сестры съ гостемъ показалось ей какимъ-то страннымъ, не гармонирующимъ съ ея обычнымъ отношеніемъ къ незнакомымъ людямъ. Руеи нравилась роль покровительницы, какъ нравится котенку играть съ ежомъ, повуда онъ не наколитъ лапку и не убѣжить отъ страшной игрушки.

— Кажется, я разогналъ учениковъ, — замѣтилъ Бенедиктусъ, любознательнѣе зная, съ кѣмъ разговаривала Руеъ.

— Гунтера и Самбо, — возразила Руеъ красива. — Неужели онъ находитъ ее такимъ ребенкомъ, чтобы считать способною играть съ учениками? — Я уже окончила ее школой, съ достоинствомъ появивла она.

— Но, можетъ быть, вы сами учитесь.

— Не учусь и не уну, — холодно отвѣтила Руеъ, находя гостя чрезвычайнѣе вытливнымъ для человека, который видитъ ее въ первый разъ.

Бенедиктусъ удивился, но ничего не отвѣтилъ. Онъ обратилъ вниманіе на картины, сравнивая въ умѣ извѣстную студию Эстелли съ обнаженной и высокой мастеровой Бенкера, полной возвышенныхъ идеаловъ, схваченныхъ на холстѣ. Въ стѣнѣ была прислонена небольшая картина Перуджинно, которую м-ръ Фрейндъ далъ Эстеллѣ для снятія копій. Картина изображала головку въ серьезномъ лицѣ, некрасивомъ, но очень миловидномъ и лгуноватымъ. Это лицо, съ остренькимъ подбородкомъ и длинными рѣсницами, очень нравилось Бенедиктусу. Эстелла, замѣтивъ, что картина заинтересовала его, встала и приблизила ее къ свѣту.

— Это скорѣе нѣмецкая, чѣмъ итальянская школа, — замѣтилъ онъ, и потомъ, взглянувъ на Руеъ, прибавилъ: — это немного похоже на вашу сестру.

Руеъ вскинула.

Головка Перуджинно была только миловидной; прелесть ея заключалась въ наивномъ и шлольническомъ выраженіи. Въ ней не было ничего идеальнаго, возвышеннаго, загадочнаго; это было просто-на-просто головка доброй и здоровой дѣвушки.

— Все это не похоже на меня, — съ досадою возразила Руеъ. — Скорѣе это похоже на Тиру Фрейндъ.

Добродушная улыбка на лицѣ Бенедиктуса вдругъ смѣнилась

строгимъ выраженіемъ, не совсѣмъ успокоительнымъ для Руей. Ей стало стыдно за свое раздраженіе.

— Этого я не нахожу,—возразилъ онъ, вспомнивъ все, что говорилъ ему Беккеръ о характерѣ Тирн. И что могло быть общаго между оригиналомъ бывшаго на выставкѣ портрета и этимъ зауряднымъ женскимъ лицомъ, которое Перуджино написалъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ? Бенедиктусу не вѣрилось даже въ возможность найти между ними какое нибудь сходство. Очевидно, что Руей въ этомъ дѣлѣ профанъ.

— Мастеръ Беккеръ тоже находить, что это похоже на Руей.—вѣшалась Эстелла, понявъ неловкое положеніе сестры.— Противъ такого авторитета трудно возражать, но относительно сходства лицъ люди рѣдко биваютъ согласны.

Бенедиктусъ замѣтилъ, что Руей чѣмъ-то недовольна, но чѣмъ? Эстелла употребляла всѣ усилія, чтобы занять гостя.

— Слышали вы о несчастномъ случаѣ съ мистеромъ Фалькнеромъ?—спросилъ Адрианъ.—Его лошадь спотынулась и сбросила его съ себя. Говорятъ, онъ сильно ушибся. Это тотъ самый господинъ, который велъ къ обѣду миссъ Фрейндъ на вечерѣ у леди Элеоноры.

— Я очень рада, что онъ ушибся,—прозвучалъ свѣжій голосокъ Руей.—Я уже знаю объ этомъ случаѣ. Это произошло на скачкахъ. Онъ гналъ свою лошадь и Богъ отплатилъ ему за эту жестокость. Если ужъ людямъ непременно нужно убивать, то пускай они убиваютъ другъ друга. Если бы заяцъ убилъ мистера Фалькнера, то это былъ бы рѣдкій притѣръ справедливости.

— Моя сестра страстная любительница животныхъ и исполнена жалости къ нимъ,—пояснила Эстелла, замѣтивъ удивленное выраженіе лица румяна.

— Какъ леди Эглантина у Чоусера,—съ улыбкой замѣтилъ Бенедиктусъ. Онъ зналъ старыхъ англійскихъ поэтовъ не хуже любого изъ образованныхъ англичанъ.

Сравненіе съ мягкосердечной и гуманной Чаусера нѣсколько за-
гладило въ глазахъ Руей неестное сравненіе съ картиной Пе-
руджино.

— Она плачетъ при видѣ стада барановъ, которыхъ ведутъ
на убой, — дополнила Эстелла.

— Значить, вы находите нашъ спортъ дѣломъ грѣхов-
нымъ, — обратился Бенедиктусъ къ Руей, — и спорѣ заплаете по
животъ баранѣ, чѣмъ по жертвѣ чадовѣдѣ?

— Да, — рѣшительно отвѣтила она. — Я не знаю худшей тру-
сости, какъ угнетеніе сильнымъ слабого и беззащитнаго. Развѣ вы
не согласны со мною, мистеръ Бенедиктусъ?

Эти слова нанесли румяну картины бѣдствій и рѣви, ко-
торыхъ онъ былъ съ дѣтства свидѣтелемъ на роднѣ, и Руей
снова начала править ему. „Она, однако, не глуха, хотя и
сравниваетъ Бенкероу „Лилію востока“ съ простенькою, зауряд-
ною дѣвочкой.

— Я понимаю васъ, — сказалъ онъ. — Пожалася, чтобы и
зайцы, и Фальшонеры оставались цѣлыми.

Эстелла, свидѣтельница этой маленькой сцены, съ удивленіемъ
слушала Руей, которая, совершенно оправившись отъ смущенія, на-
чала высказывать идею и спорить о вещахъ, о которыхъ она
имѣла самое поверхностное понятіе, упрямо отстаивая свою точку
зрѣнія. Эстелла была убѣждена, что она только настроила себя
на серьезный ладъ, безъ сомнѣнія, въ подражаніе Тирѣ Фрейндъ.
Эстеллѣ не нравилась эта драпировка въ гуманныя чувства; она
знала, что въ душѣ Руей терпѣть не могла филантропическихъ
разговоровъ. А Бенедиктусъ слушаетъ и вѣрить! Тира не гово-
рить, не рисуется, она только чувствуетъ, хотя живетъ съ людьми,
еще менѣе интересующимися этими вопросами, чѣмъ даже сама
Руей.

Эстелла сравнивала сестру съ коноплянкой, порхающей вокругъ
художественной колонны, а Руей тѣмъ временемъ силсилась пока-

зять, что она умѣетъ говорить о серьезныхъ предметахъ и обо всемъ имѣетъ свое мнѣніе.

— Ты высказываешь взгляды Тира, — замѣтила Эстелла, но безъ досады видя, что эта пустынная дѣвочка смѣетъ выдавать за свои — продуманныя и прочувствованныя мнѣнія своей серьезной подружки. Но Руеъ продолжала свое, не столько, можетъ быть, изъ желанія блеснуть, сколько изъ безосознательной склонности вопрошать оригиналь, къ которому Бенедиктусъ относился съ заигнаннымъ уваженіемъ.

— Но скажите же мнѣ, какія у васъ цѣли? И у миссъ Тира также? Что вы дѣлаете, или намѣрены дѣлать?

Вопросъ этотъ заставилъ Руеъ подумать, что Бенедиктусъ имѣетъ только смутное понятіе о личности Тира и что его, быть можетъ, болѣе интересуетъ въ дѣвушкѣ остроумная болтовня, чѣмъ филантропическія мечтанія.

— Что же такое миссъ Тира? Соціалистка? — прибавилъ онъ.

— Миссъ Фрейнды жаждетъ улучшить положеніе жителей одного или двухъ кварталовъ Иствъ-Энда, чтобы достигнуть ихъ полного нравственнаго возрожденія, — холодно пояснила Эстелла. — Объявите, что для восемнадцатилѣтней дѣвушки это очень благородная цѣль, и нельзя сказать, чтобы фантастическая. Условія ея положенія покажутъ мѣшаютъ ей и удерживаютъ ее попытки, чтобы достигнуть результатовъ, ей нужно сдѣлаться постарше и посвободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Но это не уйдетъ отъ нея, а въ ожиданіи этого момента бѣдность и невѣжество все таки могутъ уменьшиться въ этихъ округахъ при ея содѣйствіи.

— А тѣмъ временемъ и мечты ея могутъ развѣяться, — иронически замѣтилъ Бенедиктусъ. — Время много значитъ.

— Нѣтъ, съ негодованіемъ возразила Эстелла; я убѣждена, что время только укрѣпитъ ея добрыя намѣренія.

— Вѣдь это мечты, — повторилъ Бенедиктусъ, — и странныя мечты для дѣвушки ея лѣтъ. Конечно, послѣдуютъ разочарованія,

а въ молодости разочарованія оказываютъ подавляющее дѣйствіе. Посовѣтуйте ей лучше не докапываться до корня вещей. Что пользы? Жизни не переживаешь, такъ ужъ лучше и не всматриваться въ нее. Если бы даже и удалось сдѣлать два квартала образцовни, то остальные-то, какъ же? Вѣдь тамъ все останется по старому, и все таки сотни тысячъ людей будутъ предоставлены на произволъ судьбы. Да и сами-то осчастливленные поблагодарятъ-ли? Не найдутъ-ли они, что при прежнихъ привычныхъ условіяхъ было лучше?

„Неудачи, разочарованія, — вотъ гдѣ ключъ къ исторіи этого человѣка!“ — подумала Руеъ.

— Апостолъ низинихъ классовъ — продолжалъ Бенедиктусъ, какъ будто говоря самъ съ собою — вѣдь это мученичество древняго міра! Не ново это, не оригинально! Этотъ путь давно извѣстъ. Кто въ своей молодости не мечталъ о борьбѣ за народъ, о пресвѣщеніи, о возрожденіи его? Кто не желалъ умереть за великое дѣло, которое воспѣвають поэты, пронагандируютъ проповѣдники, которому служатъ утилитаристы, о которомъ мечтаютъ энтузіасты? Вѣдь это одинъ изъ инстинктовъ молодости.

— Каждый человѣкъ живетъ своею жизнью и проводитъ свои цѣли по своему, — возразила Эстелла. Никто не можетъ предугадать, какъ будетъ поступать и чего достигнетъ Тира.

— Какъ-бы то ни было, мистеръ Бенедиктусъ, а на землѣ легче живется, когда знаешь, что есть такіе люди, какъ она, — прибавила она съ улыбкой стараго жожаки, говорящаго о своемъ молодомъ ученикѣ.

Бенедиктусъ молчалъ, но выраженіе лица его измѣнилось, холодный, проиическій оттѣнокъ смѣнился болѣе благодушнымъ. Ясно было, что слова Эстеллы будятъ въ немъ отголоски его бывшей восгорженности и что ему нравится говорить объ идеалахъ, хотя бы они заключались лишь въ улучшеніи участи какихъ нибудь двухъ уайтчопельскихъ кварталовъ.

— Миссъ Тира очень богата,—сказалъ онъ наконецъ такимъ тономъ, какъ будто находилъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ.—Ей ничто не препятствуетъ забавляться благотворительностью. А вы что же дѣлаете?—вдругъ обратился онъ къ Руоу.

Она опять покрасѣла, находя, что Бенедиктусъ позволяетъ себѣ подчасъ очень сѣбно вопросы. Она бросила умоляющій взглядъ на сестру, думая: „чтобы Эстеллѣ догадаться сказать за нее, что она писательница!“.

— Я видѣлъ внизу органъ, продолжалъ румынъ, не подозрѣвая въ своемъ словахъ ничего обиднаго. Не занимаетесь-ли вы музыкой?

— Что мнѣ рассказывать вамъ о себѣ?—отвѣтила Руоу въ смущеніи и съ проснувшимся въ душѣ укоромъ судьбѣ, не давшей ей никакихъ талантовъ. Я никакихъ плановъ не строю и никакой мечты не имѣю, если вы объ этомъ спрашиваете. На органъ играю не я, а мой братъ Габріэль, который играетъ также и на скрипкѣ. Рисовать я также не умѣю.

— Я узнаю изъ вашихъ словъ только то, чего вы не дѣлаете? Что вы изучаете?

— Я изучаю греческій языкъ?—выговорила Руоу, наблюдая, какое впечатлѣніе произведетъ это открытіе.

Оно видимо не произвело никакого; Бенедиктусъ сказалъ только:

— Теперь многія дѣвушки учатся по гречески, и я нахожу это ошибкой: вамъ нѣтъ никакой надобности въ знаніи классическихъ языковъ.

Руоу поглядѣла на него съ негодованіемъ и удивленіемъ. Эстелла послѣшила къ ней на выручку.

— У моей сестры много различныхъ занятій, сказала она. Нѣтъ такой собаки, кошки, птицы вокругъ нашего дома, которая не была бы чѣмъ нибудь обязана ей. Нашъ бѣдный Самбо обязанъ ей даже

жизнью, и съ тѣхъ поръ остается ея неразлучнымъ спутникомъ въ часы досуга, послѣ греназскаго занка, — улыбалась прибавила она.

— Сверхъ всего этого, Руей лучшая помощница и довѣренное лицо нашей матери. Словомъ, дѣла у нея вдоволь, хотя и безъ всякихъ особенныхъ цѣлей въ жизни.

— И я нишу, рискнула вставить Руей; но заявленіе это прошло незамѣченнымъ.

Въ комнату вошла въ эту минуту мистриссъ Гофферъ съ одной знакомой.

— Я узнала, что мистеръ Бенедиктусъ пришелъ посмотреть на твои работы, Эстелла, — сказала она; а такъ какъ миссъ Нуджетъ тоже очень желала видѣть твой послѣдній пейзажъ, то я привела и ее.

Какъ нѣкоторыя химическія вещества не могутъ сливаться съ другими, такъ и иные люди никакъ не могутъ понять другъ друга и сойтись. Миссъ Нуджетъ рѣдко кто понималъ, она имѣла свойство всѣхъ раздражать, — раздражать даже тѣми сторонами своей личности, которыя должны были бы давать ей право на снисхожденіе и состраданіе своихъ ближнихъ. Она была такъ бѣдна, такъ обойдена и обижена судьбою, что сердиться на нее за ея любопытство, за ея склонность молодиться, за ея притязаніе на вкусы и привычки, которыхъ у нея никогда не было, и на дружбу съ извѣстными людьми, которые едва знали ее, было бы положительно жестоко.

Послѣднее было одною изъ тѣхъ фикцій, въ которыхъ находила себѣ утѣшеніе ея бѣдная одинокая душа, слѣпо вѣрившая всему, что подсказывало ей тщеславіе, и въ глазахъ добраго человека, эта фикція должна бы только закрѣплять за миссъ Нуджетъ право на состраданіе. Она была очень веселаго нрава, до чрезмѣрности веселаго; такая веселость бываетъ подчасъ нестерпимой и несообразной съ человѣческимъ достоинствомъ, въ особенности въ критическія минуты, или въ такія, когда люди, съ ко-

торнии она сталкивалась, находились подъ впечатлініемъ какой нибудь непріятности.

Въ минуты истиннаго горя или серьезной тревоги, миссъ Нуджентъ была совершенно бесполезна. Она не могла, ни утѣшить съ искреннимъ сочувствіемъ, ни подать разумаго совѣта. Но за то она очень легко переносила щелчки, никогда не сердилась, не придиралась и была неспособна питать въ душѣ злобу.

Для глубокой природы она представляла собою неразрѣшимую загадку. Повѣрхностная во всемъ, считающая долгомъ каждаго покоряться своей судьбѣ, и безусловно вѣрящая въ авторитетъ подкрѣпленный общественнымъ мнѣніемъ, она неизмѣнно отвѣчала на всѣ вопросы, которые ставилъ иногда при ней мятежный молодой умъ: „Что дѣлать, милая (или милый)? Нужно покоряться общественнымъ условіямъ“.

И если всѣ эти претензіи, вся эта пустота и мелочные интересы, побуждавшіе миссъ Нуджентъ бѣгать, волноваться, жужжать, выводили изъ терпѣнія какого нибудь откровеннаго человѣка и заставляли осмѣять ее, то отъ этого страдалъ самъ же откровенный человѣкъ, потому что видѣть эту старую дѣву грустною, ^{or} или хотя бы только обезкураженною, было положительно больно. Молчаніе означало у нея горе, и тотъ, кто старался унять, осадить ее, поставить на почтительную дистанцію отъ себя, самъ же первый старался, по достиженіи этого результата, снова привести ее въ хорошее расположеніе духа, — возвратитъ ей веселость и болтливость, тѣмъ болѣе, что для этого требовалось такъ мало. Для счастья миссъ Нуджентъ довольно было, чтобы на нее обращали вниманіе. Если же ее не замѣчали, или постоянно осаживали, то она не сердилась, нѣтъ! она только какъ-то потухала. Вниманіе было для нея также необходимо, какъ вода для растенія.

Руоѣ, познакомившаяся съ нею на лекціяхъ, куда миссъ Нуджентъ также проникла, вскорѣ снискала ея особенное расположеніе. Миссъ Нуджентъ увѣровала въ талантъ молодой дѣвушки и очень

желала видѣть ее замужемъ. Съ тонкою деликатностью чувства, выкупавшею мелочныя стороны ея характера, она молча прочитала ей для свадебнаго подарка довольно красивую, хотя и старомодную, жемчужную брошку, нѣвшую свою „исторію“. Можно было напередъ предсказать, что миссъ Нуджентъ не станетъ молчать объ этой исторіи, когда наступитъ время сдѣлать подарокъ. Она давно пережила горечь воспоминанія о томъ, кто сдѣлалъ ей самой этотъ подарокъ.

И такъ миссъ Нуджентъ принадлежала къ арміи бѣдныхъ и одинокихъ женщинъ, которыхъ принято осмѣивать у людей счастливыхъ и пристроенныхъ, — арміи, составляющей отдѣлъ тѣхъ „незанятыхъ рукъ“, которые могутъ, по крайней мѣрѣ, бороться съ судьбою, отводить сердце криками и проклятіями, тогда какъ одинокія старыя дѣвы должны испивать свою горькую чашу безъ протеста и жалобы.

Какъ бы то ни было, а вѣрная своей веселости и юношеской игривости, миссъ Нуджентъ, при входѣ въ студию, прежде всего исполнила пантомиму робости и благоволенія передъ талантомъ Эстеллы. Пантомима состояла въ томъ, что она то высовывалась изъ за ширмы, то опять скрывалась за нею, словно играя въ прятки.

Эстелла глядѣла на нее, тщетно усиливаясь смягчить серьезное выраженіе своего лица. Мистриссъ Гоферъ, зная характеръ своей гостя, оставалась совершенно равнодушной. Руоъ злилась; ей было стыдно за гостя; а румынъ, для котораго такой обращенъ англійскихъ типовъ былъ совершенно новъ, глядѣлъ съ надменнымъ любопытствомъ, совсѣмъ не поощрительнымъ для его предмета.

— Ахъ, милые мои! — вскричала наконецъ миссъ Нуджентъ, выбѣгая изъ за ширмы и дѣлая мимоходомъ стыдливый реверансъ Бенедиктусу, — я чувствую, что мнѣ не слѣдовало такъ врываться въ святилище художницы. Какъ вы должны презирать насъ, бѣд-

ныхъ профановъ! Вы очень заняты?—спросила она, пытливо заглядывая въ глаза Эстеллы.—Ахъ, какъ досадно, что я понимала! Но я слышала ваши голоса, такіе звучные, веселые, и говорю вашей мамашѣ: „какъ имъ должно быть весело!“ А вотъ, какъ я вошла, вы и затихли. Что же, продолжайте! О чемъ у васъ шла рѣчь?

— Да, о чемъ?—повторила Руэ.—Кажется, мы говорили объ идеалахъ, о священныхъ цѣляхъ?

— О религіи! религія и веселость!—вспричала миссъ Нуджентъ съ забавнымъ ужасомъ.—Какъ же это согласить? милая моя миссъ Руэ?

— Но вѣдь это вы нашли, что намъ весело,—возразила Руэ?

— Скажите,—продолжала миссъ Нуджентъ громкимъ шепотомъ, отведя Руэ немного въ сторону,—это Адрианъ Бенедиктусъ?—тотъ самый, который сдѣлалъ такъ много добра вашей націи въ Яссахъ? О! я готова молиться этому человѣку!

— Что же, молитесь, если онъ ничего не имѣетъ противъ этого. Только вѣдь идолопоклонство у насъ уже вывелось.

— Могу я отрекомендоваться ему?—былъ сдѣланъ вопросъ тѣмъ же громкимъ шепотомъ.

— Подождите лучше, пока Эстелла не представитъ васъ.

Вошедшая съ чаемъ служанка произвела диверсію въ разговорахъ миссъ Нуджентъ, и она ничего не отвѣчала на замѣчаніе Руэ.

— Побольше сливокъ и сахара,—замѣтила простодушная старая дѣва услуживавшей ей Руэ.—Я, какъ дитя, люблю вкусныя вещи. Огляните меня, милая, все ли на мнѣ въ порядкѣ,—прибавила она. Вѣдь мнѣ не кого попросить даже булавку за меня воткнуть.

— Не мѣшало бы въ тебя воткнуть нѣсколько булавокъ, чтобы ты поменьше егозила, подумала Руэ; однако, несмотря на это жестокое пожеланіе, оправдала нѣсколько странный костюмъ

гостыя. Миссъ Нуджентъ, подерзнутая чѣмъ и сознаниемъ, что все на ней въ порядкѣ, равнодушно окинула взглядомъ остальные картины Эстелли и повернулась, съ явнымъ намѣреніемъ подойти къ Бенедиктусу. Это удивило даже Руеъ и миссъ Гоферъ, уже привыкшихъ въ выходные старой дѣвы.

— Вы филантропъ,—произнесла она такимъ тономъ, который показывалъ, что она хочетъ сказать любезность. При этомъ она закатила глаза, давая понять, что считаетъ его главою филантроповъ.—Я глубоко уважаю вашу расу.

— Но у меня нѣтъ расы, — возразилъ Бенедиктусъ, плохо понимая въ чемъ дѣло. Вы, должно быть, ошибаетесь.

Миссъ Нуджентъ стаскивала съ руки длинную, изношенную перчатку, обнажая костлявые пальцы. Она повторила свой реверансъ, уронивъ подоломъ платья стоявшую на полу картину, и прибавила наставительнымъ тономъ:

— У cadaго есть раса. Я подразумеваю народъ, отъ котораго вы произошли и который вы, конечно, любите. Я слышала, будто вы отреклись отъ вашей вѣры, но не хочу вѣрить этому. Мало-ли, что говорятъ? Я вездѣ бываю, потому все и слышу.

— А,—вымолвилъ Бендиктусъ,—берясь за шляпу и глядя на старую дѣву съ снисходительною жалостью. Однако, мнѣ пора уходить.

— Ахъ, нѣтъ! — встрепенулась миссъ Нуджентъ.—Расскажите мнѣ сначала о вашихъ геройскихъ попыткахъ въ Яссахъ. Эти румыны несутъ наказаніе за свое упорство. Вѣдь это и пророками предсказано.

— Упорство въ какомъ отношеніи?

— Да во всѣхъ отношеніяхъ, — уклончиво отвѣтила миссъ Нуджентъ. — Она лишь смутно помнила пыкія пророчества Исаи и не была увѣрена, что Румынія можетъ сойти за Идумею. Поэтому она предпочла оставить свою мысль въ туманѣ, какъ и всегда

бываешь съ людьми, дѣлающими свои сравненія насобуъ. Но миссъ Нуджентъ сочла своимъ долгомъ прибавить:

— Ахъ, еслибы вы знали, съ какими интересомъ слѣдила я за вашими странствованіями въ пустынь, за всѣми испытаніями и гоненіями, которыми вы подвергались!

— Вы очень добры, — сказалъ Бенедиктусъ, удивленный такимъ участіемъ. — Но какими-же гоненіями и странствованіями въ пустынь? Я въ кои-то вѣки разъ проѣзжалъ по пустынь.

— Ахъ, — милый мистеръ Бенедиктусъ! — ну, не вы собственно, такъ вашъ народъ, — возразила миссъ Нуджентъ тономъ мягкой укоризны.

Русь не могла удержаться отъ смѣха. Бенедиктусъ, не склонный удовлетворять праздному любопытству, дожидался съ серьезною миной дальнѣйшихъ изліаній миссъ Нуджентъ, не выказывая никакого расположенія распространяться на заданную тему.

Всѣ молчали, предоставляя миссъ Нуджентъ выпутываться изъ затрудненія, какъ она знаетъ; а съ Бенедиктусомъ было нелегко выдерживать единоборство на словахъ, когда у него былъ такой рѣшительный видъ, какъ въ эту минуту.

Въ комнатѣ находилась копія съ картины, изображающей Іеремію, оплакивающаго паденіе Іерусалима, снятая Эстеллой въ Ватиканѣ. Современные еврейскіе художники рѣдко пишутъ картины на библейскіе сюжеты, такъ какъ любители среднего класса не особенно жалуютъ этотъ родъ. Но Эстелла, въ своемъ страстномъ патріотизмѣ, охотно копиовала библейскія картины старинныхъ мастеровъ.

Глаза ея невольно остановились на этой копіи, какъ бы отдыхая отъ болтовни миссъ Нуджентъ. То-же самое направленіе принялъ и взглядъ Бенедиктуса. Обоимъ была тяжела эта профанация ихъ святыни, хотя оба понимали, что на миссъ Нуджентъ нельзя сердиться. Она болтала для болтовни и переска-

кляла съ одного сюжета на другой, и гдѣ о каждомъ имѣ самое поверхностное понятіе.

Всѣ молчали, Миссъ Нуджентъ все еще ждала разказовъ о гоненіяхъ, инвезицихъ, странствованіяхъ въ пустынь. Бенедиктусъ стоялъ спокойный, непроницаемый, словно закованный въ броню противъ празднаго любопытства, лукавая Руэ въ неподвижкѣ забавлялась неловкостью положенія, тогда какъ Эстелла начинала терять терпѣніе отъ глупости миссъ Нуджентъ.

— Я вижу, что вы не хотите пресвѣтить моего невѣжества, — сказала, наконецъ, послѣдняя умиловительнымъ тономъ. — Видѣ я, мистеръ Бенедиктусъ, постоянно ищу истины, но должна искать ее оцущью. До чего вы доходите положительнымъ знаніемъ, до того я могу доходить только умозрительнымъ путемъ.

Она положила свою руку безъ перчатокъ на другую, въ перчаткѣ, и продолжала скороговоркой: — Слухъ о великихъ дѣлахъ вашихъ дошелъ и до меня, и я тогда же дала себѣ слово поблагодарить васъ за ваше благородное самопожертвованіе въ пользу вашихъ угнетенныхъ соотечественниковъ, если судьба пошлетъ мнѣ счастье встрѣтить васъ.

Румынъ поклонился съ такимъ видомъ, что даже словоохотливая миссъ Нуджентъ почувствовала, что въ ней изсякъ точныи краснорѣчія передъ такимъ холоднымъ и надменнымъ приемомъ.

— Какой онъ непрístupный и непроницаемый! прошептала она, когда Бенедиктусъ откланялся и ушелъ. — Съ нимъ трудно сблизиться, или онъ сегодня не въ духѣ? Впрочемъ, видѣ румыны все еще дикари, нужно подождать, пока онъ оцивилизуется, но какое высокомеріе! И это ироническое выраженіе лица!...

Она еще долго продолжала тараторить на эту тему, пока не перешла къ другой.

„А я такъ и не узнала его исторіи“ — размышляла Руэ, слушая нѣсколько часовъ. Интересно знать, каково мнѣніе будетъ о

наше Габриэль. Видь въ оныя нарѣдко' самыя обыкновенныя люди слывуть за героевъ. Желала бы я знать; сойдетъ-ли Тира съ Бенедиктусомъ въ своия филантропическія теоріи.

Она высунулась въ открытое окно и сорвала розу. Было уже поздно, а Руэзъ Реферъ, подобно Чаттертону, имѣла обыкновеніе провѣрять свои поступки и впечатлѣнія передъ отходомъ ко сну.

Очевидно, что его нельзя соблазнить, ни богатствомъ, ни грѣшнымъ женкомъ. Но какъ надѣла эта мысль Нуджентъ со своими глупостями! А Эстелла — со своимъ поклоненіемъ Тирѣ Фрейндъ! Я увѣрена, что онъ не повторитъ своего визита. Не хорошо тоже со стороны Эстеллы, что она рекомендуетъ меня людямъ, какъ дѣвушку, у которой нѣтъ въ жизни другихъ интересовъ, кромѣ кошекъ, да собакъ, словно она хочетъ сказать, что мое мѣсто на скотномъ дворѣ. И хотя бы загнулась о томъ, что я пишу для печати!

Не сама-то она желала-ли этого? Надъ этимъ вопросомъ Руэзъ призадумалась.

Легкое шарканье за дверью показало, что въ ней просится войти привилегированный гость. Руэзъ отворила дверь.

— Ну, что, мой Самбо? Видь твое мѣсто на матѣ, за дверью. Развѣ ты не знаешь?

Но благородный лгачиъ вошелъ въ комнату и съ удовольствіемъ нехранивымъ, началъ дѣлать приготовленія, чтобы улечься на одномъ изъ платьевъ Руэзъ. Только съ помощью ласкъ и поцѣлуевъ удалось ей уговорить его оставить эту мысль и удалиться на свой матъ. Но ничего не могло заставить Самбо повориться этой необходимости прежде, чѣмъ онъ не поцарапался въ дверь, въ надеждѣ устроиться на ночь помягче и потеплѣе.

— Ахъ, ты, мой милый эгоистъ! — прибавила Руэзъ, лаская собаку. Какимъ комментариемъ могъ бы служить ты къ теоріямъ великихъ реформаторовъ, въ редѣ Тирѣ Фрейндъ и мистера Бенедиктуса!

Руоъ видѣлъ въ собакѣ олицетвореніе безсознательнаго эгоизма, какъ и постояннаго исканія лучшаго для самаго себя.

Она сравнивала также людей, какъ Бенедиктусъ и Тира, съ электрическимъ свѣтомъ, который только ярче видаетъ все, что копошится вокругъ нихъ мелкаго, слабаго, ничтожнаго и себялюбиваго.

Но дальше этого размышленія ея не заходили. Розовый кустъ ублажалъ ее своими шуршаньемъ у ея окна. Въ маленькой, бѣленькой комнатѣ не было ничего моднаго и изящнаго; въ ней вѣяло миромъ и деревенской тишиной, и тихо качавшіяся тѣни листьевъ на бѣлыхъ гардинахъ усиливали это впечатлѣніе.

ГЛАВА VII.

Габріэль.

Нѣсколько дней спустя послѣ посѣщенія Адрианомъ Бенедиктусомъ коттеджа, въ открытыхъ окнахъ его, на разсвѣтѣ началось усиленное движеніе, какъ-бы въ ожиданіи какого-то особенно радостнаго событія. Надъ далеко раскинувшейся молчаливой степью взошло утро — солнечное и ясное утро, столько разъ веселившее сердца смертныхъ съ того отдаленнаго времени, когда солнце въ первый разъ взошло надъ нашими прародителями въ рай.

Было еще только пять часовъ, когда Габріэль Гоферъ, усталый и прозябшій отъ ночнаго путешествія, добрался до стани. Увидавъ открытыя окна, онъ съ самодовольствомъ двадцатилѣтняго избалованнаго юноши сказалъ себѣ, что его ждутъ, что сестры, конечно, нетерпѣливо желаютъ его видѣть, — что было совершенно естественно съ его точки зрѣнія.

А восходъ солнца былъ такъ хорошъ: небо было окрашено такими чудными красками! Какъ прелестно это сочетаніе ярко розоваго цвѣта съ нѣжнѣйшимъ аметистовымъ на прозрачномъ небѣ! Какія пестрыя волны самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ сли-

лишь видѣтъ на этомъ воздушномъ морѣ голубаго цвѣта! Но голубой ли это цвѣтъ? Если и голубой, то такого оттѣнка, который переходитъ сначала въ фіолетовый, а потомъ въ пурпуровый.

Габріэль, принадлежавшій къ числу такихъ натуръ, которыя очень легко уклоняются отъ долга ради того, что ихъ привлекаетъ къ себѣ—а его всегда привлекали величественныя и трогательныя картины природы—вдругъ задумался. Но онъ не былъ въ восторженномъ настроеніи, и ему припоминались скорѣе впечатлѣнія безпокойно проведенной ночи въ дорогѣ, чѣмъ хвалебныя гимны старыхъ поэтовъ восходу солнца. Наконецъ вниманіе его было привлечено колокольчиками, росшими внизу песчанной насыпи, и онъ, увлекаемый внезапно пробудившейся въ немъ страстью къ полевымъ цвѣтамъ, тотчасъ выпрыгнулъ изъ пролетки.

Возница съ замѣтнымъ неудовольствіемъ посмотрѣлъ сначала на опустѣвшій экипажъ, а потомъ на своего неугомоннаго сѣдока.

— Экая невидаль—колокольчики!—съ презрительнымъ видомъ проворчалъ онъ. — Вонъ тамъ вы могли бы нарвать ихъ цѣлую охапку.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Габріэль, стремительно бросаясь въ указанную сторону.

Возница, соблазненный съ одной стороны надеждой на прибавку за потерянный имъ часъ времени, а съ другой—подстрекаемый голодомъ и желаніемъ поскорѣе позавтракать, началъ было философски взвѣшивать всѣ выгоды и невыгоды своего положенія, но благодѣтельный сонъ быстро сомкнулъ его вѣжды и разомъ прекратилъ въ немъ борьбу этихъ совершенно несовмѣстимыхъ желаній.

Но такъ какъ онъ спалъ тѣмъ чуткимъ сномъ, во время котораго человѣкъ только забывается, не теряя совершенно сознанія, то продолжалъ размышлять и во снѣ о сумасбродствѣ молодежи, избалованной и испорченной воспитаніемъ. Лошадь же, приученная только дѣлать свое дѣло и повиноваться, ни о чемъ не разсуж-

дала, но терпеливо стояла на мѣстѣ, приходявъ одну изъ переднихъ ногъ, какъ бы приговораясь, при первомъ требованіи, пуститься въ дальнѣйшій путь. А Габріэль тѣмъ временемъ, увлеченный своимъ поэтическою натурой и безотчетнымъ оживленіемъ молодого вдеревья и полной свободы, безопасно бродилъ по густо заросшей травѣ, между ранункулами, тоже по своему наслаждавшимся жизнью, и колокольчиками, мѣрно покачивавшимися на тоненькихъ стебелькахъ подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтра.

Вотъ бьетъ гдѣ-то шесть часовъ. Возница уже не дремлетъ болѣе на передкѣ, но удобно расположившись въ пролетѣ, такъ крепко спитъ, что не чувствуетъ даже, какъ Габріэль, вскочивъ на козлы, начинаетъ подгонять отдохнувшую лошаадь, направляя ее то вверхъ, то внизъ по крутизнамъ и спускамъ, ведущимъ къ коттеджу, и не слыша ни одного не одобрительнаго замѣчанія со стороны своего покоящагося сѣдока.

Кучеръ просыпается какъ разъ къ тому времени, какъ пролетка подъѣзжаетъ къ крыльцу. Счастливецъ! онъ долучитъ деньги сполна, даже за тотъ часъ, который проспалъ. Хотя онъ и считалъ Габріэля сумасброднымъ мальчишкой за его „погоню за цвѣтами“ въ такую раннюю пору, но вышелъ изъ пролетки молча и принялся за свое дѣло, снисходительно выслушивая добродушные шутки Габріэля на свой счетъ.

Габріэль и Руэъ опять очутились вмѣстѣ послѣ двухлѣтняго пребыванія молодого студента въ Берлинѣ.

Руэъ чувствовала потребность обружить брата нѣжнѣйшими заботами, а Габріэль всегда очень охотно позволялъ обружать себя ими. Но онъ чувствовалъ, что и мать его, и Эстелла имѣютъ равныя права на него и на его время.

Руэъ мечтала также, что съ пріѣздомъ брата ей удастся выказать въ настоящемъ свѣтѣ свои блестящія, — какъ ей казалось — умственныя способности. Конечно, родной и единственный братъ ея поддержитъ ее въ этомъ отношеніи; они будутъ учиться вмѣстѣ,

хотя Эстелла, разумеется, будет участвовать въ ихъ прогулкахъ и разговорахъ.

Но увы! Габріэль предназначалъ себя духовному званію, и мечты Руом оказались несущественными, потому что совмѣстныя съ нею замятія могли быть для него только помѣхой, а никакъ не облегченіемъ.

Нужно замѣтить, что Габріэль Гоферъ несколько не чувствовалъ себя связаннымъ семейными привязанностями. Онъ былъ благовоспитанный, веселый и добродушный юноша, но его добродушіе ничего ему не стоило, такъ какъ онъ никогда и ни въ комъ не встрѣчалъ сопротивленія своимъ желаніямъ. Онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія и самолюбія и охотно соглашался на всякаго рода уступки, которые ему были не слишкомъ неприятны.

Даровитый, благовоспитанный и красивый собою, Габріэль Гоферъ весьма охотно уклонялся съ своей дороги въ сторону, если эти уклоненія сулили ему удовольствіе или разнообразіе.

Подчасъ, когда онъ игралъ на органѣ или на скрипкѣ, во взглядъ его замигалось что-то восторженное, на минуту измѣнявшее обычное, безнечно-добродушное выраженіе его лица. Но съ другой стороны, когда Эстелла заводила съ нимъ рѣчь о неприглядной жизни бѣдныхъ классовъ и начинала подробно описывать ему ихъ лишенія, болѣзни, ихъ жалкія и грязныя жилища, когда она указывала ему при этомъ на будущую дѣятельность въ средѣ этихъ обездоленныхъ и подавленныхъ нуждою людей,—она вдругъ умолкала, пораженная выраженіемъ безразличности и отвращенія, появлявшимся на лицѣ ея слушателя. Нервная и утонченная натура Габріэля рѣшительно возмущалась противъ непривлекательныхъ сторонъ его будущей профессіи. Какъ могъ онъ быть такъ безхарактеренъ и легкомысленъ, чтобы позволить близкимъ его людямъ рѣшить за него такой вопросъ, отъ котораго зависить вся его будущность?

Но его дѣдушкѣ, м-ру Лоренсу, сильно хотѣлось видѣть кого-

нибудь изъ членовъ своей семьи въ духовномъ санѣ, который къ тому же могъ, современемъ, доставить Габріэлю почетное и видное положеніе. Поэтому и Эстелла, такъ много дѣлавшая для него, осталась очень довольна, когда онъ необдуманно согласился избрать духовную карьеру, не имѣя почти никакого опредѣленнаго понятія объ обязанностяхъ священнослужителя и чувствуя къ нимъ столь же мало призванія, какъ сестра его Руфъ къ писанію стиховъ или романовъ.

Во время своей студентческой жизни въ Берлинѣ, онъ очень часто вспоминалъ о Тирѣ, подругѣ его дѣтскихъ игръ. Онъ былъ постоянно занятъ, писалъ даже стихи и почти никогда не думалъ объ избранной имъ для себя профессіи. Онъ много читалъ, но его нисколько не занимали богословскія сочиненія или статьи по такимъ вопросамъ, которые должны интересовать человѣка, подготовляющагося къ духовной карьерѣ.

Онъ набрасывалъ прелестныя головки мальчиковъ съ задумчивыми лицами, имѣвшими большое сходство съ Тирой. Но статистическіе и всякіе другіе отчеты, проповѣди и лекціи наводили на него непреодолимую скуку. Эстелла не могла измѣнить его предубѣжденія, — въ этомъ онъ былъ твердо увѣренъ. Къ тому же, она уже черезъ-чуръ высоко понимала святость тѣхъ обязанностей, которыя, какъ она думала, братъ ея намѣревался добровольно принять на себя.

Впрочемъ, у него еще довольно времени впереди. Торопиться не зачѣмъ; въ годъ или два онъ успѣетъ сдѣлать свой выборъ.

Правда, его раздражала общая увѣренность въ томъ, что онъ уже сдѣлалъ свой выборъ, но это непріятное ощущеніе вскорѣ прошло. Есть люди, которымъ какъ будто на роду написано удивлять обружающихъ; но этимъ нечего смущаться, дѣло уладится какъ-нибудь само собою, а до тѣхъ поръ все останется въ прежнемъ положеніи. Теперь ужъ почти лѣто, а сестры съ матерью, послѣ долгой разлуки, еще не успѣли и наговориться съ нимъ.

Такимъ образомъ, оцѣдивъ цветливое объясненіе до бѣги удобнаго случая, Габріэль совершенно успокоился, и только изрѣдка какое-нибудь мимолетное замѣчаніе историка или Эстелли, показывавшее, что онѣ считаютъ вопросъ о его будущей профессіи рѣшенинѣмъ, напоминало ему о неприятной дѣйствительности и выводило изъ благодушнаго настроенія.

Въ подобныхъ случаяхъ даже и онъ не могъ сохранить спокойствія, не смотря на свою счастливую способность не останавливаться на неприятныхъ мысляхъ и на свою привычку отбрасывать всякое затруднительное объясненіе до послѣдней возможности. У него не доставало мужества стать лицомъ въ лицу съ дѣйствительностью и представить себѣ всѣ послѣдствія, къ которымъ его малодушная нерѣшительность можетъ привести его. Его такъ пугала мысль о нравственной борьбѣ и сопряженныхъ съ нею неприятностяхъ и волненіяхъ, которыя ему предстояло пережить, что онъ трусливо отступалъ передъ необходимостью немедленнаго объясненія. Въ немъ являлось страстное желаніе избавиться отъ ожидающей его участи, переходившее въ тревожное раздумье, которое кончалось обыкновенно тѣмъ, что онъ начиналъ мысленно обвинять то Эстеллу, то судьбу, поставившую его въ такое положеніе. Въ тоже время въ немъ пробуждалось стремленіе къ извѣстности и славѣ, принимавшее впрочемъ опредѣленную форму и несколько походившее на ходульные помытки Руэи отличиться чѣмъ бы то ни было; нульсъ его начиналъ усиленно биться, воображеніе разгоралось, и онъ брался за скрипку или за органъ, чтобы заглушить въ себѣ сожалѣніе о томъ, что онъ такъ необдуманно связалъ свою свободу.

Но онъ былъ слишкомъ гордъ и слишкомъ скрытенъ для того, чтобы сознаться, какую тяжелую борьбу онъ переживалъ въ подобныя минуты. Когда же его мрачное настроеніе проходило, то онъ сѣдѣлъ къ Эстеллѣ и, мучивый раскаяніемъ, старался удвои-

ею нѣжностью взглянуть мысленно съ блаженною ей восприимчивостью. Этихъ онъ возбуждалъ ревность въ Руонъ.

Прошла недѣля со времени его приѣзда. Руонъ рѣшилась, наконецъ, сказать брату, что она пишетъ романъ.

Заявленіе это нисколько не удивило Габріэля. Что же тутъ особеннаго? Нынче многія дѣвушки пишутъ романы. Но такъ какъ ему казалось, что ни одинъ авторъ не рѣшится заговорить о своемъ имени прежде, чѣмъ не напишетъ добрую полвину его, то онъ подумалъ, что и произведеніе его сестры уже доведено почти до конца, и очень удивился, узнавъ, что оно еще только началось, пишется урывками и при всякомъ удобномъ случаѣ откладывается въ сторону.

Убѣдившись, что писательство не было проработавшею страстью Руонъ и не поглощало всѣхъ ее досуговъ, онъ иронически улыбнулся.

— Дай мнѣ прочесть, что у тебя написано, — сказалъ онъ, возмущавъ сестру.

Руонъ колебалась, ссылаясь на то, что начало романа не представляеть ничего особеннаго. Кончилось, однако, тѣмъ, что она вручила ему рукопись.

Габріэль принялся читать, выразительно подчеркивая нѣкоторыя фразы и приводя отъ себя въ сильнѣйшее смущеніе начинающую писательницу. Дойдя до конца, онъ какъ-то загадочно улыбнулся.

— Тебѣ, кажется, не совѣтъ понравилось? — вскричала Руонъ. — Но развѣ по началу можно судить о томъ, что будетъ дальше?

— Конечно, можно, — спокойно отвѣтилъ Габріэль.

— Ну, скажи же твое мнѣніе

— Теперь тебѣ остается только вывести на сцену мужчину.

— Мужчину? Какого мужчину?

— Ну, разумеется, героя романа. У тебя тутъ на семи страницахъ описано цѣлыхъ семь дѣвъ съ самыми возвышенными чувствами. Что-жъ онѣ, бѣдныя, будутъ дѣлать, если ты не выведешь

на сцену какого-нибудь вдохателя? Постой, давай придумывать вѣсть, что намъ дѣлать съ твоими идеальными дѣвами. Одну можно будетъ отправить въ Эрльсвудъ—это самое подходящее для нея мѣсто; другую помѣстимъ въ больницу — она такъ страдаетъ, несчастная; эту негодницу, которая такъ тиранитъ свою многострадальную сестру, миссъ Сентъ, засадишь въ тюрьму, а поэтессу, пишущую такіе плохіе стихи, опредѣлишь въ горничныя, чтобъ она впередъ не бралась не за свое дѣло. Вотъ уже четыре пристроены. Еще двухъ можно будетъ сдѣлать телеграфистками, ну а для оставшейся нужно подыскать какого-нибудь подходящаго героя.

Руэи и въ голову не приходило, что ей придется вывести на сцену героя. Какъ же она будетъ описывать любовныя объясненія?

— Не могу же я насильно заставлять моихъ героинь влюбляться? — съ досадою проговорила она.

Габріэль громко расхохотался.

— Ахъ, Руэи, ужъ лучше бы ты не говорила этого. Впрочемъ, я понимаю тебя, хотя ты и удивила меня отчасти. Ты должна, напротивъ, обладать особеннымъ умѣньемъ изображать влюбленныхъ, которыхъ тебѣ слѣдуетъ щедро надѣлать разными романическими качествами, ревностю, самоотверженіемъ, мужествомъ, подозрительностью, великодушіемъ, постоянствомъ и пр., — проговорилъ онъ, стоя въ драматической позѣ и такъ быстро перечисляя романическія качества будущихъ героевъ Руэи, что она съ трудомъ могла услѣдить за нимъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Габріэль, говорить такой вздоръ и размахивать руками, точно актеръ на сценѣ! Ну можно ли помѣстить все это въ одномъ томѣ?

— Кто-же тебѣ мѣшаетъ написать пять томовъ? Наконецъ, ты можешь даже издать цѣлый сборникъ, — возразилъ Габріэль съ комической важностью. Только, пожалуйста, не издавай приложения

къ роману... а впрочемъ и это, пожалуй, будетъ недурно — это тоже хорошая идея въ своемъ родѣ.

— Въ какомъ это родѣ?

— Очень просто: характеристику героевъ совсѣмъ вынуть и оставить ихъ въ романѣ такъ... безъ особыхъ приквѣтъ, до тѣхъ поръ, пока книга не очутится въ рукахъ переплетчика, а тутъ и вынуть приложение съ характеристикой въ алфавитномъ порядкѣ... хотя бы такъ наприимѣръ: — Вильямъ—великодушный; Карлъ — кроткій, Севилль — самоотверженный и пр. Для твоихъ семи дѣвъ понадобится, но крайней мѣрѣ, по три героя на каждую, въ итогѣ это составитъ больше двухъ десятковъ героевъ. Не меньше никакъ нельзя, потому что романъ, пожалуй, выдетъ скучноватымъ, если въ немъ будетъ мало дуэлей и ссоръ. А те можно и такъ сдѣлать: въ первомъ томѣ помѣстить всѣхъ дѣвъ, во второмъ ихъ обожателей со всѣми ихъ добродѣтелями и пороками, а въ третьемъ—соедини вмѣстѣ мужской и женскій персонажъ. Право, это выдетъ очень интересно и оригинально; въ особенности приложение будетъ интересной новинкой для читателей. Впрочемъ, я, кажется, уже читалъ романъ, написанный по такой программѣ.

— Благодарю тебя за совѣты, Габріэль, — холодно и съ достоинствомъ отвѣтила Руэ; — но я вижу, что ты ничего не понимаешь въ литературѣ.

— Вотъ какъ ты принимаешь мои совѣты. А я то думалъ удивить тебя моими необыкновенными познаніями!

— Послушай, Руэнька, — ласково прибавилъ Габріэль, замѣтивъ, что обидѣлъ сестру: — что за фантазія пришла тебѣ заниматься такимъ дѣломъ, которое совсѣмъ не интересуешь тебя? Помнишь, что сказалъ Попе.

«What sin to me unknown

Dipped me in ink? my parents' or my own?

As yet a child, nor yet a fool to fame.

I lisped in numbers, for the numbers came»¹.

¹ За какой невѣдомый грѣхъ я обреченъ купаться въ чернильномъ морѣ,—

— О какомъ Погѣ ты говоришь?— вскричала Руеъ.— Что мнѣ за дѣло до твоего Пена? Я не ребенокъ и не безумная. Ничего всѣ заняты чѣмъ нибудь, и я тоже хочу заниматься. Вотъ и Эстелла...

— А! вотъ въ чемъ дѣло,— прервалъ ее Габріэль.— Вотъ причина появленія на свѣтъ твоего необыкновеннаго произведенія. Ты вздумала подражать Эстеллѣ, которая надѣлена замѣчательнымъ талантомъ и такъ любитъ искусство, что всю себя посвящаетъ ему. Ты вздумала оставить свое скромное мѣсто у домашняго очага и отправиться, вмѣстѣ съ твоими семью фантастическими дѣвами, по слѣдамъ Эстеллы, которая смѣло идетъ туда, куда ее влечетъ призваніе — и это все для того только, чтобы обратить на себя вниманіе! Ну, Руеъ, мнѣ, право, жаль тебя, дитя мое!

Руеъ вскочила съ мѣста и убѣжала, разобиженная до невозможности. Габріэль спокойно посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. „Ничего, это послужитъ ей въ пользу“, — подумалъ онъ. „Ей нужно было дать хорошій урокъ, потому что она слишкомъ много о себѣ мечтаетъ и дѣлается завистливой. Когда она одумается, то пойметъ, что я сказалъ ей правду.“

Тутъ онъ всталъ и отправился въ студию Эстеллы.

— Говорятъ, что Тира Фрейндъ сдѣлалась настоящей красавицей,— сказалъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ своего прихода.

— Да, это всѣ говорятъ, съ улыбкой отвѣтила Эстелла.

— А ты какъ ее находишь?

— Я тоже нахожу, что у нее одно изъ тѣхъ идеально прелестныхъ лицъ, какія рѣдко встрѣчаются, и при этомъ она кажется очень разсудительной, что придаетъ совершенно особенное выраженіе ея наружности, нисколько не нарушая общей гармоніи.

за грѣхъ ли моихъ родителей или за мой собственный? Когда я еще былъ ребенкомъ и не гонялся, какъ безумецъ, за славой, я уже мечталъ приемами и до сихъ поръ слагаю рѣчи.

Удивительнѣе всего то, что сколько ни восхищаются ею художники, поэты и другіе цѣнители женской красоты, въ ней незамѣтно и тѣни тщеславія.

— Какая славная дѣвочка!—замѣтилъ Габріэль.

— Тира далеко не дѣвочка, Габріэль. По своему развитію она гораздо старше своихъ лѣтъ. У нея очень глубокая натура, въ тому же она ведетъ такую замкнутую жизнь, такъ старается вытѣснить въ положеніе бѣдняковъ, съ которыми ведетъ даже постоянную перениску,—что сдѣлалась серьезной не по лѣтамъ.

— Не анализируй ее, пожалуйста, Эстелла, и не читай мнѣ морали при этомъ удобномъ случаѣ; я знаю, что это твоя слабость. Лучше опиши мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ ея портретъ.

— Ну, хорошо, чтобъ избавить себя отъ упрека въ склонности читать мораль, я просто покажу тебѣ портретъ Тиры. Вотъ, смотри! Онъ снятъ съ картины м-ра Веккера, которая была на выставкѣ въ прошломъ году.

Габріэль отвернулся въ сторону, какъ бы избѣгая проницательныхъ глазъ сестры, и долго всматривался въ прелестное лицо, которое было изображено на фотографіи.

— Да, у нея, дѣйствительно, идеальное лицо,—протворилъ онъ наивонецъ.—Мнѣ кажется даже, что такихъ лицъ нѣтъ въ дѣйствительности. Но я говорю это, конечно, не потому, чтобы думать, что художникъ польстилъ своему оригиналу. Мнѣ просто не вѣрится, чтобъ такую прелестную голову могли занимать самыя неприглядныя стороны жизни. Неужели она не могла бы пристраститься къ чемунибудь другому? Правда, мнѣ кажется, что благотворительность и писаніе романовъ сдѣлались чѣмъ то вродѣ маніи у современныхъ женщинъ; онѣ доходятъ въ благотворительности до такой же глупости, до какой доходили въ ложно-понимаемой эстетикѣ.

— Какимъ покровительственнымъ тономъ ты говоришь о современныхъ женщинахъ!—возразила Эстелла, которой не совѣсть

поправились разсужденія брата. — Но въ чемъ же другому могла бы пристраститься Тира — у нея нѣтъ никакихъ особенныхъ талантовъ.

— Они и ненужны ей, — замѣтилъ Габріэль.

Тутъ въ студию вошла и Руэ, подстрекаемая ревностью и мыслью о томъ, что ея любимый братъ, быть можетъ, находитъ болѣе удовольствія въ разговорѣ съ Эстеллою, чѣмъ съ нею. Услыхавъ о чемъ идетъ рѣчь, она тоже сочла не лишнимъ вставить свое слово.

— Съ Тире, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ писали портреты, — съ живостью сказала она. — Неужели красавицы для того только и созданы, чтобы ихъ воспроизводили во всѣхъ видахъ?

— Съ кого же и писать портреты, какъ не съ красавицъ? — замѣтилъ ей Габріэль. Что же тутъ удивительнаго? Мнѣ кажется, даже въ томъ идеальномъ мѣрѣ, въ которомъ живутъ твоя семь дѣвъ, понимаютъ, что скорѣе слѣдуетъ изобразить красоту, чѣмъ безобразіе.

— *L'amour propre aime les portraits* (самолюбіе любитъ выставляться на показъ) — рѣзко отвѣтила Руэ. — Это сказалъ Ларошфуко, а онъ, конечно, зналъ, что говорилъ.

— Разумѣется, — спокойно отвѣтилъ Габріэль. — Но Ларошфуко, въ сожалѣнію, не былъ знакомъ съ Тирой. На сколько я помню, у нея не было этого „*amour propre*“, которое ты ей приписываешь.

— У нея и теперь его нѣтъ, — съ убѣжденіемъ сказала Эстелла. — Ты и сама знаешь, Руэ, что твоя цитата и несправедлива, и неумѣстна. Ея мить и отецъ, правда, очень гордятся ею, и герръ Фрейндъ находитъ особенное удовольствіе снимать съ нея портреты во всѣхъ возрастахъ, поэтому у нихъ въ домѣ имѣются портреты ея: и ребенкомъ, и передъ конфирмаціей, и взрослой дѣвухой.

— Стало быть, въ настоящемъ случаѣ изрѣченіе Ларошфуко слѣдуетъ понимать такъ: „Герръ Фрейндъ любитъ портреты“

самолюбіе въ этомъ случаѣ исключено“, — сказалъ Габріэль. А затѣмъ изъ твоего описанія, Эстелла, и изъ проблесковъ сарказма Руеъ, прихожу къ тому заключенію, что у Тиръ есть талантъ только къ благотворительности, что это очень хорошенькая дѣвушка, которая не избаловалась, не застыла въ условныхъ приличіяхъ и не сдѣлалась педанткой, только благодаря своему доброму сердцу. Благотворительность и сидѣніе передъ художниками, пишущими съ нея портреты, должно быть, наполняютъ все ея время.

— Да еще пользованіе всѣмъ, что есть лучшаго на свѣтѣ, — прибавила Руеъ, никогда не знавшая навѣрное, шутитъ ли Габріэль, или говоритъ серьезно.

— Всѣмъ, что есть лучшаго? — повторилъ онъ. — Ты, конечно, хочешь сказать: балами, концертами и тому подобными удовольствіями. И при этомъ не особенно умна. А не быть умной, означаетъ, конечно, не утруждать своей головы размышленіями о высшемъ женскомъ образованіи, о правахъ женщины; не мечтать о профессорскомъ или судейскомъ званіи, или о голосѣ въ парламентѣ, а безропотно покоряться судьбѣ, сдѣлавшей изъ нея просто хорошенькую дѣвушку; не надобѣдать публикѣ, послѣ каждой изъ своихъ осеннихъ или весеннихъ экскурсій, тогами своихъ „Путешествій“, не служить предметомъ любопытства для репортеровъ, которые бранятъ или превозносятъ насъ, — прибавилъ онъ, покосившись на разсерженную Руеъ. — Но я не забылъ, милая Эстелла, ея нѣжныхъ теорій любви къ человѣчеству, почерпнутыхъ, вѣроятно, въ изученіи Чарльза Дикенса и подогрѣтыхъ твоими краснорѣчивыми рассказами о томъ, что ты видѣла въ Истъ-Эндѣ.

— А также и въ Вестъ-Эндѣ! — вскричала Руеъ.

— Тира сокрушается неподатливостью бѣднаго народа усиліямъ въ пользу его прогресса, — замѣтила Эстелла.

— Въ этомъ я согласна съ Тирой: не податливость его очевидна, — встала Руеъ.

— Нельзя также забывать и благодѣтельныхъ теорій Тирн, сказала Эстелла. Я не могу сказать, чтобы она была безъ дарованийъ. У нея есть талантъ, метода, классификаци.

— Талантъ, хотя и не такой, какъ у мистера Беккера или у г-жи Стаъ, — подсказала Руѳъ.

— И слава Богу, что не такой, — нетерпѣливо проговорилъ Габріэль. — Ну, а если бы такой, Руѳъ?

Та промолчала.

— Однако, ты курьезный субъектъ! — прибавилъ онъ презрительнымъ тономъ. Откуда у тебя такая горечь?

Руѳъ убѣжала.

— Зачѣмъ ты обижаешь ее? — съ упрекомъ сказала Эстелла. Ты бываешь подчасъ очень рѣзокъ съ Руѳью.

— Это для нея полезно, какъ умѣряющее средство, — отвѣтилъ онъ, однако въ тайнѣ пожалѣвъ, что обидѣлъ сестру. — Вѣдь она любитъ только поспорить, а въ душѣ не зла. Въ комнатѣ все напоминало ему ее. Вонъ ея любимая книга валяется на софѣ, корзинка съ орѣхами — единственное лакомство, которое позволяла себѣ Руѳъ, чтобы усладить свое одиночество; вонъ ея собака въ заѣвъ ея самой.

Габріэль вздохнулъ, свѣлъ за фортепіано и заигралъ „Freudegesang“ Мендельсона. Вдохновенная музыка успокоила его. Онъ поднялъ свое сіяющее, выразительное лицо и сказалъ.

— Ты не находишь, Эстелла, что люди похожи на пѣсни? Каждая жизнь должна бы давать свою особую музыку, къ которой принаровлена ея дѣятельность. У поэтовъ, на примѣръ, музыка ихъ стиховъ должна бы сопровождать и возвышать каждый ихъ поступокъ, равно и у „непризнанныхъ поэтовъ“, у этихъ простыхъ добрыхъ сердецъ, у которыхъ недостатокъ поэтического чувства вознаграждается способностью любить. Вотъ къ такимъ натурамъ должна принадлежать и Руѳъ.

— Оставилъ метафизику. Пойди и помирись лучше съ Руею. Она такъ добра къ тебѣ.

— Тебѣ не нравится моя игра?—спросилъ Габріэль, будучи не прочь послушаться совѣта.

— Очень нравится, милый Габріэль; но ты нарушаешь гармонию пѣсни Руей—продолжай твоё сравненіе—ссорись съ нею изъ-за пустяковъ.

— Я чувствую, что мнѣ еще не разъ придется ссориться съ нею,—сказалъ Габріэль, все еще медля.

— Глупый мальчикъ!—пожурила Эстелла.

Габріэль вышелъ и засталъ Руей за изготовленіемъ маленькаго костыля для цыпленка, сломавшаго себѣ ногу. Костыль былъ сдѣланъ очень изобрѣтательно и умѣло; маленькій кобъва выдержалъ операцію приспособленія его терпѣливо, и нѣсколько недѣль послѣ того кевлялъ по саду на своемъ костылькѣ.

При входѣ брата, Руей подняла глаза, въ которыхъ стояли слезы. Въ сущности она была искренняя дѣвочка и горячо любила Тирю; но могло-ли ей, въ самомъ дѣлѣ, быть пріятно выслушивать постоянныя похвалы миссъ Фрейндъ?

— А это очень удачно придумано, Руейнка,—сказалъ Габріэль, поглядѣвъ черезъ ея плечо на ея работу. Вотъ это я называю умомъ.

— Правъ?—радостно спросила Руей. Слушай, Габріэль: вѣдь я ничего не имѣю противъ Тیری.

— И это то же умно. Будь всегда собою Руей. Ты такая милая дѣвочка, когда ничего не напускаешь на себя.

Be good, sweet maid, and let ho will be clever.
Do noble deeds ¹.

¹ „Будь доброй, милая дѣвушка, и предоставь другимъ быть мудрецами. Дѣлай добрыя дѣла“.

— Ахъ!—перебила она, уже какъ надобно мнѣ эти цитаты изъ Книжки!

— А ты предпочла бы переставить: „Будь мудрой, милая дѣвушка, и предоставь другимъ быть добрыми“—не такъ ли?

— Можно подумать, что твой Книжки хотѣлъ сказать: „одному варенье, а другому хлѣбъ“.

— Чудесная иллюстрація къ мысли поэта! Такъ подѣлитесь вашими хлѣбомъ и вареньемъ, если это вамъ болѣе нравится.

— Ты способенъ восторгаться всякими пустяками,—замѣтила Руѣ, прибѣгая къ своему обычному упреку брата. И что за странность, что въ послѣднее время мы вѣчно споримъ о Тирѣ?

— А тебѣ это не нравится?—спросилъ Габріэль, невольно переходя въ свой обычный насмѣшливый тонъ.

— Но развѣ, по твоему, не нелѣпо съ ея стороны—сидѣть надъ счетною книгой или надъ благотворительнымъ спискомъ, когда на дворѣ солнце свѣтитъ—отозвалась Руѣ, принимая брошенный вызовъ.

— Благотворительный списокъ? Я понимаю: благотворительный юноша, благотворительная дѣва, благотворительный балъ и обѣдъ. Все это очень мило. Но благотворительный списокъ, да еще такой, надъ которымъ можно сидѣть только въ дурную погоду, — что это значитъ Руѣ?

— Это вовсе не загадка. Просто подписной листъ, родъ — родъ—.

— Родъ поэтического отчета о серьезнѣйшемъ родѣ поэзіи, написаннаго простою прозою?

— Просто-на-просто, списокъ именъ и адресовъ, Габріэль. Но для всего есть свое время. Что же Тирѣ корпѣть надъ этимъ по цѣлымъ днямъ, словно она лучше другихъ?

— А, вотъ оно, что!—воскликнулъ Габріэль.—Вотъ, гдѣ мухато укусила!.. Ахъ, Руѣ, Руѣ!

Молодая дѣвушка засмѣялась, но покраснѣла.

— Кажется, ты очень любишь Тиру, — лукаво сказала она.

— А это новость для тебя? — отвѣтилъ онъ, поглаживая темную голову собаки.

— Пойдемъ, поиграй на органѣ, Габріэль. Поиграй, милый! Это заставитъ Эстеллу сойти къ намъ.

Альфонсъ.

(Продолженіе будетъ.)

БЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА.

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
Л. О. ЛЕВАНДЫ.

VII ¹.

Въ небольшой статейкѣ, посвященной исторіи возникновенія перваго органа русскихъ евреевъ («Восходъ», 1881, № 6), Леванда рассказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ его знаменитою корреспонденціею въ первомъ номерѣ «Разсвѣта». Оно было болѣе чѣмъ значительно: гвалтъ поднялся до самаго неба и въ редакцію новаго журнала полетѣли письма, телеграммы, совѣты, упрёки. Объ авторѣ корреспонденціи не знали, что и думать. Требуютъ отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ,—не выгораеть; «просить честию»—тоже не помогаетъ. Въ отвѣтъ на всякія домогательства, молодой писатель рѣшительно и категорически заявлялъ, что напечатанное имъ «нѣсколько словъ»—только программа его будущей дѣятельности на литературномъ поприщѣ и что вопросы, намѣченные въ этой программѣ, онъ и впредь будетъ развѣивать въ томъ-же направленіи, ибо, по его глубокому убѣжденію, отрицаніе не идетъ къ положительному добру и никакой, во всякомъ случаѣ, опасностью Израилю не угрожаетъ.

Что касается молодой редакціи «Разсвѣта», то она не только не испугалась поднятой ею суматохи, но даже поощряла Леванду, устами симпатичнѣйшаго и вдохновеннаго Осипа Рабиновича, продолжать начатое дѣло съ удвоенной энергіей. И когда молодой писатель отправилъ въ Одессу первыя три главы своихъ «картинъ

---

¹) См. „Восходъ“ за 1888 г. кн. 11—12.

еврейскаго быта», подъ заглавіемъ «Депю бакалейныхъ товаровъ», для развѣдокъ, слѣдуетъ ли продолжать въ начатомъ тонѣ, то оказалось, что непременно слѣдуетъ, ибо «критика устарѣвшихъ порядковъ въ беллетристической формѣ дѣйствуетъ глубже и продолжительнѣе своею всѣмъ доступною наглядностью и «конкретностью». Этому совѣту Леванда, какъ мы уже знаемъ, послѣдовалъ съ большимъ увлеченіемъ и ему-же нашъ бытописатель обязанъ первыми своими литературно-беллетристическими лаврами. *Критикъ устарѣвшихъ порядковъ* не умиралъ въ Левандѣ даже тогда, когда, охваченный палестинофильскими мечтаніями, онъ одолѣвалъ русско-еврейскія редакціи своими горячими филиппиками противъ «ассимиляторовъ» и ревнителей старыхъ идеаловъ. И въ «Депю бакалейныхъ товаровъ», и въ «Самуилъ Гимпельсъ», и въ «Очеркахъ прошлаго» и, наконецъ, въ «Горчемъ времени», вездѣ и всегда Леванда выступалъ яркимъ протестантомъ, въ два бича хдоставшимъ старый, отжившій строй во имя новыхъ и либеральныхъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто такъ не потрудился на развѣнчаніе нѣкоторыхъ облюбованныхъ сторонъ еврейской жизни, какъ именно Леванда. Кто первый разразился откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ по поводу извѣстныхъ словъ: «Ты насъ избралъ изъ всѣхъ народовъ»? Кто смѣлою, дерзкою рукою, съ какою то холодною жестокостью и безпощадностью, билъ «изувѣровъ-фанатиковъ», что называется на право и на лѣво? Кто рѣшительнымъ, смѣлымъ пинкомъ оттолкнулъ отъ насъ цѣлую кучу старыхъ предразсудковъ? Кто, наконецъ, громко потребовалъ полнаго сліянія съ русскою гражданственностью? Все это сдѣлано Левандою. Пусть нашъ писатель былъ не вполне оригиналенъ въ своихъ литературно-беллетристическихъ обличеніяхъ, пусть онъ почти во всѣхъ своихъ лучшихъ вещахъ только *выполняетъ* превосходную программу «Разсвѣта» («Нашъ лозунгъ—писалъ О. А. Рабиновичъ,—свѣтъ, наша цѣль—впередъ, наша награда—сознаніе исполненнаго долга»), нельзя, все таки, не признать, что Леванда, какъ литераторъ, какъ публицистъ сдѣлалъ не маленькое дѣло. И вотъ, если вы скажете человѣку, не имѣвшему случая лично ознакомиться съ разобранными до сихъ поръ произведеніями: есть въ Россіи писатель въ цѣломъ рядѣ очерковъ изобразившій бытъ русскихъ евреевъ,

борьбу молодого и стараго поколѣнія, не мало содѣйствовавшій обновленію русско-еврейской жизни,—то онъ навѣрно подумаетъ, что рѣчь идетъ о членѣхъ, обладавшемъ изъ ряда вонъ выходящимъ дарованіемъ, равнымъ нашимъ лучшимъ отечественнымъ художникамъ. А между тѣмъ это вовсе не такъ. Леванда, по размѣрамъ своего литературнаго таланта, долженъ быть отнесенъ къ категоріи самыхъ обыкновенныхъ, почти заурядныхъ величинъ. Быть даровитымъ и способнымъ писателемъ, конечно, не одно и тоже, что быть крупнымъ художникомъ. Даровитость, умъ и бойкость—постоянная принадлежность почти всѣхъ беллетристическихъ работъ покойнаго писателя, и, тѣмъ не менѣе, выше средняго уровня, средней талантливости, Леванда никогда не подымался. Почти во всѣхъ произведеніяхъ нашего писателя разбѣяны цѣлмя массы превосходнѣйшаго этнографическаго матеріала — и въ «Депю Бакалейныхъ товаровъ», и въ «Самуилъ Гимпельсъ», и въ «Очеркахъ прошлаго» огромными ворохами лежатъ интересныя данныя о бытовой жизни русскихъ евреевъ, и тѣмъ не менѣе произведенія эти, ради имѣющихся въ нихъ отличныхъ *материаловъ*, было-бы несправедливо цѣнить выше ихъ настоящаго, средняго достоинства. Мы не скажемъ, что Леванда выбираетъ дурные сюжеты для своихъ вещей. Напротивъ того, сюжеты разобранныхъ рассказовъ всѣ на подборъ полны интереса и живости. Художественные замыслы нашего бытописателя годились бы и для превосходнѣйшей литературной кисти. Легко сказать: изобразить борьбу стараго и молодого поколѣній, изобразить быстрый ростъ молодыхъ побѣговъ на ветхомъ древѣ старозаконности, изобразить на одномъ полотнѣ политическіе потуги польской шляхты и метущуюся между двумя опасностями массу русскаго еврейства! Какому художнику такіе мотивы показались бы недостаточно глубокими или недостаточно широкими? Но найти мотивы, сюжетъ — это еще не все. Лучшая мелодія, исполненная фальцетомъ, произведетъ очень ничтожное впечатлѣніе. Что и говорятъ: содержаніе поэтической вещи (безразлично какой, музыкальной, или литературной) имѣетъ очень важное значеніе. Эстетическое дѣйствіе производится съ помощью *идей* и *представленій*. Чѣмъ выше, гуманнѣе и глубже эти послѣднія, тѣмъ шире и значительнѣе художественный эффектъ. Но

дѣло въ томъ, что представленія и мысли не суть живыя существа. Они хранятся въ символическихъ знакахъ, въ словахъ, въ литературныхъ фразахъ и выраженіяхъ. Чтобы вызвать въ другомъ эстетическое чувство, хоть скольконибудь значительное, надо владѣть «словомъ» въ совершенствѣ, надо уметь, съ помощью условныхъ знаменъ, будить въ другихъ тѣ или другія настроенія, тѣ или другія душевныя влеченія. Вотъ тутъ-то и возникаетъ вопросъ о формѣ произведенія. Только тамъ, гдѣ хорошій сюжетъ счастливымъ образомъ сочетается съ вполне художественною формою, мы имѣемъ дѣло съ выдающимся явленіемъ поэтическаго творчества, съ цѣльною художественною вещью. Леванда не былъ цѣльнымъ художникомъ. Замысль у него постоянно подавляетъ форму, — шероховатую, бѣдную. Въ своихъ «Очеркахъ прошлаго» покойный писатель не поднимается до Францоа (дарованія, далеко не первокласснаго), въ «Дѣло бакалейныхъ товаровъ», «Самуилъ Гимпельсъ» — онъ ниже талантливаго автора «Еврейскаго Манускрипта» и «Записокъ еврея»; и только въ «Горячемъ времени» Леванда показалъ себя съ лучшей стороны, писателемъ, въ котораго, при благоприятныхъ условіяхъ, при иной обстановкѣ и иномъ развитіи, могъ бы выработаться серьезный художникъ.

А между тѣмъ, большая популярность (вполнѣ заслуженная и отрадная) Леванды — вещь несомнѣнная. Заслуги покойнаго писателя предъ нашими единовѣрцами вѣ спора и очень значительны. Какъ же, однако, случилось, что человѣкъ, необладавшій особенно выдающимся дарованіемъ, достигъ вліянія и популярности, которыя подобали бы и крупнѣйшей литературной величинѣ? Читатель не забылъ еще тѣхъ трехъ «моментовъ», изъ которыхъ слагается всякая критическая оцѣнка. Если вычеркнуть моментъ эстетическій, то останутся еще два. Мы не нашли въ чисто художественной сторонѣ произведеній Леванды такихъ достоинствъ, которыя оправдывали бы его высокое положеніе въ исторіи нашей молодой литературы — слѣдовательно, причина изучаемаго явленія должна быть отыскиваема въ личномъ характерѣ писателя, и въ условіяхъ времени. И дѣйствительно: искры, одной только ничтожной искры достаточно, чтобы воспламенить цѣлую массу горячаго матеріала; одного громкаго слова достаточно, чтобы

увлечь за собою нелегальною толпу. Есть моменты, когда въ известной степени не трудно стать героемъ: для этого надо только быть во главѣ текущихъ интересовъ, надо только попасть въ нервъ господствующаго настроенія. И нужно сознаться, что искусствомъ владѣть настроеніемъ момента Леванда обладалъ въ превосходной степени. «Демо басалейныхъ товаровъ» не имѣло бы в соей дои того успѣха, который оно имѣло, не попади оно мѣтко въ нервъ современнаго молодого общества. «Очерки прошлаго» и «Горячее время» тоже не произвели бы шумной сенсаціи, еслибъ въ нихъ не были, не однажды и не дважды, рѣзко подчеркнуты интереснѣйшіе вопросы «момента». Леванда поетъ всегда въ унисонъ съ лучшей публикой — въ этомъ разгадка его большой популярности и большого значенія. Въ годы, когда не къ чему было приспособляться, когда ничто выдающееся не волновало общественной мысли, Леванда уходилъ въ самого себя и почти переставалъ существовать для своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Среди обыденныхъ интересовъ дня онъ точно тотъ сказочный богатырь, которому безъ тяги не на чемъ показать свои молодецкія силы. Но пусть только раздастся первый звукъ трубы, первый тревожный ударъ набата, и Леванда сразу воспрянетъ, и горячимъ, смѣлымъ словомъ ринется на встрѣчу толпѣ съ высоко поднятымъ знаменемъ, готовый на всякій гражданскій подвигъ.

VIII.

Мы сказали выше, что критикъ русско-еврейскаго быта не умиралъ въ Левандѣ до самаго конца его литературной дѣятельности. Въ доказательство мы приведемъ двѣ «параллели съ натуры» нашего писателя: «Яшка и Юшка» (Восходъ 1881) и «Двѣ семейныхъ идилліи». Оба очерка не обладаютъ рѣшительно никакими особенными литературными достоинствами и рѣзко отбѣиваютъ «обличительное» пристрастіе Леванды. Нельзя не удивляться, что человекъ, написавшій «Горячее время» и «Очерки прошлаго», могъ создать и такія вещи, какъ эти упомянутыя «параллели». Не ищите здѣсь ни художественной концепціи, ни выразительной картины нравовъ, ни строго и хорошо продуманной

мысли. Это «тенденціозныя» произведенія не въ лучшемъ смыслѣ слова. Хорошо, если факты сами себя освѣщаютъ, если идея сквозить изъ ихъ содержанія, если «дѣйствіе» и «событія» своимъ внутреннимъ смысломъ воплощаютъ опредѣленную мысль, но искусственно подбирать факты ради извѣстной, хотя бы и очень благородной, цѣли, значитъ выказывать одно только полнѣйшее беллетристическое безсиліе. Ни въ одномъ изъ до сихъ поръ разобранныхъ произведеній Леванда не былъ такъ узко тенденціозенъ, такъ односторонне пристрастенъ, какъ въ «Яшки и Юшки». Скажите, что труднаго поставить предъ собою на два шага разстоянія извѣстную мишень и палить въ нее пушками и гранатами, не тратя при этомъ ни вдохновенія сердца, ни единой капли горячаго увлеченія? Въ томъ вся суть, что тенденціозный писатель гораздо больше резонерствуетъ, чѣмъ горячится. Онъ не споритъ, а нападаетъ изъ за угла лукавымъ кинжаломъ. Для правильной борьбы за извѣстные идеалы на открытомъ полѣ нужны талантъ и вдохновеніе, для тенденціозной проповѣди достаточно резонерской діалектики и ни предъ чѣмъ не останавливающейся рѣшимости. Въ самомъ дѣлѣ—въ чемъ заключается фабула «Яшки и Юшки»? Еврен, говоритъ Леванда, ужасно умный народъ и дабы разумѣли язцы, яко съ нами Богъ, писатель «выхватываетъ изъ жизни» интересные примѣры въ видахъ наглядности.

Были на свѣтѣ два человѣка: одинъ—шорникъ Яшка Кукавка, другой—позументщикъ Юшка Крепхъ. Кукавка былъ по природѣ полякъ, а по состоянію—дворянинъ; Крепхъ по происхожденію—мѣщанинъ, а «по чину» еврей. Оба ремесленника были женаты, но какъ различно каждый изъ нихъ совершилъ одно изъ самыхъ серьезныхъ въ жизни дѣлъ. Кукавка женился ео всѣмъ легкоуміемъ, свойственнымъ человѣку его націи, по любви, и заплатилъ очень жестоко. Представьте себѣ: даже теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ своей свадьбы, бѣдненькій Кукавка стоитъ на заднихъ лапкахъ предъ своею женою, цѣлуетъ у нея руку «послѣ каждой трапезы», не смѣетъ отлучаться изъ дому ни на шагъ безъ ея вѣдома, не смѣетъ ходить безъ нея ни въ костель, ни въ гости, обязанъ дарить ее разными сюрпризами!—Это ли не доля, достойная всякаго сожалѣнія? То, ли дѣло Юшка Крепхъ! Какъ еврей, какъ человѣкъ *умный отъ*

природы, онъ не могъ жениться зря, «вляпавшись» въ первую попавшуюся дѣвку, а сдѣлалъ это съ достодожною осторожностью, осмотрительностью и расчетомъ. Какъ только, рассказываетъ Леванда, Юшка отбылъ свой учебный срокъ и, въ присутствіи ремесленнаго головы, жаренаго гуся, двухъ маринованныхъ селедокъ и полуштофа водки, признанъ былъ подмастерьежъ, въ немъ внезапно блеснула мысль, что «не^хорошо быть человѣку одному и что, слѣдовательно, надо жениться». А такъ какъ дочерей Израиля—что звѣздъ на небѣ, то Юшкѣ не долго пришлось быть одному. Сваты начали дѣйствовать со свойственными имъ энергіей и настойчивостью. Каждый день они отрывали парня отъ работы, чтобы потолковать съ нимъ о той или другой партіи, объяснить ему «шансы» каждой изъ нихъ, посоветовать ему то, или другое. Ближайшимъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ хлопотъ по женитьбѣ было то, что мастеръ, у котораго Юшка работалъ понедѣльно, поставилъ его сначала на поштучную плату, а затѣмъ и совершенно прогналъ. Наконецъ, послѣ долгаго перебора, Юшка окончательно остановился на мнимой племянницѣ богатаго ребъ Ицхака Нахамеса.

Вотъ вамъ параллель номеръ первый. Яшка Кулавка женится безъ размысленій, по вдохновенію чувства, не тратя при этомъ дорогаго времени на пустые разговоры со сватами. Дѣвка ему пришлась по вкусу, онъ—дѣвкѣ, ну, и дѣло въ шляпѣ. О чемъ тутъ толковать? Счастье въ любви, въ хмѣльномъ напитокѣ страсти, въ волненіи духа! Бракъ не есть дѣло коммерческое, гдѣ нуженъ полный и подробный математическій расчетъ, гдѣ каждая копѣйка, каждая денежка должна быть аккуратно подсчитана. Кто такъ смотритъ на бракъ, профанируетъ одно изъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ учреждений. Кулавка тѣмъ и хорошъ, что, собираясь жениться на Пелькѣ, онъ вовсе не заботится о приданомъ, о гардеробѣ своей будущей супруги. Онъ думаетъ только объ одномъ, какъ бы дать своему сердечному влеченію естественный и законный исходъ. Таковъ Яшка Кулавка, но не таковъ *отъ природы умный* Юшка Крепхъ. Его не обуреваютъ никакія чувства, не волнуютъ никакія симпатіи, не трогаетъ мысль о наслажденіяхъ любви. Онъ хладнымъ разсудкомъ пришелъ къ убѣжденію, въ часъ урочный, что *не хорошо быть человеку*

одному. На бракъ онъ смотритъ безъ всякихъ романтическихъ затѣй, какъ трезвый молодой человѣкъ, который не поддается искушеніямъ плоти и не принесетъ разсудка въ жертву пылкому чувству. Для Кукавки жениться—дѣло одного часа. Долго-ли здоровому, крѣпкому человѣку осушить стаканъ крѣпчайшаго вина? Для Крепка, умнаго отъ природы Крепка, бракъ—дѣло сложное, трудное, требующее многихъ хлопотъ и размышленій. Какъ настоящій еврей, Іошка робкою рукою беретъ стаканъ вина, замуриваетъ отъ страха глаза и медленными, постепенными глотками дѣлаетъ то-же, что другой сдѣлалъ бы въ единый мигъ, единымъ духомъ, съ ловкимъ молодецествомъ. Яшка — живой человѣкъ, исполненный живыхъ стремленій, Іошка — холодный и близорукій резонеръ, извѣденный рефлексією и вѣчными «разсчетами». Казалось-бы, на поверхностный взглядъ, что жизненный путь Яшки долженъ быть устроенъ одними только терніями, а путь Іошки — прямымъ и безошибочнымъ движеніемъ ко всяческимъ благополучіямъ. Какъ бы не такъ! Кукавка женился по увлеченію и онъ счастливъ: Пелька славная, работающая и любящая жена. Іошка соображалъ, раскидывалъ мозгами, выбиралъ и, въ концѣ концовъ, связалъ свою судьбу съ дѣвушкой, въ прошломъ которой были очень существенные грѣхи. Когда въ минуты горя Кукавка плачется, что не имѣетъ средствъ, необходимыхъ для прокормленія семьи, любящая Пелька утѣшаетъ его трогательными, мягкими словами...

— Пелька, ангелъ мой, божество мое!—воскликаетъ Яшка, бросааясь на колѣни предъ своею женою. Ты говоришь это отъ чистаго сердца, или только, чтобы успокоить меня?

— Блянусь святою Дѣвой, что отъ чистаго сердца, безъ всякой хитрости и обмана,—говоритъ жена, дѣлая крестное знаменіе.

Не то у Крепковъ. Іошка не ухаживаетъ за своею женою, не стоитъ предъ нею на заднихъ лапкахъ, не смотритъ ей въ глаза и, вообще, не дѣлаетъ всего того, что дѣлаетъ дуракъ Кукавка. И Хаська, мнимая племянница ребѣ Ицхова Нахамеса, ничего не смѣетъ сказать, ибо пусть только пикнетъ, и Іошка закатитъ ей такое словечко, отъ котораго она въ секунду сдѣлается нѣма, какъ рыба.

Посмотримъ параллель номеръ второй. Яшка Кукавка и Іошка

Крепкъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, переѣхали на жительство въ нижній этажъ большаго, каменнаго дома. Дѣло было къ вечеру и потому приведеніе хозяйства въ порядокъ по необходимости должно было быть отложено. Но какъ только настало утро, Кукавка и его жена вскочили съ своихъ импровизированныхъ постелей, позавтракали на скорую руку и, засучивъ рукава, принялись хлопотать. Къ полудню все уже было готово, все стояло и лежало на своемъ мѣстѣ. Изъ трехъ небольшихъ комнатъ, составлявшихъ всю квартиру, одна была отведена—подъ семейную, другая—подъ мастерскую, а третья—подъ кухню. А чтобы изъ улицы не видно было ужасающей бѣдности, Пелька натянула на окна коленкоровыя занавѣски. Во всѣхъ этихъ хлопотахъ супругамъ помогала ихъ маленькая, но уже трудящаяся дочурка Валерка.

И вотъ, когда у Кукавки все уже было въ образцовомъ порядкѣ, на новосельи нашего позументника еще стоялъ первобытный хаосъ. Крепки проснулись очень поздно, ибо «деликатная комплекція сыновъ Израилевыхъ устаетъ очень скоро отъ сколько нибудь сверхштатнаго физическаго труда и требуетъ поэтому продолжительнаго отдыха» Это во первыхъ. Во вторыхъ, когда Юшка сталъ понукать свою жену, чтобы она встала и привела въ порядокъ домашній сварбъ, Хаська долго совсѣмъ не откликнулась, но потомъ стала огрызаться и протестовать. Когда-же, наконецъ, обоимъ супругамъ надоѣло валяться на полу, они встали и принялись играть со своими многочисленными пислятами и зѣвать во весь ротъ до вывиха челюстей. Только къ полудню у почтенныхъ супруговъ явилось желаніе привести новоселье въ порядокъ. Но едва они приступили къ дѣлу, какъ Юшка вдругъ вспомнилъ, что прежде всего надо прикрѣпить вывѣску. Съ вывѣской-же Юшка провозился два битыхъ часа, искалѣчилъ себѣ руки и чуть не разможилъ молотомъ голову, мимо проходившему человѣку.

Такъ-то устраиваются Крепки. Это люди, повидимому, совершенно несчастные, ни на что негодные. Хаська зѣваетъ до вывиха челюстей, а Юшка не умѣетъ вывѣску прибить, какъ слѣдуетъ. Хаська лѣнива, какъ котъ, Юшка грубъ и неотесанъ, какъ медвѣдь. Оба—и Хаська, и Юшка—грязныя, ничтожныя созданія. Какое сравненіе съ Яшкой и Пелькой! Мимо опрятной, тихой,

скромной и прячущейся бѣдности Кузавки проходишь, говорить, Леванда, съ глубокимъ поклономъ и съ чувствомъ искреннаго, безкрыснаго участія; низко головой, шумливой, грязной, отвратительной, готовой на всякую сдѣлку съ совѣстью нищеты Юшки— съ плевокъ и безотчетнымъ раздраженіемъ. (Восходъ 1881 г., стр. 89).

Такова параллель номеръ второй. Здѣсь все, конечно, аффектировано. Такого Юшки въ еврействѣ нѣтъ. Онъ понадобился Левандѣ для иллюстраціи мысли, не лишенной нѣкоторой правдивости, но черезчуръ раздутой и преувеличенной.—Грубая тенденція свозить почти изъ каждой строчки рассказаннаго пассажа. Можно подумать, что читаешь пояснительный текстъ къ плохой карриатурѣ—до того все здѣсь невѣрно, плоско, легкомысленно. Леванда фантазируетъ, а не живописуетъ. Дѣйствительность имъ до того преувеличена, что узнать ее рѣшительно нельзя. Художникъ можетъ и долженъ обобщать, но не преувеличивать. Всякое преувеличеніе въ искусствѣ есть шаржъ, утрировка, которые рѣжутъ ухо, оскорбляютъ глазъ, возмущаютъ чувство справедливости. Мы свистимъ и шикаемъ, когда актеръ забываетъ мѣру, мы отварачиваемся съ презрѣніемъ отъ палцовъ и шутовъ, мы съ сожалѣніемъ закрываемъ книгу, когда убѣждаемся, что писатель забился, зарпортовался и потерялъ уваженіе къ подлинной, неподкупной правдѣ. Общество безотвѣтно. Юшка не можетъ придти и сказать: «сочинитель, ты преувеличилъ! ты изобразилъ не меня въ моей нищей обстановкѣ, а свою собственную фантазію». Вотъ почему мы и говоримъ, что тенденціозный писатель нападаетъ *лукавымъ* кинжаломъ. Леванда *наскочилъ* на свою жертву изъ за угла. Если бы онъ показалъ намъ настоящаго еврейскаго Юшку, патетическая фраза о «плевокѣ» и «безотчетномъ раздраженіи» не произвела бы никакого впечатлѣнія, рѣшительно никакого. Ибо въ дѣйствительности нѣтъ совсѣмъ такой нищеты, въ которую дозволительно было-бы плевать—въ дѣйствительности есть только несчастные, убогіе люди, достойные нашего горячаго сочувствія и нашей братской помощи. Кто думаетъ иначе, тотъ глубоко ошибается. А писатель, претендующій на вліяніе и значеніе, иначе думать и не можетъ. Судить людей надо не съ гордынею, не съ разъяреннымъ гнѣвомъ, а по божески, кротко, тихо и любовно...

Возьмемъ еще одну, послѣднюю, параллель. Яшка отдаетъ свою дочь въ магазинъ къ швеѣ, ибо «всякая женщина должна умѣть кроить и шить». Не платитъ же за каждую мелочь портному, или портнихѣ. Въ магазинѣ Валерка работаетъ до обѣда, а послѣ обѣда она къ хозяйству приучается («стирать, гладить, штопать и проч. тоже умѣть надо: чужими руками хорошо только жаръ загребать»). Валерка не обывателька и никогда ею не будетъ, а потому ей гимназія съ барскимъ образованіемъ вовсе не нужна. Грамотѣ Валерка обучена, и этого съ нею довольно. Кукавка ремесленникъ и дочь его тоже выйдетъ за ремесленника.

Не то у Юшки. Его Гольда должна была непременно гимназію окончить. Того непременно захотѣла Хася, мнимая племянница ребѣ Ицхака Нахамеса.

— На что Гольдѣ гимназія?

— А на что магназія всѣмъ прочимъ?

— Кто эти всѣ прочіе?

Хаська называетъ имена извѣстныхъ въ городѣ богачей.

— Но, добрая Хася, то р. Ицхакъ Нахамесъ, а то...

— За свои деньги, я такой-же баринъ, какъ Ицхакъ Нахамесъ!

Вотъ каковы инстинкты Крепховъ. И что-жь? Гольда, побывавъ въ гимназіи и нанюхавшись тамъ новыхъ понятій, прежде всего почувствовала всю «вульгарность» своихъ родителей и, затѣмъ, дабы стать вполне независимою и самостоятельною, убѣждала отъ нихъ на «свободу». Было-бы Крепхамъ слушаться добрыхъ совѣтовъ добрыхъ людей!...

Есть еще параллели въ «Яшкѣ и Юшкѣ», которыя мы оставимъ безъ вниманія. Изъ всего приведеннаго вы уже видите, каковы беллетристическія качества этой вещи и какова ея основная тенденція. Если даже допустить, что Леванда списалъ своихъ героев съ фотографическою точностію съ живыхъ оригиналовъ, то все-таки надо будетъ признать, что рассказъ, основанный на случайныхъ наблюденіяхъ, не очищенный и не переработанный въ художественномъ горнилѣ, лишентъ всякаго серьезнаго значенія.

Не бѣльшими литературными качествами отличается и другой очеркъ Леванды: «Двѣ семейныхъ идилліи» (Восходъ, 1886 г.).

Это тоже параллель съ тенденціей, хотя и не ясно выраженной и какъ бы колеблющейся.

У Шмуля Стоклишвера, переплетчика по ремеслу и «общественнаго дѣятеля» по прозванью, все обстояло такъ неблагополучно, что онъ могъ бы позавидовать дворнику Микалу. Не везло собственно вашему переплетчику не столько потому, что онъ вообще плохо зналъ свое ремесло, работалъ аляповато и рѣдко не ставилъ буквъ на корешкѣ вверхъ ногами, а больше всего потому, что онъ относился къ своему ремеслу вѣрнее небрежно, почти съ презрѣніемъ. Такое небрежное отношеніе къ дѣлу Шмуль Стоклишверъ оправдывалъ тѣмъ, что, не умѣя и не стараясь переплетать какъ слѣдуетъ книги, разумѣется, еврейскія, онъ знаетъ въ ихъ *содержаніи* большой толкъ, какъ человѣкъ, который въ молодости перебивалъ въ разныхъ «шиботахъ», терся около ученыхъ, заглядывалъ въ трактаты Мишны и Гемары. Понятное дѣло, что для ученаго человѣка переплетное дѣло—не совсѣмъ подходящее занятіе.

— Мнѣ бы ширѣ читать, или вопросы о трафъ-кошерѣ разрѣшать, а не книги переплетать,—огрызался Стоклишверъ, когда его бывало начнутъ упрекать въ нерадѣніи и неумѣніи привлекать заказчиковъ.

Не интересуясь своимъ ремесломъ, ученый переплетчикъ за то отдавалъ весь свой досугъ дѣламъ общественнымъ. Онъ исправлялъ должность старосты въ молельнѣ братства переплетчиковъ и находилъ въ этомъ удовлетвореніе своимъ врожденнымъ честолюбію, славолюбію и властолюбію. Не шутка вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, видѣть себя центромъ духовной жизни нѣсколькихъ десятковъ переплетчиковъ, довѣряющихъ твоему личному усмотрѣнію и выборъ «хазена» на «Страшные дни», и выборъ «магида» на субботы новолунія, и распредѣленіе религіозныхъ почестей между молельщиками и тому подобныя административныя распоряженія, отъ которыхъ зависитъ благополучіе и даже само существованіе всего братства! Но будучи «все равно, что старостой», Стоклишверъ въ то же время былъ и сватомъ, и мировымъ судьей, и нотаріусомъ, и архиваріусомъ братства. Такимъ образомъ, эфемерному счастью быть главою братства переплетчикъ приносить въ жертву свое ремесло, свои ближайшія обязанности по

отношеію въ себѣ и семейству. Вмѣсто того, чтобы сосредоточивать свои силы на одномъ, опредѣленномъ дѣлѣ, Стоклишкеръ умиляется разношерстною и хлопотливою дѣятельностію коновода братства. «Почему этому горемыкѣ, боровшемуся съ голодомъ, говорить Левада, такъ дорога была воображаемая честь, отдававшаяся ему горсткой подобныя же горемыкѣ? Это одно изъ тѣхъ страшныхъ претиворчій въ характерѣ почти каждаго средняго еврея, о которыхъ распространяться намъ теперь некогда. Съ насъ пока достаточно констатировать фактъ, что, по видимому, довольно практичный переплетчикъ жилъ, можно сказать, исключительно для идеальныхъ, «торжественныхъ минутъ».

Божь о божь съ Шмулемъ Стоклишкеромъ жилъ дворникъ Михалъ, жилъ тоже для «торжественныхъ» минутъ, для которыхъ онъ копилъ и сберегалъ свои собственные заработки и заработки своей сожительницы. Но торжественныя минуты дворника Михала имѣли совершенно другой характеръ. Во первыхъ, онѣ не совпадали, какъ у переплетчика Шмуля, ни съ какими историческими, народными и всякими другими примѣчательными воспоминаніями. Во вторыхъ, онѣ ознаменовывались такими шумными изліяніями, о которыхъ тщедушный переплетчикъ могъ имѣть только приблизительное представленіе. Когда наступала «торжественная минута», дворницкая Михала обыкновенно наполнялась сѣрымъ, трудящимся людемъ — дворниками сосѣднихъ домовъ, ихъ законными или незаконными половинами, кумовьями, кумушнами и, вообще, добрыми знакомыми, которыхъ у простолюдиновъ не мало. Все это общество, сидя или стоя, окружало столъ, вперивъ благоговѣнно-жадный взоръ въ самый «центръ» — въ почтеннѣйшихъ размѣровъ бутыль съ *очищенной* влагой. По данному кѣмънибудь знаку первая чарка наполнялась и подносилась старшему въ компаніи, какомунибудь заштатному звонарю упрядненнаго приходскаго костела, а сей послѣдній однимъ энергическимъ взмахомъ «ударялъ въ колоколъ» — и тѣмъ давалъ сигналъ развеселому трезвону прочихъ «колоколовъ» и «колокольчиковъ». Менѣе, чѣмъ въ полчаса въ дворницкой поднимался сплошной и глухой гулъ отъ развеселившейся компаніи, пившей, горланившей, хохотавшей, словомъ — работавшей на всѣхъ парахъ. Лица разгорячались и потѣли. Кто подъ шумокъ влѣплялъ поцѣлуй

своей сосѣдѣ, кто голосомъ несмазаннаго колеса затыгивалъ пѣсню, кто порывался «соорудить» трепакъ...

Такъ-то живутъ въ дворницкой Микала, — весело, пьяно, но мирно.

Ознакомившемуся съ тенденціей «Яшки и Юшки» можетъ на первыхъ порахъ показаться, что Леванда и въ «двухъ семейныхъ идилліяхъ» подбираетъ «наблюденія» и «факты», съ цѣлью развѣнчать *природный* умъ евреевъ. Можетъ показаться тѣмъ болѣе, что первая нѣсколько страницъ разсказа какъ бы сразу ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ этою природною мудростію однихъ, и тупостію другихъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. На сей разъ Леванда развѣнчиваетъ понятія, господствующія въ дворницкой— ея жизненные идеалы, ея нравственныя стремленія и, если не съ глубокимъ, то съ легкимъ поклономъ проходитъ мимо переплетной Шмуля Стоклишкера, гдѣ, какъ никакъ, все-таки даритъ безусловная нравственная порядочность. Въ «Яшкѣ и Юшкѣ» все еврейское бичуется на всѣ стороны и изображается темными красками, не исключая даже нравственнаго быта; въ «Двухъ семейныхъ идилліяхъ» писатель куда осторожнѣе и скромнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли признать Гольду Крепхъ сколько нибудь типическою еврейскою дѣвушкой? Гдѣ авторъ нашелъ въ еврейской средѣ тѣ условія, которыя создавали-бы женщинъ съ аппетитомъ къ легкой и веселой жизни, къ эмансипированному разврату, къ бездѣльному шатанію? Пусть Крепхъ ничтоженъ, какъ человѣкъ, какъ работникъ, но развѣ отъ такого отца Гольда могла научиться *нравственному* легкомыслію? Леванда, повидному, понималъ, что своею Гольдою и нѣкоторыми, очень неосторожными параллелями въ «Яшкѣ и Юшкѣ» онъ уже слишкомъ хватилъ чрезъ край, и вотъ онъ пишетъ новый очеркъ съ натуры, гдѣ разоружается почти все еврейское, кромѣ еврейской нравственности. У переплетчика Шмуля все идетъ шиворотъ на выворотъ— да, но его дочка Мэрка выростетъ все таки доброю, честною и благонаравною дѣвушкой. Въ сущности, и Мэрка и Гольда воспитываются при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, а между тѣмъ, какая разница въ судьбѣ одной и другой. Вотъ что значитъ свободная воля художника! Захотѣлъ человѣкъ, и одну (Гольду) послалъ искать счастья и «успѣха» въ обширной столицѣ, а другую (Мэрку)

выдалъ замужъ за честнаго и хорошаго молодца. А легкаго хлѣба пусть ищеть на сей разъ дочь дворника Михала! *Прежде* сбилась съ прямого пути Гольда, а теперь пусть испытываетъ свои «силы» Марилька...

Марилька была дѣвушкой съ классическими чертами лица, и потому её сравнительно не трудно было пристроить въ хорошемъ магазинѣ. Дворничиха Михалова ничего такъ не боялась, какъ старости, нищенства и потому она рѣшила, съ помощью Марильки, обезпечить себя на всякій конецъ. При томъ—красота Марильки! Въ дворницкой красота эта загрубѣетъ, завянетъ, пропадетъ за даромъ; а въ свѣтъ, на виду у людей, она непременно найдетъ и цѣнителей, и покровителей: мало-ли необыкновенныхъ случаевъ бываетъ съ бѣдными, но красивыми дѣвушками...

— Дочь кузнеца Стулцевича—разсуждала про себя дворничиха,—вышла за полковника, и она теперь генеральшей; въ племянницу прачки Людвиговой влюбился совѣтникъ губернскаго правленія, женился, и она теперь гдѣ-то вице-губернаторшей; свояченица органиста костела Всѣхъ Святыхъ сбѣжала съ какимъ-то студентомъ, и онъ теперь инженеромъ служить, много денегъ зарабатываетъ и въ шелѣ и въ бархатѣ ее водить. Почему же что нибудь подобное не можетъ случиться и съ Марилькой?

И дѣйствительно, съ Марилькой случилось многое. Въ магазинѣ, гдѣ сразу оцѣнили ея «бюстъ» и «фигуру», она училась недолго. Зачѣмъ показывать себя небольшой публикѣ, когда можно показать себя въ освѣщенной залѣ, при эффектномъ освѣщеніи, въ болѣе или менѣе интересномъ костюмѣ? И вотъ Марилька поступаетъ въ театральннй «хоръ». Здѣсь всѣ ея качества были оцѣнены, взвѣшены и признаны «пригодными». Прошло не много времени, и Марилька стала тѣмъ магнитомъ, къ которому все здоровое и молодое притягивается съ необыкновенною легкостью. Она пошла въ гору и сдѣлалась городской знаменитостью. Правда, скандалезная слава повредила ей немного въ томъ отношеніи, что пришлось оставить сцену, но за то къ ней повалили всѣ подонки общества, вся позолоченная сусальнымъ золотомъ молодежь, все, что чувствовало необузданно-дикое влеченіе транжирить деньги.

На этомъ повѣсть о Марильѣ не кончается. Разъ вечеромъ, послѣ прекраснаго и очень весело проведеннаго дня, Марилька, забравъ свой гардеробъ, свои поддѣльныя драгоценности и всѣ свои наличныя деньги, до мѣднаго пятака включительно, исчезла изъ города съ какииъ-то оставившииъ корнетомъ. Долго не знали куда она дѣлась, пока однажды она не была доставлена этапнымъ порядкомъ на родное пепелище. «Тѣмъ не менѣе, однако-же Михалъ и Михалова приняли ее съ распростертыми *руками* (!) и—исколотили до полусмерти. Она заболѣла горячкой, ее свезли въ больницу, гдѣ она пролежала около мѣсяца и поправилась. Но, оправившись отъ горячки, она заболѣла оспой, которая совершенно обезобразила ея когда-то красивое лицо. Ее не узнавали. Отъ ея прежней миловидности, приводившей въ восторгъ всѣхъ знаточковъ женской красоты, не оставалось и слѣда: даже ея великолѣпные, бѣлокурныя волосы побурѣли и повылѣзли». Sic transit gloria mundi! И въ то время, какъ Марилька дѣлала карьеру на счетъ своихъ личныхъ атрибутовъ, Мэрка медленно, съ легкими только колебаніями, приближалась къ тому исковому благу, которое называется семейнымъ благополучіемъ. И приблизилась таки!

Такова параллель въ «Двухъ семейныхъ идилліяхъ». Все въ домѣ переплетчика Шмуля Стоклишкера обстоитъ неблагополучно, но Мэрка все таки съ прямого пути не сбивается, изъ своей красоты выгодъ никакихъ не извлекаетъ и до самой свадьбы сохраняетъ свою дѣвическую чистоту въ образцовѣйшемъ порядкѣ. Въ дворницкой Михала, напротивъ того, бьетъ ключемъ жизнь, шумная, развеселая, съ обильными попойками, но за то, дѣвка Марилька отсюда прямою дорогою дойдетъ до скандальной славы «авантажной» хористки и продажной красавицы. Какая же мораль изъ всего этого? Мораль та, что Мэрка Стоклишеръ все таки лучше, чѣмъ Марилька Михалова...

Мы уже отмѣтили противорѣчіе между «Яшкой и Юшкой» и «Двумя семейными идилліями». Нѣтъ, не противорѣчіе: это очерки съ *противоположными* тенденціями, ложными въ обоихъ случаяхъ. Гольда Крепкъ такъ-же мало типична, какъ и Марилька. Неправда, чтобы Яшка Букавка былъ всегда чище, возвышеннѣе и разумнѣе всякаго Юшки. И въ первой, и во второй своей параллели Леванда очень далека отъ подлинной жизни—и тутъ

и тамъ известная тенденція грубо подчинила себѣ человѣка; замигъ въ немъ трезвость наблюдателя и правдивость художественнаго бытописателя.

IX.

Въ двухъ большихъ романахъ: «Исповѣдь дѣльца» и «Большой ремизъ» — Леванда выставилъ къ позорному столбу почти все коммерческое и финансовое еврейство. Это два горячихъ памфлета, къ сожалѣнiю, въ несовсѣмъ удачной белетристической формѣ, противъ еврейской буржуазии, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она стала складываться въ Россii послѣ крымской войны. Надо было обладать гражданскимъ мужествомъ покойнаго писателя, его независимостью и смѣлою увѣренностью, чтобы отважиться на такую смѣлую и безошадную критику сословія, имѣющаго и силу и вліяніе не въ одной только еврейской средѣ; это уже не «Яшка и Юшка» или «Двѣ семейныхъ идилліи», въ которыхъ писатель далъ волю болѣе своей фантазii, чѣмъ здравой и разумной критикѣ, а двѣ, въ общемъ, вполне правдивыхъ, хотя и довольно посредственныхъ картины съ натуры. Нужно признать, что обличительная тенденція, положенная въ основу и «Исповѣди», и «Большого ремиза», не лишена была въ свое время, да не лишена и теперь реальнаго смысла и значенія. Еврейство коммерческое, «банкирское», «железнодорожное» и проч. и еврейство интеллигентное, страдающее, мыслящее — это величины различныя, совсѣмъ различныя. Между тѣмъ и другимъ еврействомъ общаго очень мало. Очень мало общаго тоже между еврействомъ буржуазнымъ и еврействомъ демократическимъ, массовымъ; тамъ и здѣсь господствуютъ различныя нравы, различныя понятія и стремленія. И Леванда, повидимому, это очень хорошо понимаетъ. Принадлежа самъ къ интеллигентной части и ратуя за просвѣщеніе темной и черной еврейской *массы*, Леванда всѣми силами души своей всегда ненавидѣлъ ту часть русско-еврейской финансовой буржуазii, которая сѣмѣла такъ легко и бойко прилѣпиться ко всяческимъ удобствамъ жизни и окончательно опростаться отъ всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей. Никто яснѣе Леванды не видѣлъ, какая незавидная и неблагодарная роль до-

стала еврейской буржуазіи у насъ въ Россіи и какъ мало хорошаго и отраднаго въ томъ, что двѣ или три дюжины еврейскихъ капиталистовъ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества принимаютъ замѣтное участіе въ важнѣйшихъ коммерческихъ операціяхъ, наравнѣ съ «коренными» дѣятелями. Въ двухъ названныхъ романахъ слышится такая смѣлая нота, столько разумнаго и честнаго патріотизма, что рѣшительно невозможно усомниться въ смыслѣ тѣхъ намѣреній, которыя руководили нашимъ писателемъ при изображеніи героевъ торгово-промышленнаго и финансоваго міра. Кроме того, въ нихъ видно такое близкое знакомство автора съ списываемымъ бытомъ, во всѣхъ его изгибахъ и поворотахъ, что у читателя неизбѣжно должно сложиться именно то убѣжденіе, къ которому романы готовятъ его сильными и неопровержимыми документами.

Жажда денегъ, «милліоновъ» — не есть нѣчто специфически еврейское. Капиталистическіе аппетиты и инстинкты международны въ истинномъ смыслѣ слова. Буржуазно-экономическая волна широко разлилась по всѣмъ направленіямъ цивилизованнаго міра—это фактъ, давно уже твердо установленный и оцѣненный. На исходѣ девятнадцатаго столѣтія сильнымъ и вліятельнымъ признается только высокое матеріальное положеніе: быть можетъ, никогда еще золотому тельцу не повлонулись съ такимъ энтузіазмомъ, съ такимъ поразительнымъ и искреннимъ увлеченіемъ, какъ именно теперь. Буржуазія владычествуетъ рѣшительно повсюду и надъ всѣмъ. Это огромная система, съ превосходно выработанными принципами, со строго продуманной тактикой и политикой. Но въ этой системѣ всѣ національныя различія сглажены: принципы буржуазіи, какъ мы только что сказали, международны въ широчайшемъ смыслѣ слова. Еврейская буржуазія, французская буржуазія, нѣмецкая буржуазія — это, въ сущности, одно и то же явленіе, созданное новѣйшею исторіею и у всѣхъ народовъ сохранившее одинъ и тѣ же отличительныя примѣты.

И хотя это такъ, хотя всѣ буржуазіи въ мірѣ, такъ сказать, равноправны предъ судомъ политическаго историка, мы тѣмъ не менѣе не посѣтуемъ на писателя за то, что онъ выдаетъ головою одну только *еврейскую* буржуазію.

«Исповѣдь дѣльца» — это повѣсть объ одномъ человѣкѣ, кото-

рый изъ бѣдности счумѣлъ подняться до степени вѣщающаго милліонами банкира. Какими средствами выбивался этотъ чловѣкъ, какіе приемы пускалъ въ ходъ и какъ онъ, въ концѣ концовъ, вернулся къ своему первоначальному состоянію, обо всемъ этомъ Леванда съ перемежнымъ успѣхомъ и перемежными достоинствами рассказываетъ на протяженіи трехсотъ пятидесяти трехъ страницъ. Главный недостатокъ этой исповѣди заключается въ томъ, что въ ней слишкомъ много мельвающихъ фигуръ, другъ друга повторяющихъ, другъ на друга похожихъ, какъ двѣ капли воды, слишкомъ много дѣйствій, шума, разговоровъ. Событія чередуются здѣсь съ быстротою явленій въ какой нибудь фееріи. Еслибы сократить романъ на двѣ третьихъ и дать сжатое и сильное выраженіе основной его мысли, то мы имѣли бы очень поучительную и характерную картину нравовъ, еще не разработанныхъ въ нашей литературѣ съ должною полнотою. А въ настоящемъ своемъ видѣ «Исповѣдь дѣльца» производитъ скорѣе не то мелодраматическое, не то комическое впечатлѣніе, чѣмъ впечатлѣніе серьезнаго и обличительнаго разсказа.

Но подойдемъ, однако, поближе къ этому роману. «Исповѣдь» ведется отъ лица Мордухея Боруковича (*Марка Борисовича*, когда счастье стало улыбаться ему) Шмальца, котораго по шестнадцатому году отецъ взялъ да и оженилъ на женщинѣ, гораздо старшей его. Именно «взялъ да женилъ» — по еврейскому обычаю, теперь уже теряющему свою популярность.

Однажды, — рассказываетъ Маркъ Боруковичъ, — когда я возвратился изъ школы домой, меня на порогѣ встрѣтилъ отецъ и, указывая на лежавшій на столѣ ворохъ новаго платья, проговорилъ:

— Мотя, одѣвайся скорѣе! намъ нужно ѣхать.

— Куда?

— На свадьбу.

— На чью свадьбу? У кого свадьба?

— У тебя.

Не успѣлъ еще мальчуганъ облечься въ новый костюмъ, какъ отецъ уже сдѣлалъ всѣ прочія распоряженія.

— Мотя, перецѣлуй всѣ мезузисъ и правою ногою маршъ въ подводу... Степа, перекрестись и трогай!

Жена Моти прожила однако не долго. Но не прошло и двухъ лѣтъ послѣ ея смерти, какъ Мотя опять былъ ожененъ своимъ сворочательнымъ отцомъ.

— Мотя, пора тебѣ жениться. Ты проволандался вотъ уже скоро два года, ну и будетъ.

— А какую невѣсту ты теперь припасъ для меня—опять какую либо вдовушку, высокую, толстую?

— Нѣтъ, теперь и тебѣ понравится; дѣвушка молодая и красивая, изъ хорошаго дома, съ приличнымъ гардеробомъ и тремястами рублей чистогана; да, кромѣ того, годъ полнаго содержанія у ея родителей.

— Откуда она?

— Изъ Грязинска.

— Когда свадьба?

— На будущей недѣлѣ.

Дѣвушка (Ревекка), въ самомъ дѣлѣ, оказалась красивой, стройной и хорошей. Мотя зажилъ съ нею счастливо, открылъ спустя нѣкоторое время маленькую лавочку и, казалось, могъ надѣяться, что вступилъ, наконецъ, на вполне надежную дорогу. Но судьба пожелала послать на молодого человѣка еще одно испытаніе. Торговля въ лавочкѣ шла очень недурно, выручка увеличивалась съ каждымъ днемъ, но къ ужасу Шмальца, какой-то несчастный русскій писарь, панъ Стульцевичъ, своимъ поведеніемъ сталъ отвращать его спокойствіе. Вытолкнуть въ зашей нахала было бы очень просто, но и очень опасно. Однако опасность эта Шмальца не испугала. Разъ вечеромъ онъ вдругъ услышалъ изъ лавочки отчаянные крики Ревекки. Панъ Стульцевичъ во что бы то ни стало хотѣлъ поцѣловать ее, но подоспѣвшій мужъ влѣпилъ повѣсь нѣсколько очень тяжеловѣсныхъ пощечинъ и двумя-тремя пинками вытолкнулъ его на улицу. Послѣ этой исторіи лавочку пришлось закрыть. Все это случилось наканунѣ крымской компаніи. Война пришла и взбудоражила все еврейство, породивъ въ одномъ изъ слоевъ его неизмѣннѣйшія стремленія къ чрезвычайнымъ богатствамъ, къ рискованнѣйшимъ предпріятіямъ, къ широкой наживѣ. Дѣло въ томъ, — рассказываетъ Леванда, — что если до крымской компаніи между русскими евреями были богачи, капиталисты, то послѣ нея между ними вдругъ завелись *миллионеры*.

А какъ только появились миллионеры, всѣ обыкновенные богачи, даже «стотысячные» вдругъ почувствовали себя бѣдняками, которыми во что бы то ни стало надо выбиться изъ своего нищенскаго состоянія. Резонъ очень простой: если Авраамъ Татисъ миллионеръ, то почему и мнѣ, Исааку Мамису, не быть миллионеромъ? Чѣмъ онъ лучше меня? Но такъ какъ крымская компанія не могла сдѣлаться постояннымъ «учрежденіемъ» въ государствѣ, то жаждущіе богатствъ израильяне возроптали. Разъ взглянувъ на себя, какъ на нищихъ, недовольные богачи стали скандничать, дрожать надъ каждой копейкою и гнаться за такими заработками, которые они прежде считали для себя унизительными. Бывало, прежде, еврей считалъ себя аристократомъ, радовался себѣ и людямъ, если располагалъ двумя-тремя десятками тысячъ рублей: онъ почиталъ своею обязанностью заботиться о меньшей братіи, давать милостыню щедрою рукою, поддерживать или даже вновь учреждать благотворительныя заведенія. Теперь, т. е. послѣ крымской войны, этотъ-же самый еврей, при тѣхъ же средствахъ, превратился въ совершенно другаго человѣка. Онъ сдѣлался эгоистомъ, мизантропомъ, невпечатлительнымъ во всему, кромѣ собственной выгоды. На десятки тысячъ онъ фыркаетъ, какъ на мелочь, не стоящую вниманія. Уваженіе общества, вниманіе и почести потеряли для него всякую прелесть. У него теперь новые идеалы, новые цѣли въ жизни, отъ которыхъ онъ прежде отрепчивался. Онъ съ жадностью и съ худо скрываемою завистью прислушивается къ разговорамъ о громадныхъ коммерческихъ оборотахъ, баснословныхъ кунахъ, царской роскоши и сумасбродныхъ затѣяхъ и прихотяхъ вновь народившихся миллионеровъ.

Но это еще не вся «естественная исторія» типа, народившагося въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, и развернувагося вполнѣ только впослѣдствіи. Въ «Вольшомъ ремизѣ» Леванда дополняетъ свою характеристику немногими черточками, подмѣченными не безъ тонкости. Намъ Разуваевъ стоитъ въ серединѣ между, такъ называемымъ интеллигентнымъ классомъ и ортодоксальною партіею, принадлежа къ первому «своимъ нѣмецкимъ шуртукомъ» и либеральнымъ воззрѣніемъ «на извѣстное четвероногое животное съ раздвоенными копытами, не жующее жвачки», а ко второй—своимъ стародавнимъ невѣжествомъ и «патріархальнымъ бравированіемъ»

самыхъ элементарныхъ принциповъ культурнаго общежитія. Такой Разуваевъ, не смотря на всю свою скаредность и душевную тупость, есть непремѣнно общепризнанный въ каждой еврейской общинѣ столпъ, заправляющій всѣми общественными дѣлами. Правда, и «интеллигенція» и «ортодоксы» на каждомъ шагу имѣютъ возможность убѣждаться, что ихъ столпъ—и глупъ, и тупъ, и скупъ, что для добраго совѣта у него не хватаетъ ума, а для настоящей помощи—чувства, сердца, но какъ же быть безъ столпа? Настоящія столпы перевелись, вымерли, такъ надобно довольствоваться оближними! «Нѣтъ рыбы на субботу, тащи селедку: все-таки какъ будто рыба...»

Вотъ въ эту то эпоку народненія русско-еврейскаго кулачества герой новаго романа, Мотя Шмальцъ, только что разоренный паномъ Стульцевичемъ и еще не сумѣвшій выгодно эксплуатировать крымскую кампанію, рѣшилъ поискать счастья въ столицѣ Россіи, которая «изъ золота выстроена», «ассигнаціями вымощена»—протяни руку и бери сколько въ карманъ влѣзетъ. Раньше, однако, чѣмъ вывести своего героя на путь въ Колкиду, Леванда заставляетъ его проглотить горькую пилюлю нѣкоего рабби Арона, въ которому Мотя пришелъ вмѣстѣ съ отцомъ за благословеніемъ.

— Тоже въ Петербургъ? Спросилъ рабби Аронъ, пожимая плечами. Всѣ бѣгутъ теперь въ Петербургъ, за дѣломъ и безъ дѣла! Точно манна небесная про всѣхъ тамъ припасена!...

— Что-жъ, здѣсь въ самомъ дѣлѣ дѣлать нечего, сказалъ отецъ.

— Отчего до сихъ поръ было что дѣлать?

— То было одно время, а нынѣ другое.

— Нѣтъ, Ребъ Ворухъ, возразилъ рабби Аронъ съ нѣкоторою живостью,—не времена перемѣнились, а люди перемѣнились. Жить всегда было и всегда будетъ чѣмъ, даже здѣсь, но дѣло въ томъ, что людямъ захотѣлось теперь жить лучше, роскошнѣе.

Рабби Аронъ—представитель понятій добраго, стараго времени. Онъ радъ бы слабымъ своимъ голосомъ остановить то печальное броженіе темныхъ инстинктовъ, которое овладѣло еврейскимъ обществомъ, но ему это не по силамъ. «Дай Богъ, говоритъ онъ, чтобы мое предчувствіе обмануло меня, но я предчувствую, что усиленная погоня за богатствами не послужитъ къ чести Израиля,

не доведетъ насъ до добра. Наши мудрецы не даромъ говорили, что бѣдность такъ красна для Израйля, какъ красная попола на сѣрой лошади». Но Мотя Шмальцъ словъ рабби Арона не послушался и, не долго медля, уѣхалъ искать золотого руна.

Мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями романа. Какъ уже сказано, главный недостатокъ «Исповѣди» заключается въ томъ, что она растянута до невозможности, отчего пересказывать ея содержаніе болѣе или менѣе, подробно и черезчуръ трудно и едва ли сколько нибудь полезно. Почти на всемъ протяженіи разсказа, отъ шестьдесятъ восьмой по триста пятьдесятъ третью страницу включительно, Леванда различными «эпизодами» и «примѣрами» иллюстрируетъ ту основную свою мысль, что путь наживы и всяческихъ спекулятивныхъ предпріятій въ сущности, путь позорный, преступный въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ слова. Въ сущности всѣ герои разсказа—Михаилъ Цемаховичъ, Зальцъ, Казья Безмозглая, Фойнкухень, Ривинъ, Сарматовъ, Шахербергъ, Надуваки и проч.—всѣ на подборъ одушевлены самыми подлыми, низкими стремленіями, всѣ съ чисто животною страстностью накидываются на все, что способно доставить хоть какую нибудь выгоду. Какъ публицистъ, Леванда безусловно правъ въ своемъ рѣзкомъ осужденіи всей этой своры хищниковъ и паразитовъ чужаго труда. Близко знакомый съ бытомъ русскихъ евреевъ, Леванда, безъ сомнѣнія, зналъ, куда слѣдуетъ направить удары. Но, какъ художникъ, писатель онъ едва-ли правъ. Въ романѣ нѣтъ почти ни одного человѣка, который былъ бы изображенъ какъ слѣдуетъ безъ смѣшныхъ и безсильныхъ претензій на особое остроуміе: всѣ фигуры писаны точно углемъ по готовымъ клише какаго нибудь сатирическаго журнала. Даже наиболѣе свосная фигура Цемаховича и та сбивается на глупую карьеристуру, отъ которой отворачиваешься съ однимъ только недоумѣніемъ. Вотъ, какъ напр., этотъ Цемаховичъ, только что окончившій среднее учебное заведеніе и отправляющійся въ Петербургъ для поступленія въ университетъ, рекомендуется главному герою разсказа, Шмальцу:

— Имѣю честь рекомендоваться: Михаилъ Цемаховичъ, будущій докторъ медицины, хирургіи и акушерства, ординаторъ во всѣхъ госпиталяхъ и больницахъ города Мѣ, домашній врачъ всѣхъ аристократическихъ домовъ того-же города, другъ и надежда

истерическихъ барынь и барышень, ипохондриковъ и мнимобельныхъ, компаньонъ всѣхъ аптекарей въ городѣ, и, какъ вѣнецъ всего этого, великій магистръ ордена золотого руна!...

Развѣ это не утрировка и при томъ довольно грубая? Леванда влагаетъ въ уста Цемаховича то, что самъ хотѣлъ бы о немъ сказать: приемъ не совсѣмъ остроумный.

Въ «Большомъ Ремизѣ» еврейскій бытописатель разоблачаетъ одинъ очень щекотливый обычай, господствующій въ средѣ нашего купечества. Известно, что «банкротства» не новость въ коммерческомъ мирѣ. Они всегда случались, говоритъ одинъ изъ героевъ романа, ребъ Азриэль, но случались, во первыхъ, сравнительно рѣдко, а во вторыхъ—при стеченіи весьма неблагоприятныхъ обстоятельствъ, противъ которыхъ ничего не могъ подѣлать самый аккуратный купецъ. «Теперь же, за великіе грѣхи наши, многіе купцы и торговцы стали банкротиться не потому, что обстоятельства ихъ плохи, а потому что они хороши, но имъ хочется, чтобы они были еще лучше. Теперь банкротство сдѣлалось, просто-на-просто, гешефтомъ, къ которому, безъ зазвѣнія совѣсти, стали прибѣгать многіе».

«Большой ремизъ» изображаетъ намъ одного купца, ребъ Моше Гройнимса, задумавшаго широкое банкротство въ подражаніе своимъ сверстникамъ, которые не разъ уже, чтобы обогатить свои фонды, прибѣгали къ этому легкому и прибыльному средству.

Ребъ Моше Гройнимсъ былъ всегда солиднымъ и честнымъ купцомъ, не измѣнявшимъ своей аккуратности даже въ самыя тяжелыя минуты, всегда дорожившимъ своею репутаціею, какъ драгоценнѣйшимъ сокровищемъ. Но, постоянно видя быстро растущее богатство своихъ товарищей по торговлѣ, онъ не выдержалъ и соблазился возможностью сразу сгрести такой капиталъ, который честнымъ трудомъ надо было бы добывать долгими годами. Самъ Гройнимсъ, пожалуй, и не рѣшился бы на такой позорный шагъ, но жена его Сорэ-Риве—настоящій дьяволъ въ юбкѣ, которому во что бы то ни стало захотѣлось поживиться чужими деньгами. О сдѣлкѣ съ кредиторами слышать не хочетъ.

Сдѣлку? Сейчасъ тебѣ и позволю пойти на сдѣлку! Никакихъ сдѣлокъ, слышишь, Моше? *Если есть газеръ, то пожирите.* Имѣй себѣ это за правило. Да и какая кредиторамъ польза, когда

ты, положишь, и помажешь ихъ по губамъ, дашь по десяти копѣекъ за рубль? Они отъ этихъ десяти копѣекъ не разбогачивутъ, а ты въ ихъ глазахъ все-таки останешься банкротомъ.

Настоящая бой-баба съ нервами здороваго солдата и совѣстью которой не разбудишь и пушками. Гройнимсъ дѣлаетъ сортировку кредиторовъ,—онъ говоритъ:

— Оно-то, положишь, такъ, но все-таки между нашими новыми кредиторами есть такіе, съ которыми нужно будетъ разсчитываться по божески, не по десяти, а, по крайней мѣрѣ, по пяти-шести копѣекъ, потому что они намъ все свое состояніе отдали и только процентами съ этого состоянія и живутъ.

Но неумолимая Соре-Риве стоитъ на своемъ:

— Это кто? Яхне-Баше, Фейга-Лея, Эстеръ-Малке, Хаимъ Двойресъ, Янкель-Липманъ?

— Ну, да, эти и еще нѣкоторые другіе.

— Э, пустяки! Они не пропадутъ, съ голоду не умрутъ. Богъ имъ поможетъ, Онъ никого не оставляетъ. Пусть чѣмъ нибудь займутся....

Но банкротство все-таки не удается. Дѣло въ томъ, что Гройнимсъ имѣлъ ошибку довѣрить все свое состоянія ребѣ Азриэлю, а этотъ послѣдній, будучи человѣкомъ высокой честности, удовлетворилъ всѣ претензіи несчастныхъ кредиторовъ. Такова фабула, «коммерческая» фабула романа. Къ ней пристегнуты двѣ три *любовныя* интриги, наивно-сантиментальныхъ, раздирательныхъ, скроенныхъ по типу плохаго романтизма прошлаго столѣтія. Для вящаго эффекта интрига начинается жестокимъ насиліемъ надъ невинной еврейской дѣвушкой, которая впоследствии отъ трагичнаго буфета сразу попадетъ на концертную эстраду, чтобы пожать на ней обильнѣйшіе лавры.

Для изображенія эротическихъ увлеченій требуются мягкія, прозрачныя краски, нѣжная живопись, подвижная поэтическая фантазія — все то, чѣмъ Леванда, сухой, но умный рассказчикъ, не обладалъ ни въ малѣйшей степени. Вездѣ, гдѣ еврейскій писатель, искушаемый завидной славой романиста, пытается развернуть предъ нами ту или другую любовную интригу, сразу же обнаруживаются всѣ многочисленные недочеты и недостатки его художественнаго дарованія, сильнаго только въ скромной области

очерковъ прошлаго, разныхъ нивольныхъ воспоминаній и другихъ болѣе, или менѣе незагѣйливыхъ, бытовыхъ замысловъ. «Горячее время» не исключеніе. Лучшія части этого талантливаго произведенія—тѣ, въ которыхъ выступаютъ черты еврейскаго или польскаго быта. Интрига же «Горячаго времени», какъ и интрига «Исповѣди дѣльца», «Большаго ремиза», «Еврейскаго Вертера», «Дело Бакалейныхъ Товаровъ» и друг., положительно ниже серьезной критики. Она ниже критики не въ однихъ только произведеніяхъ Леванды, но и у всѣхъ тѣхъ, которые, по стопамъ умершаго беллетриста, продолжали начатое имъ дѣло еврейскаго бытосательства.

А. Волыскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ

КА ХРОМОЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ С. М. АВРАМОВИЧА.

Жаргонная литература въ последнее время стала развиваться съ особенною силою. Но это развитіе, къ сожалѣнію, отличается характеромъ экстенсивнымъ. Рынокъ жаргонной литературы запруженъ массою произведеній, въ которыхъ трудно разобратся. Почти всѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ безвкусіи, безталанности и явно рассчитываютъ на досугъ бѣднаго читателя-простолудина. Вмѣсто того, чтобы наполнить этотъ досугъ чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, способнымъ внести въ массы много здоровыхъ понятій, полезныхъ знаній, или представить ихъ воображенію вѣрную характеристику народной жизни, которая могла-бы вызвать самопознаніе, стремленіе къ улучшенію быта, матеріальнаго, нравственнаго и духовнаго; вмѣсто того, чтобы даже доставить массѣ легкое чтеніе по болѣе или менѣе обыденнымъ въ жизни предметамъ на доступномъ ей языкѣ,—нами жаргонные писатели подносятъ ей произведенія, писанные вовсе не на народномъ языкѣ, а на языкѣ, составляющемъ смѣсь китайскаго съ нижегородскимъ, и трактующіе о предметахъ, которые составляютъ плодъ необузданной фантазіи автора, но не являющіе ничего общаго съ народною жизнію. Даже то, чѣмъ отличались въ былое время произведенія древнееврейской литературы, стремленіе къ усовершенствованію и развитію языка какъ къ побочной цѣли, самой по себѣ, безъ отношенія къ ихъ содержанию, даже это невинное стремленіе недостаетъ жаргонистамъ. Напротивъ, если даже жаргонное произведеніе заявляетъ притязаніе на идейность, на пронагадану известной мысли съ народнымъ откликномъ,—и тогда само произведеніе является не формѣ своей ниже всякой критики: стремишься преодолѣвать какое-то тяжелое нарѣчіе, на которомъ никто изъ евреевъ не говоритъ и не говорилъ, и въ концѣ концовъ бросаешь книгу съ досадою,

что авторъ не позаботился говорить съ народомъ на человѣческомъ языкѣ. Въ особенности стихотворныя произведенія наводятъ уныніе и вызываютъ жалость къ авторамъ и къ читателямъ, которые, вѣря въ силу печатнаго слова, приучаются къ грубому языку виршъ, практикуемыхъ еврейскими скороходами, но ничего общаго не имѣющихъ съ стихосложеніемъ. О поэзіи уже нечего говорить: ни фантазіи, ни чувства, ни глубоко-пережитыхъ моментовъ жизни, а просто—короткія строчки съ римами, но безъ соблюденія ритма и элементарныхъ правилъ стихосложенія. Въ этомъ отношеніи нельзя не привѣтствовать появившіяся въ жаргонной литературѣ стихи г. Фруга, которые могутъ служить образцомъ изящныхъ, всегда проникнутаго или глубокимъ чувствомъ, или облагороживающаго духъ народа мыслию. Такіе стихи—самая лучшая критика бездарности римоплетовъ, которыми кишитъ жаргонная литература. Послѣ одного звучнаго, исполненнаго мысли и чувства, стихотворенія г. Фруга, никто не станетъ болѣе читать стихотворной накулатуры современныхъ жаргонистовъ, для которыхъ каждый стихъ г. Фруга есть смертный приговоръ.

Изъ сказаннаго уже ясно, насколько истинное дарованіе благотворно дѣйствуетъ на массу въ двухъ направленіяхъ: въ положительномъ—облагораживая вкусъ читателя, и въ отрицательномъ—удаляя съ литературной арены на задніе ея подворки людей, независимо почему причисляющихъ себя къ сословію литераторовъ. Критика, поэтому, должна относиться безпощадно ко всему тону, что, отличаясь безвкусіемъ и бездарностью, волею судебъ, выдвинута на литературное поприще; она должна серьезно относиться къ самой себѣ для того, чтобы быть вѣрною выразительницею тѣхъ стремленій, которые желательно было бы усвоить современной, жаргонной литературѣ.

Прежде всего критика должна установить правильную точку зрѣнія на предметъ, потому что если не будутъ опредѣлены тѣ требованія, которыя должны быть предъявлены къ жаргонной литературѣ, то и невозможно будетъ достигнуть правильной ея оцѣнки. Многіе думаютъ, что достоинства жаргонной литературы воцѣлн зависятъ отъ успѣшнаго усвоенія себѣ особенностей языка, который и сообщаетъ свойственный ей отбѣнокъ. Кто научилъ всѣ тонкости жаргоннаго языка, всѣ отличительныя ея формы, тотъ обладаетъ, по мнѣнію многихъ, всѣмъ, что необходимо для изображенія народнаго духа. Но такой взглядъ слѣдуетъ узкоу: онъ ставитъ все содержаніе народнаго духа въ зависимость отъ чисто внѣшнихъ условій. Между тѣмъ едуктвореніе бытвой жизни народа, пережи-

ваніе ви́стѣ съ нѣю многихъ ея моментовъ, беззаветная любовь къ народу, выработывающая въ чловѣкѣ искренное стремленіе вѣрно изображать народные типы, близкое наблюденіе различныхъ сферъ народной жизни и неутолимая жажда восторженнаго ея изученія съ цѣлію сдѣлать его згѣтъ достоинствъ всеобщимъ, — вотъ внутреннія условія, обеспечивающія успѣхъ произведенія, посвященнаго народной жизни. Не всѣ эти условія, ви́стѣ вѣтъ, недостаточны еще для того, чтобы произведеніе отличалось художественностью, которая всегда оказываетъ сильное впечатленіе на читателя, захватываетъ всего его, проникая въ глубь души его, вызывая душевную теплоту, изумленіе, а подчасъ и слезы. Для этого необходимо дарованіе, способное изъ наблюдаемыхъ фактовъ сдѣлать такое гармоническое сочетаніе, выдвинуть крупныя ихъ стороны съ такою рельефностью, съ такою полнотою красокъ, одухотворить ихъ такимъ глубокимъ чувствомъ и оживить такою естественною, не удаляющеюся отъ земли, фантазією, что изображаемая въ произведеніи жизнь сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе читателя и производитъ на него неизгладимое впечатленіе. Жаргонная литература въ этомъ отношеніи подчинена тѣмъ-же условіямъ, что и всякая другая литература. Языкъ самъ по себѣ есть средство для достиженія литературныхъ цѣлей, но самый изящный языкъ безъ таланта, безъ дарованія автора, не создаетъ никакихъ образовъ, не возбуждаетъ ни воображенія, ни чувства читателя и не вводитъ его, хотя въ извѣстный, но въ совершенно новомъ видѣ изображаемый міръ дѣйствительности. Требования, предъявляемыя къ жаргонной литературѣ, должны быть, такимъ образомъ тѣ-же, что предъявляемыя ко всякой другой литературѣ: дарованіе жаргоннаго литератора есть дарованіе общечеловѣческое, это слѣдъ одного и того-же общечеловѣческаго гевія, который освѣяетъ своимъ крыломъ, правда, не всякаго; но если уже выборъ палъ на кого-нибудь изъ смертныхъ, то гевій не дѣлаетъ различія между людьми. Складъ жизни, ииъ изображаемой, можетъ отличаться извѣстными особенностями, но дарованіе автора, которымъ онъ одаренъ и посредствомъ котораго онъ призванъ вдохновлять другихъ, дѣйствуетъ по общечеловѣческимъ законамъ. Оно можетъ отличаться только по силѣ и глубинѣ, но не по національнымъ особенностямъ: Шекспиръ, Гете, Данте, Пушкинъ, какихъ-бы національностей они сами ни были-бы, какую жизнь они ни изображали-бы, одинаково носятъ на себѣ печать гевія — одного и того-же происхожденія.

Вопросъ о томъ, стоитъ-ли говорить о жаргонной литературѣ, на ко-

терую считать съ высоты своего величія люди, нисколько не отличающіеся такими высшими качествами, что могли-бы себя ставить выше другихъ, должны быть рѣшены въ положительномъ символѣ. Оней не стоило говорить до сихъ поръ, пока ея произведенія ничѣмъ не выдвигались въ глаза истиннымъ цѣнителямъ литературныхъ произведеній. Пока литература играетъ роль забавы, роль флиирства, пока за нее берется всякій грамотный и даже неграмотный человѣкъ, она, конечно, не можетъ остановиться на себѣ ничего вниманія. Количествомъ никакъ не поразивши, а по качеству—въ этой литературѣ цѣнить нечего. Но если среди всеобщей безталанности, нищущей въ литературѣ не славы, а прокормленія, является крупный талантъ, который сразу поднимаетъ ее на недосыгаемую высоту, выдвигаетъ въ ней серьезныя общественныя явленія, рисуетъ народныя типы не съ цѣлю поглумиться надъ ними самому и заставить глумиться и другихъ; если эти явленія и типы приковываютъ къ себѣ все вниманіе читателя, заставляя его скорбѣть душой о народной жизни и исторгая у него слезы; если цѣль автора не забава, а серьезная мысль нежѣнить съ одной стороны взгляды массы на жизнь, а съ другой вызвать къ ней симпатію со стороны людей, которые могутъ ей помочь—то наступаетъ пора заговорить и о жаргонной литературѣ.

С. М. Абрамовичъ своими произведеніями произвелъ эпоху въ жаргонной литературѣ, дѣйствуя облагораживающимъ образомъ на массу, какъ чистотою языка, такъ силою крупнаго таланта. На эти произведенія обращено особенное вниманіе въ польской литературѣ, которая имѣетъ нѣсколько представителей, интересующихся еврейскимъ бытомъ. Только въ такой литературѣ, въ которой писатели не-евреи питаютъ интересъ къ правдивомъ, и художественномъ, изображенію быта еврейской жизни, и должны были найти откликъ произведенія С. М. Абрамовича, тоже правдиваго художника, не уступающаго по силѣ таланта первокласснымъ писателямъ. Польская литература, которая позаботилась перевести «Донъ-Кихотъ жидовскій» и «Клячу», виѣстѣ съ тѣмъ дала и вѣрную оцѣнку дарованію С. М. Абрамовича. Одни, по широтѣ художественной кисти автора и захватываемой имъ жизни сравниваютъ его съ Сервантесомъ, другіе по щемлящему и проникнутому любовію юмору, ставятъ его рядомъ съ Гейне. Словомъ въ польской литературѣ, благодаря талантливому переводчику его, Юношѣ, С. М. Абрамовичъ вызвалъ къ своимъ произведеніямъ горячій и вполне заслуженный энтузіазмъ. Въ бытность г. Абрамовича въ Варшавѣ, нѣкоторые представители польской литературы устроили въ честь его бан-

вотъ и симпатично отнеслись къ нему какъ къ великому народному писателю. Въ нашей русской литературѣ о С. М. Абрамовичѣ еще пока ни слова не сказано, потому что русской литературѣ его произведенія неизвѣстны, хоть теперь есть полная возможность перевести съ польскаго его произведенія, какъ это было сдѣлано съ произведеніями г-жи Орженско. Русская литература, напечатавъ въ переводѣ «Самсона Могучаго», высказала совершенно справедливую мысль, что эта повѣсть дастъ болѣе наглядное представленіе о бытѣ евреевъ и ихъ жизни, чѣмъ цѣлое множество статей съ публицистическимъ характеромъ. Тоже самое можно сказать и о повѣстяхъ С. М. Абрамовича. Каждая его повѣсть есть вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни, одухотворенное чувствомъ и проникнутое опредѣленною мыслію. Онъ обладаетъ особеннымъ талантомъ сообщить фактамъ, заимствованнымъ изъ дѣйствительной жизни, такой рельефный колоритъ, такое счастливое сочетаніе, что они какъ-бы получаютъ живенность, все равно, какъ даровитый художникъ гармонією красокъ и вѣрнымъ воспріятіемъ явленій природы воспроизводитъ предъ вашими глазами картину, поражающую васъ своею живостью, и вамъ кажется, что вы ее гдѣ-то и когда-то видѣли. Въ томъ и заключается сила дѣйствительнаго дарованія, что оно не копируетъ факты, какъ они происходятъ въ жизни, а воспроизводитъ ихъ при такихъ условіяхъ и даетъ имъ такое неувимое освѣщеніе, что вы осязаете ихъ дѣйствительность, возможность ихъ реальнаго существованія. Какое произведеніе С. М. Абрамовича вы не прочтаете,—предъ вами стоятъ общественные типы, которыхъ вы гдѣ-то видѣли, предъ вами повторяются гдѣ-то и когда-то слышанные вздохи, и въ груди вашей вызывается чувство, исполненное смѣха и слезъ, которое вы когда-то испытывали и теперь пробуждается у васъ какъ живое воспоминаніе прошлаго. Въ другомъ мѣстѣ мы такъ отозвались о произведеніяхъ С. М. Абрамовича: «Въ нихъ раскрылись замѣчательныя дарованія автора, и чѣмъ универсальнѣе схвачена имъ идея о народной жизни, тѣмъ далѣе авторъ уходилъ въ свои произведенія отъ частныхъ ея проявленій, чѣмъ выше онъ подымался надъ низменностью ея сферъ, чѣмъ сильнѣе раскрывается его талантъ, тѣмъ болѣе жгуче и ядовитѣе его запечатлѣнная народною горечью мысль, тѣмъ ярче становится его поэтическое воображеніе, тѣмъ художественнѣе имъ рисуются картины народной жизни и тѣмъ глубже становится захватывающій душу юморъ. Кто знакомъ съ внутреннимъ бытомъ евреевъ, съ ихъ обстановкой, съ ихъ общественной закваской, тотъ не можетъ не смѣяться виѣстѣ съ

автородъ, когда онъ, рискуетъ слѣдными сторонами жизни, не можетъ не грустить вибѣтъ съ нимъ, когда онъ затрениваетъ общественные порядки, не можетъ не заливаться горькими слезами, когда онъ знакомитъ съ горькой и неавидной обстановкой еврея».

Повѣсть, которая теперь вышла подъ названіемъ «Фишка хромой», посвящена лицеистствующей братинъ Менделе Мойдерсформитъ, распространитель произведеній г. Абрамовича, рекомендуется читателямъ такинъ образомъ:

Примѣты лица въ паспортѣ такіе: ростъ средній, волосы и брови русые, глаза каріе, носъ и ротъ умѣренные, борода русая, лицо чистое, особенныхъ примѣтъ не имѣетъ. Все это означаетъ просто ничего, человекъ—какъ обыкновенно бываетъ большая часть людей. Не котъ и не какое нибудь иное животное, упаси Боже. Но если спросишь: «вѣдь и просто паспортъ безъ всякихъ примѣтъ, могъ бы доказать то же, что имѣешь дѣло съ человекомъ, такъ какъ скоту паспорта не выдаютъ?», — то отвѣтъ на это будетъ: „для того, чтобы предлагать вопросы, кому ума не доставало“. Слышишь-ты, все искусство въ томъ-то и состоитъ, что вотъ вамъ всѣ примѣты, и не знайте все таки, какое у меня лицо. И на самомъ дѣлѣ, не будемъ обманываться, что вамъ за польза отъ того, что будете знать доподлинно, что у меня высокій, морщинистый лобъ, что у меня ноздри какъ-то велики и причудливо раздуты, что когда я смотрю, я прищуриваю глаза, какъ близорукой, и что когда я стягиваю губы, выступаетъ на лицѣ моемъ улыбка съ язвительной насмѣшкой. Вѣрите мнѣ, что даже жену мою до свадьбы такія мелочи вовсе не интересовали. Ей сказали: „поздравляемъ, невѣста, съ женихомъ,—и баста“! Какое кому дѣло до чужого носа и чужого лица? кому какое дѣло и кого это можетъ интересовать?

Отправляясь въ городъ Глупскъ съ произведеніями литературы и другинъ благочонъ въ день поста 17 Тамуза испытываетъ борьбу между чувствами вещами, естиваго еврея, убивающаго въ себѣ всѣ природныя наклонности, и чувствами человекъ, котораго прельщаютъ живописныя явленія природы. Эту борьбу между злымъ и добрымъ духомъ авторъ передаетъ такъ:

Въ дорогѣ разъ, 17 тамуза, рано утромъ, сажу я это на козлахъ моей буды въ *талестъ* и *тефулинъ*, съ катуомъ въ рукѣ, совершенно не еврейски. Глаза у меня закрыты, чтобы во время молитвы не видѣть свѣта божьяго. По *природа*,—такъ, что ли это называть—словно по дьявольскому наводженію, была чудо хороша, вся что твоя картина, и меня какъ-бы чарами тянуло взглянуть на нее. Очень долго боролся я самъ съ собою. Добрый духъ говорить: „фи, нельзал“ Злой же духъ, напротивъ толкаетъ: „ничего, наслаждайся, глупенькій!“ и при этомъ такъ открываетъ мнѣ одинъ глазъ. Предо мною засіяла, какъ бы на зло, очаровательная понорама: поля, усѣянная цвѣтущей гречихой, бѣлыя какъ снѣгъ, а рядомъ желтозолотистыя полосы пшеницы и темно-зеленая, высоко растущая кукуруза. Тамъ прекрасная, зеленая долина, покрытая съ обѣихъ сторонъ рошицами орѣховыхъ де-

дрозовъ; внизу течеть ручей, чистый и ясный какъ хрусталь, и солнечные лучи, отражаясь въ немъ, покрываютъ поверхность его огненно-золотистыми блестками. Овцы и коровы на пастбищѣ кажутся въ отдаленіи какъ бы темными, красными и пестрыми пятнышками. «Фи, фи, — старается добрый духъ пробудить во мнѣ память о словахъ морали — еврей въ дорогѣ, прерывая молитву и восхищаясь деревомъ или полемъ, какъ будто совершаетъ самъ надъ собою самоубійство. Злой-же духъ, напротивъ, те подноситъ мнѣ къ самому носу пріятный запахъ отъ скверды сѣна, пахучихъ травъ и цвѣтовъ, который расхедится по всѣмъ членамъ, то разливается тысячу голосами въ звучныхъ пѣсняхъ разныхъ птицъ, которыя захватываютъ душу, то навѣваетъ на меня теплый вѣтерекъ, заливающій пейсу и ласкающій ухо, нашептывая: „смотри и наслаждайся, будь человекомъ, дурень ты, еврей“.

Встрѣтившись затѣмъ по дорогѣ съ пріателемъ своимъ Алтеромъ, тоже вѣдущимъ на армарку, Менделе, оправившись отъ комическихъ обстоятельствъ встрѣчи, подступаетъ въ нему съ вопросами, на которые въ отвѣтъ получаетъ лишь «бе!» да «бе!». По этому поводу авторъ объясняетъ значеніе еврейскаго «бе» въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Бе» у евреевъ — золотое словечко. Оно имѣетъ много значеній и даетъ отвѣты на всѣ вопросы. „Бе“ можно во всякое время кстати употребить въ бесѣдѣ. Словечкомъ „бе“ еврей можетъ во всякое время выкрутиться, когда поставленъ собесѣдникомъ въ затруднительное положеніе. Этимъ „бе“ плутъ и банкротъ отличивается, когда кредиторы пристають съ ножомъ къ горлу. «Бе» помогаетъ еврею въ нуждѣ, когда оказывается, что онъ, не дай Господи, совралъ. Этимъ «бе» можно отдѣлываться отъ всякого, кто долго морочить голову бессвязною рѣчью, изъ которой нельзя понять ни одного слова. Этимъ «бе» довольствуется почтенный еврей, когда изъ-подтишка подставитъ кому-нибудь ножку; аристократикъ, когда состроитъ неартичную штуку; наивный человекъ, безъ хитростей, когда оказывается вдругъ, что онъ дѣйствуетъ замисловатого и не безъ предвзятой цѣли. Словомъ, это „бе“ имѣетъ различные смыслы, допускаетъ различныя и странныя толкованія. Еврейская головушка всегда догадывается, куда метить этимъ словечкомъ, и понимаетъ настоящій его смыслъ и то, къ какому содержанію оно относится.

Последнее «бе» Алтера исполнено было сильной горечи. Въ немъ скривалось раскаяніе, сожалѣніе, самообвиненіе. Ему, должно быть, на сердцѣ тяжело лежало его обхожденіе съ первою женою и ея дѣтьми. Въ каждомъ несчастіи, которое его постигало, онъ долженъ былъ видѣть наказаніе Божіе за прегрѣшенія свои. Это подтвердилось также его тяжкимъ вздохомъ, при которомъ онъ нахнулъ рукою, пригладилъ немногую пейсу. Это означало: закуси губы и молчи — головой объ землю!»

Оказывается, что послѣ долгихъ разговоровъ съ Алтеромъ, Менделе ничего отъ него добиться не можетъ, и оба располагаются въ лѣсу, утомленные отъ полуденнаго зноя. День проходитъ въ бесѣдахъ обо всемъ, но въ

результатъ эти бесѣды ничего положительнаго не даютъ: пріятеля не премину оставятъ въ невѣденіи относительно всего того, что составило предметъ ихъ любопытства. Природу тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя проѣзжаютъ оба пріятеля, авторъ описываетъ такъ:

Небо блестящее синевой, оно ясно—ни облачка. Солнце грубитъ, жжетъ, бесшумно ни малѣйшаго вѣтерка, ни легкаго дуновенія. Хлѣбъ на поляхъ, деревья въ гѣсу стоятъ какъ-бы окованные, не слышно ни шороха. Скотъ на пастбищѣ лежитъ усталый и вытравувъ шею, по временамъ потряхиваетъ ушами. Одни животныя жуютъ жвачку, другія рвутъ землю своими рогами, бьютъ копытами и режутъ отъ сильной жары. Быкъ, задржавъ хвостъ, бѣжитъ галопомъ, мотая головой во всѣ стороны; вотъ, остановившись вдругъ и наклонивъ лобъ близко къ землѣ, онъ обнюхиваетъ ее, глубоко дышетъ ноздрями, выпускаетъ ревъ, сонитъ и дрыгаетъ ногами. Возлѣ старой, искривленной и полузасохшей вербы, треснувшей когда-то по самой срединѣ отъ молніи, стоятъ лошади, заложивъ одна на другую свои головы, чтобы образовать тѣнь, и отмахиваясь хвостами отъ кусающихся мухъ. Тамъ, на высотѣ, на вѣтвѣ, качается сорока; издали она кажется одѣтою въ бѣлый *талессъ*, испещренный спереди синеватыми полосками, и будто молится, переминаясь съ боку на бокъ. Она словно кладетъ земные поклоны головою, немножко подпрыгивая и подчасъ испуская легкое карканье, а потомъ [становится безмолвною, вытягиваетъ шею и словно вглядывается въ даль, въ пустое пространство полузакрытыми, сонными глазами. По всей дорогѣ совершенная тишина, нигдѣ не видно летающей птицы, только комары и разныя мушки, какъ чертеныа, кружатся въ воздухѣ, будто танцуютъ, пролетаютъ мимо ушей, жужжа и нашептывая секреты и потомъ опять уносятся куда-то. Лишь въ сѣнѣ и между хлѣбомъ трещать кузнечики и слышатся разныя звуки.

Вы видите передъ собою сельскую природу въ пышнѣйшемъ іюльскій день. Еврей, не знакомый ни съ какою литературою и ни съ какими описаніями природы, впервые, быть можетъ, услышитъ на родномъ языкѣ живое описаніе того, на что имъ не обращается ни малѣйшаго вниманія, но что, однако, по вѣрности изображенія, останется у него въ памяти и вызоветъ желаніе полюбить природу, пробудитъ въ немъ человѣческія, естественныя склонности. Еврей привыкъ смотрѣть на природу какъ на твореніе Божіе, подлежащее благословенію, но не какъ на источникъ радости и наслажденія жизнию. Въ другомъ мѣстѣ авторъ описываетъ природу, когда іюльскій день начинаетъ клониться къ закату, и въ природѣ начинается нѣкоторое оживленіе.

Между тѣмъ наступило время полу-вечерней молитвы. Слышится дуновеніе ароматнаго вѣтерка. На небѣ показываются мѣстами тучки, которыхъ давно уже ожидали, какъ дорогихъ гостей. Деревья начинаютъ медленно покачиваться, наклоняя другъ къ другу свои вершины и шепчутся о чемъ-то межъ собой

послѣ столь продолжительнаго безмолвія. Вѣтерокъ разбудилъ спавшіе дѣбба, и полесся, будто маленькія дѣти, просыпаются съ легкимъ шумомъ, пріятельски лобзая другъ друга. Божія тварь всюду зашевелилась—на долѣ, въ лѣсу и въ воздухѣ. Одна за другою появляются пѣвчія птички, на вѣткахъ, деревцахъ, внизу и сверху, и чистятъ себѣ перушки; то здѣсь, то тамъ птичка потреть крылья клювикомъ, или махнетъ крылышками, встряхнувшись; всюду раздаются пѣсни, щебетанье, чириканье. Бабочки, роскошно разраженныя въ аглазѣ и бархатѣ, исцещренныя разными узорами, порхаютъ въ воздухѣ, подымаясь и опускаясь, вертятся зигзагами, какъ-бы играючи. Два гвардейца-ахета стоятъ въ травѣ на длинныхъ, красныхъ ногахъ, задрвавъ головы кверху съ какою-то гордостью. Тамъ какая-то шалуныя птица балуета, перелетаетъ съ дерева на дерево съ крикомъ: „ку-ку, ку-ку“! какъ будто играя въ прятки. Ей изъ-за ивнениц и ржи вторитъ другая какая-то птичка: „пикъ-беръ-визъ, визъ-беръ-визъ“, какъ будто передразнивая ту словами: никогда ты меня тутъ не поймашь, хоть соли насыпъ мнѣ на хвостикъ, убирайся, дружокъ, подальше, подальше“. Тамъ не далеко, въ лѣсу, щебкаетъ соловей, заливаясь и сладко, сладко поетъ. Кто только въ состояніи открыть ротъ, акомпанируетъ этому всемірно-извѣстному пѣвцу. Даже лягушки гдѣ-то въ прудѣ саквакали, даже мухи и пчелы не думаютъ молчать; а жукъ продерзостный, (*дереу чиститъ, дереу чиститъ*) тоже жуужитъ. Это былъ концертъ, который можно было слушать и пойти по билетамъ. Весь міръ какъ будто ожилъ и принялъ веселый видъ. Просто удовольствіе все это видѣть, слышать и вдыхать въ себя этотъ сладкій ароматъ.

Въ это время друзья замѣтили, что нѣтъ лошадей, что они куда-то забрели. Начинаются поиски, сначала Алтеромъ, затѣмъ и Менделе, и оказывается, что лошади украдены были партией нищенствующей братіи. Алтеру удалось отбить ихъ у рыжаго молодца, коновода нищихъ бродягъ, не безъ нѣкоторой опасности для жизни. Наконецъ-то Менделе удалось увидѣть Алтера съ лошадыи и вдобавокъ со старымъ знакомымъ «Фишкой», котораго Алтеръ тоже успѣлъ спасти изъ какой-то развалившейся корчмы, гдѣ онъ оставленъ былъ связаннымъ по рукамъ и ногамъ тѣмъ же рыжымъ архиплутомъ и канальей.

Если читатель желаетъ познакомиться съ героемъ повѣсти, этия пи-томцемъ Глупской бани, откуда онъ, благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, попалъ въ женихи, а потомъ, по милости дорогой жены своей и въ шайку «конницы», то онъ можетъ сдѣлать это по слѣдующему отрывку.

Въ каменной банѣ города Глупска уже очень давно околачивается парень—Фишка хромой. Кто такой Фишка, откуда онъ?—это ни мнѣ, ни кому-либо друному въ голову не приходило. Чему тутъ дивиться? Крутится—вертится какое-то созданіе, какой-то Фишка, какъ всѣ прочія обездоленныя существа, на него похожія, которыя появляются у насъ, евреевъ, какъ-то внезапно, откуда ни г

какъ грибокъ, излизавшіе вдругъ уже совершенно готовыми. Хоть-бы замѣтно было, откуда они мало по малу пробивались, откуда идетъ или первоначальный слѣдъ. Гдѣ-то въ трущобахъ видѣть себя нищія, ожидающіе гдѣ-то въ тиши: кому какое дѣло! Усталый, не взглянуть-бы только, урожай вдругъ подростаетъ, милога вдругъ поднимается на ноги, и разомъ высказываютъ на свѣтъ Божій живоирещенціе, маленькіе жидки: разные Финкеле, Хайкеле, Хашмалъ, Юселе, — нагіе босые съ лабсердаками, всюду сплужь по улицамъ, домамъ и молитвеннымъ школамъ. Слѣшкомъ важною особою Финку нельзя называть. Она имѣетъ большую плоскую голову, широкій, большой ротъ, наполненный желтыми кривыми зубами жевать, не въ состояніи произносить буквы „р“ и сильно подхрапываетъ на одну ногу. Финка уже былъ въ возрастѣ. Что до него, то онъ уже давно могъ-бы жениться и ошаставить Глузскъ нѣсколькими ребятими. Но, благодаря его несчастливой звѣздѣ, о немъ совсѣмъ забыли, и подобно неудачной книжкѣ въ книжной торговлѣ, Финка превратился въ залежалый товаръ. О немъ забыли даже во эпоху набора въ холерные женки, т. е. тогда, когда Глузскій кагалъ въ время холернаго бѣдствія хваталъ обездоменныхъ калѣкъ, тунеядцевъ и прощальгъ и окрутилъ ихъ на кладбищѣ между могилами съ какими ни на есть дѣвучками, лишь бы остановить бѣдѣны. Въместо него, кагалъ въ первый разъ удостоилъ такой чести знаменитаго калѣву — Йомтеля, который подвигается задомъ, вооруженный двумя маленькими, деревянными скамеечками. Его спаровали съ бѣдною еврейкою, извѣстной всѣмъ своими лопатообразными зубами и по отсутствію нижней губы. Холера страшно испугалась ихъ свадьбы, и послѣ того какъ она съ испуга истребила въ Глузскѣ массу людей, она вдругъ опомнилась, и — давай Богъ ноги! Во второй разъ набрали Нухемцю-дурачка. Этотъ дурачекъ, въ присутствіи многихъ почтенныхъ евреевъ, на кладбищѣ, накинулъ платокъ на дѣву, голова которой, съ самаго дѣтства, была, съ позволенія сказать, погрита «коронаю», и е которой въ городѣ служъ мель, что она — гермафродитъ. Народъ, говорятъ, очень сильно веселился на этой свадьбѣ. Веселье было полное, и между могилами выпито было много водки, цѣлое море. Вотъ, говорили: прекрасно, пускай еврей плодятся себѣ на здоровье, пусть бѣдные калѣки тоже имѣють удовольствіе. Но, не въ этомъ дѣло. Словомъ, о Финкѣ забыли. На Глузскъ опять нашла холера, но это все-таки не помогло Финкѣ. Онъ остался холостымъ — какъ и прежде. Даже безносая тетушка, которая имѣетъ обыкновеніе поддиргивать носреди улицы въ сопровожденіи музыканта, безжадно пилекающаго на инструментѣ, похожемъ на свирьку, напѣвая при этомъ сильнымъ голосомъ, — безносая тетушка, собирающая при этомъ въ тарелочку милостыню для того, чтобы два мертвеца шли-бы танцевать, и калѣки, нищія, да бѣдныя дѣвочки не засиживались-бы, — даже эта добрая, милосердая тетушка также забыла про Финку и позволила ему гулять безъ жены. Конечно, вась забирать жалость, вѣдь Финка тоже страдающее живое существо, но что дѣлать, когда его звѣзда така! Финка всегда ходилъ босой, безъ куртки, и въ толстой съ заматами рубахѣ, съ длиннымъ, засаленнымъ нагрудникомъ и подитанниками въ толстаго холста со множествомъ складокъ. Работа его была — выкрикивать по улицамъ въ пятницу: „въ баню, еврей, въ баню!“, а въ среду: „въ баню, еврейки,

въ баню!" Лѣтомъ-же, когда появились овощи, онъ кричалъ по улицамъ: „свѣдъ евреечки, зеленый чеснокъ, евреечки!“ Въ банѣ онъ сторожилъ платье, подносилъ воду, съ искусствомъ выпускалъ грязное бѣлье въ рукавъ рубахи съ узломъ, задѣланнымъ во внутрь, подавалъ горячій уголь, перебрасывая его съ руки на руку, для закуриванія папирсы. За все это онъ иногда получалъ дѣй копейки, а иногда—и полтари. Но, благодаря этому, Фишка считалъ себя уже въ компаніи общественныхъ трутлей и имѣлъ право на нѣкоторыя вещи: ходить вмѣстѣ съ банникомъ по домамъ за получениемъ на водку въ Цуринъ и Хануку, вмѣстѣ съ компаніею являться на пирושку, на обрядъ обрѣзанія у завсегда-таеки-носѣтитаеки бани, и выпить чарку съ закуской изъ медоваго пряника, обходить въ Пасху дома съ торбочкою, собиравъ куски мацы. Я очень хорошо зналъ Фишку, любилъ часто вести съ нимъ бесѣду и всегда оставался имъ доволенъ. Онъ вовсе не былъ такимъ глупцомъ, какимъ казался. Когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ Глаускѣ и издали увидѣлъ Фишку, я чуть не подпрыгнулъ отъ радости и изумленія. Мой Фишка, вижу я, шлепаетъ своими хромыми ногами, одѣтый цеголемъ въ совершенно новый костюмъ, въ новыхъ чулкахъ и башмакахъ. На головѣ у него—большая плюшевая фуражка, а на груди его блестятъ совершенно новый съ иглочки нагрудникъ изъ крѣпко накрахмаленнаго ситца съ большими красными цвѣтами. Чтобъ это значило?—думаю я про себя. Неужели общество его такъ избрало въ холерные женихи? Но въ Глаускѣ въ этомъ году не было холеры. Не потому не было холеры, что, можетъ быть, очистили рѣку, срѣли горы зачумленнаго мусора и убрали дохлахъ кошекъ, а не потому, что домовладыкцы, вопреки старинному обычаю, рѣшили больше не высипать сора или выливать помой предъ самыми носомъ. Боже уласи! Какъ можно такъ думать о цѣлой еврейской общинѣ. Но почему же не было холеры? Это просто чудо Божіе! Евреи, положимъ, жаловались тогда на желудочное разстройство, недчасъ и отиравались на тотъ свѣтъ, но это было просто такъ—неожиданность. Приписывали это зеленымъ огурцамъ. Вѣдний народъ съ голоду набросился съ горячностью на молодую овощь, и... слава Богу, милостиво сошло. Но не въ этомъ дѣло. Въ то время какъ я размышлялъ обо всемъ этомъ Фишка исчезъ. Какъ разъ, не будь теперь сказано, я почувствовалъ тогда лому въ поясницѣ. Уже давно не пускалъ себѣ крови, не ставилъ банокъ, кромѣ лишь десяти пиявокъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Ну вотъ я рѣшилъ на завтра, не налагалъ, однако, на себя обѣта, отправиться заблаговременно въ баню, провести тамъ нѣсколько часовъ и все провдохать... не только ради одного Фишки, но и ради другихъ разныхъ важныхъ вещей: на счетъ политики, разныхъ новостей и всего прочаго, что происходитъ въ мирѣ и въ городѣ. Бана—единственное мѣсто для евреевъ, гдѣ можно что-нибудь провдохать, самому освободиться отъ всего, что тревожитъ тебя и по началу взаимности самому отъ другихъ чѣмъ-нибудь позаимствоваться; тамъ въ банѣ можно узнать очень много секретовъ, тамъ заключается очень много сдѣлокъ, и орудуется больше, чѣмъ на ярмаркѣ. Туда надо придти въ пятницу, чтобъ видѣть нѣчто по истинѣ чудесное: въ углу сидятъ цирюльники съ своими инструментами, кругомъ ихъ—множество евреевъ. Одинъ цирюльникъ брѣетъ головы, другой урокуетъ бритвой

плечи, подпатыльники, тому ставитъ банки, а съ другого на споре ихъ снимаетъ, и еврейская кровь ручьями лется по полу, подъ людей, смѣшиваясь съ литьсями отъ вѣшниковъ и сбритыми волосами. Зажженная свѣча цирюльника топится съ развернувшимся фитилемъ, сердито брызгаетъ пламенемъ какого-то страннаго цѣфта. На стѣнахъ, на потолкахъ, у печи, висятъ, какъ въ любомъ магазинѣ, разнаго рода платья: рубахи, чулки, разнокопирные лабсердаки, всѣхъ сортовъ подпатыльники, кафтаны, шпуртки, также круглые потиковые шапки. Съ верхней полки слезаются ужасные волосы. Часть лежащихъ тамъ евреевъ совершенно обезсиленна, охаетъ и вдыхаетъ, другая — вооружена вѣшниками и кричитъ: гвалтъ, ребята, гвалтъ, скальтеся, гвалтъ, гвалтъ — подавайте цару! Въ банѣ дѣлается холодно, все кричатъ, но ни одинъ не протянетъ руки, чтобы налить воды на камень. Вдругъ, однако, найдется шалуны и надблаетъ жаръ какъ въ аду, такъ что можно задохнуться. Два выпарившихся еврей дерутся изъ-за ряжки, выхватывая ее другъ у друга изъ рукъ и ругаясь крѣпкими словами. Сухопарный меламедъ, плетущійся здѣсь безъ дѣла, принимаетъ на себя роль примирителя и кончаетъ по совѣсти на томъ, что все вътроемъ начинаютъ совать засаленные платочки въ одну ряжку и мочиться вмѣстѣ. На самомъ верху, кучкой сидятъ аристократы, богачи, почтенные люди и бесѣдуютъ о дѣлахъ: о коробочномъ сборѣ, о современныхъ нахалахъ, о наборѣ, о выборахъ въ гласные, въ равнины, о томъ, о семъ и о новомъ полкціймейстерѣ. Къ нимъ комечкой подкрадывается самодовольный еврей и заводитъ рѣчь о талмудъ-торѣ, о новыхъ карахъ божіихъ и о господствующихъ въ городѣ грѣбахъ, и каждому въ отдельности онъ на ухо сообщаетъ секретъ. Вдругъ подбирается добрый молодецъ, который мѣтитъ въ гласные, и со льстивою улыбочкой предлагаетъ на верхній полкъ главнаго аристократа и авторитета немого попариться на славу съ его легкой руки. Самодовольный еврейчикъ, который также на что-то мѣтитъ и думаетъ обглодать косточку, попадаетъ на ту-же счастливую мысль: также льстиво нагибается и приглашаетъ аристократа на танецъ. Все воднивается на верхнюю скамейку, вѣшники размахиваютъ, — и дѣла сдѣланы. Благодаря аристократамъ, въ банѣ дѣлается порядочно жарко: малъ и великъ, младъ и старъ хватаются за инструменты, народъ кричитъ, айкаетъ, съ наслажденіемъ покрикиваетъ на разные лады, — и въ это-то время вашъ покорный слуга забирается на самый верхъ въ уголокъ, и тамъ въ одиночествѣ начинаетъ парить свои кости на чемъ свѣтъ стоитъ.

Какъ видите, школа, въ которой выросъ нашъ герой, совершенно особаго рода. Въ ней получаетъ воспитаніе не одинъ «Фишка». Въ ней создаются общественныя дѣла и цѣлыя политическія системы. Въ этой школѣ евреи раньше всѣхъ политическихъ газетъ узнаютъ всѣ новости, слѣдятъ за дѣятельностью Наполеоновъ, Бисмарковъ, Буланже — все подъ паромъ, на верхней лавкѣ Глухой бани. Но изъ этой школы суждено было выйти Фишкѣ до окончанія полнаго курса, о чемъ онъ впоследствии сожалѣлъ. Вышелъ онъ изъ школы по весьма странному случаю, который, однако

въ еврейскомъ быту, въ томъ словѣ общественности, къ которому принадлежатъ Фишка, встрѣчается нерѣдко, не составляя ничего аномальнаго, выходящаго протестъ. Въ сравненіи съ случаями, выводящими такъ-называемыхъ «холерныхъ жениховъ», случай съ Фишкой, представляется далеко не выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго. Послушайте сами!

Вы вѣдь знаете слѣпую сироту, ту слѣпую сироту, что уже очень давно сидитъ возлѣ мертвой синагоги, у стараго кладбища. Она тамъ проситъ милостыню извѣстной пѣсенкой, которую одинъ изъ молодыхъ для нея сочинилъ. Эта вотъ слѣпая сирота въ этомъ году осталась вдовою. Она торопилась вновь просватать себя за какого-то носильщика, обладалась его обмундировать какъ слѣдуетъ, дать ему все нужное и къ тому еще—немного денегъ. Сегодня должно было быть вѣнчанье. Заготовили очень порядочную вечеринку: водки, бѣлаго хлѣба, рыбы и жаркого, «золотой супъ» съ курицей, какъ водится у евреевъ,— все это стоить денегъ. Когда все уже было готово, невѣста разодѣта, убрана какъ слѣдуетъ, свѣтитъ и сияетъ, какъ истая дщерь Израиля, отправилась къ жениху взять его подъ балдахинъ. Но бравный молодецъ, слушайте-ка, не оказался вовсе дома. Ждутъ часъ—нѣту, ждутъ другой—не приходитъ, какъ будто и слѣдъ простылъ. Что-же въ концѣ оказывается? Парень, лопни онъ совсѣмъ, вдругъ раскался. Что такое? Его бабушка, что уже такъ давно состоитъ кухаркою у нашего богача, дай Богъ ему здоровья, плачетъ, шумитъ и кричитъ, что невѣста не по ней. Она для нея—безчестье. Въ самомъ дѣлѣ, она уже такъ долго служить у здѣшняго богача, успѣла за это время перезнакомиться со многими зажиточными горожанами, которые пробираются къ богачу задними дверьми, чрезъ кухню, она можетъ состряпать прекрасный кувалъ, какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ традиціи, ея пирожки съ вареньемъ безводобны, нѣтъ нѣтъ равнаго. Шутка-ли это быть кухаркою въ семействѣ богача. Она имѣетъ первый голосъ въ мясной, синогалынный служба лично, свою честь, приноситъ ей въ кухню райское яблоко для благословенія, субъ-канторъ самолично читаетъ ей на кухнѣ пурійскій свитокъ, а тѣща-Рыля въ новый годъ пьетъ у нея стаканчикъ цукорія до чтенія Торы въ синагогѣ. Къ чему-же, послѣ всего этого, внуку ея заставить ее краснѣть на старости лѣтъ и разстроить ей весь аристократизмъ? Нѣтъ, хоть разрѣжьте его, кричи, сколько душъ угодно, не помогаетъ. Онъ не хочетъ *этой* невѣсты. Назовите меня какъ хотите, судите гдѣ хотите. Мы всѣ остались въ дуракахъ. Но никому изъ насъ не такъ жаль жениха, какъ вечеринки. Что дѣлать съ вечеринкой, съ такою рыбой и жаренымъ? Мы, дѣльцы, дѣльцы день набѣгались, накапались, наработались, намъ еще слѣдуетъ за святость. Ей Богу грѣхъ потерять такъ много времени, такъ много труда. Мы думали, думали, рассуждали, рассуждали, — и намъ впалъ въ голову Фишка. Пусть онъ, въ самомъ дѣлѣ, выведетъ насъ изъ затрудненія. Пусть Фишка сдѣлается женихомъ; ну, что такое, что это ему можетъ мѣшать? Мы пришли такіе затѣмъ, чтобы взять его тотчасъ-же подъ балдахинъ вмѣсто носильщика.

Но прежде, чѣмъ Фишка началъ посвящать Алтера и Менделе въ

тайны вѣшеходной и вѣстной команды нищихъ, Менделе, при розысканіи Алтера и лошадей, забрелъ на корчму, которую онъ мастерски описываетъ. Въ ея отъ останавливается на подробностяхъ, которыми характеризуютъ наблюдательный талантъ автора.

Площадка предъ корчмой была запружена возами. Одни изъ нихъ пустыя, на нихъ только немного соломы, а другіе наполнены вещами и разномъ утварью, купленными и непроданными предметами. На одной повозкѣ въ мѣшкѣ лежитъ свинья, высунувъ чрезъ дыру свою милую мордочку, вьзжеть, и въ годовѣ начинаетъ шумѣть отъ ея рѣзко-прованительнаго крика. Позади одного воза, наполненнаго лаптями, новыми глиняными горшками, привязана корова съ красными пятнами и однимъ рогомъ. Она рвется изъ всѣхъ силъ, чтобы высвободиться и поспѣшить въ своимъ старымъ подругамъ въ сарай съ пріятною вѣстью, что еще отъ нея не избавились и что, слава Апису, вновь встрѣтились живыми и здоровыми. Пара сѣрыхъ, ширококостныхъ, весьма почтеннаго вида, воловъ стоитъ въ ярмахъ, очень серьезно работая ртами, жуя жвачку съ большимъ аппетитомъ, не прерывая ея ни на минуту, какъ будто въ самомъ дѣлѣ заняты серьезнымъ дѣломъ и своими воловьими мозгами собираются сдѣлать важное открытіе. Коза корчмаря между тѣмъ забралась на возъ, то крадучись всунуть голову въ мѣшечекъ, то наскоро вытаскиваетъ оттуда морду съ полнымъ ртомъ, фыркаетъ, машетъ хвостикомъ, жуетъ, трещитъ скулами, отряхиваетъ въ попыткахъ бородку, оглядываясь во всѣ стороны. Старый, исхудалый деревенскій несь, по старости лѣтъ живущій безъ должности, подхрамываетъ на одной ногѣ, а на хвостѣ у него болтается колтунъ. Вотъ онъ подкрадывается близко къ возу, почтительно оглядывается, затѣмъ приближается на нѣсколько шаговъ, обнюхиваетъ, выслѣживаетъ носомъ, достаетъ какую-то сухую обгложенную кость, убѣгаетъ съ этой находкой немного подалше, растягивается во всю длину и начинаетъ гринать эту кость, держа при этомъ голову въ сторону на переднихъ лапахъ. Тамъ, у другого воза лошадка, которой надоло стоять долго на одномъ мѣстѣ, ничего не дѣлать и только дремать, размахивать мордой и встряхивать ушами, вдругъ рѣшается сдѣлать визитъ парѣ впряженныхъ бычковъ, которые всласть обрабатываютъ мѣшечекъ калосы, и быть у нихъ гостемъ къ ужину. Но, когда она потѣнулася, ось ея воза зацѣпила колесо другого воза и чуть его не опрокинула. Та лошадь, выпрыгнувъ изъ оглоблей, вступила другой на ногу, а эта, заржавъ, поднялась на дыбы. Коза испугалась, и — прыгъ долой съ воза прямо на хвостъ деревенскаго неса. Испугавшись, несь на трехъ ногахъ улетѣиваетъ, завлаживъ самой высокой ногой своей гаммы.

Это одна изъ тѣхъ корчмъ, которыхъ было такъ много въ чертѣ осѣдлости евреевъ. Я знаю ее по описанію: какъ будто самъ видѣлъ и козу, взобравшуюся на возъ, и собаку, живущую на общественный счетъ, и мечтательную корову, и суматоху, поднявшуюся отъ неловкаго шага жуицкой лошаденки.

Но внутренность корчмы и все, что въ ней происходитъ, не менѣе

привлекательна: начиная от сильной свѣчки и кончая самой „арендаторшей“, бой-бабой, держащей мужа въ ошевыхъ рукавицахъ и ведущей корчонную бухгалтерію съ дажею нескрываемымъ расчетомъ. Кто былъ когда-нибудь въ такой корчмѣ, когда мужики возвращаются съ базарнаго дня и на весельѣ пропиваютъ половину своихъ барышей, тотъ узнаетъ ее по слѣдующему описанію.

Съ большимъ трудомъ я пробираюсь между возами, хорошенько приглядывался, вѣтъ-ли того, чего я ищу, и направляюсь ко входу въ корчму. Все то, что происходитъ внутри корчмы, я начинаю чувствовать постепенно, не вдругъ. Первый почетъ достался моему носу. При входѣ, у самого порога меня тотчасъ обдалъ рѣзко-горьковатый и вонючій запахъ сивухи, махорки и человѣческаго пота. Послѣ того, какъ носъ, удостоившись такой великой чести, на здоровье громко чихнулъ, настала очередь для ушей. Крикъ, шумъ отъ смѣшанныхъ въ одно голосовъ—тонкихъ, грубыхъ и хриплыхъ наполняютъ уши грохотомъ, отъ котораго можно оглохнуть. Послѣ носа и ушей, получившихъ такое угощеніе, начали работать глаза. Послѣ долгаго блужданія въ темнотѣ между толпою людей, сплюснутыхъ въ одно, не имѣя никакого представленія о чемъ-бы то ни было, глаза увидѣли издали на большомъ деревянномъ столѣ салъную свѣчку въ глиняномъ подсвѣчникѣ. Она горѣла красно-рѣзущимъ пламенемъ, окруженнымъ радужными кругами не то желтовато-зеленаго, не то синевато-сѣраго цвѣта, пронеседшаго отъ танувшихся по комнатамъ столбовъ дыма и горячаго пара. Лишь затѣмъ мало по малу начинаютъ выплывать изъ темноватаго тумана носы, бороды, бородки, чубы, цѣлыя лица и фигуры мужчинъ и женщинъ. Начи-наешь различать группы людей. Одни держатся на ногахъ, послѣ четвертой или пятой чарки. Въ сторонѣ обнимаются двое пльичужекъ, ругательски ругая другъ друга, какъ видно, съ самыми лучшими намѣреніями. Возлѣ нихъ стоитъ баба, босая, въ короткой юбкѣ съ вышитою рубахою, широко вырѣзанной, и самодовольно ударяетъ то одного, то другаго по плечу, приговаривая: „довольно, домой, домой!“ — а пьяная парочка еще больше таетъ отъ любви, обнимаются по крѣпче и надаютъ. Другіе сидятъ на длинныхъ лавкахъ за полуштофами и закусками. Два мужика пьютъ другъ другу, на „здоровье“!, и оба мертвецки пьяны. Одинъ, какъ видно, чрезвычайный любитель сивухи, завсегдатай корчмы, прокуривая трубочку, издали пріагтствуетъ другихъ, то эту пару, то одного, то другаго, отвѣщая на всѣ стороны свое „на здоровье!“ хотя никто не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія. Подъ самой конецъ выступаетъ фигура еврейки, молодцоватой, яркой съ поблекшими подхѣльными волосами, съ чѣмъ-то въ родѣ пятака на головѣ. Это—жена шиньера своѣю собственною персоною красуется вокалѣ бочекъ, флажекъ, рюмокъ, стаканчиковъ, связокъ калачей, варенныхъ яицъ, сухой рыбы и кусковъ окаменѣлой печени. Ни на секунду не закрывается ея ротъ, руки ея также не имѣютъ отдыха: она разговариваетъ съ каждымъ въ отдѣльности, она раздаетъ во всѣ стороны, принимаетъ наличными деньгами или залогомъ, или мѣломъ пишетъ на одного и другаго все счета разными черточками и кружками.

И вотъ, познакомились съ арендаторшею Ханомъ, которая достигалась до родства съ Менделемъ, и розискалъ лошадей, Менделемъ и Алтарь успѣли выѣхать съ Фишкой на одной изъ своихъ кибитокъ, и Фишка началъ свой рассказъ о пребываніи въ «конницѣ».

Дѣло въ томъ, что женой Фишки, слѣпой сиротѣ, вѣчно сидѣвшей у кладбища возлѣ мертвой синагоги, надоѣла жизнь въ г. Глуцкѣ; и ей захотѣлось испытать счастья на бѣломъ свѣтѣ и выѣхать съ нищенской сумой подальше, гдѣ живутъ болѣе добрые люди, чѣмъ Глуповцы. Сказано, сдѣлано! Фишку легко было уговорить. Онъ по душѣ былъ добрый человѣкъ, а жена его, даромъ что слѣпая, умѣла властвовать надъ нимъ и дѣлала это по праву, потому что она собственно содержала его на собранную милостыню. Они отправились въ путь, и хотя не такъ сладко жилось въ другихъ мѣстахъ, хотя Глуцкѣ оказался все-таки одинъ изъ болѣе благотворительныхъ городовъ, но уже стыдно было возвращаться на родину. Пробираясь по разнымъ городамъ по образу пѣшаго хожденія, Фишка съ женою натолкнулись на „конницу“.

Да не удивится читатель этому термину. Ему, можетъ быть, очень многое неизвѣстно изъ еврейскаго быта; но ему, вѣроятно и не случилось познакомиться съ самымъ низшимъ классомъ евреевъ—съ нищими. Но С. М. Абрамовичъ не побрезгалъ и этою сферою и представилъ намъ въ своей повѣсти наглядную картину общественнаго строя нищихъ, который слагается также по извѣстнымъ законамъ. Эти законы—религіозное настроеніе общества, среди котораго они живутъ, развитое въ немъ милосердіе, созданные центры для пріюта, общность положенія и многіе другіе. Вопросъ о нищенствѣ занимаетъ очень многихъ государственныхъ дѣятелей, искорененіе его благоразумными мѣрами составляетъ почтенную задачу экономистовъ. Не мудрено, поэтому, что беллетристы съ душою берутся также за это дѣло и, нарисовавъ вѣрную картину нищенскаго быта и совокупность всѣхъ условій, съ нимъ соединенныхъ, въ свою очередь помогаютъ рѣшенію вопроса. Еще болѣе цѣннымъ должно считаться беллетристическое произведеніе, когда оно даетъ правдивую картину рисуемаго быта, изображая его не въ одностороннемъ видѣ, а согласно съ природою человѣка. Предъ вами рисуется все зло, соединенное съ нищенствомъ, вѣчное бредяжничество людей, снабженныхъ достаточною физическою силою, способною къ труду; вамъ изображаютъ типъ «рыжого», отъявленнаго плута и мошенника, чревоушателя, вызывающаго подражаніемъ крику ребенка, роль которую играетъ завернутая кукла, сожалѣніе и податки, человѣка, вырос-

шаго въ «конницѣ» и способнаго на всякія жестокости и даже на убійство. Но рядомъ съ нимъ выступаютъ и болѣе свѣтлыя стороны бѣдняковъ, обращающихся къ труду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представляется къ тому случай и гдѣ общество принимаетъ кѣры къ предупреденію развитія зла. Изъ сферы нищенства, погрязшаго въ общественной пропасти, откуда, кажется, не предвидится никакого спасенія, предъ вами встають типы, въ которыхъ не только не заглохло все человѣческое, но въ которыхъ живетъ еще доброе сердце, чувство справедливости и сожалѣнія къ себѣ подобному. Формы, въ которыя выливается нищенство въ томъ или другомъ обществѣ, составляютъ вѣстѣ съ тѣмъ вѣрное мѣрило его добродѣтелей и пороковъ: его наклонностей къ ограниченію зла, вытекающихъ изъ истиннаго человѣколюбія, исторически выработанныхъ привычекъ препятствовать нищенству принять грозные размѣры: или же его равнодушіе къ судьбѣ ближняго, недостатокъ въ немъ общности интересовъ, съ успѣхомъ замѣняющей иногда человѣколюбіе. Фишка и «горбачевская» — это, правда, нищія, но люди, въ которыхъ бьются человѣческія сердца, способныя на самоотверженіе. Благородство души тѣмъ ярче выступаетъ, тѣмъ менѣе условія жизни представляютъ благодарную почву для благородства. Благородный поступокъ какого-нибудь Фишки или горбачевской гораздо выше поступка джентельмена, дѣлающаго доброе дѣло изъ вѣжливости или изъ необходимости соблюдать условія приличія.

Изъ всѣхъ категорій нищихъ, «конница» самая грубая, самая нахальная. Она больше всѣхъ другихъ ищетъ приключеній, и, какъ выросшая въ стѣни, въ странствующихъ кибиткахъ, она отличается также и болѣею дикостью и необузданностью нрава. Авторъ приводитъ слѣдующія группы нищенствующей братіи.

Изъ его словъ я понялъ, что бѣдняки у насъ дѣлятся на слѣдующіе классы: 1) *плаходоов* и *котичу*. Последніе раздѣляются по міру въ «будакъ». 2) нищія, *горбачамъ*, родившіеся въ какомъ-либо городѣ обыкновенно гдѣ-нибудь на Литѣ и нищія *полесы*, которые рождаются просто въ полѣ, гдѣ-нибудь въ будѣ, и прародители которыхъ искони считаются по міру. Эти нищія — еврейскіе кыганы, восточно кочующіе съ одного конца міра въ другой; они рождаются, вырастаютъ, женятся, плодятся и умираютъ все въ дорогѣ, они — свободные люди, не подчинены никакимъ условіямъ: налогамъ, жоробочнымъ сборамъ и т. под., свободны отъ молитвы и отъ всего іудейскаго, нѣтъ у нихъ главы. Между нищими-горожанами слѣдующіе классы: 1) *просто нищія* — еврей, еврейка, дѣвочки и парни, которые ходятъ съ торбами по домамъ каждое новолуніе, равно и въ будни, получая гроши и куски хлѣба. Большая часть ихъ — дѣвочки и мальчуганы тащатся за всякимъ по улицамъ, рвутъ за полы, пока не выкупились ни-

лостыню. 2) *Ницие* — *синагогальная челядь*, въ каждой молитвенной школѣ, что захлебываются Мишной и говорятъ „Кадитъ“ надъ трупомъ, на кладбищѣ или къ поминкамъ. Къ нимъ можно присоединить трубашихъ „ашоферъ“, *мезузе-корректоровъ* со всею свитою имъ подобныхъ. 3) *Ницие-заповѣдники и законоводы*, какъ напр. аскеты, бросающіе жезъ и дѣтей на произволъ судьбы, зарываются въ школѣ, гдѣ-нибудь вчулъ и изучаютъ „Дидо“¹, на общественный счетъ; *бурсаки шиботники*, которые ѣдутъ по дежурству; евреи съ платками въ рукахъ, радѣтели, не дай Господи, что соберутъ милостыни яко-бы для добраго дѣла. 4) *Тайные ницие* — болѣе или менѣе приличные, но падшіе люди, принимающіе подачки втайнѣ. 5) *Полу-ницие*, какъ напр. учителя талмудъ-торн во многихъ городахъ, полуучители, полунцие, равно и синогагалыице служки, заковоголователи, раввины. Каждый изъ нихъ на половину то, чѣмъ онъ есть, а на половину то, чѣмъ бываютъ всѣ другіе евреи съ торбами въ рукахъ. 6) *Праздничные ницие* — такіе, которые нищенствуютъ обыкновенно въ Шуримъ, когда евреи вообще храбрятся и съ великой радости пускаются цѣлыми компаніями подомашъ, а иногда позволяютъ себѣ то же по инерціи и послѣ праздниковъ и принимаютъ будто видѣ, что нищенствуютъ не для себя, а для другихъ. 7) *Ницие богопроцентныя заемщики*, что всю жизнь получаютъ милостыню подѣ видомъ безпроцентнаго займа, который они не сегодня-завтра возвратятъ съ благодарностью.

Какъ мы уже сказали, конница своеюравна и не подчиняется никакимъ порядкамъ мѣстности, въ которую заѣзжаетъ. Коноводъ, рыжій Файвишка всѣмъ подымаетъ на ноги, когда ватаживается на условія, противорѣчащія образу жизни конницы и ея стремленіямъ. Вотъ какъ Фиска передаетъ о бунтѣ конницы.

Въ томъ городѣ, куда мы прибыли стояла тогда *конница* — полковые ницие въ будахъ. Былъ бунтъ. Горожане современнаго направленія тамъ завели ковинку, чтобы ничего не давать попрошайкамъ за исключеніемъ стариковъ, больныхъ и злосчастныхъ калякъ. Здоровые парни, женщины и дѣвочки, могутъ-де пойти на службу, на работу и собственнымъ трудомъ себя прокармливать. Еврейское безразсудное милосердіе причиняетъ только большія бѣдствія. Именно, благодаря этому, утверждали они, у евреевъ много туземцевъ подобно язамъ, которые высасываютъ чужую кровь и морочатъ другія голову. Они у себя завели нѣчто въ родѣ фабрикъ, гдѣ съ честью предлагали здоровымъ бѣднякамъ, забродившимъ туда въ гости, работу: крутить веревки, шивать мѣшки и т. под., а за это снабжали ихъ пищею. Ницие стали рѣже туда показываться. Конница, которую мы тамъ нашли, была ужасно возбуждена противъ этого нововведенія, всѣ вспоминались гнѣвомъ. Гвалтъ! кричатъ они. Уже наступило свѣтопреставленіе. Гдѣ-же еврейское милосердіе? Коонецъ наступилъ иудейству! Одинъ между ними, красный какъ ралъ, будь онъ проклятъ, здоровенный наренъ, орудовалъ болше всѣхъ и кричалъ: Содомъ, Содомъ! Почему это богачи должны сидѣть скромно, какъ помѣшники, а другіе должны на нихъ работать. Ихъ добро развѣ не чужой

¹ Такъ называется одинъ изъ трактатовъ Талмуда.

трудъ, чужая кровь. Все они у себя „Философии“, оберегаютъ свою душеньку и все желаютъ, чтобы другіе на нихъ работали. Чѣмъ богаче толща, чѣмъ онъ здоровѣе, чѣмъ больше набилъ себѣ брюхо, тѣмъ больше онъ пользуется почетомъ, и щеголяетъ большею молодцоватостью. Нашъ-же братъ долженъ со своимъ здоровьемъ прятаться, какъ воръ. Каждый кричитъ, вишь ты, отчего такой здоровый не хочетъ работать. Было-бы, ей Богу, пора переменить роли. Пускай богачи попробуютъ немного работать. Что такое, у нихъ сила нѣту, что-ли? — Правда, правда, Файвишка, мы тоже сыны Ираиля, такіе нѣжные какъ и они, начинаютъ всѣ кричать и соглашаться съ красивымъ байструкомъ и мало по малу расходятся изъ гекдеша.

Финка нигдѣ несчастіе познакомиться съ представителями конницы. Такъ какъ главное ея стремленіе заключается въ томъ, чтобы завербовать въ свою кампанію какъ можно больше дѣйствительныхъ калѣвъ, при помощи которыхъ можно разжалобить добродетельныхъ людей, то такая пара, какъ Финка и жена его, была совершенно подѣ стать конницѣ. Одинъ хромъ, а другая слѣпа,—это чистый кладъ для дѣлъ конницы. И вотъ рыжій Файвишка начинаетъ строить куры слѣпой женѣ Финки, зная, что отъ нея будетъ зависѣть рѣшеніе вопроса о томъ, пристать къ конницѣ, или нѣтъ. Послѣ нѣкоторыхъ, далеко незамысловатыхъ и незабѣчивыхъ приемовъ рыжему удается перетянуть на свою сторону слѣпую. Она убѣждаетъ мужа въ выгодности сдѣлки пристать къ конницѣ,—и дѣло сдѣлано. Тутъ-то и начинаются горькіе дни въ жизни Финки. Рыжій съ явнымъ цинизмомъ овладѣваетъ душою слѣпой, заставляетъ Финку въ разныхъ городахъ угрозами и физическимъ насилиемъ вымаливать милостыню для конницы, угнетаетъ его разными дозволенными и недозволенными способами и превращаетъ его въ мишень для своихъ грубыхъ выходокъ. Финка нестерпимо страдаетъ, и ему нѣтъ никакого выхода: онъ понимаетъ, что онъ сталъ орудіемъ конницы, которая еле-еле поддерживаетъ въ немъ физическое существованіе для того, чтобы извлекать выгоду изъ его колѣчества; но ничего дѣлать не можетъ. Вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ еще одна душа — горбатенькая дѣвушка, брошенная на произволъ судьбы родителями и очутившаяся въ конницѣ, для которой похитилъ ее тотъ-же Файвишка. Она подвергается тѣмъ-же преслѣдованіямъ, тѣмъ-же угнетеніямъ. Она еще болѣе беспомощна, чѣмъ Финка. Это общее несчастіе сближаетъ Финку съ одной «горбатенькою», они начинаютъ чувствовать другъ къ другу симпатію, которая переходитъ въ совершенно непонятное для нихъ чувство. Оба горюютъ, и имъ какъ-то очень пріятно просиживать долгое время и передавать другъ другу о своихъ страданіяхъ. Каждая новая бесѣда все болѣе

и болѣе итъ сближаться, и это становится болѣе и болѣе очевиднымъ для посторонняго глаза. Первый, конечно, поддѣлываетъ это рыжій, который пользуется этимъ сближеніемъ для того, чтобы внушить слѣпой презрѣніе къ мужу. Она уже и безъ того стала къ нему равнодушна, но сближеніе его съ горбатенькою служило слѣпой матеріаломъ для преслѣдованія мужа и оправданія себя въ собственныхъ глазахъ по поводу отношеній своихъ къ рыжему. Эти явныя нападки на Фишку со стороны слѣпой и усиленныя преслѣдованія горбатенькой со стороны рыжаго еще больше связываютъ узы угнетенныхъ, и они начинаютъ подумывать о бѣгствѣ. Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ этому эпизоду, остановимся на томъ, какъ Фишка анализируетъ свое чувство къ горбатенькой и какъ Менделе характеризуетъ любовь въ приѣженіи къ различнымъ общественнымъ классамъ.

И. Моргулисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

ЛИКВИДАЦІЯ ЛИТЕРАТУРНОЇ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТІ ПРОШЛАГО ГОДА.

---

1) *Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завета.*—Сочиненіе А. П. Допухина. — С.-Петербургъ, изданіе И. А. Тузова, 1888 (стр. VIII + 431 in 8°).

По многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, русская богословская литература очень бѣдна сочиненіями по библейской исторіи. Особенно поражаетъ въ ней отсутствіе какихъ-бы то ни было научныхъ и критическихъ изслѣдованій по исторіи древнихъ евреевъ. По этой части у насъ не нѣтается не только никакихъ оригинальныхъ сочиненій, но даже переводовъ такихъ замѣчательныхъ трудовъ, какъ «Исторія Израиля» (7 томовъ) Эвальда и многочисленныя изслѣдованія Де-Ветте, Кюнена, Графа, Рейсса и др. Въ то время какъ многіе изъ русскихъ образованныхъ людей знакомы съ греческою и римскою исторіей по обширнымъ трудамъ Курціуса, Мейзена, Гердберга или Вебера, библейская исторія, повѣствующая о судьбахъ народа, игравшаго въ древнемъ мірѣ не менѣе важную роль, чѣмъ греки и римляне, извѣстна имъ только по тощимъ учебникамъ разныхъ отцовъ Рудаковыхъ и Базаровыхъ, вызубренныхъ ими на школьной скамьѣ. У насъ, повидному, и не подозреваютъ, что на Западѣ, вотъ уже слишкомъ сто лѣтъ, существуетъ и развивается обширная библейско-историческая литература, нѣющая своихъ блестящихъ представителей и свои классическія произведенія. Причина такого печальнаго невѣдѣнія кроется, главнымъ образомъ, въ извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ у насъ возможны только строго-догматическія описанія библейскихъ временъ, т. е. такія, которыя заключаютъ въ себѣ только точный пересказъ преданій, нѣющихся въ Св. Писаніи, безъ всякой критики этихъ преданій на основаніи научныхъ данныхъ...

При такихъ условіяхъ, всякая попытка внести хоть элементарныя начала научности въ русскіе труды по библейской исторіи должна быть привѣтствуема, какъ нѣчто на нашей почвѣ новое, намекающее на возможность въ будущемъ много историческаго направленія, кромя традиціоннаго, рутиннаго.

Эти соображенія заставляютъ насъ привѣтствовать и новое «Руководство къ библейской исторіи» г. Лопухина, отличающееся отъ прочихъ однородныхъ сочиненій не только большею подробностью изложенія, но отчасти также болѣе научнымъ духомъ, поскольку послѣдній совмѣстилъ съ церковною догматикою. Г. Лопухинъ уже въ предисловіи заявляетъ, что цѣль его—«дать связный и живой курсъ библейской исторіи съ привнесеніемъ въ него главнѣйшихъ чертъ изъ неисчерпаемаго богатства новѣйшихъ библейско-историческихъ изслѣдованій» (стр. IV). Конечно, авторъ, какъ богословъ и духовное лице, расвелоченъ только къ тѣмъ научнымъ даннымъ, которыя не противорѣчатъ библейскимъ сказаніямъ; онъ пользуется не выводами рационалистической критики, а новѣйшими открытіями ориентологій, которыя, по его мнѣнію, «проливаютъ новый свѣтъ на библейскую исторію и представляютъ почти чудесное (почему-жъ непременно «чудесное»?) подтвержденіе многихъ библейскихъ событій»; стало быть, его руководство нельзя признавать *столкну* научнымъ или критическимъ. Но для насъ отраденъ уже самый фактъ призыва науки на помощь догматикѣ, отрадно самое стремленіе—хотя и слабое—считаться съ выводами науки въ такой области, гдѣ изслѣдованіе приравнивалось чуть-ли не къ ереси.— и тѣмъ болѣе отрадно, что стремленіе это проявляется въ трудѣ почтеннаго русскаго богослова и (если не ошибаемся) преподавателя въ духовной академіи.

Обращаясь теперь къ самому содержанію книги г. Лопухина, мы должны признать, что она и лучше, и цѣлѣе всѣхъ доннынѣ явившихся учебныхъ «руководствъ къ Священной Исторіи». Автору дѣйствительно удалось составить дѣльное руководство, въ которомъ событія древнееврейской исторіи «отъ сотворенія міра до Рождества Христова» изложены въ живомъ и связномъ разказѣ, большею частью довольно подробно. Главное достоинство книги состоитъ въ томъ, что параллельно съ догматическимъ повѣствованіемъ въ ней идетъ прагматическое объясненіе событій. Кромя подробнаго изображенія характеровъ историческихъ дѣятелей (патріарховъ, Моисея, Давида и пр.), мы встрѣчаемъ въ книгѣ и довольно обстоятельныя общія обзоры народной жизни въ различныя эпохи. Въ концѣ каж-

даго періода авторъ помѣщаетъ особую главу о внутренней жизни, нравахъ и обычаяхъ израильскаго народа въ теченіе даннаго періода. Эти главы составляютъ интереснѣйшую часть книги. Изложеніе событій въ общемъ довольно подробное. Черезчуръ бѣгло изложено лишь послѣдній періодъ древнееврейской, (а ужъ не «библейской» въ тѣсномъ смыслѣ слова) исторіи, а именно событія отъ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна до царствованія Ирода. Такъ, наприимѣръ, вся макавеевская эпоха занимаетъ въ книгѣ меньше двухъ страницъ (382—383). Авторъ поступилъ-бы гораздо благоразумнѣе, если-бы этотъ періодъ описалъ подробнѣе и, наоборотъ, сократилъ-бы изложеніе въ первыхъ главахъ книги, относящееся къ доисторическому періоду и содержащее одинъ только голій пересказъ первыхъ главъ книги Бытія. Если авторъ этого не сдѣлалъ, то вѣроятно потому, что онъ примѣнялся къ программѣ учебныхъ заведеній, по которой легендарнымъ эпохамъ отдается иногда предпочтеніе передъ документальными; во всякомъ случаѣ объ этомъ нельзя не пожалѣть. Въ концѣ книги помѣщены многія «приложенія», заключающія въ себѣ «дополнительныя замѣчанія по отдѣльнымъ вопросамъ библейской исторіи». Тутъ находите разсужденія о «дняхъ творенія», которые авторъ понимаетъ переносно въ смыслѣ «періодовъ творенія», о библейской хронологіи согласно, еврейскому и греческому лѣтосчисленіямъ, о потопѣ, о маннѣ небесной, сообразно новѣйшимъ изысканіямъ, о солнцестояніи при Иисусѣ Навинѣ etc. Тутъ же встрѣчаются и чисто практическія приложенія, какъ наприимѣръ, о библейскихъ времясчисленіяхъ, вѣсѣ, мѣрѣ и деньгахъ. Отдѣлъ «приложеній» заканчивается краткою синхронистическою таблицою важнѣйшихъ событій въ исторіи древняго міра отъ исхода израильянъ изъ Египта до начала христіанской эры.

Для оцѣнки разсматриваемаго труда надобно сказать, что тамъ, гдѣ авторъ пишетъ безъ заднихъ мыслей, нѣтъ въ виду одно только прагматическое разъясненіе предмета, тамъ его изложеніе серьезно и правдиво; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ усиливается ввести стороннюю тенденцію въ изложеніе и старается доказать то или другое церковное положеніе ссылками на св. Писаніе, онъ является просто богословомъ, но отнюдь не историкомъ, и выводы его нѣбютъ только условною цѣнностью. Въ такихъ случаяхъ авторъ подчасъ грѣшитъ даже противъ фактической истины. Такъ, въ доказательство того, что міръ созданъ Богомъ «изъ ничего» (ex nihilo), г. Допуинъ тривжды ссылается на тотъ фактъ, что въ исторіи первоначальнаго творенія всегда употребляется глаголъ *бара* (созво-

ривъ) который будто-бы означаетъ твореніе произвольное ex nihilo (стр. 2, 5, 6). Не знаемъ, откуда авторъ заимствовалъ послѣднее указаніе и чѣмъ онъ его можетъ подкрѣпить; намъ по крайней мѣрѣ извѣстно нѣчто прямо противоположное мнѣнію автора, а именно: великій еврейскій грамматикъ XII вѣка Авраамъ ибнъ Эзра, въ своемъ комментарий къ кн. Бытія доказываетъ фактически, что по грамматическому корню слово *бара* означаетъ не чистое творчество, а напротивъ *образование* изъ чего-то даннаго, причемъ Ибнъ Эзра ссылается на употребленіе того же слова въ стихѣ 18 главы XVII книги Исуса Навина. Впрочемъ и въ самомъ разсказѣ книги Бытія есть мѣсто, противорѣчащее утвержденію г. Лопухина (которое, кстати сказать, раздѣляютъ съ нимъ и всѣ правовѣрные еврейскіе богословы). Дѣло въ томъ, что о сотвореніи человѣка повѣствуется въ началѣ книги Бытія дважды: въ 26—27 стихахъ первой главы, гдѣ дѣйствительно употребляется глаголъ *бара*, и въ 7-мъ стихѣ второй главы, гдѣ говорится: «И образовалъ (wa-jizer) Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ ноздри его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душою живою». Если допустить съ г. Лопухинимъ, что слово *бара* означаетъ непремѣнно твореніе ex nihilo, то придется также допустить, что разсказы въ первой и второй главахъ Бытія противорѣчатъ другъ другу, что съ точки зрѣнія откровенія невозможно (такое допущеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если принять рационалистическую теорію о двоичномъ авторствѣ Библии, о іеговистѣ и элогистѣ и т. д.).

Еще болѣе страннымъ показалось намъ слѣдующее мѣсто въ 35-й главѣ книги, гдѣ авторъ даетъ характеристику царя Давида въ такихъ выраженіяхъ: «Въ лицѣ Давида религиозно-нравственный духъ избраннаго народа нашелъ всестороннее и высшее свое выраженіе, и т. д. (идеть описаніе качествъ Давида)... Какъ по своей жизни, такъ особенно по своему духу, Давидъ болѣе, чѣмъ кто-либо въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ истиннымъ прообразомъ Христа» (стр. 274). Оба эти положенія находятся въ явномъ противорѣчій съ фактами. Сказать, что въ лицѣ Давида религиозно-нравственный духъ Израиля нашелъ свое «всестороннее и высшее выраженіе», значить утверждать, что воинственный царь, рубившій людей какъ дрова, совершавшій, по свидѣтельству самого же св. Писанія, много насилій и притѣсненій, былъ и религиознѣе и нравственнѣе такихъ безукоризненныхъ образцовъ вѣры и нравственности, какими несомнѣнно были Самуиль, Ісаія, Іеремія и другіе пророки ветхозавѣтнаго времени, не считая уже Моисея, о комъ и Библия свидѣтельствуетъ, что ни до, ни по-

слѣ него не было равнаго ему человѣка. Слѣдовательно, въ первомъ своемъ положеніи г. Лопухинъ противорѣчитъ и фактамъ, и традиціи. Не болѣе основательно и второе утвержденіе автора, будто по своей жизни и духу Давидъ является прообразомъ Христа. Рѣшительно не знаемъ, что общаго нашель авторъ между воинственнымъ и истительнымъ царемъ, проведенниъ большую часть жизни въ битвахъ и мирскихъ страстяхъ, и кроткимъ проповѣдникомъ ученія любви и всепрощенія, какииъ, по Евангелію, является Христосъ. Авторъ, можетъ быть, думалъ, дѣлая свое сравненіе только о Давидѣ-псалмопѣвцѣ, но даже допуская ненаучное догматическое мнѣніе, что Давидъ написалъ всѣ псалмы, мы все-таки при оцѣнкѣ характера Давида должны придавать больше значенія событіямъ и дѣяніямъ его жизни, нежели его словамъ (да и самъ авторъ говоритъ: «*по жизни* онъ, Давидъ, былъ прообразомъ Христа»), а жизнь Давида рѣшительно ни въ какое сравненіе не идетъ съ описываемой въ Евангеліи земною жизнью Христа. Авторъ самъ долженъ сознаться, что въ данномъ случаѣ онъ пѣлъ съ чужого голоса и вслѣдствіе этого впалъ въ крайнее противорѣчіе съ библейскими фактами.

Можно еще замѣтить еѣсколько второстепенныхъ неточностей въ трудѣ г. Лопухана. Такъ, напримѣръ, непонятно почему авторъ относитъ (на стр. 165 — 66) законы обрѣзанія, посвященія первородныхъ, охраненія личной чистоты и раздѣленія животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ — къ числу законовъ *нравственныхъ*. Изъ этихъ законовъ первые два—религіозные, а послѣдніе—чисто гигиеническіе законы, ничего общаго съ нравственностью не имѣющіе. Мы также не можемъ согласиться съ авторомъ, будто Самсонъ былъ «великъ и силенъ вѣрою въ непреложность божественнаго обѣтованія о высшемъ назначеніи избраннаго народа» (стр. 219). Библия намъ этого прямо не говоритъ, а имѣющіеся факты выставляютъ Самсона скорѣе простымъ борцомъ-атлетомъ, чѣмъ релігиознымъ ратоборцемъ, проникнутымъ высокими идеями. Это еврейскій Геркулесъ, а не еврейскій Мильтіадъ. Неправильно также указаніе въ другомъ мѣстѣ (стр. 235), будто «желаніе имѣть царя (во время Самуила) вызвано было въ народѣ израильскомъ окончательнымъ признаніемъ своей неспособности къ самоуправленію по тѣмъ возвышеннымъ началамъ богоправленія, которыя изложены были въ законодательствѣ Моисеевомъ». Изъ духа библейскаго разсказа явствуетъ, что народъ требовалъ себѣ царя не столько ради осуществленія высшихъ идеаловъ, сколько изъ желанія «быть, какъ прочіе

народы и имѣть военачальника, который защищалъ-бы ихъ отъ окружающихъ враждебныхъ племенъ» (Ср. Самуила I, гл. 8).

Въ заключеніе нашей рецензіи мы должны сказать, что при всѣхъ указанныхъ нами неточностяхъ, трудъ г. Лопухина остается хорошимъ и дѣльнымъ вкладомъ въ нашу бѣдную богословскую литературу; во всякомъ случаѣ онъ стоитъ выше шаблонныхъ руководствъ къ библейской исторіи, въ которыхъ совершенно пренебрегаются и научная достовѣрность, и прагматизмъ изложенія.

2) *Г. Каблицъ (Г. Юзовъ): Основы народничества. Часть I. Второе, дополненное изданіе. С.-Петербургъ, 1888 (464 стр. in 12°).*

Народничество принадлежитъ въ настоящее время къ числу самыхъ модныхъ и вліятельныхъ въ Россіи воззрѣній. Конечно, есть ложное и есть истинное народничество, и ложныхъ народниковъ, у насъ вынече развелось такое множество, что изъ-за нихъ не видать маленькой кучки истинныхъ народниковъ, стоящихъ на почвѣ гуманизма и не запятанныхъ еще своего знамени проповѣдью нетерпимости и человѣконенавистничества, подобно лженародникамъ. Г. Каблицъ принадлежитъ, кажется, къ числу немногихъ истинныхъ народниковъ. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе мы вынесли изъ чтенія его книги «Основа народничества», первая часть которой во второмъ, дополненномъ изданіи лежитъ теперь передъ нами. Авторъ этой книги, въ качествѣ благороднаго рыцаря народничества, вооружается въ самые тяжелые доспѣхи философіи, психологіи и этики для защиты своего принципа отъ нападковъ супостатовъ, въ образѣ космополитической части нашей интелгенціи. Вся первая половина книги занята общими философскими и научными разсужденіями, большею частью неизъясними никакого почти отношенія къ практическому принципу народничества, но тѣмъ не менѣе интересными сами по себѣ. «Личность и законы исторій», «Личность и общественныя формы», «Умъ и чувство, какъ факторы общественнаго прогресса», «Основы нравственности и цѣнность жизни», «Абсолютная этика», «Свобода воли и виѣняемость», «преступленіе и наказаніе» — вотъ рядъ главъ, черезъ которыя авторъ проводитъ читателя, прежде чѣмъ добратся съ нимъ до самой сути книги — до принципа націонализма и вытекающихъ изъ него для современной русской жизни практическихъ послѣдствій. Для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно интересна именно эта суть книги, и о ней мы скажемъ нѣсколько

словъ, не входя въ подробности, неумѣстны въ краткой библиографической замѣткѣ.

Въ главѣ «Национализмъ, его приверженцы и враги» г. Каблиць слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ понятіе «истиннаго націонализма». «Основное положеніе націонализма заключается въ томъ, что всякая народность имѣетъ свои особенности и національныя черты, а потому ея жизнь и развитіе могутъ идти самобытнымъ путемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ націонализмъ утверждаетъ, что всякая народность имѣетъ право на существованіе и развитіе». Авторъ нападаетъ на «нашихъ ретроградовъ», старающихся подмѣнить принципъ націонализма, признающій равенство націй, своимъ ретрограднымъ пониманіемъ его, при которомъ оказывается, что наша національность имѣетъ право и чуть-ли не обязана относиться къ другимъ самымъ хищническимъ образомъ. Такое пониманіе націонализма—прибавляетъ авторъ—ковечно «нелѣпо и узко». (Стр. 265—266). Онъ особенно настаиваетъ на томъ, что въ отношеніи между націями такъ же необходимо вносить альтруистическія начала, какъ и въ отношеніи между личностями (стр. 268). Въ концѣ главы онъ рѣшительно заявляетъ, что «истинный націонализмъ ни можетъ служить къ разъединенію народовъ» и въ существѣ своемъ есть «прогрессивное явленіе нашей современной жизни» (стр. 274—277). Читая такія благообразныя, хотя и въ сущности не новыя разсужденія, всякій благомыслящій человекъ не можетъ, конечно, не согласиться съ ними. И въ самомъ дѣлѣ, націонализмъ, находящійся въ братскомъ согласіи съ гуманностью съ альтруизмомъ, въ международныхъ сношеніяхъ и съ прогрессомъ,—чего ужъ, кажется, лучше? Такъ можно думать, пока стоишь на почвѣ теоретическихъ разсужденій, но какъ только доходишь до примѣненія принципа «истиннаго націонализма» къ разнымъ случаямъ практической жизни, замѣчаешь, что далеко не все такъ гладко и просто въ немъ, какъ думалось сначала. Есть одна весьма важная область социальныхъ отношеній, которая обыкновенно служитъ камнемъ преткновенія даже для «истинныхъ» націоналистовъ — и эту-то область благообразно обошелъ г. Каблиць въ своемъ трудѣ.

Мы говоримъ объ *отношеніяхъ между различными народностями одного и того же государства.*

Г. Каблиць увѣряетъ, что истинный націонализмъ никогда не способствуетъ къ разъединенію народовъ и потому не можетъ разъединить Россію съ Европою. Допустимъ, что это такъ, хотя и на самомъ дѣлѣ практика современной политической жизни вовсе не подтверждаетъ этого

положенія. Но спрашивается: какъ поступаетъ націонализмъ или народничество не въ отношеніяхъ между разными государствами, а въ отношеніяхъ между разными народностями одного и того же государства? Чѣмъ проявляется себя народническій принципъ не во внѣшней, а во внутренней политикѣ? Г. Каблицъ ничего не отвѣчаетъ на этотъ щекотливый вопросъ, а между тѣмъ онъ-то важнѣе всего. Факты дѣйствительной жизни даютъ на него отвѣтъ, далеко не благоприятный народничеству. Они говорятъ намъ, что въ государствѣ, состоящемъ изъ различныхъ націй, примѣненіе принципа народничества всегда благоприятно лишь господствующей націи и въ высшей степени губительно и тяжело для націй второстепенныхъ; что этотъ принципъ обыкновенно приводитъ къ негуманному дѣленію людей, гражданъ одного государства, на коренныхъ и некоренныхъ, и прямо дѣйствуетъ особое покровительство первымъ и угнѣсненіе послѣднихъ. Нужно ли далеко ходить за фактами? Ихъ можно съ изобиліемъ найти вездѣ, если постранствовать по Австро-Венгріи и другимъ европейскимъ странамъ, состоящимъ изъ разныхъ націй; но намъ нѣтъ надобности отлучаться изъ дому, ибо тутъ же, въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, мы легко можемъ найти разительныя доказательства въ пользу нашего мнѣнія. Возьмемъ еврейскій вопросъ—несомнѣнно, самый вопіющій изъ всѣхъ вопросовъ нашей внутренней политики. Кто кричитъ объ ограниченіи правъ и безъ того почти безправныхъ евреевъ, если не народники или люди, считающіе себя таковыми? Во имя чего поднято въ печати и въ жизни жестокое гоненіе на четырехъ милліоновъ обездоленныхъ людей, если не во имя національнаго принципа, во имя жестокаго дѣленія равныхъ людей на коренныхъ и не коренныхъ, на сыновъ и пасынковъ отечества, на покровительствуемыхъ и отверженныхъ? Г. Каблицъ скажетъ, можетъ быть, что во всемъ этомъ повинны не настоящіе истинные народники, а только безчестные люди, прикрывающіеся плащомъ народничества для достиженія своихъ антигуманныхъ цѣлей; но пусть же онъ намъ укажетъ, гдѣ они, эти истинные русскіе народники, относящіеся съ равною любовью ко всѣмъ народностямъ, населяющимъ Россію, и въ томъ числѣ къ евреямъ! Не грѣшенъ-ли и самъ г. Каблицъ-Юзовъ немного въ этомъ отношеніи? Мы не знаемъ въ точности взглядовъ г. Каблица на еврейскій вопросъ и вообще на внутренніе національные вопросы въ Россіи, такъ какъ въ лежащемъ передъ нами томѣ «Основы» принципъ народничества примѣняется авторомъ только къ бытовымъ и экономическимъ особенностямъ русской крестьянской жизни (къ правовымъ воззрѣніямъ массы, къ общинному на-

чалу, къ мірскому владѣнію земель etc). Есть основаніе думать, что авторъ во второмъ томѣ своей книги коснется интересующаго насъ вопроса. Поживемъ—увидимъ!...

Но пока мы еще не видѣли никакихъ хорошихъ результатовъ отъ при-
мѣненія принципа народничества къ улаженію внутреннихъ національныхъ
вопросовъ, пока мы еще видимъ на каждомъ шагѣ, что принципъ этотъ
ведетъ къ неравенству людей, къ дѣленію ихъ на коренныхъ и не коренныхъ
гражданъ,—мы вырвавъ утверждать, что по отношенію къ гуманности на-
родничество — очень опасная, скользкая почва, наклонная плоскость, на
которой даже искренніе люди съ трудомъ удерживаются и часто скаты-
ваются съ нея въ омутъ національной вражды, нетерпимости и человѣко-
ненавистничества. Ужъ одинъ тотъ фактъ, что флагомъ народничества и
самобытности прикрываются такіе возбуждающіе низменные инстинкты писаки,
какъ тѣ, которые спеціально занимаются травлею евреевъ на страницахъ
юдофобскихъ «Новаго Времени», «Гражданина» и т. п., да еще то, что
на нашихъ глазахъ русскіе купцы на Нижегородской ярмаркѣ подвергли
евреевъ остракизму изъ Нижняго также во имя великаго принципа народ-
ничества, или какъ они это проще выразили, во имя увеличенія барышей
коренныхъ купцовъ, коишъ «некоренные» евреи дѣлають досадную конкур-
ренцію—ужъ одно это показываетъ, какихъ результатовъ достигаетъ при-
мѣненіе принципа народничества къ практической жизни.

Въ нашемъ обсужденіи основнаго принципа труда г. Каблица, мы уже
почти вышли изъ рамокъ библиографической замѣтки, а потому намъ не
остается мѣста для разбора другихъ второстепенныхъ пунктовъ этого
труда. Замѣтимъ только, что въ общемъ сочиненіе г. Каблица стлчается
серьезностью и порядочною эрудиціею и способно мыслящаго человѣка
навести на самыя серьезныя размышленія.

3) *Уѣздъ годъ: Научно-литературный и общественно-промыш-
ленный сборникъ на древнееврейскомъ языкѣ. Томъ третій. Изда-
ніе С. П. Рабиновича и І. Гурвича. Варшава, 1888 (650 столб.
in 4°).*

Въ срокахъ выхода сборника г. Рабиновича произошла перемѣна: от-
нынѣ этотъ сборникъ будетъ выходить не разъ, а два раза въ годъ, вес-
ною и осенью. Къ этой перемѣнѣ нельзя отнестись иначе, какъ сочув-
ственно, такъ какъ «Кнесетъ Исроель» при всѣхъ своихъ недостаткахъ
все таки является изданіемъ серьезнымъ и, не смотря на односторонность

своего направленія, дать своимъ читателямъ разносторонній литературный матеріалъ¹. Общее направленіе и фисіономія сборника, насколько они выяснились изъ первыхъ двухъ томовъ его, уже знакомы читателямъ нашего журнала по статьямъ, помѣщеннымъ въ свое время въ отдѣлѣ «Литературной Лѣтописи», а потому мы полагаемъ достаточнымъ посвятить новому третьему тому сборника только бѣглый обзоръ въ библиографическомъ отдѣлѣ.

На первомъ мѣстѣ въ разсматриваемомъ томѣ помѣщена статья г. Рабиновича—полуисторическая и полуп-блидистическая вещь, сильно отдающая тенденціею. Статья озаглавлена: «Послѣдствія изгнанія» или «Ученіе исходить изъ Сіона». Она повѣствуетъ или, точнѣе, разсуждаетъ объ одномъ извѣстномъ эпизодѣ изъ жизни палестинскихъ евреевъ въ первой половинѣ XVI вѣка — о борьбѣ между раввинами изъ-за вопроса объ утвержденіи духовныхъ лицъ въ раввинскихъ должностяхъ («семиха»), причѣмъ одна партія, подъ предводительствомъ палестинскаго раввина Якова Берава, домогалась, чтобы «право утвержденія» осталось только за духовенствомъ, живущимъ въ Палестинѣ, между тѣмъ какъ другая партія держалась *status quo* и признавала право утвержденія за духовенствомъ всѣхъ странъ, гдѣ евреи разсѣяны. Въ основѣ этой борьбы лежали важныя идейныя стремленія, ибо рѣчь шла ни болѣе ни менѣе, какъ о признаніи духовной гегемоніи Палестины надъ всѣмъ разсѣяннымъ еврействомъ, о созданіи для послѣдняго постояннаго духовнаго центра, о пробужденіи въ народѣ центростремительной силы и объ укрѣпленіи національнаго духа. Стремленіе къ подъему національнаго духа было очень сильно среди евреевъ въ ту бѣдственную эпоху, послѣ ужаснаго изгнанія изъ Испаніи, и въ пору блестящаго разцвѣта инквизиціи; впоследствии, какъ извѣстно, это стремленіе повело къ непрерывнымъ мессіянскимъ волненіямъ XVI и XVII вѣковъ. Г. Рабиновичъ выбралъ сюжетомъ своей статьи начальный моментъ этой эпохи, когда стремленіе къ національному возрожденію впервые выразилось въ спорѣ о «семихѣ»; онъ умудрился даже найти сходство между этимъ моментомъ и переживаемымъ нами временемъ... Авторъ, какъ ярый палестинофилъ, конечно горячо сочувствуетъ движенію въ пользу палестинской гегемоніи и очень скорбитъ о неудачѣ этого движенія, которое въ случаѣ успѣха могло бы, по его мнѣнію, измѣнить весь строй духовной

¹ Когда эти строки были уже въ печати, мы узнали, что изданіе этого сборника приостановлено издателями на 3-й выпускъ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

жизни евреевъ въ смыслѣ усиленія національнаго духа. Единственнымъ утѣшеніемъ для автора служить то, что движеніе къ національному единенію въ XVI в. не совсѣмъ пропало даромъ, ибо вызвало къ жизни въ томъ же вѣкѣ человѣка, который инымъ путемъ много содѣйствовалъ такому единенію — а именно Іосифа Каро, автора знаменитаго кодекса «Шулханъ Орухъ». Мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ и думаемъ, что о такомъ исходѣ дѣла скорѣе надобно скорбѣть, ибо онъ почти на цѣлыхъ два столѣтія задержалъ здоровое умственное развитіе еврейства и до сихъ поръ служитъ въ извѣстныхъ кругахъ тормазомъ ко всѣму хорошему, свѣжему и разумному въ нашей религіозной жизни...

Послѣ тенденціозной статьи г. Рабиновича мы не безъ удовольствія читали безпристрастный этюдъ г. С. Бернфельда «Рядъ поколѣній», помѣщенный въ сборникѣ по особой снисходительности редакціи, хотя и подъ сильнымъ конвоемъ оговорокъ и редакціонныхъ примѣчаній. Г. Бернфельдъ описываетъ эпоху реформаціоннаго движенія среди евреевъ съ 1815 по 1848 г. Факты заимствованы имъ изъ существующихъ исторій этого времени Юста, Штерна и Греца, но характеристики дѣятелей той эпохи равно какъ общая ея оцѣнка, вполнѣ принадлежатъ автору этюда. И надо сказать, что въ общемъ авторъ смотритъ весьма трезво на вещи и большей частью дѣлаетъ вѣрную оцѣнку. Это удается ему, благодаря почти срединному положенію, занятому имъ между двумя крайними партіями, — слишкомъ увлекающимися реформистами и яркими ортодоксами, дѣянія которыхъ онъ описываетъ. Мы сказали: «почти срединное положеніе», такъ какъ г. Бернфельдъ все-таки чаще склоняется на сторону реформистовъ и не скрываетъ своего сочувствія даже такимъ радикаламъ, какъ А. Хоринъ и А. Гейгеръ. Особенно превозноситъ онъ философа Н. Крохмаля, который въ сущности не имѣлъ прямаго отношенія къ реформаціонной борьбѣ. Мы не раздѣляемъ восторга автора въ этомъ отношеніи, ибо видимъ въ Крохмалѣ, кромѣ неоспоримыхъ достоинствъ, и нѣкоторые недостатки, какъ напр. излишній историческій квіетизмъ и стремленіе маскировать свои убѣжденія страха ради іудейска, чего не отрицаетъ и самъ г. Бернфельдъ. Авторъ допустилъ также ошибку и въ характеристикѣ И. С. Реджіо (Юшора), утверждая, будто Реджіо стоялъ всецѣло на почвѣ ученія Мендельсона (стр. 104). Это невѣрно, ибо въ то время какъ Мендельсонъ никогда ни словомъ не задѣвалъ Таллуда, Реджіо (въ своей книгѣ «Бехинатъ га-Каббала», 1852) сдѣлалъ смѣлую попытку потрясти всѣ основы таллудическаго іуданзма. Гораздо вѣрнѣе охарактеризовалъ авторъ

дѣятельность Гольдгейна, Франкля и Гейгера, а также значеніе раввинскихъ реформаторскихъ съѣздовъ (въ Германіи) 40-хъ годовъ. Личность и значеніе русско-еврейскаго дѣятеля Левинсона также оцѣнены по достоинству, и авторъ справедливо настаиваетъ на томъ, что важна вовсе не научная дѣятельность Левинсона, а больше всего его публицическая роль. Есть, однако, еще нѣкоторыя мнѣнія въ очеркѣ г. Верифельда, съ которыми мы не можемъ согласиться, но мы не рѣшаемся здѣсь обсуждать ихъ въ виду недостатка мѣста, а потому продолжаемъ свой обзоръ.

Въ первомъ общемъ отдѣлѣ сборника обращаютъ на себя вниманіе кромѣ указанныхъ двухъ статей, еще краткій очеркъ д-ра Гаркави о Саади Гаонѣ (переведенъ изъ «Восхода») и статья г. *Рейнса*: «Пилпуть (крайняя казуистика) въ еврейской литературѣ». Авторъ дѣлитъ казуистику на нѣсколько видовъ и, сочувствуя умѣренному приѣмленію казуистическаго метода въ богословской письменности, осуждаетъ злоупотребленіе этимъ методомъ въ произведеніяхъ раввинской литературы послѣднихъ вѣковъ. Мы бы сказали, что казуистика во всѣхъ ея видахъ безусловно вредна и должна быть изгнана изъ области вѣры, въ которой главенствуетъ чувство, а не крючкотворный разумъ.

Небезполезными вещами слѣдуетъ признать въ томъ же отдѣлѣ рядъ краткихъ біографій (съ портретами) выдающихся дѣятелей, литературныхъ и общественныхъ, въ родѣ Рейфмана, Шульмана, Л. Пинскера, раввина Мальбина и цадика Менделя Любавичскаго. Подробный отчетъ о состояніи палестинскихъ колоній въ послѣднее полугодіе заканчиваетъ собою первый общій отдѣлъ книги. Изъ специальныхъ отдѣловъ научный («Ветъ га-мидрашъ») наполненъ исключительно статьями по талмудической экзегетикѣ и въ немъ особенно интересны замѣчанія г. *Александрова* на извѣстную «Исторію устнаго ученія» Вейса, въ которой критикъ находятъ много мелкихъ фактическихъ неточностей. Стихотворный отдѣлъ въ разсматриваемомъ томѣ такъ же разнообразенъ, какъ и въ предъидущихъ томахъ. Есть хорошіе стихи гг. Готлобера, Долицкаго, удачные переводы изъ Гейне г. Л. Минца, отрывокъ изъ ненапечатанной элегіи И. В. Левинсона и др.

Беллетристическій отдѣлъ состоитъ изъ двухъ оригинальныхъ повѣстей и одной переводной. Переведена новая повѣсть изъ галиційской жизни *Н. Самуэли*, озаглавленная «Aus Finstern» и напечатанная въ «Judische Presse» прошлаго года. Изъ двухъ оригинальныхъ вещей, историческій разсказъ г. *Рафаловича* «Кровавый женихъ», составляетъ

очевидное подражаніе Маповскому роману «Любовь въ Сионѣ», но подражаніе вышло очень плохое, не заслуживающее даже обсуждения. Гораздо дѣльнѣе повѣсть изъ современной жизни «Десять Серебрянниковъ» г. *Рамина*. Авторъ изображаетъ жизнь еврейской золотой молодежи въ одномъ большомъ провинціальномъ городѣ. Фабула разсказа въ сущности ничтожна и сводится къ тому, что одинъ молодой человѣкъ пригласилъ двухъ барышень въ театръ, но не имѣя нужныхъ для покупки билетовъ десяти рублей, подвергается разнымъ злоключеніямъ, пока не достаетъ нужной суммы. Несмотря на бѣдность фабулы, автору удалось набросить нѣсколько довольно живыхъ типовъ современной золотой молодежи, — типовъ, отталкивающихъ своею дрянностью и мерзостью. Правда, типическія черты, взятая авторомъ, слишкомъ общи и поверхностны, порою даже отдають подражательностью, но тѣмъ не менѣе нельзя отказать автору въ нѣкоторой наблюдательности и въ умѣніи живо излагать свои наблюденія.

Въ концѣ сборника помѣщены нѣкоторыя мелкія, но довольно интересныя рукописныя данныя, касающіяся исторіи евреевъ въ разныя эпохи. Таковы: молитвы о мученикахъ въ Польшѣ въ прошлomorphic столѣтіи (сообщенныя г. Голдблюмомъ), краткій „Очеркъ о ночныхъ феяхъ и о чертовщинѣ“, принадлежащій раввину Аврааму Геронди, жившему около 1400 года, письмо одного раввина противъ секты хасидовъ отъ 1805 года, многія надгробныя надписи изъ еврейскихъ кладбищъ въ Италіи, относящіяся къ XVI и XVIII вѣкамъ и собранныя д-ромъ Берлинеромъ, и наконецъ портретъ Саббатая Цеви, найденный г. И. Левинзономъ въ одной старинной книгѣ. Сборникъ заканчивается нѣкоторыми статьями по естествовѣдѣнію, изъ которыхъ главы по общей физикѣ *М. Пинеса*, написаны прекраснымъ древнееврейскимъ слогомъ, въ формѣ библейскихъ стиховъ, и читаются съ удовольствіемъ. Было бы хорошо, еслибъ г. Пинесъ издалъ въ свѣтъ весь свой трудъ, изъ котораго напечатанныя въ сборникѣ г. Рабиновича главы составляютъ лишь небольшіе отрывки.

4) глѣв глѣ: *Дейкомысленная. Разсказъ изъ еврейскаго быта С. Я. Цитрона. Варшава, 1888 (51 стр. in 12°).*

Г. Цитронъ изображаетъ въ своемъ разсказѣ одну загадочную натуру, въ образѣ еврейской дѣвицы Нади Цемаховичъ, характеръ которой составляетъ странную смѣсь порочности и добродѣтели, поразительнаго легкомыслія и энергіи, мягкости и жестокости. Ключъ къ разгадкѣ этой натуры

авторъ представляетъ намъ отчасти въ описаніи нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ жизни своей героини. Надя Цемаховичъ выросла и воспиталась въ грубой и порочной средѣ. Ея мать содержала неблированныя конваты весьма подозрительнаго свойства (дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ южныхъ большихъ городовъ). Надя воспитывалась въ гимназіи, изъ которой вынесла можетъ быть сознаніе испорченности окружающей ее среды и своей собственной, но не стремленіе къ самоисправленію. Она встрѣчается съ авторомъ (разсказывающимъ всю эту исторію отъ своего имени) въ тотъ самый моментъ, когда она готовилась перейти со школьной скамьи прямо на поприще самостоятельной жизни. Самостоятельная жизнь рисовалась ей въ формѣ веселаго маскарада, на которомъ она будетъ забавляться, блистать и вести любовныя интриги. Достигнуть такой блаженной жизни можно было Надѣ не иначе, какъ выйдя замужъ за богатаго старика, желавшаго дорого заплатить за молодую красивую дѣвушку. Мать героини особенно подстрекала ее къ этому, но Надя при всей своей испорченности не рѣшалась на такой шагъ, такъ какъ въ ней все-таки еще не погасла искра чистой любви. Съ другой стороны ей трудно было выбраться изъ омутъ, въ которому ее прикрѣпило домашнее воспитаніе, и она не могла никакъ рѣшиться выйти на путь честной, трудовой жизни. Она отвергаетъ любовь честнаго студента-медика Левтова потому только, что онъ не красивъ, не изященъ и слишкомъ строгъ въ нравственномъ отношеніи. Одному только автору удается зажечь въ сердцѣ Нады искру страсти, но и эта страсть остается безплодною, въ виду того, что авторъ оказался слишкомъ добродѣтельнымъ и не захотѣлъ воспользоваться слѣною и нечистою страстью молодой дѣвушки на ея же погибель. Эта неудача не удерживаетъ однако горячей натуры Нады: она сознательно увлекается, борется, страдаетъ и наконецъ доходитъ до крайней степени паденія...

Борьба въ молодой дѣвушкѣ дурныхъ инстинктовъ съ нравственными стремленіями, кончающаяся торжествомъ первыхъ, благодаря тому, что несчастное существо, загубленное воспитаніемъ, не нашло въ жизни хорошаго исхода своей бурной энергіи, — вотъ въ чемъ весь смыслъ разсказа. И пороки, и хорошія черты въ личности героини объясняются отчасти обстоятельствами ея жизни и условіями окружающей среды. Авторъ позаботился по возможности рельефнѣе выставить эти обстоятельства и условія — и въ этомъ его заслуга, а также интересъ его разсказа. Не признавая за этимъ разсказомъ ни большой оригинальности, ни особенной художественности, мы считаемъ его, однако, не лишеннымъ интереса беллетристическимъ очер-

комъ, отличающимся реалистическою подкладкою. На оригинальность, впрочемъ, и самъ авторъ не претендуетъ, такъ какъ самъ заявляетъ, что написалъ свой рассказъ «по образцу одного рассказа на русскомъ языкѣ», котораго онъ, однако, почему-то не называетъ.

5) *Regesten zur geschichte der Juden in Fränkischen und Deutschen Reiche bis zum Jahre 1273, bearbeitet von Julius Aronius, I Lieferung, Berlin, 1887, 64 SS; in gr. 4°.* (Регесты къ исторіи евреевъ въ франко-германскомъ государствѣ до 1273 г., обработанныя Ю. Ароніусомъ).

Въ Германіи съ недавняго времени существуетъ ученое общество, заданное цѣлью содѣйствовать всестороннему научному изслѣдованію исторіи нѣмецкихъ евреевъ посредствомъ дѣятельнаго собранія и тщательной обработки матеріаловъ для этой исторіи. Во главѣ общества (въ Берлинѣ) стоятъ прославленные ученые, какъ профессора Л. Гейгеръ, Лацарусъ, Вервальдъ, Штейнталь, Вреславъ и др. Комитетъ общества имѣетъ свой специальный журналъ («*Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland*»), подъ редакціей Л. Гейгера въ Берлинѣ) и издаетъ массу матеріаловъ и оригинальныхъ изслѣдованій по исторіи евреевъ въ Германіи. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ и сборникъ, заглавіе котораго выписано выше. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ матеріалы для исторіи евреевъ въ франко-германскомъ государствѣ съ древнѣйшаго времени до 1273 г. Въ вышедшемъ пока первомъ выпускѣ помѣщены документы за періодъ отъ первыхъ столѣтій христіанской эры до 1033 года.

Большинство помѣщенныхъ въ сборникѣ историческихъ документовъ, собственно говоря, вовсе не является тутъ въ первый разъ и перепечатаны изъ давно извѣстныхъ сочиненій и историческихъ руководствъ. Главное значеніе рассматриваемаго изданія заключается въ томъ, что въ немъ впервые собраны въ одно цѣлое всѣ разбросанные въ десяткахъ и сотняхъ сочиненій историческіе документы и расположены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, причѣмъ многіе изъ нихъ приводятся и въ латинскомъ подлинникѣ, и въ нѣмецкомъ переводѣ. Характеръ приводимыхъ документовъ—самый разнообразный: тутъ есть и узаконенія разныхъ императоровъ и церковныхъ соборовъ, и надгробныя надписи, и отрывки изъ сочиненій или писемъ современниковъ, и лѣтописныя сказанія,—словомъ все, что имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ исторіи нѣмецкихъ евреевъ въ средніе вѣка. Самую большую часть перваго выпуска занимаютъ поста-

новленія разныхъ церковныхъ соборовъ, папъ или другихъ духовныхъ іерарховъ, ограничивающія права евреевъ въ различныхъ сферахъ общественной и духовной жизни. Почти всѣ эти постановленія уже извѣстны изъ всеобщей исторіи евреевъ. Такъ, въ, напр., ограниченія еврейской торговли, запрещеніе христіанскимъ духовнымъ лицамъ участвовать въ трапезахъ евреевъ (такимъ запрещеній всего больше въ періодѣ между V и VIII вѣками), приказы объ изгнаніи евреевъ изъ той или другой мѣстности, или о насильственномъ обращеніи цѣлыхъ общинъ въ христіанство и т. п. Каждый документъ сопровождается многочисленными ссылками на источники, откуда онъ заимствованъ и на важнѣйшія сочиненія, пользовавшіяся имъ.

Читая со вниманіемъ сборникъ г. Ароніуса, всѣ эти съ виду сухіе, разрозненные документы, получаешь, однако, живую историческую картину прошлаго,—картину, поражающую своимъ трагизмомъ. Это—таже систематическая исторія, только исторія голая, неприкрашенная, исторія въ замятникахъ прошлаго, короткія слова которыхъ подчасъ гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ цѣлые томы комментарий и красивыхъ описаній.

6) *Ueber Sitte und Sitten der alten Völker, namentlich der Hebräer, Griechen und Römer. Von Dr. S. Spitzer, Oberrabbiner in Essegg. Budapest, 1887, 90 S. in 12°.* (Объ обычаяхъ и правахъ древнихъ народовъ—евреевъ, грековъ и римлянъ. Сочиненіе С. Шпитцера, раввина въ Эссегѣ).

Авторъ отличаетъ *обычаи* (Sitte) отъ *правовъ* (Sitten) и опредѣляетъ первые какъ внѣшнія нормы поступковъ, предписываемыя не религіею и не положительнымъ закономъ, а внѣшними условіями быта, зависящими отъ мѣста и времени; послѣдніе же опредѣляются имъ, какъ нѣчто кроющееся въ характерѣ и психическомъ складѣ народа, независимо отъ окружающихъ внѣшнихъ условій. Желая говорить о нѣкоторыхъ обычаяхъ и правахъ древнихъ евреевъ и сопоставить ихъ съ таковыми же у грековъ и римлянъ, г. Шпитцеръ, послѣ опредѣленія своего предмета, дѣлаетъ такую классификацію его. Обычаи онъ дѣлитъ на: приличія въ обращеніи съ людьми, приличія въ одеждѣ, въ жилищѣ и въ пиршествахъ; нравы онъ дѣлитъ на три разряда: поэтическіе, религіозные и политическіе.

Для описанія обычаевъ древнихъ евреевъ авторъ пользуется отчасти Библіею, но больше всего талмудическою Аггадою. Нельзя сказать, чтобы его описаніе отличалось особенною полнотою и точностью: многое совсѣмъ

оставлено без вниманія, а приводимыя мнѣнія подтверждаются каждое однимъ или двумя изрѣченіями, взятыми наугадъ изъ цѣлой массы однородныхъ и подчасъ противорѣчивыхъ изреченій, разсѣянныхъ въ агадической литературѣ. Сопоставленіе еврейскихъ обычаевъ съ греко-римскими касаются лишь общихъ, избитыхъ положеній (напр. сравненіе эстетическихъ воззрѣній этихъ народовъ) и сдѣланы весьма поверхностно. Изложеніе сухое и скучное. Несмотря на большую, повидимому, эрудицію, авторъ иногда ошибается въ опредѣленіи еврейскихъ терминовъ. Такъ, напр., слово *Derech-Eres* опредѣляется имъ въ смыслѣ *приличія*, т. е. въ томъ вульгарномъ смыслѣ, въ какомъ это слово нынѣ понимаютъ въ разговорномъ жаргонѣ, между тѣмъ какъ у древнихъ евреевъ этотъ терминъ понимали въ смыслѣ *откровенности*, практичности, знанія мірскихъ дѣлъ въ противоположность отшельнической духовной жизни. Это видно изъ многихъ мѣстъ талмудической Агады и даже изъ тѣхъ немногихъ, которыя приводятся авторомъ (напр. «Изреченіе отцовъ», II, 2 и др.).

Еще менѣе, удовлетворителенъ второй отдѣлъ книжки, гдѣ излагаются «поэтическіе, религиозные и политическіе нравы» древнихъ евреевъ. Тутъ больше всего удивляетъ странное распредѣленіе нравовъ. Къ поэтическимъ нравамъ (особенностямъ поэтического міросозерцанія) отнесены, напримѣръ, обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ (стр. 56) и даже уваженіе къ ремесленному труду (стр. 60). Уваженіе къ старшимъ отнесено уже почему-то къ политическимъ воззрѣніямъ (стр. 85). Разсужденія о сравнительномъ положеніи рабовъ у евреевъ, грековъ и римлянъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и состоятъ изъ избитыхъ общихъ мѣстъ.

Вообще трудъ венгерскаго раввина, автора многихъ другихъ сочиненій по еврейской исторіи и гомилетикѣ (такъ видно изъ списка ихъ на оберткѣ книжки), надобно признать совершенно неудачнымъ и лишеннымъ всякаго интереса. Ни авторъ, ни публика ничего не потеряли бы, еслибы г. Шпитцеръ оставилъ свой трудъ покоиться на страницахъ скромнаго «*Ungarischer Israelit*», гдѣ онъ былъ первоначально напечатанъ, и не извлекъ бы изъ этого тихаго убѣжища на свѣтъ Божій, для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

7) *Le Saint enfant de la Guardia par Isidore Loeb. Paris, Duracher, 1888. pp. 32 in 8°.* (Святое дитя изъ Гуардин. Сочиненіе Исидора Лоба).

Вотъ новая, еще малоизвѣстная страница изъ исторіи еврейскаго му-

ченчества. Около 1490 г., испанская инквизиція возбудила процессъ противъ пятерыхъ евреевъ и шестерыхъ маррановъ, которыхъ обвиняла въ томъ, что они въ 1488 г. замучили на смерть христіанскаго ребенка изъ города Гуардіа съ цѣлью вырвать у него сердце и воспользоваться имъ для какихъ-то таинственныхъ чаръ, предохраняющихъ будто бы насильно окрещенныхъ евреевъ отъ надзора инквизиціи. Такое дикое, отвратительное обвиненіе могло, конечно, выдумать только разгоряченная фантазія испанскихъ инквизиторовъ, страдавшихъ несомнѣнно навіемъ крови, нечеловѣческихъ пытокъ и ужасовъ. А между тѣмъ послѣдствіемъ этой игры извращенной фантазіи былъ длившійся нѣсколько лѣтъ процессъ съ допросами, страшными пытками и другими прелестями инквизиціоннаго суда. Процессъ кончился, какъ и слѣдовало ожидать, осужденіемъ всѣхъ подсудимыхъ и страшною казнью ихъ въ концѣ 1491 г., въ городѣ Авилѣ.

Французско-еврейскій ученый г. Исидоръ Лебъ въ своей книжкѣ, посвященной исторіи этого процесса, доказываетъ многими документальными данными, что весь процессъ былъ завѣдомо ложною выдумкою и что все обвиненіе было основано на небывальщинѣ, на злонамеренномъ измышленіи отцовъ-инквизиторовъ. Онъ приводитъ самыя вѣскія доказательства въ пользу того, что не только никакого преступленія не существовало, но не существовало даже самого объекта преступленія, т. е. что такъ-называемаго «святого дитяти изъ Гуардіа» вовсе на свѣтѣ не было. Весь *сигрис деликти* состоялъ изъ преднамеренной выдумки и изъ показаній обезумѣвшихъ подъ пыткой людей въ пользу этой выдумки. Многъ послужилъ для святыхъ отцовъ Великой Германдады только лишнимъ поводомъ къ веселой иллюминаціи, во славу католической церкви, въ образѣ востра со всесожженіемъ «еретиковъ».

Все это, полагаемъ мы, достаточно доказалъ г. Лебъ въ своей интересной брошюрѣ. Авторъ даетъ намъ, кромѣ подробнаго отчета о самомъ процессѣ и документальнаго разбора его, характеристичныя замечанія въ процессѣ лицъ, и такимъ образомъ проливаетъ свѣтъ на описываемое имъ событіе, но и вообще на всю эпоху, предшествовавшую этому событію. Строгая научность и эрудиція соединяются въ его довольно живыми изложеніемъ—и всѣ эти качества дѣлаютъ разсматриваемую книжку и любопытною, и поучительною. Въ заключеніи замѣтитъ, что этуодъ г. Леба составляетъ отдѣльный оттискъ сжачиника «Revue des études juives», выходящаго въ Парижѣ и богатствомъ своего историческаго содержанія.

8) *רש"ט גררל: Да прекратятся возмасы. Разборъ сочиненія раввина Рейнеса, сдѣланный Анонимомъ. Бердичевъ, 1888 (32 стр. in 8°).*

Неизвестный авторъ этой брошюры, повидимому большой дока въ Талмудѣ и раввинской литературѣ, задался цѣлью разрушить незаслуженную, по его мнѣнію, литературную славу лядскаго раввина И. Я. Рейнеса, известнаго своими сочиненіями по талмудической казуистикѣ и въ особенности книгою «Великія Свѣтила». Противъ этой книги направлены всѣ стрѣлы анонимнаго критика. Онъ находитъ въ ней и искаженіе цитатъ, и плагиаты, и невѣдѣніе обсуждаемаго предмета, — словомъ, чуть-ли не всѣ семь смертныхъ грѣховъ литературы. Судя по приводимымъ въ брошюрукѣ даннымъ, критикъ правъ въ своихъ нападкахъ. Можетъ быть ему и удастся поколебать незаслуженный религіозный авторитетъ г. Рейнеса, но вопросъ въ томъ: *сui bono?* Стоило-ли огородъ городить для такой маловажной цѣли? Книга г. Рейнеса известна, вѣроятно, всего нѣсколькимъ специалистамъ, и приписывать ей какое бы ни было «вліяніе на умы» едва ли основательно. Она даже не касается практическихъ религіозныхъ вопросовъ, а занимается главнымъ образомъ головоломною казуистикою по вопросамъ талмудической юриспруденціи. Анонимный критикъ вооружается, между прочимъ, противъ стремленія г. Рейнеса къ рекламированію своей книги и утверждаетъ, что имѣлъ въ виду показать ученымъ раввинамъ-писателямъ, что и ихъ творенія подлежатъ суду критики, наравнѣ со всѣми свѣтскими произведеніями. Это послѣднее объясненіе, пожалуй, и есть единственный *raison d'être* полемической брошюры г. Анонима, такъ какъ сама по себѣ она едва ли можетъ представить общій интересъ.

9) *רש"ט גררל: Разсуждающій. Сочиненіе А. Л. Беняменсона. Бердичевъ, 1888 (стр. 110 in 8°).*

Книжка эта заключаетъ въ себѣ стихотворный перифразъ ходячихъ мнѣній о современномъ еврейскомъ вопросѣ въ Россіи. Г. Беняменсонъ различаетъ четыре направленія или партіи въ нынѣшнемъ еврействѣ: партіи отчаявающихся, націоналистовъ, реформистовъ и «разсуждающихъ», или точнѣе выжидающихъ. Онъ выводитъ на сцену представителей всѣхъ этихъ партій и заставляетъ ихъ вести бесѣду (въ стихахъ). Сначала излагаетъ подробно свои мнѣнія «отчаявающихся» и рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ современное положеніе русскихъ евреевъ, которымъ, по его мнѣнію, грозитъ окончательная гибель въ беспощадной борьбѣ за существо-

ваніе. Ему возражаетъ націоналистъ, доказывающій съ жаромъ необходимость возрожденія евреевъ на почвѣ родной Палестины. Тутъ вставляетъ свое слово и реформистъ и разъясняетъ необходимость коренныхъ преобразованій въ религиозномъ быту евреевъ, въ виду обветшалости раввинизма. Наконецъ, весь споръ резюмируетъ «разсуждающій», сторонникъ золотой середины. Онъ не увлекается, подобно своимъ собесѣдникамъ, но вѣвѣшиваетъ всѣ обстоятельства и приходитъ къ заключенію, что покажѣтъ надо запастись терпѣніемъ и выжидать лучшихъ временъ. Правда, онъ не совѣтуетъ бездѣйствія и даетъ наставленія на счетъ разныхъ практическихъ улучшеній въ нашемъ быту, насколько это зависитъ отъ насъ, но коренное улучшеніе нашего положенія онъ предвидитъ лишь въ будущемъ. Мнѣнія, приводимыя авторомъ, до того неоригинальны и общезвѣстны, что мы считаемъ излишнимъ остановиться на нихъ и можемъ ограничиться только замѣчаніемъ, что изложеніе въ общемъ довольно ясное и живое. Качество этихъ не слѣдуетъ, однако, приписывать стихотворной формѣ, которая къ содержанію мало подходитъ и представляетъ собою въ сущности рубленную прозу. Мы полагаемъ, что книжка ничего не проиграла бы если бы она была написана «простою, честною прозою», какъ выражается Гейне, а пожалуй еще выиграла бы въ подробности и систематичности.

Къ стихотворному тексту приложено, въ концѣ книжки, порядочное количество примѣчаній, въ которыхъ изъ талмудической, преимущественно аггадической, литературы приводятся изреченія, подтверждающія то или другое изъ приведенныхъ въ текстѣ мнѣній. А такъ какъ эти мнѣнія противоположны другъ другу, то и ссылки, подерѣвляющія ихъ, представляютъ собою самый разнокалиберный составъ, въ сотый разъ подтверждающій ту истину, что талмудическая литература не есть нѣчто цѣльное и систематическое, а напротивъ является калейдоскопомъ самыхъ разнообразныхъ и часто даже взаимно-противоположныхъ идей, вѣрованій и системъ.

10) רַבּוֹתַי הַחַיִּים: *Учитель справедливости. Доказательства Божественнаго Провидѣнія по духу нашей вѣры и согласно системѣ Маймонида. Сочиненіе Г. М. Ростовскаго. Вильна, 1888 (368 стр. in 4°).*

Авторъ—горячій приверженецъ религиозно-философскаго ученія Маймонида, изложеннаго въ знаменитомъ «Путеводителѣ блуждающихъ». Въ своей книгѣ онъ задался цѣлью примѣнить мировоззрѣніе Маймонида къ

важнѣйшимъ вопросамъ вѣры, въ родѣ Провидѣнія, безсмертія души, загробнаго воздаянія, а также разъясненія темныхъ мѣстъ въ книгѣ нашего великаго мыслителя. Г. Ростовскій убѣжденъ, что многочисленные комментаторы «Путеводителя» очень много напортили и способствовали только затемненію смысла этой книги. Они переплели свои личныя мнѣнія съ воззрѣніями Маймонида и, такимъ образомъ, ввели въ его систему чуждыя начала, ничего общаго съ нею неимѣющія. Только тщательное изученіе текста книги навело автора на вѣрное пониманіе ея—и вотъ онъ хочетъ дѣлиться добытыми имъ результатами съ тѣми изъ еврейскихъ читателей, которые интересуются предметомъ и нуждаются въ разумномъ религіозномъ руководствѣ.

Такому серьезному предпріятію нельзя не сочувствовать и не порадоваться тому, что оно въ общемъ исполнено весьма удовлетворительно. Авторъ принадлежитъ, повидимому, къ числу людей, искренно и вмѣстѣ съ тѣмъ разумно вѣрующихъ, старающихся по мѣрѣ возможности философствовать религію и примирить ея главнѣйшіе догматы съ требованіями разума. Онъ жалуется, что въ еврейской религіи укоренились, рядомъ съ здравыми воззрѣніями, и многія нелѣпости, передававшіяся наслѣдственно и освященныя многовѣковой традиціею (стр. 56). Основываясь на Маймонидовомъ опредѣленіи души, въ качествѣ совокупности высшихъ духовныхъ способностей, авторъ цѣликомъ принимаетъ и возвышенное Маймонидово опредѣленіе безсмертія и воздаянія, изъ котораго исключаются всякія грубныя, физическія понятія, изобрѣтенныя суевѣріемъ (стр. 150 — 156). Вѣру въ существованіе нечистой силы, признанную Каббалю и даже Талмудомъ, онъ отвергаетъ, какъ остатокъ язычества. Онъ старается найти средній путь между религіознымъ фатализмомъ и философскою свободой воли (199—200). Стоя вообще на почвѣ строгой религіозности, авторъ, однако, иногда высказываетъ свое свободомысліе въ такихъ выраженіяхъ, которыя въ устахъ богослова надобно признать очень смѣлыми. Такъ, онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 309) горячо возстаетъ противъ «множества нелѣпныхъ обрядовъ», портящихъ іудаизмъ и служащихъ источникомъ главныхъ золъ, отъ коихъ страдаетъ еврейство. Особенно возмущается онъ тѣмъ принципомъ взаимной религіозной поруки, который выражается въ знаменитомъ афоризмѣ: «Всѣ евреи отвѣчаютъ другъ за друга въ дѣлахъ вѣры» и который порождаетъ у насъ всегда страшный деспотизмъ общественнаго мнѣнія, подавленіе личной свободы совѣсти и часто даже отступничество отъ еврейства людей, преслѣдуемыхъ за свое свободомысліе (стр. 310 etc.).

Вообще, большая часть разсуждений г. Ростовскаго отличается трезвостью и убѣдительною для извѣстнаго круга людей. Толкованія его на Маймонида — просты и вѣрны. Иногда только встрѣчаются натяжки. Такъ, воприимѣрь, авторъ старается во что бы то ни стало примирить ученіе Маймонида (взятое у Аристотеля) о воодушевленныхъ небесныхъ кругахъ съ астрономическою системою Коперника и ученіемъ о всемірномъ тяготѣніи, доказывая, что подъ «душою», приписываемою Маймонидомъ всякому небесному тѣлу, можно разумѣть притягательную силу, свойственную этимъ тѣламъ, и такимъ образомъ споръ древней и новой астрономіи улаживается авторомъ весьма легко и просто, только ужъ черезчуръ произвольно. Не согласны мы также и съ однимъ историческимъ мнѣніемъ автора, утверждающаго во введеніи къ своей книгѣ (стр. 13) будто Маймонидъ основывалъ свое философское ученіе исключительно на воззрѣніяхъ еврейскихъ мудрецовъ-талмудистовъ и пользовался произведеніями греческихъ философовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они подтверждали еврейскія воззрѣнія. Хотя высказывая такое мнѣніе, авторъ имѣлъ въ виду добрую цѣль — внушить нашимъ ортодоксамъ довѣріе къ сочиненію Маймонида и снять съ него подозрѣніе въ ереси, тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что мнѣніе автора совершенно невѣрно. Маймонидъ несомнѣнно увлекся философіею Аристотеля и очень часто высказывалъ такія мнѣнія, которыя никоимъ образомъ не согласуются съ воззрѣніемъ талмудистовъ. Таковы были, напримеръ, его нападки на грубый антропоморфизмъ, которымъ талмудисты профанировали личность Бога, а также его возвышенныя, чисто софратовскія воззрѣнія на загробную жизнь. Не даромъ же эти и другія тому подобныя мнѣнія вызвали противъ Маймонида ожесточенную борьбу современниковъ и обвиненіе въ ереси со стороны величайшихъ представителей раввинизма. Конечно, еретикомъ могли его считать только тѣ слѣпые и „блуждающіе“, для которыхъ онъ написалъ свой „Путеводитель“; съ точки же зрѣнія чистаго іудаизма его ученіе было неуязвимо. Это-то именно и слѣдовало доказать г. Ростовскому для привлеченія къ Маймониду вѣрующаго народа, а не утверждать то, что противорѣчитъ фактамъ.

Къ счастью, такихъ ошибочныхъ мнѣній встрѣчается сравнительно немного въ объемистой книгѣ г. Ростовскаго, и вообще, какъ мы уже сказали, авторъ разсуждаетъ весьма здраво. Форма книги также не мало способствуетъ ясности и популяризаціи излагаемыхъ въ ней философскихъ и богословскихъ идей. Почти вся книга изложена въ формѣ діалога между двумя собесѣдниками — «Изыскателемъ» (sewakker) и «Вѣрующимъ»

(шаапіп). Изыскатель предлагаетъ вопросы, а Вѣрующій разрѣшаетъ ихъ. Иногда только изложеніе затемняется излишней подробностью и широкостью, но это уже недостатокъ большинства еврейскихъ богословскихъ писателей. Въ общемъ же книга г. Ростовскаго весьма удовлетворительна и заслуживаетъ выдающагося мѣста въ нашей современной богословской литературѣ, пробавляющейся большей частью бесплодною талмудическою казуистикою и пренебрегающей религіозно-философскими изслѣдованіями.

С. М.

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

I.

Уроки исторіи не только поучительны для всѣхъ, умѣющихъ читать ее, но въ то же время, несомнѣнно, производятъ успокаивающее дѣйствіе. Сколько бы ни продолжался застой, онъ неизбежно сменяется поступательнымъ движеніемъ; какъ бы ни было сильно господство человеконенавистничества, оно тѣмъ не менѣе, роковымъ образомъ, вынуждено уступить мѣсто началамъ гуманности. Этому учить насъ, это наглядно показываетъ намъ исторія. Вы измучены зрѣлищемъ звѣрства, хищничества, алчности, беспросвѣтнаго невѣжества, но вы перелистываете нѣсколько страницъ исторіи, переводите взоръ свой съ событій, совершившихся въ теченіи одной четверти вѣка, на то, что совершается въ теченіи ближайшей четверти, и гнетущій васъ кошмаръ исчезаетъ.

Событія жизни народа за годъ — тоже кусокъ исторіи, но слишкомъ низерный для того, чтобы въ немъ отразилась суть исторіи — движеніе, развитіе. Вотъ почему, при обзорѣніи явленій жизни за годъ, васъ поражаетъ однообразіе этихъ явленій, постоянное топтаніе живыхъ двигателей ихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, рѣзко проявляющуюся неспособность выступить изъ заколдованнаго круга. Всѣ явленія, какъ будто, сплошь окрашены въ одну краску, а участвующие въ нихъ люди, не смотря на разнообразіе характеровъ, дѣйствуютъ какъ заведенныя машины, обнаруживаютъ одно и то же настроеніе, составляющее то, что именуется духомъ времени, знаменіемъ его.

Эти строки я считаю нужнымъ предпослать тому краткому и, конечно, далеко не полному обзору явленій изъ жизни русскихъ евреевъ за прошлый годъ. Кусокъ исторіи, именуемый прошлымъ годомъ, несомнѣнно производитъ безотрадное впечатлѣніе; онъ — звѣно той длинной цѣпи, которая

тянется уже нѣсколько лѣтъ и конца-краю которой пока не видно. Но есть же предѣлъ всему, есть предѣлъ и историческимъ періодамъ, проникнутымъ извѣстнымъ характеромъ.

II.

Я уже сказалъ, что прошлый годъ былъ продолженіемъ предшествовавшихъ лѣтъ, по духу и настроенію, какъ въ средѣ, окружающей евреевъ, такъ и въ средѣ самихъ евреевъ. Однимъ изъ наслѣдій, доставшихся 1888 году отъ предшествовавшихъ лѣтъ, были такъ называемыя временныя правила 3-го мая 1882 года и они въ прошломъ году продолжали играть въ жизни русскихъ евреевъ ту же печальную роль, какую они играли въ минувшіе годы.

Я отнюдь не намѣренъ исчерпать здѣсь всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлались изъ правилъ 3-го мая, всѣхъ тѣхъ случаевъ, къ которымъ они примѣнялись: выводы были обильныя, случаи многообразны. На нѣкоторыхъ изъ нихъ я остановлюсь. Еврей живетъ въ деревнѣ 60 лѣтъ; домъ его, построенный на землѣ крестьянина, пришелъ въ ветхость. Онъ арендуетъ землю у другаго крестьянина для постройки новаго дома, куда и намѣренъ переселиться, но такъ какъ на основаніи правилъ 3-го мая евреямъ воспрещено совершеніе арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, то мѣстными властями и постановлено, запретить этому еврею постройку дома. Если бы это постановленіе не было отмѣнено сенатомъ, то еврею, приобрѣвшему право жительства въ деревнѣ, благодаря 60-ти-лѣтнему пребыванію въ ней, оставалось бы жить на открытомъ воздухѣ, или уйти изъ деревни, что, конечно, и требовалось доказать, то есть къ чему собственно и было направлено указанное истолкованіе правилъ 3 го мая.

Впрочемъ, категорически утверждать этого я не стану. Не все то, что у насъ дѣлается, дѣлается сознательно. У насъ вообще привыкли истолковывать законъ, безъ соображенія о томъ, на сколько, при данномъ толкованіи, законъ окажется соответствующимъ здравому смыслу и требованіямъ логики. Повсюду и вездѣ, при истолкованіи законовъ, исходятъ изъ того основнаго положенія, что законы разумны и что ничего противорѣчащаго разуму въ нихъ заключаться не можетъ. Правила 3-го мая 1882 года, дозволяя дальнѣйшее пребываніе въ селахъ тѣмъ евреямъ, которые поселились до изданія этого закона, очевидно, дозволяютъ имъ устраивать для

этой цѣли жилищъ и арендовать земли для постройки жилищъ, или на-
 нимать квартиры. Допускать предположеніе, что законодатель, дозволяя
 евреямъ пребывать въ селахъ, дозволяетъ имъ лишь пребываніе въ об-
 ставшихъ домахъ, или на воздухѣ, значить допускать вопіющую нелѣпность,
 приписывать законодателю изданіе закона, лишеннаго всякаго смысла, чего
 быть не можетъ. Очевидно, что бессмыслица лежитъ не въ законѣ, а въ
 данномъ истолкованіи его, въ беззаботности исполнителей закона насчетъ
 отраженія достоинства его, что, какъ мы уже замѣтили, составляетъ у
 насъ отнюдь не рѣдкое явленіе.

Но бессмыслица бессмылицъ рознь, и есть такія бессмыслицы, которыя
 характеризуютъ данное время, составляютъ его настоящій смыслъ, при-
 ходятся какъ разъ ко двору. Не будь повѣтрія, столь долго свирѣпствующаго,
 о возможно ограничительномъ истолкованіи правъ, предоставленныхъ
 евреямъ, едва-ли, даже при полномъ пренебреженіи къ охраненію смысла
 закона, возможно было бы истолкованіе его, ведущее къ абсурду.

Что повѣтріе это свирѣпствовало въ прошломъ году, какъ и въ ми-
 нушіе годы, видно изъ цѣлаго ряда данныхъ: Одного еврея выселяютъ
 изъ деревни потому, что онъ не представилъ «никакихъ документовъ на
 опредѣленные занятія въ селеніи», какъ будто правилъ 3 мая поставили
 право пребыванія еврея въ селеніи, въ зависимость отъ такого условія.
 Административная власть, въ лицѣ губернскаго правленія, очевидно, счи-
 тала себя въ правѣ внести указанное дополненіе къ закону, ибо смотрѣла
 на пребываніе евреевъ въ селахъ не какъ на общее правило, изъ кото-
 раго сдѣлано исключеніе лишь для тѣхъ, которые желали бы поселиться
 послѣ изданія закона, а какъ на изыатіе, какъ на исключительное право,
 предоставленное немногимъ. При такомъ взглядѣ администраціи, ей при-
 ходится, конечно, всячески фильтровать тѣхъ евреевъ, которые живутъ
 въ селахъ, до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ конечной цѣли, а именно,
 что привилегію будутъ пользоваться одни только избранные. «Опредѣ-
 ленныя занятія» вещь, конечно, полезная, не только для тѣхъ, которые
 живутъ въ селахъ, но и для тѣхъ, которые живутъ въ городахъ, но если
 для пребыванія въ городѣ не требуется представленія формальныхъ до-
 кументовъ, надлежащимъ порядкомъ засвидѣтельствованныхъ, изъ которыхъ
 можно было бы усмотрѣть, чѣмъ данное лицо занимается, то, очевидно,
 что и для пребыванія въ селѣ, предъявленія такихъ документовъ не тре-
 буется.

Другого еврея выселяютъ изъ деревни на томъ основаніи, что въ ре-

гистраціонныхъ спискахъ, составленныхъ чинами полиціи послѣ изданія закона 3 мая, его не оказалось, хотя онъ и представилъ вполне достаточныя доказательства того, что онъ пребывалъ въ деревнѣ до изданія закона. Сенатъ отиѣнилъ это постановленіе, что онъ дѣлаетъ, впрочемъ, уже не въ первый разъ, отиѣнилъ въ виду того, что регистраціонные списки, какъ и вообще статистика, составляемая нашими полицейскими чинами, менѣе всего отличается непогрѣшимостью. Было бы странно, разумѣется, если бы съ данными, собираемыми полицейскими чинами относительно населенія извѣстныхъ мѣстностей, связывалось предоставленіе кому либо, или лишеніе кого либо гражданскихъ правъ.

Мы уже видѣли, что къ праву жительства евреевъ въ селахъ гачинаютъ относиться какъ къ привилегіи, предоставленной немногимъ. Идя послѣдовательно въ этомъ направленіи, можно, конечно, дойти и до того вывода, до котораго дошелъ одинъ изъ мировыхъ судей мозырскаго уѣзда: въ сущности еврей никогда не имѣли-де права селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ и законъ 3 мая «изданъ лишь въ подтвержденіе прежняго закона». Вопросъ только въ томъ, подтвержденіемъ какаго «прежняго» закона является законъ 3 мая? Если рѣчь идетъ о законахъ, предшествовавшихъ 1882 году, то нельзя не признать, вопреки мнѣнію мирового судьи мозырскаго уѣзда, что тогда еще не существовало такихъ постановленій, которыя бы воспрещали жительства евреевъ въ селахъ черты ихъ осѣлости, а напротивъ, существовали постановленія, по которымъ евреямъ дозволялось жить повсюду, не только въ городахъ, но и внѣ городовъ, въ чертѣ ихъ осѣлости. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе почтеннаго представителя мировой юстиціи, не лишено нѣкотораго основанія, ибо въ первой четверти XIX вѣка дѣйствительно существовали постановленія, по которымъ евреямъ воспрещалось жить въ селахъ и предписывалось выселять ихъ оттуда. Это было «немножко давно», но повидимому мировой судья мозырскаго округа, постановляя рѣшеніе, по ошибкѣ, или недосмотру, справлялся им.вно въ этихъ «прежнихъ» законахъ. Ошибка въ данномъ случаѣ несомнѣнная, ибо, хотя законъ 3 мая и находится въ родствѣ съ этими «прежними законами», но въ очень отдаленномъ: тогда евреямъ воспрещалось жить въ селахъ и предписывалось выселять всѣхъ жившихъ тамъ, а правилами 3 мая воспрещается только *снова* селиться. Вотъ тутъ-то и обнаруживается тотъ законъ движенія, развитія, который даетъ намъ историческая перспектива и на который мы указали въ началѣ статьи. Какъ ни ограничены гражданскія права евреевъ правилами 3 мая, но вернуться въ

1882 году вспять до законовъ, дѣйствовавшихъ въ первой четверти нынѣшняго вѣка, объ изгнаніи евреевъ изъ селъ и деревень, оказалось невозможнымъ, такъ что съ этой точки зрѣнія, даже правила 3 мая являются поудатѣльными для тѣхъ, кто умѣетъ читать исторію. Такъ какъ мозырскій мировой судья, повидимому, такихъ умѣльцевъ не обладаетъ, то сенату, конечно, придется вразумить его на этотъ счетъ.

Мы видѣли выше, какъ слѣдуетъ относиться къ регистраціоннымъ спискамъ, составленнымъ послѣ изданія правилъ 3 мая, и какъ къ нимъ относится сенатъ. Иныхъ взглядовъ на этотъ предметъ держится бессарабское губернское правленіе. Не входя въ пререканія съ сенатомъ, губернское правленіе пытается обосновать свое воззрѣніе о непогрѣшимости регистраціонныхъ списковъ теоретически—на данныхъ о психологіи еврейскаго народа. Теорія, выставляемая бессарабскимъ губернскимъ правленіемъ, заключается въ слѣдующемъ: евреи «ничего не пропустятъ для пріобрѣтенія права жить тамъ, гдѣ это имъ выгодно». Такимъ образомъ, если еврей пропущенъ въ регистраціонныхъ спискахъ, то онъ и не числится въ деревнѣ. Таковъ выводъ губернскаго правленія. При всѣхъ моихъ уваженіяхъ къ глубокомыслию бессарабскаго губернскаго правленія, я никакъ не могу связать этого умозаключенія съ главной посылкой. Тезисъ губернскаго правленія заключается въ томъ, что «евреи ничего не пропустятъ и т. д.», а тутъ оказывается, что ихъ пропустили. Затѣмъ, если даже признать, что пропущенные въ спискахъ евреи сами себя пропустили, то изъ этого опять-таки нельзя сдѣлать того вывода, что они не числились, а согласно тезису губернскаго правленія, необходимо признать, что имъ не выгодно жить тамъ, гдѣ по спискамъ ихъ пропустили.

Ясно, что попытка бессарабскаго губернскаго правленія реабилитировать регистраціонные списки оказалась неудачной, не смотря на массу остроумія, затраченнаго на этотъ предметъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ томъ же постановленіи бессарабскаго губернскаго правленія имѣются еще нѣкоторые перлы, заслуживающіе увѣковѣченья. Отвергая показанія, данныя евреями и не-евреями и свидѣтельствовавшими о томъ, что пропущенный въ спискахъ еврей все-таки пребываетъ въ селеніи, губернское правленіе мотивируетъ отрицательное отношеніе свое къ свидѣтельскимъ показаніямъ тѣмъ, что «еврей не покажетъ правды во вредъ своему единовѣрцу, а христіане, кромѣ случаевъ подкуповъ, часто путаютъ лѣтоисчисленіе и говорятъ голословно». Какъ видите, это опять-таки въ немногихъ словахъ цѣлый трактатъ о психологіи евреевъ и христіанъ. Оставляя

въ сторонѣ евреевъ, достаточно уже охарактеризованныхъ тѣмъ же губернскимъ правленіемъ, нельзя не обратить вниманія на характеристику свѣдѣтельскихъ показаній, данныхъ христіанами. Все она, по мнѣнію вѣберскаго правленія, суть результатъ — или подкупа, или невежества, или просто фантазіи, если, разумеется, они даны въ пользу евреевъ, и могутъ быть признаны заслуживающими довѣрія лишь въ томъ случаѣ, когда они направлены противъ евреевъ. Такимъ образомъ Бессарабія произведетъ не только мамалыгу, но и умышленную дичу, пригодную для данного времени.

Мы уклонились, однако, отъ временныхъ правилъ и вернемся къ нимъ лишь на минуту, чтобы указать еще на одинъ случай примѣненія ихъ. Жители мѣстечка Поповцы, Могилевскаго уѣзда, ходатайствовали о переименованіи мѣстечка въ село. Ходатайство уважили и результатомъ его явилось выселеніе евреевъ изъ села Поповцы, все на основаніи тѣхъ же временныхъ правилъ, которыя воспрещаютъ *снова* селиться.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что благочестивое стремленіе лишиться куска хлѣба сотню-другую евреевъ села *сi devant* мѣстечка Поповцы не осуществилось, ибо, сколь ни чреватъ послѣдствіями правила 3 мая, превращеніе мѣстечекъ въ села все-таки не можетъ повліять на судьбы евреевъ, въ смыслѣ повального изгнанія ихъ. Но если къ этой цѣли не могутъ осуществиться дѣйствительныя превращенія мѣстечекъ въ села, то тѣмъ менѣе подобныя послѣдствія могутъ быть связаны съ номинальнымъ превращеніемъ городскихъ поселеній въ сельскія. А такая именно попытка была сдѣлана въ нинувшемъ году. Въ одно прекрасное утро, полицейскимъ чиномъ одного изъ бессарабскихъ городовъ вздумалось провозгласить во всеобщее свѣдѣніе, что отнынѣ посады не суть мѣстечки, а слѣдовательно — не могутъ быть причислены къ городскимъ поселеніямъ. Ergo, евреевъ надо выселить — и выселяли. Но въ то же время нотаріальныя учрежденія, согласно разъясненію кассационнаго департамента, совершали акты укрѣпленія на недвижимыя имущества въ тѣхъ же посадахъ на имя евреевъ. Въ виду пререканія между судебнымъ вѣдомствомъ и администраціей, вопросъ о посадахъ восходилъ на разсмотрѣніе I департамента сената и рѣшенъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что посады и впредь причисляются къ городскимъ поселеніямъ, какъ это было доннынѣ. Считаю нелишнимъ прибавить, что къ этому взгляду сената на посады весьма неодобрительно отнеслась одна изъ петербургскихъ газетъ. Не рискуя стать въ прямую оппозицію сенату, газета весьма «политично» заявила свое не-

удовольствіе, а именно сообщила своимъ читателямъ, что она не вѣрить въ распространеншіеся слухи о будто бы состоявшемся постановленіи: не мѣгъ-де сенатъ издать такое постановленіе, ибо «сенатъ есть хранитель закона, т. е. хранитель правъ, дарованныхъ народу русскому». Все это напечатано въ той же газетѣ, которая довольно ѣдко осмѣяла однородную попытку представителей ярмарочнаго купечества въ Нижнемъ Новгородѣ «пустить критыку» на состоявшееся постановленіе о дозволеніи англичанамъ привозить беспошлинно товары къ устью Енисея. И ярмарочное купечество прикинулось незнающимъ, что постановленіе, которое грозитъ-де отдѣленіемъ Сибири отъ Россіи и присоединеніемъ ея къ Англіи, состоялось. Повторяю, это смѣхотворное заявленіе вызвало насмѣшки со стороны упомянутой газеты, но, повидимому, прихѣръ заразителенъ... Права русскаго народа и разъясненія грамматическаго смысла слова «посадъ!» Между этими предметами и самыми отдаленными послѣдствіями состоявшагося разъясненія—точь-въ-точь такое же соотношеніе, какое существуетъ между беспошлиннымъ привозомъ англійскихъ товаровъ къ устью Енисея и отпаденіемъ Сибири отъ Россіи.

М. Кулишеръ.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛИОТЕКА

О-ва

„И В Р І Я“

Могилевъ губ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. **ЕВРЕЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ.** Шауль Юдичъ Валъ изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Ваторія. (Историческая легенда).
Проф. С. А. Бершадскаго . . . . .
- II. **ДУМА.** Стихотвореніе. С. Г. Фруга. . . . .
- III. **О ЧЕРТЬ ОСЪДЛОСТИ.** О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго чловѣка.
Русскаго. . . . .
- IV. **ГАМЪ-ЗУ-ЛЕТОВО.** Очеркъ захолустной жизни. С. Живова . . .
- V. **ЕВРЕЙ - ГОРЦЫ.** (По поводу соч. «Кавказскіе еврей-горцы»
Ильи Анисимова). А. К-м-и. . . . .
- VI. **БИБЛЕЙСКІЯ МЕЛОДИИ.** Стихотвореніе. Константина Льдова. . .
- VII. **ЦАРЬ СЮНСКИЙ.** Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Носсига. . .
- VIII. **ПОѢЗДКА ВЪ РЕЙМСГЕЙТЪ.** (Отрывокъ изъ воспоминаній объ
Англіи). П. Я. Левенсона. . . . .
- IX. **ИЗЪ ЕВРЕЙСКОЙ СТАРИНЫ.** Два документа по исторіи бѣлорусскихъ евреевъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. С. М. Дубнова.
- X. **ЗАБЛУДШИЙ.** Романъ въ 2-хъ частяхъ. Съ англійскаго. Альмонда.
- XI. **ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛЕСТИНСКАГО ЭМИГРАНТА.** Е. Хисина . .
- XIII. **ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.** Г. Кармелеса. Переводъ
Петра Вейнберга. Съ примѣчаніями А. Я. Гаркави (въ особомъ приложеніи).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- XIV. **БЫТОПИСАТЕЛЬ РУССКАГО ЕВРЕЙСТВА.** Критическій обзоръ беллетристическихъ произведеній Л. О. Леванды. А. Волинскаго.
- XV. **ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.** Фиска хромой. По поводу собранія сочиненій С. М. Абрамовича. М. Г. Моргулиса . . . . .
- XVI. **БИБЛОГРАФІЯ: ЛИКВИДАЦІЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ПРОШЛАГО ГОДА.** С. М.:
- 1) *Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завета.*— Сочиненіе А. П. Лопухина.— С.-Петербургъ, изданіе И. Л. Тузова, 1888 (стр. VIII+431 in 8°). . . . .

- 2) *И. Каблицъ (И. Юзовъ): Основы народничества. Часть I. Второе, дополненное издание. С.-Петербургъ, 1888 (464 стр. in 12°).*
- 3) *למשׁ פנס: Научно-литературный и общественно-промышленный сборникъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Томъ третій. Изданіе С. П. Рабиновича и И. Гурвича. Варшава, 1888 (650 столб. in 4°).*
- 4) *לפנ פנ: Легкомысленная. Разсказъ изъ еврейскаго быта С. Я. Цитрона. Варшава, 1888 (51 стр. in 12°).*
- 5) *Regesten zur Geschichte der Juden im Fränkischen und Deutschen Reiche bis zum Jahre 1273, bearbeitet von Julius Aronius, I Lieferung, Berlin 1887, 64 SS, in gr. 4°. Регесты къ исторіи евреевъ въ франко-германскомъ государствѣ до 1273 г., обработанныя Ю. Ароніусомъ).*
- 6) *Ueber Sitte und Sitten der alten Völker, namentlich der Hebräer, Griechen und Römer. Von Dr. S. Spitzer, Oberrabiner in Essegg. Budapest 1887, 90 S. in 12°. (Объ обычаяхъ и нравахъ древнихъ народовъ—евреевъ, грековъ и римлянъ. Сочиненіе С. Шпитцера, раввина въ Эсsegгѣ).*
- 7) *Le Saint enfant de la Guardia, par Isidore Loeb. Paris, Durlacher, 1888. pp. 32 in 8°. (Святое дитя изъ Гуардіи. Сочиненіе Изидора Лэба).*
- 8) *לחלן פנלן: Да прекратятся возласы. Разборъ сочиненія раввина Рейнеса, содланнаго Анонимомъ. Бердичевъ, 1888 (32 стр. in 8°).*
- 9) *לפנ פנ: Разсуждающій. Сочиненіе А. Ш. Беняменсона. Бердичевъ, 1888 (стр. 110 in 8°).*
- 10) *פנ פנ: Учитель справедливости. Доказательства Божественнаго Провидѣнія по духу нашей веры и согла. по системѣ Маймонида. Сочиненіе Г. М. Ростовскаго. Вильна, 1888 (368 стр. in 4°).*

VII. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. *М. И. Кулишера.*

Поправка. Въ статьѣ С. М. Дубнова «Изъ еврейск. старины», стр. 6 сверху, вмѣсто «1774 года» слѣдуетъ читать «1744 года».

- 3) כנסת ישראל: *Научно литературный и общественно-промышленный сборникъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Томъ третій. Изданіе С. П. Рабиновича и І. Гурвича. Варшава, 1888 (650 столб. in 4°) . . . . .* 55
- 4) יונה פותה: *Легкомысленная. Разказъ изъ еврейскаго быта С. Я. Цимрона. Варшава, 1888 (51 стр. in 12°). . . . .* 59
- 5) *Regesten zur Geschichte der Juden im Fränkischen und Deutschen Reiche bis zum Jahre 1273, bearbeitet von Julius Aronius, I Lieferung, Berlin 1887, 64 SS, in gr. 4°. Регесты къ исторіи евреевъ въ франко-германскомъ государствѣ до 1273 г., обработанныя Ю. Ароніусомъ). . . . .* 61
- 6) *Ueber Sitte und Sitten der alten Völker, namentlich der Hebräer, Griechen und Römer. Von Dr. S. Spitzer, Oberrabiner in Essegg. Budapest 1887, 90 S. in 12°. (Объ обычаяхъ и нравахъ древнихъ народовъ—евреевъ, грековъ и римлянъ. Сочиненіе С. Шпитцера, раввина въ Эсеггъ). . . . .* 62
- 7) *Le Saint enfant de la Guardia, par Isidore Loeb. Paris, Durlacher, 1888. pp. 32 in 8°. (Святое дитя изъ Гуардиѣ. Сочиненіе Изидора Лэба). . . . .* 63
- 8) הקלות יהולון: *Да прекратятся возгласы. Разборъ сочиненія раввина Рейнеса, сдѣланный Анонимомъ. Бердичевъ, 1888 (32 стр. in 8°) . . . . .* 65
- 9) המתבונן: *Разсуждающій. Сочиненіе А. Л. Беняменсона. Бердичевъ, 1888 (стр. 110 in 8). . . . .* 65
- 10) מורה צדק: *Учитель справедливости. Доказательства Божественнаго Провидѣнія по духу нашей вѣры и согласно системѣ Маймонида. Сочиненіе Г. М. Ростовскаго. Вильна, 1888 (368 стр. in 4°). С. М . . . . .* 66
- XVI. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. М. И. Кулишера. . . . .
- 70

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой
Восхода“

	въ Россіи:	за границу.
На годъ съ доставкой и пересылкой	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца.	3 „ — „	3 „ 50 „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя №№ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к. для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналъ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—15 коп. за строчку петита, или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которая можетъ быть выслана почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

5668064

JUL 25 1984

JUN 7 77 AM

WIDENER
BOOK DUE

NOV 3 4 1984

6368032

